МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Известия
Юго-Западного государственного университета
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент

Научный журнал

Том 15 № 2 / 2025

Proceedings
of the Southwest State University
Series: Economics, Sociology and Management

Scientific Journal

Vol. 15 № 2 / 2025

Известия Юго-Западного государственного университета.
Серия: Экономика. Социология. Менеджмент

(Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment)

Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Цель издания – публичное представление научной общественности научных результатов фундаментальных, прикладных, проблемно-ориентированных научных исследований в таких отраслях, как экономические, философские и социологические науки.

Основными разделами журнала являются: тренды мировой и национальной экономики; модернизация и инновационно-технологическое развитие экономики; управление в социально-экономических системах; экономическая политика и механизмы ее реализации; государство и бизнес на пути цифровой трансформации; актуальные проблемы развития региональных социально-экономических систем; экономика и организация деятельности предприятий, отраслей, комплексов; приоритеты развития маркетинговой и логистической деятельности; социально-экономическое прогнозирование и моделирование; институциональные факторы развития экономических систем; проблемы и перспективы развития финансового сектора; трудовые ресурсы и образование; социально-экономические проблемы современного общества; философские исследования природы, общества, человека; научные исследования молодых ученых.

В журнале публикуются оригинальные работы (ранее не опубликованные), в том числе обзорные статьи, рецензии и обсуждения, соответствующие тематике издания.

Целевая аудитория: научные работники, профессорско-преподавательский состав образовательных учреждений, экспертное сообщество, молодые ученые, аспиранты, заинтересованные представители общественности, бизнеса и органов власти.

Журнал придерживается политики открытого доступа. Полнотекстовые версии статей доступны на сайте журнала, научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Журнал индексируется в международной базе данных Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

Журнал включен в перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук, кандидата наук по следующим научным специальностям:

Экономические науки: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Философские науки: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Социологические науки: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Емельянов Сергей Геннадьевич, д-р техн. наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, ректор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бессонова Елена Анатольевна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов Александр Петрович, д-р социол. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Банк Сергей Валерьевич, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Асеева Ирина Александровна, д-р филос. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Буданов Владимир Григорьевич, д-р филос. наук, доцент, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Волохова Наталья Владимировна, д-р филос. наук, доцент, Курский государственный университет (Курск, Россия)

Герасимова Ирина Алексеевна, д-р филос. наук, профессор, Институт философии РАН (Москва, Россия)

Гребенщикова Елена Георгиевна, д-р филос. наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия)

Зотов Виталий Владимирович, д-р социол. наук, профессор, Московский физико-технический институт (национально-исследовательский университет) (Москва, Россия)

Каменева Татьяна Николаевна, д-р социол. наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Каменский Евгений Георгиевич, д-р филос. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Киселев Сергей Викторович, д-р экон. наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кулагина Наталья Александровна, д-р экон. наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Минакова Ирина Вячеславна, д-р экон. наук, профессор, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Налетова Ирина Владимировна, д-р филос. наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Нямдорж Даваахуу, канд. экон. наук, Улан-Баторский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Батор, Монгольская Народная Республика)

Ободец Роман Васильевич, д-р экон. наук, доцент, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Уфа, Россия)

Преображенский Борис Георгиевич, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Воронеж, Россия)

Проняева Людмила Ивановна, д-р экон. наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал (Орел, Россия)

Рисин Игорь Ефимович, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Родионов Дмитрий Григорьевич, д-р экон. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Стефановская Наталия Александровна, д-р социол. наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

Сухарев Олег Сергеевич, д-р экон. наук, профессор, Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Тен Юлия Павловна, д-р филос. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Ткачева Татьяна Юрьевна, д-р экон. наук, доцент, Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Трещевский Юрий Игоревич, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Шелковников Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия)

Яновская Ольга Алексеевна, д-р экон. наук, профессор, Независимое агентство аккредитации и рейтинга (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Адрес учредителя, издателя и редакции
305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94
Телефон: (4712) 22-25-26,
Факс: (4712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ №ФС77-82284 от 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Сайт журнала: https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/

© Юго-Западный государственный университет, 2025

Материалы журнала доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Типография:
Полиграфический центр Юго-Западного государственного университета, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

16+

Подписка и распространение:
журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс журнала 44284
в объединенном каталоге «Пресса России».

Периодичность: один раз в два месяца

Свободная цена.

Оригинал-макет подготовлен А. Е. Джиоевой

Подписано в печать 30.04.2025. Формат 60x84/8.
Дата выхода в свет 14.05.2025.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 33,5.
Тираж 1000 экз. Заказ 16.

Proceedings of the Southwest State University
Series: Economics, Sociology and Management

Peer-reviewed scientific journal

Published since 2011

The purpose of the publication is to publicly present to the scientific community the scientific results of fundamental, applied, problem-oriented scientific research in industries such as economic, philosophical and sociological sciences.

The main sections of the journal are: trends of the world and national economy; modernisation and innovative technological development of economy; management in socio-economic systems; economic policy and mechanisms of its realization; the government and business on the path of the digital transformation; actual problems of regional socio-economic systems development; economics and organization of enterprises, industries, complexes; development priorities of marketing and logistics activities; socio-economic forecasting and modelling; institutional factors of economic systems development; problems and prospects of the financial sector development; human resources and education; socio-economic problems of modern society; philosophical study of nature, society and human; scientific researches of young scientists.

The journal publishes original works (previously unpublished), including review articles, reviews, and discussions relevant to the subject of the publication.

Target audience: scientists, faculty of educational institutions, expert community, young scientists, graduate students, interested representatives of the public, business and government.

The magazine adheres to an open access policy. Full-text versions of articles are available on the website of the journal, the scientific electronic library eLIBRARY.RU. The journal is indexed in the international database Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory).

The journal is included in the list of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Science, Candidate of Science (Ph.D) in the following scientific specialties should be published:

Economic sciences: 5.2.2; 5.2.3; 5.2.6; 5.2.1; 5.2.4; 5.2.5.

Philosophical sciences: 5.7.2; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8.

Sociological sciences: 5.4.2; 5.4.4; 5.4.6; 5.4.7.

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey G. Yemelyanov, Doctor of Engineering Sciences, Professor, a Holder of the Russian Government Prize in the Field of Science and Engineering, Rector of the Southwest State University (Russia, Kursk)

DEPUTY EDITOR

Bessonova Elena Anatolyevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Aleksandr P. Abramov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Sergey V. Bank, Doctor of Economics, Professor, MIREA-Russian Technological University (Moscow, Russia)

Irina A. Aseyeva, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Vladimir G. Budanov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Irina A. Gerasimova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Tatyana N. Kameneva, Doctor of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena G. Grebenshchikova, Doctor of Philosophy, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Evgeny G. Kamensky, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Sergey V. Kiselev, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Natalia A. Kulagina, Doctor of Economics, Professor, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russia)

Irina V. Minakova, Doctor of Economics, Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Irina V. Naletova, Doctor of Philosophy, Professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)

Nyamdorzh Davaahuu, Candidate of Economics, Ulan Bator Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Ulan Bator, Mongolian People's Republic)

Roman V. Obodets, Doctor of Economics, Associate Professor, Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia

Boris G. Preobrazhensky, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh, Russia)

Lyudmila I. Pronyaeva, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management – Branch (Orel, Russia)

Igor E. Risin, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Dmitry G. Rodionov, Doctor of Economics, Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Natalia A. Stefanovskaya, Doctor of Sociology, Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia)

Sergey A. Shelkovnikov, Doctor of Economics, Professor, Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russia)

Oleg S. Sukharev, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yulia P. Ten, Doctor of Philosophy, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Tatyana Yu. Tkacheva, Doctor of Economics, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia)

Yuri I. Treshchevsky, Doctor of Economics, Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Natalia V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

Vitalij V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University) (Moscow, Russia)

Olga A. Yanovskaya, Doctor of Economics, Professor, Independent Agency of Accreditation and Rating (Nursultan, Republic of Kazakhstan)

Founder and Publisher :
"Southwest State University"
Official address of the Founder, Publisher and Editoriat Office:
305040, Russia, Kursk, ul. 50 Let Oktyabrya, 94
Phone: (+74712) 22-25-26,
Fax: (+74712) 50-48-00.
E-mail: rio_kursk@mail.ru

The Journal is officially registered by:
The Federal Supervising Authority in the Field of Communication, Information Technology and Mass media (PI №FS77-82284 of 23.11.2021).

ISSN 2223-1552 (Print)
DOI Prefix: 10.21869

Web-site: https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/

© Southwest State University, 2025

(cc) BY Publications are available in accordance with the Creative Commons Attribution 4.0 License

Printing office:
Printing Center
of the Southwest State University,
305040, Russia, Kursk,
ul. 50 Let Oktyabrya, 94

Subscription and distribution:
the journal is distributed by subscription.
Subscription index 44284 in the General Catalogue "Pressa Rossii"

Frequency: once in two months

Free-of-control price.

Original lay-out design: A. E. Djioeva

Sent to the printer 30.04.2025. Format 60x84/8.

Release date 14.05.2025.

Offset paper. Printer's sheets: 33,5.

Circulation 1000 copies. Order 16.

16+

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ 10

Управление инновационной политикой региона в условиях технологической трансформации 10

Ершова И. Г., Мищинская В. О., Гусельникова Л. Н.

Инновационные подходы к государственному аудиту в сфере обеспечения финансовой устойчивости региона 24

Рыкунова В. Л., Агеева П. А.

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 39

Проблемы организационного развития предприятий машиностроительного комплекса условиях цифровизации 39

Тронина И. А., Татенко Г. И.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ 58

Анализ развития малого и среднего предпринимательства в системе факторов обеспечения инвестиционной привлекательности регионов 58

Кулагина Н. А.

Экономическая оценка инновационного потенциала регионов Центрального федерального округа: региональное неравенство 75

Аллабян М. Г., Жахов Н. В.

Сценарное управление социально-экономическим развитием регионов с учетом маятниковой трудовой миграции 88

Положенцева Ю. С.

Сегментация наукоемкого локального рынка: научно-методические подходы и прикладные решения 102

Прядко С. Н.

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ 115

Детализация результатов оценки эффективности осуществления переданных полномочий в сфере лесных отношений: ресурсно-экономический подход 115

Бурмистров А. М., Зиновьева И. С.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ 127

Классификация и оценка институциональных факторов развития экономики региона 127

Ободец Р. В., Ободец Я. В.

Построение товарного рынка: инфраструктура и конъюнктура 139

Гутникова О. Н.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 155

От мультпредпочтений дошкольников и их родителей к трансляции культуры в деталях (социологическая рефлексия) 155

Уварова Е. В., Гримов О. А., Килимова Л. В.

К вопросу о совершенствовании образовательного развития курсантов в военных институтах 168

Быченко Ю. Г., Баландина Т. М.

Цифровая культура в современном информационном обществе 177

Тишина О. А.

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ, ОБЩЕСТВА, ЧЕЛОВЕКА 188

Видеоигра как форма моделирования социальной реальности 188

Килимова Л. В., Черкашин М. Д.

Феномен буллинга и его последствия: социально-философский дискурс 199

Белкина В. А., Гримов О. А., Пашутко Д. С.

Социокультурные, технологические и идеологические предпосылки актуализации фриланса в современном обществе 212
Афанасьева В. А., Асеева И. А.

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ..... 223

Формирование системы обеспечения экономической безопасности на основе разработки мер по оказанию экстренной помощи туристам 223
Ершов Н. Ю., Фраймович А. Д., Колосова М. С.

Роль системы межрегионального взаимодействия в пространственном развитии национальной экономики..... 233
Елистратов Г. М., Козьева И. А.

Подходы к оценке цифровой зрелости рынка медицинских услуг 246
Зубатов М. А.

Офсетный контракт как эффективная форма государственно-частного партнерства в медицинской промышленности..... 257
Проскуряков А. Л.

Совершенствование управления устойчивостью бизнеса в контексте цифровой трансформации..... 268
Сметанин А. С.

Неоднородность региональной инфляции и ее значение для денежно-кредитной политики..... 276
Худобородов С. М.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 288

CONTENT

MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY 10

Management of regional innovation policy in the context of technological transformation..... 10
Irina G. Ershova, Valeria O. Mishchinskaya, Liliya N. Guselnikova

Innovative approaches to state audit in the field of ensuring financial stability of the region 24
Valentina L. Rykunova, Polina A. Ageeva

THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION..... 39

Problems of organizational development of machine-building enterprises in the context of digitalization 39
Irina A. Tronina, Galina I. Tatenko

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO- ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT 58

Analysis of the development of small and medium-sized enterprises in the system of investment support factors attractiveness of the regions..... 58
Natalia A. Kulagina

Economic assessment of the innovation potential of the Central Federal District regions: regional inequality 75
Maxim G. Allabyan, Nikolai V. Zhakhov

Scenario management of socio-economic development of regions taking into account pendulum labor migration ... 88
Yulia S. Polozhentseva

Segmentation of the knowledge-intensive local market: scientific and methodological approaches and applied solutions..... 102
Svetlana N. Pryadko

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES..... 115

Detailing the results of the assessment of the effectiveness of the implementation of delegated powers in the field of forest relations: a resource-economic approach..... 115
Alexey M. Burmistrov, Irina St. Zinovieva

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT 127

Classification and assessment of institutional factors of regional economic development 127
Roman V. Obodets, Yana V. Obodets

Building a commodity market: infrastructure and market conjuncture..... 139
Olga N. Gutnikova

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL DEVELOPMENT 155

From the cartoon preferences of preschoolers and their parents to the transmission of culture in detail (sociological reflection) 155
Elena V. Uvarova, Oleg A. Grimov, Lyudmila V. Kilimova

On the question of improving the educational development of cadets in military institutes 168
Yuriy G. Bychenko, Taisiya M. Balandina

Digital culture in the modern information society..... 177
Olga A. Tishina

PHILOSOPHICAL STUDY OF NATURE, SOCIETY AND HUMAN..... 188

Video game as a form of modeling social reality 188
Lyudmila V. Kilimova, Mikhail D. Cherkashin

The bullying phenomenon and its consequences: socio-philosophical discourse..... 199
Victoria A. Belkina, Oleg A. Grimov, Darya S. Pashutko

Socio-cultural, technological and ideological prerequisites for the actualization of freelancing in modern society... 212
Valeria A. Afanasyeva, Irina A. Aseeva

SCIENTIFIC RESEARCHES OF YOUNG SCIENTISTS 223
Formation of an economic security system based on the development of measures to provide emergency assistance to tourists 223
Nikolay Yu. Ershov, Angelina D. Fraymovich, Maria S. Kolosova
The role of the inter-regional cooperation system in the spatial development of the national economy 233
Gregory M. Elistratov, Irina A. Kozyeva
Approaches to assessing the digital maturity of the medical services market 246
Mikhail A. Zubatov
Offset contract as an effective form of public-private partnership in the medical industry 257
Alexander L. Proskuryakov
Improvement of business sustainability management during digital transformation 268
Anton S. Smetanin
Heterogeneity of regional inflation and its importance for monetary policy 276
Stanislav M. Khudoborodov
INFORMATION FOR AUTHORS 288

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

MODERNISATION AND INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF ECONOMY

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.47

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-10-23

CC BY 4.0

Управление инновационной политикой региона в условиях технологической трансформации

И. Г. Ершова[1] ✉, В. О. Мищинская[1], Л. Н. Гусельникова[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ershovairgen@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В современных условиях, когда трансформация экономических и социальных систем происходит с беспрецедентной скоростью, эффективная инновационная политика региона становится обязательным условием для любой страны, стремящейся к устойчивому развитию.*

Государственная политика в области инноваций региона – это один из элементов социально-экономической стратегии, который отражает позицию государства по отношению к инновациям, определяет цели, векторы и методы работы государственных органов в сфере науки, технологий и практического применения научных достижений.

Цель *исследования – анализ региональной инновационной политики, выявление ключевых факторов, влияющих на инновационное развитие региона.*

Задачи *– разработка рекомендаций по улучшению инновационной инфраструктуры и поддержке инновационной деятельности на региональном уровне.*

Методология. *В процессе исследования использовались такие общенаучные методы, как анализ и синтез, классификация, группировка, а также экономико-статистические методы.*

Результаты. *В статье представлена сущность инновационной политики региона как части социально-экономической стратегии государства, рассмотрены виды государственной поддержки регионального инновационного развития. Выявлено, что проблема инновационной политики региона волнует многих исследователей. В работе проведена классификация подходов к оценке инновационного развития региона, разработан методический подход оценки уровня инновационного развития региона, наглядно представлен пример расчета индикаторов. Отмечено, что организационно-экономический инструментарий реализации инновационной политики региона представляет собой сложный комплекс мер, направленных на координацию, стимулирование и развитие инновационной среды. Для этого выявлена роль координационно-инновационного центра в региональной инновационной политике.*

Выводы. *Государственная политика в области инноваций региона является частью социально-экономической стратегии и охватывает экономические, организационные, правовые, информационные и социально-психологические аспекты. Государство оказывает финансовую, консультационную и информационную поддержку региональному инновационному развитию.*

Ключевые слова: *инновации; инновационная деятельность; регионы; инновационная политика; инновационная политика региона.*

© Ершова И. Г., Мищинская В. О., Гусельникова Л. Н., 2025

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Ершова И. Г., Мищинская В. О., Гусельникова Л. Н. Управление инновационной политикой региона в условиях технологической трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 10–23. https:// doi.org/ 10.21869/2223-1552-2025-15-2-10-23

Поступила в редакцию 17.02.2025 Принята к публикации 14.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Management of regional innovation policy in the context of technological transformation

Irina G. Ershova[1] ✉, Valeria O. Mishchinskaya[1], Liliya N. Guselnikova[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ershovairgen@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In modern conditions, when the transformation of economic and social systems occurs at an unprecedented speed, an effective innovation policy of the region becomes a prerequisite for any country striving for sustainable development.*

State policy in the field of regional innovations is one of the elements of the socio-economic strategy, which reflects the position of the state in relation to innovations, determines the goals, vectors and methods of work of state bodies in the field of science, technology and practical application of scientific achievements.

The purpose *of the study is to analyze the regional innovation policy, identify the key factors influencing the innovative development of the region.*

The objectives *is development of recommendations for improving the innovation infrastructure and supporting innovation activities at the regional level.*

Methodology. *In the course of the study, such general scientific methods as analysis and synthesis, classification, grouping, as well as economic and statistical methods were used.*

Results. *The article presents the essence of the regional innovation policy as part of the socio-economic strategy of the state, and considers the types of state support for regional innovative development. It was revealed that the problem of the regional innovation policy worries many researchers. The paper classifies approaches to assessing the innovative development of a region, develops a methodological approach to assessing the level of innovative development of a region, and clearly presents an example of calculating indicators. It is noted that the organizational and economic tools for implementing the regional innovation policy are a complex set of measures aimed at coordinating, stimulating and developing the innovative environment. For this purpose, the role of the coordination and innovation center in regional innovation policy is identified.*

Conclusions. *State policy in the field of regional innovation is part of the socio-economic strategy and covers economic, organizational, legal, informational and socio-psychological aspects. The state provides financial, consulting and informational support for regional innovative development.*

Keywords*: innovation; innovation activity; regions; innovation policy; regional innovation policy.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ershova I.G., Mishchinskaya V.O., Guselnikova L.N. Management of regional innovation policy in the context of technological transformation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):10–23. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-10-23

Received 17.02.2025 Accepted 14.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

В условиях глобализации и стремительного технологического прогресса инновационная политика – важнейший инструмент для повышения конкурентоспособности стран, регионов и предприятий. Она включает ряд мероприятий, направленных на поддержку и развитие научных исследований, внедрение новых технологий и создание условий, способствующих инновационному предпринимательству. Инновационная политика не только стимулирует экономический рост, но и значительно влияет на решение социальных и экологических проблем, способствуя улучшению качества жизни людей [1].

Инновационная политика региона – это часть социально-экономической стратегии государства, которая включает в себя научную и технологическую составляющие [2].

Существует три вида государственной поддержки регионального инновационного развития.

Информационная поддержка включает в себя создание системы, которая обеспечивает обмен информацией между разработчиками инновационных продуктов, отечественными и зарубежными инвесторами.

В некоторых регионах регулярно проводятся мероприятия, такие как «круглые столы», выставки и форумы. Их цель – предоставить предпринимателям информацию о возможностях для роста и развития бизнеса, которые предоставляют инновационные компании. Также на этих мероприятиях рассказывают о мерах федеральной и региональной поддержки.

Консультационная поддержка предоставляется всем, кто заинтересован в реализации инноваций. Например, в Воронежской области специалисты Агентства по инновациям и развитию консультируют по вопросам создания и развития инновационного бизнеса, привлечения инвестиций и получения государственной поддержки [3].

Система финансовой поддержки включает в себя различные гранты и субсидии.

Одним из основополагающих аспектов государственной поддержки инновационных начинаний на уровне субъектов федерации является формирование инновационной инфраструктуры [4].

Региональные органы власти активно содействуют развитию технопарков, бизнес-инкубаторов и сетей центров коллективного пользования, предоставляющих консультационные и иные услуги инновационным предприятиям.

Развитие потенциала Русского Севера, в т. ч. за счет инноваций, – одно из актуальных направлений национальной политики РФ. Мурманская область как субъект занимает значительное стратегическое и геополитическое положение. Из порта Мурманск начинается Северный морской путь – важнейшая водная магистраль, связывающая Атлантику и Тихий океан. Регион обладает значительными запасами полезных ископаемых и является главным поставщиком апатитового, нефелинового и бадделеитового концентратов, обеспечивает добычу 10% железной руды. Мурманская область является крупнейшим поставщиком таких биоресурсов, как рыба. Энергосистема региона производит до 1,6% электроэнергии, в т. ч. и на экспорт. По данным на 2024 г., Мурманская область занимает 58 место в рейтинге субъектов России по индексу «Научно-технический потенциал», который включает развитие кадровых, финансовых и материально-технических ресурсов, публикационную и патентную активность. Данный результат говорит о ряде проблем в регионе. Одной из таких является традиционно сложившаяся ресурсодобывающая направленность экономики субъекта. Другая проблема – результат непрерывного сокращения населения за счет его оттока – связана с сокращением количества участников научного процесса – исследователей.

Для реализации региональной политики в инновационной сфере на законодательном уровне был принят закон Мурманской области от 31.05.2004 г. № 484-01-ЗМО «Об инновациях и инновационной деятельности в Мурманской области», который определяет основными задачами государственной поддержки инновационной деятельности создание «стимулов и условий для развития инновационной деятельности на территории» [5]. Государственная поддержка инновационной деятельности оказывается в целях модернизации экономики, обеспечения конкурентоспособности производимых в Мурманской области товаров, работ и услуг на российском и мировом рынках, улучшения качества жизни населения.

Главная цель региональной инновационной политики – повысить конкурентоспособность экономики за счёт развития научного потенциала и его эффективного использования в базовых отраслях и системах жизнеобеспечения Мурманской области. В региональной инновационной политике Мурманской области можно выделить следующие направления:

– развитие нефтегазового сектора;

– модернизация энергосистемы и развитие новых энергоресурсов;

– безопасность в сфере хранения и утилизации радиоактивных отходов, развитие радиогеоэкологии;

– развитие рыбного и рыбообрабатывающего сектора;

– развитие нанотехнологий в сфере производства монокристаллов, керамик и сплавов со специальными свойствами;

– создание и развитие инновационных зон, техно- и промышленных парков для предоставления услуг предприятиям в рамках реализации инновационных проектов.

Современным инновационным проектам, реализованным в регионе, можно считать внедрение технологии «Электронного промыслового журнала», которая позволяет определить местоположение и промысловую деятельность рыболовных судов.

Инновационный экспертный центр «Арктика» в акватории озера Малый Вудъявр планируют готовить специалистов для работы в условиях Арктики, в т. ч. редких профессий, таких как подводный сварщик и оператор подводного робота. Запуск проекта намечается на конец 2024 г.

Также правительство Мурманской области вводит стимулирующие законодательные механизмы, направленные на развитие современных технологий по добыче и глубокой переработке сырья. Например, для предприятий, реализующих проекты по созданию новых производственных мощностей и модернизации действующих, предусмотрены льготы по налогу на прибыль и налогу на имущество.

Несколько лет в регионе реализуется стратегия «На Севере – жить», направленная на развитие научной деятельности [6]. В рамках этой стратегии предусмотрены меры поддержки молодых учёных и исследователей, включая систему грантов, премий и стипендий. За последние пять лет финансирование этих программ из регионального бюджета увеличилось в 40 раз. В текущем году планируется направить около 89,5 млн руб. на поддержку научной деятельности. Кроме того, предусмотрена компенсация расходов на аренду жилья для молодых учёных, переехавших в регион, в размере до 25 тыс. руб. Следует отметить, что наличие в регионе собственного потенциала фундаментальной и прикладной науки как основного компонента национальной инновационной системы является конкурентным преимуществом региона.

Материалы и методы

Проблема инновационной политики региона волнует многих исследователей. В работах О. В. Асеева [7], К. Ф. Тышкевич [8], О. В. Остимука [9] анализируется инновационная среда Курской области, включая экономические проблемы и пер-

спективы региона. Е. О. Селютина [10] и И. Г. Ершова [11] также уделили внимание исследованию уровня инновационной активности региона и анализу его активности. Изучение инновационного развития экономики России и проблем проводят Э. В. Ситникова, О. В. Реутова [12]. Факторы, оказывающие воздействие на инновационное развитие экономики, изучают И. Н. Третьякова, Н. Ю. Ершов, Е. А. Богданова, Н. С. Казаков [13]. Исследование особенностей рынка инновационных технологий и его роль в региональной экономике проведено в работе А. А. Николенко, Е. С. Беляева, О. В. Емельянова [14]. Оценкой инвестиционной привлекательности аграрного региона занимались Т. С. Колмыкова, А. В. Сысоев [15]. Влияние инновационных технологий на улучшение экологической ситуации в РФ рассмотрено исследователями А. С. Обуховой, Е. Р. Щербаченко, А. С. Лазаревым, К. А. Климовой [16]. Е. А. Мерзлякова, А. Ю. Овчинникова оценили роль инвестиционной компоненты в инновационном развитии территорий [17]. Исследование инновационной активности в повышении инвестиционной привлекательности региона проводилось группой исследователей: К. И. Свеженцевой, И. В. Лобановым, Т. С. Колмыковой [18]. Формированием критериев оценки регионального развития цифровых технологий в инновационной экономике занимались ученые П. В. Коваленко, И. М. Барков, И. Г. Ершова [19].

Результаты и их обсуждение

В настоящее время сложно принять единую модель оценки развития инноваций в регионах страны в силу различных особенностей их структуры [20].

На рисунке 1 представлена методика расчета регионального инновационного индекса, разработанная Независимым институтом социальной политики [21].

Методический подход к оценке уровня инновационного развития региона обеспечивает систематический и комплексный анализ состояния инновационной среды. Выделим основные этапы (табл. 1).

Последовательность этапов – от постановки целей до выработки рекомендаций – позволяет учитывать региональные особенности и адаптировать подход под конкретные условия.

Примеры индикаторов, такие как количество патентов, объем финансирования НИОКР и число технопарков (табл. 2), наглядно демонстрируют практическую применимость метода.

Применение данного подхода позволяет выявить сильные и слабые стороны инновационного развития региона и на этой основе предложить меры для его улучшения. Например, анализ может выявить необходимость увеличения финансирования научных центров или создания новых технопарков, что способствует повышению конкурентоспособности и стимулирует инновации.

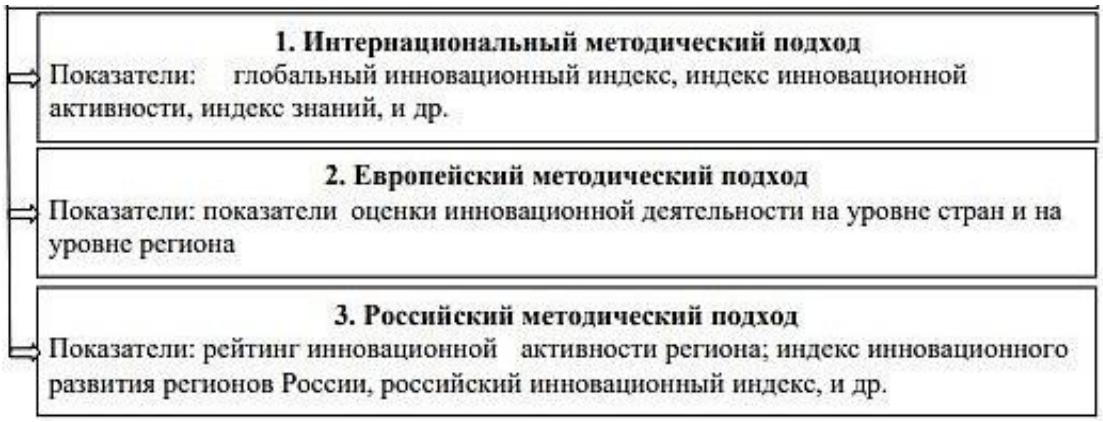

Рис. 1. Классификация подходов к оценке инновационного развития региона

Таблица 1. Методический подход оценки уровня инновационного развития региона

Показатель	Описание	Пример применения
1. Определение целей и задач	Установление целей оценки инновационного развития региона и ключевых задач, которые необходимо решить	Цель – определить влияние инноваций на экономический рост региона
2. Выбор индикаторов	Определение набора показателей, которые будут характеризовать инновационное развитие	Индикаторы: количество патентов, объем инвестиций в инновации
3. Сбор данных	Сбор статистических данных из открытых источников, анкетирование предприятий, использование аналитических баз	Источники: Росстат, отчеты региональных министерств
4. Анализ нормативной базы	Изучение региональных программ и стратегий, направленных на развитие инноваций	Анализ программы «Цифровой регион» в Самарской области
5. Метод анализа данных	Выбор подхода для анализа (например, SWOT-анализ, метод бенчмаркинга, кластерный анализ)	Метод бенчмаркинга для сравнения с регионом-лидером
6. Оценка ключевых факторов	Определение сильных и слабых сторон региона в области инноваций	Сильные стороны: высокий уровень образовательной инфраструктуры
7. Разработка рекомендаций	Формирование рекомендаций для улучшения инновационного развития региона	Предложение увеличить финансирование научных центров

Таблица 2. Пример расчета индикаторов

Индикатор	Описание	Пример значения (на 2024 год)
Количество зарегистрированных патентов	Отражает активность инновационного сектора	Сколько всего патентов было зарегистрировано по области
Уровень финансирования НИОКР	Доля бюджета региона, направленная на НИОКР	Какой процент от регионального бюджета
Число технопарков	Отражает инфраструктуру для инноваций	Количество технопарков по области
Число стартапов	Количество инновационных компаний	Количество стартапов по области

Методология позволяет проводить расчеты с использованием показателей официальной статистики, отражающих развитие научно-технического потенциала региона, факторов производства и научно-технического потенциала, функционирование инновационной инфраструктуры и региональной инновационной политики. Используя методы корреляционного и регрессионного анализов, можно получить модели, упрощающие ранжирование регионов и дающие качественные характеристики их инновационного развития. Многофакторная оценка позволяет объективно понять сильные стороны региона и наметить пути дальнейшего развития [22].

Одним из ключевых аспектов разработки инструментария является создание эффективной системы управления региональными инновациями. Центральным элементом становится координационно-инновационный центр, который выступает платформой взаимодействия между органами власти, научными организациями, предприятиями и инвесторами. Такие центры уже успешно функционируют в ряде регионов России. Например, технопарки в Сколково или Иннополисе представляют собой примеры интеграции науки и бизнеса в рамках общей стратегии региональной инновационной политики. Эти структуры не только координируют научно-исследовательскую дея-

тельность, но и предоставляют инфраструктуру для стартапов, доступ к венчурному финансированию и экспертизе.

Экономические инструменты включают в себя налоговые льготы, субсидии и разработку региональных программ грантовой поддержки. Например, в Новосибирской области разработана программа субсидирования затрат на внедрение новых технологий на предприятиях малого и среднего бизнеса. Аналогичные меры приняты в Татарстане, где региональный бюджет активно поддерживает внедрение ИТ-решений в традиционных отраслях. Эти меры снижают стоимость инноваций и делают их более привлекательными для бизнеса.

Важную роль в реализации инновационной политики играют современные образовательные программы, ориентированные на подготовку высокотехнологичных специалистов. Примером может служить сотрудничество вузов и крупных предприятий, реализуемое в Томской области, в рамках которого студенты технических вузов проходят практику и стажировку на предприятиях, внедряющих инновационные решения.

Кластерный подход является еще одним важным инструментом. Формирование инновационных кластеров позволяет объединять предприятия, образовательные учреждения, научные организации и органы власти в рамках единой стратегии. Например, фармацевтический кластер Калужской области стал одним из ведущих в России, где совместными усилиями участников создаются новые препараты и технологии, ориентированные как на внутренний, так и на международный рынки [23].

Организационно-экономический инструментарий реализации инновационной политики региона представляет собой сложный комплекс мер, направленных на координацию, стимулирование и развитие инновационной среды.

Координационно-инновационные центры (КИЦ) выступают важными инструментами для управления и регуляции взаимодействия между государственными органами, научными учреждениями и бизнесом.

Координационно-инновационный центр – это субъект инновационной инфраструктуры, объединяющий усилия органов местного самоуправления, научно-технических и образовательных предприятий и бизнес-сектора для ускорения применения научно-технических достижений в целях реализации стратегических направлений развития образования на определенной территории и перехода экономики на путь инновационного роста.

Реализация региональной инновационной политики должна быть направлена на координацию усилий по созданию инновационной инфраструктуры, развитию инновационного предпринимательства и совершенствованию взаимодействия региональных администраций с существующими компонентами инновационной инфраструктуры – научно-образовательными центрами, инфраструктурами финансирования инноваций и инновационными предприятиями. Практическая значимость КИЦ проявляется в ускорении внедрения инноваций в экономику и повышении конкурентоспособности регионов. Например, в Калужской области деятельность центра позволила внедрить технологии зеленой энергетики, поддерживая малый и средний бизнес через субсидии и консультации. В Санкт-Петербурге КИЦ помог объединить усилия университетов и промышленных предприятий в создании высокотехнологичной продукции. Таким образом, такие центры не только способствуют формированию благоприятной инновационной экосистемы, но и решают социально-экономические задачи, привлекая инвестиции и создавая рабочие места.

В современных условиях успешное развитие регионов невозможно без внедрения инноваций, которые становятся основным фактором устойчивого экономического роста и конкурентоспособно-

сти. Для эффективного взаимодействия органов и организаций региональной инновационной политики необходим координационный механизм, способный объединить их усилия. Ключевую роль в этом играют КИЦ, которые обеспечивают связь между государственными структурами, бизнесом и научным сообществом.

Основная задача этих центров – разработка и реализация региональных инновационных стратегий. Они обеспечивают координацию между органами государственной власти, компаниями и образовательными учреждениями и создают условия для совместной работы над инновационными проектами. Например, КИЦ может выступать в качестве посредника при распределении грантов, предоставляя организациям доступ к финансированию и обеспечивая органы власти инструментами для контроля за использованием средств.

С другой стороны, координационные и инновационные центры способствуют передаче технологий, поддерживая исследования и содействуя коммерциализации. Через такие центры компании могут узнать о новейших разработках, а академические институты получают доступ к реальным производственным проблемам. В результате получается взаимовыгодное сотрудничество, в ходе которого наука решает практические проблемы, а промышленность получает конкурентные преимущества.

Реализация региональной инновационной политики должна быть направлена на координацию усилий по созданию инновационной инфраструктуры, развитию инновационного предпринимательства и улучшению взаимодействия региональных администраций с существующими компонентами инновационной инфраструктуры – исследовательскими и образовательными центрами, инфраструктурой финансирования инноваций и инновационными компаниями.

В инновационно-активных регионах с развитой инновационной инфраструктурой, высокотехнологичными предприятиями, научными и образовательными организациями необходимо реализовывать проекты инновационных центров, объединяющих имеющиеся в таких регионах объекты федеральной и региональной образовательной, научной и инновационной инфраструктуры. Элементом координации региональной деятельности в области поддержки и стимулирования инновационной активности должны стать стратегии социально-экономического развития регионов, в которых должны быть согласованы по срокам и финансовым ресурсам инициативы, имеющие, в том числе, межрегиональное значение.

Еще одна важная задача КИЦ – подготовка кадров для инновационной экономики. Центры могут организовывать учебные курсы, семинары и стажировки, позволяющие квалифицированным работникам осваивать новые технологии и внедрять их в производство. Таким образом, регионы получают высококвалифицированные кадры, способные разрабатывать и внедрять инновационные идеи.

Эффективность работы координационно-инновационных центров во многом зависит от их организационной структуры и финансирования. Для успешной работы таких центров необходима поддержка государства и активное участие бизнес-сообщества. Не менее важна нормативно-правовая база, обеспечивающая прозрачность их деятельности и способствующая участию заинтересованных сторон.

Функции и направления деятельности КИЦ представлены ниже (табл. 3).

Координационно-инновационный центр может выступать в качестве связующего звена между органами власти и организациями и способствовать развитию региональной инновационной политики.

Они проводят мониторинг состояния инновационной среды, разрабатывают стратегии поддержки бизнеса, внедряют современные технологии и образовательные программы.

Таблица 3. Роль координационно-инновационного центра в региональной инновационной политике

Направление взаимодействия	Функции центра	Примеры реализации	Ожидаемые результаты
Анализ и мониторинг	Сбор и анализ данных о текущем состоянии инновационной среды региона	Проведение мониторинга востребованности IT-стартапов в регионе и составление отчетов для органов власти	Определение перспективных направлений поддержки инноваций
Образовательная деятельность	Организация обучения для организаций и специалистов	Проведение семинаров по цифровым технологиям для малого и среднего бизнеса	Повышение квалификации специалистов и внедрение инноваций в работу
Финансирование инноваций	Привлечение инвестиций и распределение региональных субсидий	Организация грантовой поддержки для проектов в сфере альтернативной энергетики	Ускорение реализации проектов, снижение финансовой нагрузки
Консультационная поддержка	Консультации для организаций по участию в госпрограммах	Проведение консультаций по участию в программе «Сколково» для IT-компаний региона	Увеличение числа компаний, участвующих в федеральных проектах
Партнерство и сетевое взаимодействие	Содействие в установлении связей между участниками инновационного процесса	Организация форума «Инновации и регионы» с участием предприятий, университетов и НКО	Создание сетевых партнерств, обмен опытом, запуск совместных проектов
Поддержка стартапов	Разработка и внедрение программ акселерации для начинающих команд	Организация акселерационной программы для стартапов в области робототехники	Выход стартапов на рынок, привлечение инвесторов
Развитие инфраструктуры	Поддержка создания технопарков и инновационных центров	Строительство технопарка для IT-компаний в регионе	Повышение доступности инфраструктуры для компаний
Пропаганда инновационной культуры	Популяризация инновационной деятельности среди населения	Проведение конкурса «Лучший инновационный проект региона»	Повышение интереса к инновациям, вовлечение молодежи

Например, в Новосибирской области ЦИК координирует деятельность технопарка Академгородка, который поддерживает стартапы в области биотехнологий и IT и позволяет региону играть ведущую роль в инновационном развитии.

В Татарстане инновационный центр «Иннополис» стал важной площадкой для разработки программного обеспечения и привлечения инвестиций, предоставляя резидентам гранты и доступ к передовым лабораториям. Таким образом, координационно-инновационные центры выполняют важную функцию в управлении региональной инновационной политикой.

Выводы

Инновационная политика в эпоху глобализации и технологического прогресса важна для повышения конкурентоспособности стран, регионов и предприятий, включая поддержку научных исследований, внедрение новых технологий и создание условий для инновационного предпринимательства.

Главная цель инновационной политики Мурманской области – повысить конкурентоспособность экономики за

счёт развития научного потенциала и его эффективного использования в базовых отраслях и системах жизнеобеспечения. Региональная инновационная политика субъекта реализуется в таких актуальных сферах, как нефтегазовый сектор, энергетика, радиогеоэкология, рыбно-промышленный комплекс, нанотехнологии, инновационные зоны и инфраструктура. Данные направления являются характерными для региона в силу сложившихся экономических, географических, социальных и других факторов.

Методический подход к оценке уровня инновационного развития региона обеспечивает комплексный анализ состояния инновационной среды. Применение этого подхода позволяет выявить сильные и слабые стороны и предложить меры для улучшения инновационного развития региона, например увеличение финансирования научных центров или создание технопарков. Методология включает использование показателей официальной статистики, корреляционного и регрессионного анализов для ранжирования и характеристики регионов.

Ключевым аспектом является создание координационно-инновационного центра для взаимодействия между органами власти, научными организациями и бизнесом. Экономические инструменты включают налоговые льготы, субсидии и грантовую поддержку (например, в Новосибирской области и Татарстане). Образовательные программы, ориентированные на подготовку высокотехнологичных специалистов, также важны.

Список литературы

1. Агарков С. А., Кузнецова Е. С., Грязнова М. О. Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика. Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2011. 135 с.

2. Национальный доклад «Инновационное развитие – основа модернизации экономики России» // Российский союз молодых ученых. URL: https://rosmu.ru/activity/events/453.html (дата обращения: 11.01.2025).

3. Токарев А. А. Механизм поддержки инновационной деятельности в Воронежской области // Современная экономика: проблемы и решения. 2016. № 2(74). С. 122–132. https://doi.org/10.17308/meps.2016.2/1384

4. Кулев А. Ю. Механизмы государственной поддержки инновационных проектов на региональном уровне // Управленческое консультирование. 2014. № 4(64). С. 189-196.

5. Об инновациях и инновационной деятельности в Мурманской области: закон Мурманской области от 31.05.2004 г. № 484-01-ЗМО // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/913507433?ysclid=m8ydf6o1mi851303899 (дата обращения: 14.01.2025).

6. Веселова П. В Мурманской области планируют активно наращивать научный потенциал // Мурманский вестник. URL: https://www.mvestnik.ru/newslent/v-murmanskoj-oblasti-planiruyut-aktivno-narawivat-nauchnyj-potencial/ (дата обращения: 16.01.2025).

7. Асеев О. В., Машкина Н. А., Муковнина А. А. Актуальные проблемы региональной экономики в Курской области // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 8. С. 296-300.

8. Тышкевич К. Ф., Остимук О. В. Анализ инновационной среды региона // Стратегия формирования экосистемы цифровой экономики: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, г. Курск, 19 марта 2021 года. Курск: Университетская книга, 2021. С. 277-280.

9. Остимук О. В., Кретова Ж. А. Проблемы развития Курской области с позиции осуществления ее инновационной деятельности // Проблемы финансового обеспечения инно-

вационного развития экономики региона: сборник материалов Регионального научно-практического круглого стола студентов, преподавателей и специалистов, г. Курск, 09 марта 2011 года / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2012. С. 83-86.

10. Селютина Е. О., Ершова И. Г. Сравнительный анализ регионального инновационного развития // Актуальные вопросы экономики и управления: теоретические и прикладные аспекты: материалы IX Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Горловка: Донецкий национальный технический университет, 2024. С. 117-123.

11. Ершова И. Г., Селютина Е. О. Исследование уровня инновационной активности региона на примере ЦФО // Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях: сборник трудов XVI Всероссийской научно-практической конференции, г. Симферополь, 12 апреля 2024 г. Симферополь: Ариал, 2024. С. 85-87.

12. Ситникова Э. В., Реутова О. В. Инновационное развитие экономики России: анализ и проблемы // Финансы. Управление. Инновации: материалы Национальной научно-практической конференции, г. Курск, 12 апреля 2017 года. Курск: Университетская книга, 2017. Т. 2. С. 242-248.

13. Факторы, оказывающие воздействие на инновационное развитие экономики / И. Н. Третьякова, Н. Ю. Ершов, Е. А. Богданова, Н. С. Казаков // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 1(51). С. 245-249.

14. Николенко А. А., Беляева Е. С., Емельянова О. В. Особенности рынка инновационных технологий и его роль в региональной экономике // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 7(17). С. 238-242.

15. Колмыкова Т. С., Сысоев А. В. Оценка инвестиционной привлекательности аграрного региона // Направления повышения стратегической конкурентоспособности аграрного сектора экономики: материалы Международной научно-практической конференции, г. Тамбов, 19 октября 2018 г. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2018. С. 170-177.

16. Влияние инновационных технологий на улучшение экологической ситуации в Российской Федерации / А. С. Обухова, Е. Р. Щербаченко, А. С. Лазарев, К. А. Климова // Вестник Академии знаний. 2023. № 3(56). С. 169-172.

17. Мерзлякова Е. А., Овчинникова А. Ю. Роль инвестиционной компоненты в инновационном развитии территорий // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 5(80). С. 77-83. https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.5.8

18. Свеженцева К. И., Лобанов И. В., Колмыкова Т. С. Инновационная активность в повышении инвестиционной привлекательности региона // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: материалы V Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, г. Орёл, 22 декабря 2022 г. Орёл: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2023. С. 77-84.

19. Коваленко П. В., Барков И. М., Ершова И. Г. Оценка регионального развития цифровых технологий в инновационной экономике // Экономика и эффективность организации производства. 2023. № 37. С. 10-12.

20. Азмина Ю. М. Методические подходы к оценке инновационного развития региона // Индустриальная экономика. 2021. Т. 7, № 5. С. 634–640.

21. Синицкая Н. А., Хаирова Т. А. Комплексная система показателей, используемая при оценке инновационного развития регионов // Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона: сборник материалов конференции. Ялта: Ареал, 2019. С. 109-113.

22. Методика оценки инновационного развития региона (на примере регионов Южного федерального округа) / А. А. Митус, Е. П. Гармашова, А. Г. Баранов, А. М. Дребот // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 12. С. 3259-3276.

23. Азаматова Р. М., Баллиева Х. Ю., Гузиева Л. М. Механизм формирования и реализации региональной инновационной политики // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 383.

References

1. Agarkov S.A., Kuznetsova E.S., Gryaznova M.O. Innovative management and state innovation policy. Murmansk: Murmanskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet; 2011. 135 p. (In Russ.)

2. The national report «Innovative development is the basis for the modernization of the Russian economy». Russian Union of Young Scientists. (In Russ.) Available at: https://rosmu.ru/activity/events/453.html (accessed 11.01.2025).

3. Tokarev A.A. The mechanism of innovation support in the Voronezh region. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economy: Problems and Solutions*. 2016;(2):122-132. (In Russ.) https://doi.org/10.17308/meps.2016.2/1384

4. Kulev A.Y. Mechanisms of state support for innovative projects at the regional level. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*. 2014;(4):189-196. (In Russ.)

5. On innovations and innovative activities in the Murmansk region. The Law of the Murmansk region of May 31, 2004 No. 484-01-ZMO. Electronic Fund of legal and normative-technical documents. (In Russ.) Available at: https://docs.cntd.ru/document/913507433?ysclid=m8ydf6o1mi851303899 (accessed 14.01.2025).

6. Veselova P. The Murmansk region plans to actively increase scientific potential. *Murmanskii vestnik = Murmansk Bulletin* (In Russ.) Available at: https://www.mvestnik.ru/newslent/v-murmanskoj-oblasti-planiruyut-aktivno-narawivat-nauchnyj-potencial/ (accessed 16.01.2025).

7. Aseev O.V., Mashkina N.A., Mukovnina A.A. Actual problems of regional economy in the Kursk region. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2018;(8):296-300. (In Russ.)

8. Tyshkevich K.F., Ostimuk O.V. Analysis of the innovative environment of the region. In: *Strategiya formirovaniya ekosistemy tsifrovoi ekonomiki: sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Kursk, 19 marta 2021 goda = Strategy for the formation of the ecosystem of the digital economy: Collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference, 19 March 2021, Kursk.* Kursk: Universitetskaya kniga; 2021. P. 277-280. (In Russ.)

9. Ostimuk O.V., Kretova J.A. Problems of development of the Kursk region from the perspective of its innovative activities. In: *Problemy finansovogo obespecheniya innovatsionnogo razvitiya ekonomiki regiona: sbornik materialov Regional'nogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola studentov, prepodavatelei i spetsialistov, g. Kursk, 09 marta 2011 goda = Problems of financial support for innovative development of the region's economy: A collection of materials from the Regional scientific and practical round table of students, teachers and specialists, 09 March, Kursk.* Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet; 2012. P. 83-86. (In Russ.)

10. Selyutina E.O., Ershova I.G. Comparative analysis of regional innovative development. In: *Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya: teoreticheskie i prikladnye aspekty: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Topical issues of economics and management: theoretical and applied aspects: Proceedings of the IX International Scientific and*

Practical Conference. Gorlovka: Donetskii natsional'nyi tekhnicheskii universitet; 2024. P. 117-123. (In Russ.)

11. Yershova I.G., Selyutina E.O. Research of the level of innovative activity of the region on the example of the Central Federal District. In: *Organizatsionno-ekonomicheskie problemy regional'nogo razvitiya v sovremennykh usloviyakh: sbornik trudov XVI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Simferopol', 12 aprelya 2024 g. = Organizational and economic problems of regional development in modern conditions: Proceedings of the XVI All-Russian Scientific and Practical Conference, 12 April 2024, Simferopol*. Simferopol': Arial; 2024. P. 85-87. (In Russ.)

12. Sitnikova E.V., Reutova O.V. Innovative development of the Russian economy: analysis and problems. In: *Finansy. Upravlenie. Innovatsii: materialy Natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Kursk, 12 aprelya 2017 goda = Finance. Management. Innovations: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference, 12 April 2017, Kursk*. Kursk: Universitetskaya kniga; 2017. P. 242-248. (In Russ.)

13. Tretyakova I.N., Ershov N.Y., Bogdanova E.A., Kazakov N.S. Factors influencing the innovative development of the economy. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2024;(1):245-249. (In Russ.)

14. Nikolenko A.A., Belyaeva E.S., Yemelyanova O.V. Features of the market of innovative technologies and its role in the regional economy. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2016;(7):238-242. (In Russ.)

15. Kolmykova T.S., Sysoev A.V. Assessment of the investment attractiveness of the agrarian region. In: *Napravleniya povysheniya strategicheskoi konkurentosposobnosti agrarnogo sektora ekonomiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Tambov, 19 oktyabrya 2018 g. = Directions for improving the strategic competitiveness of the agricultural sector of the economy: Materials of the International Scientific and Practical Conference, 19 October 2018, Tambov*. Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet imeni G.R. Derzhavina; 2018. P. 170-177. (In Russ.)

16. Obukhova A.S., Shcherbachenko E.R., Lazarev A.S., Klimova K.A. The impact of innovative technologies on improving the environmental situation in the Russian Federation. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2023;(3):169-172. (In Russ.)

17. Merzlyakova E.A., Ovchinnikova A.Y. The role of the investment component in the innovative development of territories. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*. 2020;(5):77-83. (In Russ.) https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.5.8

18. Svezhentseva K.I., Lobanov I.V., Kolmykova T.S. Innovative activity in increasing the investment attractiveness of the region. In: *Kompleksnoe razvitie territorial'nykh sistem i povyshenie effektivnosti regional'nogo upravleniya v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: materialy V Natsional'noi (Vserossiiskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Orel, 22 dekabrya 2022 g. = Integrated development of territorial systems and improving the efficiency of regional management in the context of digitalization of the economy: Materials of the V National (All-Russian) scientific and practical conference, 22 December 2022, Orel*. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet imeni I.S. Turgeneva; 2023. P. 77-84. (In Russ.)

19. Kovalenko P.V., Barkov I.M., Ershova I.G. Assessment of the regional development of digital technologies in the innovative economy. *Ekonomika i effektivnost' organizatsii proizvodstva = Economics and Efficiency of Production Organization*. 2023;(37):10-12. (In Russ.)

20. Azmina Yu.M. Methodological approaches to assessing the innovative development of the region. *Industrial'naya ekonomika = Industrial Economics*. 2021;7(5):634-640. (In Russ.)

21. Sinitskaya N.A., Khairova T.A. A comprehensive system of indicators used in assessing the innovative development of regions. In: *Finansovo-ekonomicheskoe i informatsionnoe obespechenie innovatsionnogo razvitiya regiona: sbornik materialov konferentsii = Financial, economic and information support for innovative development of the region: A collection of conference materials*. Yalta: Areal; 2019. P. 109-113. (In Russ.)

22. Mitus A.A., Garmashova E.P., Baranov A.G., Drebot A.M. Methodology for assessing the innovative development of the region (on the example of the regions of the Southern Federal District). *Kreativnaya ekonomika = Creative Economics*. 2020;14(12):3259-3276. (In Russ.)

23. Azamatova R.M., Ballieva H.Yu., Guzieva L.M. The mechanism of formation and implementation of regional innovation policy. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. 2014;(4):383. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ершова Ирина Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ershovairgen@yandex.ru,
Researcher ID: A-7655-2017,
ORCID: 0000-0002-0675-0764,
Scopus ID: 56707193700

Irina G. Ershova, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ershovairgen@yandex.ru,
Researcher ID: A-7655-2017,
ORCID: 0000-0002-0675-0764,
Scopus ID: 56707193700

Мищинская Валерия Олеговна, магистрант кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: valerimishinskaya@gmail.com

Valeria O. Mishchinskaya, Undergraduate of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: valerimishinskaya@gmail.com

Гусельникова Лилия Николаевна, аспирант кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: pereverzeva.lilia@yandex.ru

Liliya N. Guselnikova, Post-Graduate Student of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: pereverzeva.lilia@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 657-6

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-24-38

CC BY 4.0

Инновационные подходы к государственному аудиту в сфере обеспечения финансовой устойчивости региона

В. Л. Рыкунова[1], П. А. Агеева[1]✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: polina_ageeva_03_00@bk.ru

Резюме

Актуальность. *Интеграция инновационных подходов в государственный аудит Курской области значительно повысит его эффективность, улучшит качество обслуживания граждан и позволит оптимизировать использование бюджетных средств.*

Цель *исследования – обосновать необходимость применения инновационных подходов к проведению государственного аудита в сфере обеспечения финансовой устойчивости региона на примере Курской области.*

Задачи: *рассмотреть категории государственного аудита и финансовой устойчивости региона; проанализировать индикаторы финансовой устойчивости Курской области и деятельность Контрольно-счетной палаты Курской области; выдвинуть предложения по усовершенствованию процесса проведения государственного аудита в Курской области путем внедрения инновационных инструментов.*

Методология. *В исследовании применяются такие методы, как изучение и анализ научной литературы, изучение и обобщение отечественной практики, сравнение, вертикальный и горизонтальный анализ, сравнительный анализ, синтез.*

Результаты. *Были исследованы теоретические аспекты государственного аудита и финансовой устойчивости; рассмотрены индикаторы оценки финансовой устойчивости региона; дана оценка финансовой устойчивости Курской области; проанализированы показатели деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области, а также показатели результативности проведенных проверок Контрольно-счетной палатой Курской области; предложены инновационные подходы к государственному аудиту в регионе.*

Выводы. *В результате исследования определено, что бюджет Курской области по причине своей несбалансированности на фоне нехватки собственных средств и неисполнения расходной части перед получателями бюджетных средств является финансово неустойчивым. Вследствие этого необходимо пересмотреть методы государственного финансового контроля, в частности государственного аудита за формированием и исполнением бюджета, ведением бухгалтерской (финансовой) отчетности и осуществлением государственных и муниципальных закупок. Предпочтение следует отдать таким инновационным методам государственного аудита, как цифровой аудит, дистанционный аудит и внедрение искусственного интеллекта в привычную аудиторскую деятельность.*

Ключевые слова: *государственный аудит; финансовая устойчивость; цифровой аудит; аудиторские проверки; Контрольно-счетная палата.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Рыкунова В. Л., Агеева П. А. Инновационные подходы к государственному аудиту в сфере обеспечения финансовой устойчивости региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 24–38. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-24-38

Поступила в редакцию 11.02.2025 Принята к публикации 10.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Рыкунова В. Л., Агеева П. А., 2025

Innovative approaches to state audit in the field of ensuring financial stability of the region

Valentina L. Rykunova[1], Polina A. Ageeva[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: polina_ageeva_03_00@bk.ru

Abstract

Relevance. *The integration of innovative approaches into the state audit of the Kursk region will significantly increase its efficiency, improve the quality of public services and optimize the use of budget funds.*

The purpose *of the study is to substantiate the need for innovative approaches to conducting state audit in the field of ensuring the financial stability of the region using the example of the Kursk region.*

Objectives: *to consider the categories of state audit and financial stability of the region; to analyze the indicators of financial stability of the Kursk region and the activities of the Control and Accounting Chamber of the Kursk region; to put forward proposals to improve the process of conducting state audit in the Kursk region through the introduction of innovative tools.*

Methodology. *The research uses such methods as the study and analysis of scientific literature, the study and generalization of domestic practice, comparison, vertical and horizontal analysis, comparative analysis and synthesis.*

Results. *The theoretical aspects of state audit and financial stability were investigated; indicators for assessing the financial stability of the region were considered; an assessment of the financial stability of the Kursk region was given; performance indicators of the Control and Accounting Chamber of the Kursk region were analyzed, as well as performance indicators of audits conducted by the Control and Accounting Chamber of the Kursk region; innovative approaches to state audit in the region were proposed.*

Conclusions. *As a result of the study, it was determined that the budget of the Kursk region is financially unstable due to its imbalance due to a lack of its own funds and non-fulfillment of the expenditure part to the recipients of budget funds. As a result, it is necessary to review the methods of state financial control, in particular, the state audit of budget formation and execution, accounting (financial) reporting, and public and municipal procurement. Preference should be given to such innovative methods of public audit as digital auditing, remote auditing and the introduction of artificial intelligence into routine auditing activities.*

Keywords*: state audit; financial stability; digital audit; audits; Control and Accounting Chamber.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Rykunova V.L., Ageeva P.A. Innovative approaches to state audit in the field of ensuring financial stability of the region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):24–38. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-24-38

Received 11.02.2025 Accepted 10.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

В современных условиях государственный аудит играет ключевую роль в обеспечении финансовой устойчивости региона. В ходе контрольной, экспертно-аналитической деятельности органов государственного управления выявляются факты неэффективного использования бюджетных средств, нарушения законодательства или реализации коррупционных схем, подрывающих финансовую устойчивость. Государственный аудит, осуществляемый контрольно-счетными органами региона, позволяет улучшить управление финансами, снизить расходы, повысить уровень прозрачности деятельности проверяемых субъектов и предоставляемой ими отчетности, что способ-

ствует росту доверия общества к власти и привлечению инвестиций. Учитывая роль государственного аудита в управлении государственными (муниципальными) ресурсами, необходимо менять подход к государственному аудиту как к последующему контролю на основе имеющейся отчетности.

Материалы и методы

В рамках исследования были изучены Отчеты о деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области, законодательство Российской Федерации, Международные стандарты аудита, работы отечественных и зарубежных исследователей, сборники статей, статьи из журналов, статистические данные, официальные сайты Министерства финансов Российской Федерации, губернатора и правительства Курской области.

Результаты и их обсуждение

Государственный аудит и финансовая устойчивость региона как научные экономические категории тесно связаны между собой. Отечественные авторы в своих исследованиях предлагают различные трактовки понятия финансовой устойчивости региона (табл. 1).

Таблица 1. Трактовка понятия «финансовая устойчивость региона»

Авторы	Определение
Л. М. Борщ, Д. Д. Буркальцева, Д. Н. Михайлова	Категория, способная при эффективном использовании методов и подходов поддерживать длительное равновесие финансово-экономической системы даже в сложных условиях, распознавая уровень угроз и своевременно разрабатывая механизмы на разных уровнях, принимать соответствующие меры по их снижению [1, с. 7]
В. В. Печаткин	Один из основных факторов стабильного социально-экономического развития, характеризуемого состоянием экономики, при котором регион способен полностью рассчитываться по своим обязательствам, сохраняя одновременно условия для расширенного воспроизводства за счет собственных ресурсов и последовательного улучшения жизненного уровня населения, несмотря на шоковые воздействия внешней среды [2, с. 20]
И. С. Зиновьева, А. В. Голубятникова, Н. С. Голубчикова	Один из факторов стабильного социально-экономического развития, который характеризуется состоянием экономики в целом и ростом жизненного уровня населения за счет собственных ресурсов региона. Способность региона рассчитываться по своим обязательствам [3, с. 53]
Л. М. Шевченко	Свойство системы абсорбировать шоки внутри себя, не нанося ущерба реальному сектору экономики, возвращаться к равновесному состоянию после прекращения воздействия, которое вывело ее из этого состояния, т. е. иметь запас прочности [4, с. 116]
Н. Д. Шимширт	Сбалансированность денежных доходов и расходов региона и их пропорциональное изменение под воздействием внешних и внутренних факторов в целях обеспечения полномочий органов власти региона, его социально-экономического и политического развития в текущей и долгосрочной перспективе [5, с. 172]

Рассматривая их в совокупности, необходимо отметить, что все авторы выделяют именно финансовое содержание категории. Социально-экономическая составляющая как основа категории в большей степени присуща именно устойчивости региональной финансовой системы. Концепция финансовой устойчивости региона направлена на обеспечение общего экономического

равновесия на основе формирования и использования финансовых ресурсов субъекта [6, с. 77].

Именно по этой причине некоторые авторы считают достаточным для оценки финансовой устойчивости региона использование только финансово-бюджетных показателей, скорректированных на величину регионального прожиточного минимума.

Среди стоимостных показателей исследователи чаще всего используют валовый региональный продукт, доходы и расходы региона, валовую добавленную стоимость, оплату труда наемных работников и т. д. [3, с. 54].

В числе процентных показателей выделяются удельный вес убыточных организаций, отношение доходов консолидированного бюджета к расходам, индекс потребительских цен, удельный вес просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности и др. [7, с. 131].

Однако слабой стороной подхода, основанного на оценке показателей, является отсутствие единой методологии исследования и неоднозначность трактовки полученных результатов. В данном случае корректнее использовать индикативный метод оценки, основанный на группе индикаторов с определенными пороговыми значениями. Некоторыми исследователями [8, с. 346] предлагается следующий перечень индикаторов (табл. 2).

Таблица 2. Перечень индикаторов для оценки финансовой устойчивости региона [9, с. 122-123]

Индикатор	Цель определения	Методика расчета	Пороговое значение
1. Процент исполнения доходов бюджета	Определить полноту поступлений в региональный бюджет запланированных доходов	$PP_R = \frac{R_1}{R_0}$, где R_0 – статья доходов бюджета по плановым бюджетным назначениям; R_1 – статья доходов бюджета по факту исполнения	100%
2. Процент исполнения расходов бюджета	Определить полноту выполнения бюджетных обязательств перед получателями бюджетных средств	$PP_E = \frac{E_1}{E_0}$, где E_0 – статья расходов бюджета по плановым бюджетным назначениям; E_1 – статья расходов бюджета по факту исполнения	95-100%
3. Коэффициент автономии регионального бюджета	Определить степень зависимости от безвозмездных поступлений из федерального бюджета	$I_{RBA} = \frac{\sum R - GR}{\sum R}$, где $\sum R$ – совокупные доходы регионального бюджета, исполненные в анализируемом периоде; GR – безвозмездные доходы, исполненные в анализируемом периоде	>0,5
4. Коэффициент покрытия бюджетной задолженности	Определить способность бюджета региона погашать свои обязательства за счёт собственных доходов	$I_{CBD} = \frac{BD}{R_T + R_{NT}}$, где BD – госдолг субъекта РФ на первое число месяца следующего за периодом оценки; R_T – налоговые доходы регионального бюджета, исполненные в анализируемом период; R_{NT} – неналоговые доходы регионального бюджета, исполненные в анализируемом период	≤1

Окончание табл. 2

Индикатор	Цель определения	Методика расчета	Пороговое значение
5. Коэффициент сбалансированности регионального бюджета	Определить достаточность собственных доходов бюджета для проведения расходования согласно утвержденным бюджетным назначения	$I_{BRB} = \frac{R_T + R_{NT}}{\sum E}$, где $\sum E$ – совокупность всех расходов регионального бюджета, исполненные в анализируемом периоде	≥0,85

По словам авторов, индикативная методика позволяет оценить результативность бюджета в части исполнения доходных и расходных обязательств, финансовую независимость бюджета в области обеспеченности налоговыми и неналоговыми доходами, формировании и исполнении бюджета, а также сбалансированность бюджета в части соотношения доходных и расходных статей [9, с. 121].

На основании приведенных индикаторов рассчитаем финансовую устойчивость Курской области (табл. 3).

Сопоставляя полученные результаты с пороговыми значениями индикаторов, можно сделать вывод о том, что Курская область является регионом с относительной финансовой устойчивостью. Расчеты указывают на несбалансированность регионального бюджета в части нехватки собственных доходов для обеспечения расходных статей, утвержденных бюджетными назначениями. В то же время за 2021 и 2022 гг. процент исполнения расходов бюджета не соответствовал нижней границе порогового значения показателя, что свидетельствует о неполном исполнении в данных периодах бюджетных обязательств перед получателями государственных средств.

Для повышения уровня финансовой устойчивости Курской области, исходя из определенных слабых мест, необходимо своевременно и точно осуществлять финансовый контроль за формированием и исполнением бюджетов, ведением бухгалтерского учета, распоряжением муниципальной собственностью, осуществлением государственных закупок и т. д.

Таблица 3. Оценка финансовой устойчивости Курской области на основании индикативной методики в 2021–2023 гг.[1]

Показатель	2021	2022	2023
Процент исполнения доходов бюджета	103,7	109,9	106,6
Процент исполнения расходов бюджета	88,9	92,2	95,3
Коэффициент автономии регионального бюджета	0,71	0,62	0,63
Коэффициент покрытия бюджетной задолженности	0,13	0,14	0,2
Коэффициент сбалансированности регионального бюджета	0,79	0,7	0,59

[1] Областной бюджет // Официальный сайт губернатора и правительства Курской области; 2024. URL: https://kursk.ru/region/economy/finansy/oblastnoy-byudzhet/ (дата обращения: 17.01.2025); Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований на 1 января 2024 г. // Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/subdbt?id_65=306049-obem_i_struktura_gosudarstvennogo_dolga_subektov_rossiiskoi_federatsii_i_dolga_munitsipalnykh_obrazovanii_na_1_yanvarya_2024_g.&ysclid=m4lrt9rsn4184520665/ (дата обращения: 17.01.2025).

При осуществлении государственного финансового контроля важно соблюсти принципы независимости, объективности и гласности. Внутренний контроль в данных ситуациях может быть менее объективным за счет обхода контрольной системы в результате сговора и недобросовестных действий руководителя[1]. К подобным выводам приходят и отечественные исследователи: Н. И. Даниленко [10], Т. Ю. Феофилова, В. С. Лопатников [11] и др.

В таких случаях именно государственный аудит как форма внешнего независимого контроля позволяет проанализировать объект «извне», дать объективную оценку его состояния и довести данные сведения до органов власти и общественности, реализуя обозначенные выше принципы [12, с. 101].

Органом, осуществляющим внешний государственный аудит на федеральном уровне, является Счетная палата Российской Федерации. Деятельность палаты регулируется Федеральным законом «О Счетной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ[2], согласно которому орган осуществляет полномочия по анализу, контролю и информированию в бюджетной сфере и иных отношениях, где имеет место быть движение денежных потоков, связанных с государственными и общественными ресурсами [13].

На региональном уровне государственный аудит реализуется Контрольно-счетной палатой (КСП) Курской области. По своему функционалу КСП вправе осуществлять следующие виды деятельности (рис. 1).

Финансовый аудит направлен на проведение документальных проверок достоверности ведения бюджетного учета и осуществления финансовых операций, а также целевого использования бюджетных средств. На практике данный вид государственного аудита выступает аудитом бухгалтерского учета, так как основывается на источниках информации, представленной в финансовых документах и отчетах [14, с. 135].

Стратегический аудит применяется в целях оценки реализуемости планов, оценки рисков при реализации стратегических целей обеспечения безопасности и социально-экономического развития.

К иным видам аудита следует отнести аудит государственных целевых программ, аудит инвестиционных проектов (государственных и международных), а также аудит в сфере закупок.

Аудит эффективности направлен на определение эффективности использования федеральных, региональных и муниципальных ресурсов, полученных объектами контроля для выполнения поставленных перед ними задач в рамках социально-экономического и территориального развития. Важно отметить, что помимо использования бюджетных ресурсов данный вид аудита также оценивает эффективность исполнения бюджета в его как расходной, так и доходной частях [15, с. 67].

Имея представление об осуществляемых Контрольно-счетной палатой Курской области видах деятельности, необходимо проанализировать основные показатели, характеризующие работу контрольного органа (табл. 4).

[1] Международный стандарт аудита 265. Информирование лиц, отвечающих за корпоративное управление, и руководства о недостатках в системе внутреннего контроля: введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 09.01.2019 г. № 2н (ред. от 27.10.2021 г.). URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=116581-mezhdunarodnyi_standart_audita_265_informirovanie_lits_otvechayushchikh_za_korporativnoe_upravlenie_i_rukovodstva_o_nedostatkakh_v_sisteme_vnutrennego_kontrolya&ysclid=m8yg51t4vy887152558 (дата обращения: 13.01. 2024).

[2] О Счетной палате Российской Федерации: федер. закон от 05.04.2013 г. № 41-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/?ysclid=m8ygf0gnch801757251 (дата обращения: 13.01. 2024).

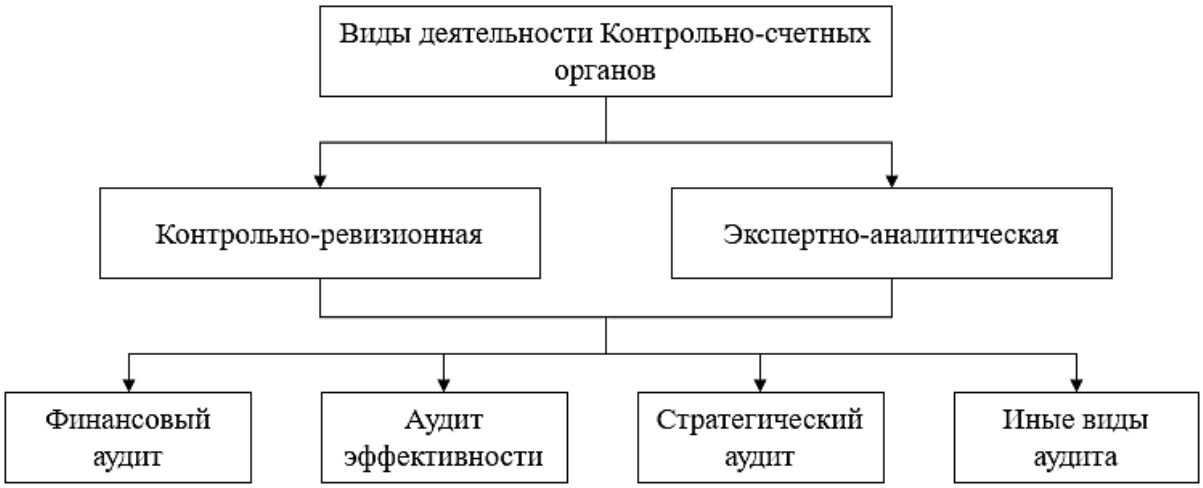

Рис. 1. Виды деятельности Контрольно-счетных органов

Таблица 4. Деятельность Контрольно-счетной палатой Курской области в 2021–2023 гг.[1]

Показатель	2021	2022	2023	Темп роста, %	
				2022 к 2021	2023 к 2022
1. Количество проведенных мероприятий, всего	134	65	87	48,51	133,85
Из них:					
– контрольных	94	46	65	48,94	141,3
– экспертно-аналитических	40	49	22	122,5	44,9
2. Количество объектов, в отношении которых проведены мероприятия государственного аудита, всего	312	161	250	51,6	155,28
Из них:					
– объектов контрольных мероприятий	213	111	129	52,11	116,22
– объектов экспертно-аналитических мероприятий	99	50	121	50,51	242
3. Количество проведенных мероприятий по поручениям, предложениям, запросам и обращениям, всего	71	25	12	35,21	48
Из них:					
– по поручениям Курской областной Думы	11	15	5	136,36	33,33
– по поручениям губернатора Курской области	48	5	3	10,42	60
– по обращениям органов прокуратуры и иных правоохранительных органов	4	4	4	100	100
– по обращениям граждан	4	1	0	25	0
– по обращениям Счетной палаты РФ, федеральных органов государственной власти	4	0	0	0	-
4. Количество проведенных совместных и параллельных мероприятий, всего	9	7	14	77,78	200
Из них:					
– со Счетной палатой РФ	4	0	0	0	-
– с контрольно-счетными органами муниципальных образований	5	6	13	120	216,67
– с правоохранительными органами	0	1	1	0	100

[1] Курская областная Дума. URL: https://kurskduma.ru/?ysclid=m8ygj7nba5489985118 (дата обращения: 13.01. 2024).

Основные показатели деятельности Контрольно-счетной палаты Курской области за рассматриваемый период имели следующую динамику: общее количество проведенных мероприятий сократилось на 35,07%. В 2022 г. на значение показателя повлияло существенное сокращение контрольных мероприятий, темп роста которых составил 48,94%.

Замедление деятельности КСП обусловливается несколькими факторами: во-первых, как можно увидеть из таблицы 4, сократилось количество мероприятий, проводимых по предложениям, обращениям, поручениям, в частности, губернатора Курской области (на 89,58%). За 2021 г. КСП активно взаимодействовала как со Счетной палатой Российской Федерации, так и с гражданами. В 2022 г. количество инициированных мероприятий уменьшилось на 64,79%.

Во-вторых, органам пришлось вести свою деятельность на фоне обострившейся геополитической обстановки и усугубившегося санкционного давления, в условиях замедления экономического роста, нарушения логических, а следовательно, и производственных цепочек ряда отраслей экономики, которые традиционно ориентировались на экспорт или зависели от импорта.

Вследствие этого сократилось и количество проверенных объектов. Динамика изменения показателя имела те же тенденции, что и количество проведенных мероприятий: спад в 2022 г. и незначительный рост в 2023 г.

Помимо общих показателей деятельности КСП Курской области важно также проанализировать показатели результативности проведенных проверок (табл. 5).

Количественный анализ выявленных нарушений в процессе проведения государственного аудита указывает на тенденцию их роста. Общее число нарушений за рассматриваемый период увеличилось практически в 2 раза – на 392 случая в количественном и на 84,48% в процентном соотношениях. Устойчивый базовый рост также наблюдался в сферах формирования и исполнения бюджетов, управления государственной собственностью, ведения бухгалтерского учета и формировании отчетности. В 2023 г. было впервые за 3 года выявлено нарушение, связанное с нецелевым использованием бюджетных средств на сумму 394,1 тыс. руб. Однако суммарный объем нарушений в 2023 г. по сравнению с 2021 г. сократился на 3,3%, что произошло за счет уменьшения сумм нарушений от несоблюдения сроков и условий реализации контрактов закупок, выбора неверных способов определения поставщиков и цен контрактов, неприменения мер ответственности по договорам государственных и муниципальных закупок и т. д. на 284 145,6 тыс. руб.

За 2022 г. и количество, и денежное выражение нарушений имели самое минимальное значение практически по всем финансовым показателям, за исключением размеров нецелевого использования бюджетных средств. Динамика снижения большинства показателей связана с результатами таблицы 1, а именно с сокращением количества контрольных мероприятий и объектов, в отношении которых был проведен внешний государственный аудит.

Для того чтобы более детально разобраться в слабых местах региональной системы распоряжения государственными ресурсами, выявленных Контрольно-счетной палатой Курской области, необходимо провести вертикальный анализ и рассмотреть структуру выявленных нарушений постатейно за каждый год исследуемого периода. Стоимостная структура нарушений представлена ниже (рис. 2).

Как можно увидеть на диаграмме (рис. 2), структура нарушений в основном представлена тремя статьями: формирование и исполнение бюджетов, ведение бухгалтерского учета, составление и представление бухгалтерской отчетности и осуществление государственных и муниципальных закупок. В 2022 г. соотношение долей в структуре значительно изменилось. Если сопоставить подробные данные Отчетов за 2022 и 2023 гг., то на их основании можно сделать следующие выводы.

Таблица 5. Результативность проведенных проверок Контрольно-счетной палатой Курской области в 2021–2023 гг.[1]

Показатель	2021		2022		2023		Темп роста, %			
							2022 к 2021		2023 к 2022	
	тыс. руб.	ед.	тыс. руб.	ед.	тыс. руб.	ед.	тыс. руб.	ед.	тыс. руб.	ед.
Всего выявлено нарушений в ходе осуществления внешнего государственного финансового контроля	2312112,5	464	717516,7	436	2235953,4	856	31,03	93,97	311,62	196,3
Из них:										
– нарушения при формировании и исполнении бюджетов	1845924,2	108	203992,8	234	2039084,6	445	11,05	216,7	999,6	190,2
– нарушения ведения бухгалтерского учета, составления и представления бухгалтерской (финансовой) отчетности	57623,8	20	397615,4	36	69375,7	116	690,02	180	17,45	322,2
– нарушения в сфере управления и распоряжения государственной (муниципальной) собственностью	-	3	-	15	3447,3	49	-	500	-	326,7
– нарушения при осуществлении государственных (муниципальных) закупок и закупок отдельными видами юридических лиц	408146,1	299	115514,4	150	124000,5	245	28,3	50,17	107,4	163,3
– нецелевое использование бюджетных средств	-	-	394,1	1	45,3	1	-	-	11,49	100
Иные нарушения	418,4	34	-	-	-	-	-	-	-	-

[1] Курская областная Дума. URL: https://kurskduma.ru/?ysclid=m8ygj7nba5489985118 (дата обращения: 13.01. 2024).

Рис. 2. Стоимостная структура нарушений за 2021-2023 гг.

Во-первых, основная часть нарушений при формировании и исполнении бюджетов, выраженная в денежном выражении, и за 2022, и за 2023 гг. приходится именно на нарушения в области исполнения бюджетов (100% за каждый год). Хотя за изучаемые 2 года в процессе формирования бюджетов Контрольно-счетной палатой Курской области были выявлены нарушения в количестве 28 и 80 шт. за 2022 и 2023 гг. соответственно, ни одно из них не повлекло за собой финансового ущерба для бюджетной системы и государства. В рамках исполнения бюджетов ситуация сложилась обратным образом: в 2022 г. основными статьями нарушений в сфере исполнения выступили неосуществление бюджетных полномочий главного распорядителя бюджетных средств в размере 90 456,2 тыс. руб., нарушение порядка формирования и финансового обеспечения выполнения государственного задания на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ) государственными (муниципальными) учреждениями на сумму 83 783,8 тыс. руб., нарушение при выполнении или невыполнение государственных задач органами власти в размере 21 284,9 тыс. руб. В 2023 г. самым крупным нарушением стало неосуществление бюджетных полномочий главного распорядителя бюджетных средств. Данное нарушение повлекло за собой нарушение в размере 1 835 506,3 тыс. руб., что составило 90,01% от всех нарушений при формировании и исполнении бюджетов в целом. Контрольно-счетной палатой Курской области было установлено, что главные распорядители средств бюджетов Курского и Рыльского районов доводили лимиты денежных средств до муниципальных учреждений, оказывающих общеобразовательные услуги, которые, в свою очередь, не являлись получателями данных бюджетных средств, что противоречит ст. 158 БК РФ[1]. Также в 2023 г. был нарушен порядок предоставления субсидий во всех проверяемых муниципальных образованиях в размере 92 632,6 тыс. руб. Так, в Солнцевском районе муниципальным служащим ежемесячно выплачивалась надбавка к должностному окладу, не предусмотренная Законом Курской области «О муниципальной службе» от 13.06.2007 г. № 60-ЗКО[1]. А в Курском районе его главой не была соблюдена обязанность по выплате заработной пла-

[1] Курская областная Дума. URL: https://kurskduma.ru/?ysclid=m8ygj7nba5489985118 (дата обращения: 13.01. 2024).

ты 7 сотрудникам, которые осуществляли деятельность и выполняли свои полномочия согласно официально заключенному трудовому договору. Помимо этого, КСП региона было выявлено неосуществление полномочий главного администратора Курского, Тимского и Рыльского районов в части распоряжения земельными участками, находящимися в муниципальной собственности, на сумму 71 651,7 тыс. руб. Исходя из этого основной проблемой бюджетной системы Курской области выступает недостаточный уровень оперативного контроля за исполнением бюджетных средств.

Во-вторых, в рамках ведения бухгалтерского учета и предоставления отчетности в 2022 г. 81,72% нарушений были обусловлены несоответствием требованиям оформления фактов хозяйственной жизни первичными учетными документами. Также крупная часть ущерба, а в 2023 г. – основная, пришлась на несоблюдение требований, предъявленных к ведению бухгалтерского учета, что также свидетельствует о необходимости повышения качества уровня текущего контроля, путем внедрения инновационных инструментов.

С учетом выявленных проблем, связанных с недостаточно развитым уровнем текущего внешнего независимого контроля, предлагается внедрить следующие подходы к проведению государственного аудита (рис. 3).

Рис. 3. Инновационные подходы к проведению государственного аудита в регионе

Определяющим подходом в проведении государственного аудита в Курской области должен стать цифровой аудит. Его преимущество заключается в возможности контроля финансовых операций проверяемого субъекта в режиме реального времени. Т. В. Антипова, рассматривающая в своем исследовании перспективы применения цифрового аудита в государственном секторе, отмечает возможность фокусирования аудитором на отдельных критериях риска при установлении соединения с базой данных субъекта. Благодаря параллельно создающимся базам данных контролирующего органа, в которые непрерывно заносятся результаты проведенных проверок, контроль можно сконцентрировать на операциях с высоким уровнем риска. На основе электронных баз данных аудитор может выявить неэффективное использование бюджетных средств с опорой на информацию, которая не была прямо предоставлена проверяемой стороной. Также аудиторы могут отслеживать разнородную документацию в самые короткие сроки, в т. ч. и вспомогательную, что позволяет выявлять ошибки и слабые места в ведении бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (бюджетной) отчетности. Цифровой аудит основывается на системе мониторинга, составляющие которой представлены ниже (рис. 4).

Для внедрения цифрового аудита необходимо провести 3 действия:

1. Стандартизация данных. Данные должны быть однородными и сопоставимыми и формироваться по унифицированным правилам.

2. Наращивание управленческих инвестиций. Инвестиции необходимы для

развития технологического и кадрового потенциала субъектов аудита.

3. Организация информационного поля. Пространство должно осуществлять строгий контроль доступа и высокий уровень сохранности данных, обеспечивая защиту от кибератак [16, с. 122-123].

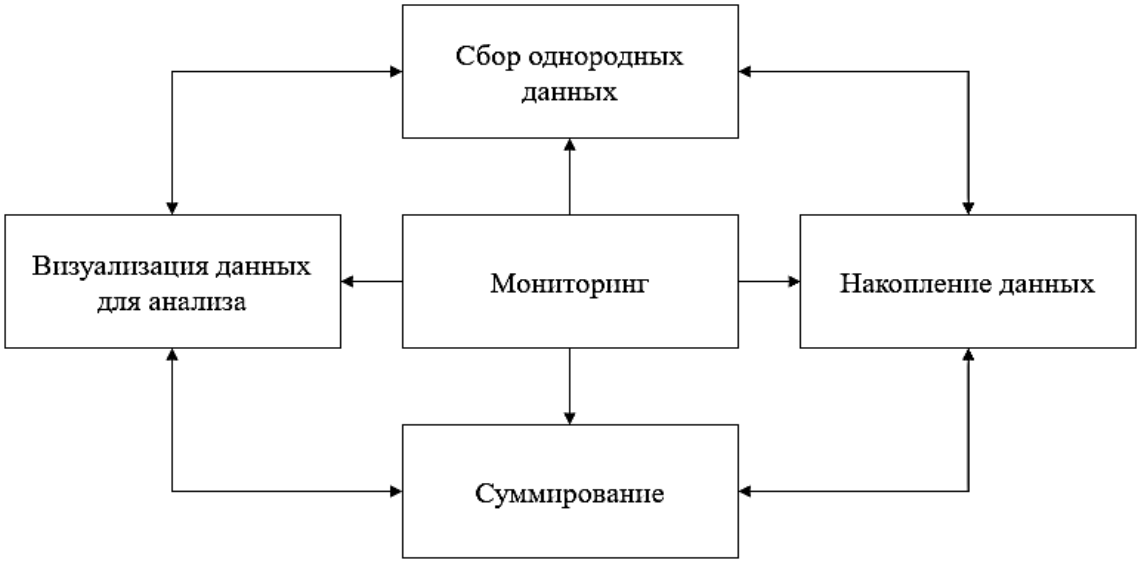

Рис. 4. Система мониторинга [16, с. 122]

Примером органа передовой организации информационного пространства в Российской Федерации выступает Федеральное казначейство. Совместно с Министерством финансов и Правительством Российской Федерации были созданы такие информационные платформы, как Единая информационная система в сфере закупок, Информационно-аналитическая система мониторинга ключевых показателей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, Государственная автоматизированная информационная система «Управление» и т. д.[1]

Для повышения уровня контроля также необходимо полное региональное подключение органов и учреждений Курской области к системе «Электронный бюджет». Система обеспечивает прозрачность и открытость деятельности государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также повышение качества их финансового менеджмента[2].

Подход дистанционного аудита схож с цифровым аудитом и реализуется через механизмы цифровизации и автоматизации на основе компьютеризированной обработки данных и методов непрерывного аудита [17, с. 61].

Обработка большого объема данных в короткие сроки без участия аудиторов возможна за счет внедрения подхода государственного аудита, основанного на искусственном интеллекте (ИИ). ИИ может выявлять закономерности и предлагать логические выводы, что может быть основой для более детальных аудиторских проверок. Искусственный интеллект за счет машинного обучения и заложен-

[1] Федеральное казначейство. URL: https://roskazna.gov.ru/ (дата обращения: 17.01.2025).

[2] Электронный бюджет: единый портал бюджетной системы Российской Федерации. URL: https://budget.gov.ru/ (дата обращения: 17.01.2025).

ных алгоритмов может служить эффективным инструментом для поиска и обнаружения вероятных или уже имеющихся нарушений и возникающих рисков.

Выводы

Цифровые технологии позволяют собирать, анализировать и обрабатывать большие объемы данных гораздо быстрее и эффективнее, чем традиционные методы. Это позволяет аудиторам быстрее выявлять нарушения и несоответствия в финансовой деятельности организаций на региональном уровне. Их использование способствует уменьшению вероятности ошибок и искажений информации, что повышает точность и достоверность результатов аудита.

Цифровые подходы государственного аудита позволяют сохранять и предоставлять информацию в удобной и доступной форме для заинтересованных сторон, что способствует увеличению прозрачности финансовой деятельности на региональном уровне. Более того, на автоматизированный аудит тратится меньше времени и ресурсов, что позволяет сэкономить бюджетные средства и обеспечить более эффективное использование человеческих и финансовых ресурсов.

Цифровой и дистанционный аудит, а также алгоритмы искусственного интеллекта собирают и анализируют данные более детально и оперативно, что помогает управленческим органам принимать более обоснованные решения на региональном уровне.

Список литературы

1. Борщ Л. М., Буркальцева Д. Д., Михайлова Д. Н. Развитие региональной финансово-экономической системы и ее устойчивость // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2021. № 2(55). С. 5-20. https://doi.org/10.37279/2312-5330-2021-2-5-20

2. Печаткин В. В. Финансовая устойчивость и конкурентоспособность региона: методологические и прикладные аспекты оценки // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2013. № 42(180). С. 19-27.

3. Зиновьева И. С., Голубятникова А. В., Голубчикова Н. С. Финансовая устойчивость как необходимое условие развития региона // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2019. Т. 7, № 2(45). С. 52-57.

4. Шевченко Л. М. Теоретический анализ устойчивости национальной финансовой системы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2(41). С. 114-117.

5. Шимширт Н. Д. Анализ теоретических аспектов финансовой устойчивости регионов // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 3(15). С. 171-178.

6. Зотова А. И., Кириченко М. В. Устойчивость финансовой системы региона: сущность, факторы, индикаторы // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 76-82. https://doi.org/10.24158/tipor.2017.5.19

7. Журавлева Т. А. Финансовая устойчивость региона как условие обеспечения экономической безопасности (на примере Рязанской области) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 8-2. С. 127-134. https://doi.org/10.17513/vaael.1820

8. Минаков А. В., Агапова Т. Н. Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 344-351. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-344-351

9. Гладковская Е. Н., Цало И. М., Тетеркина Л. Б. Оценка финансовой устойчивости региональных бюджетов в России: методика и алгоритм ее применения // Вопросы управления. 2017. № 6(49). С. 119-131.

10. Даниленко Н. И. Финансовый контроль и аудит: эффективный инструмент управления // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2015. № 18(378). С. 17-21.

11. Феофилова Т. Ю., Лопатников В. С. Государственный контроль и аудит: институциональное обеспечение и перспективы развития в целях обеспечения экономической безопасности региона // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2017. Т. 79, № 2(72). С. 326-336. https://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-2-326-336

12. Измоденов А. К., Франц О. Б., Шаибакова Л. Ф. Контроль, надзор и аудит в системе государственного управления // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 9(83). С. 97-104.

13. Жердов В. А., Зарубин М. Ю. Финансовый контроль за расходованием государственного и муниципального бюджета // Образование и право. 2021. № 2. С. 209-212. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-2-209-212

14. Скобелкина Д. С. Государственный аудит в сфере межбюджетных отношений // Молодой ученый. 2021. № 19(361). С. 133-137.

15. Курдюмов А. В., Измоденов А. К. Государственный аудит эффективности исполнения бюджета // Аудиторские ведомости. 2021. № 4. С. 66-71. https://doi.org/10.24411/1727-8058-2021-4-66-71

16. Антипова Т. В. Инновационный подход к аудиту некоммерческих организаций // Аудит и финансовый анализ. 2015. № 6. С. 120-125.

17. Полозков М. Г., Корнилов И. Н. Современный контроль и аудит: от репрессивности к превентивности // Государственная служба. 2019. Т. 21, № 1(117). С. 58-63. https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-58-63

References

1. Borsch L.M., Burkaltseva D.D., Mikhailova D.N. The development of the regional financial and economic system and its sustainability. *Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii = Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*. 2021;(2):5-20. (In Russ.) https://doi.org/10.37279/2312-5330-2021-2-5-20

2. Pechatkin V.V. Financial stability and competitiveness of the region: methodological and applied aspects of assessment. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial Analytics: Problems and Solutions*. 2013;(42):19-27. (In Russ.)

3. Zinovieva I.S., Golubyatnikova A.V., Golubchikova N.S. Financial stability as a necessary condition for the development of the region. *Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovanij XXI veka: teoriya i praktika = Actual Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice*. 2019;7(2):52-57. (In Russ.)

4. Shevchenko L.M. Theoretical analysis of the stability of the national financial system. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2012;(2):114-117. (In Russ.)

5. Shimshirt N.D. Analysis of theoretical aspects of financial stability of regions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2011;(3):171-178. (In Russ.)

6. Zotova A.I., Kirichenko M.V. Stability of the financial system of the region: essence, factors, indicators. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2017;(5):76-82. (In Russ.) https://doi.org/10.24158/tipor.2017.5.19

7. Zhuravleva T.A. Financial stability of the region as a condition for ensuring economic security (on the example of the Ryazan region). *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava =*

Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021;(8-2):127-134. (In Russ.) https://doi.org/10.17513/vaael.1820

8. Minakov A.V., Agapova T.N. A model for assessing the long-term financial stability of Russian regions. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(3):344-351. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-3-344-351

9. Gladkovskaya E.N., Tsalo I.M., Teterkina L.B. Assessment of financial stability of regional budgets in Russia: methodology and algorithm of its application. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2017;(6):119-131. (In Russ.)

10. Danilenko N.I. Financial control and audit: an effective management tool. *Buhgalterskij uchet v byudzhetnyh i nekommercheskih organizaciyah = Accounting in Budgetary and Non-profit Organizations*. 2015;(18):17-21. (In Russ.)

11. Feofilova T.Yu., Lopatnikov V.S. State control and audit: institutional support and development prospects in order to ensure the economic security of the region. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tekhnologij = Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2017;79(2):326-336. (In Russ.) https://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-2-326-336

12. Izmodenov A.K., Frants O.B., Shaibakova L.F. Control, supervision and audit in the public administration system. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional Problems of Economic Transformation*. 2017;(9):97-104. (In Russ.)

13. Zherdov V.A., Zarubin M.Yu. Financial control over the expenditure of the state and municipal budget. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2021;(2):209-212. (In Russ.)

14. Skobelkina D.S. State audit in the field of inter-budgetary relations. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2021;(19):133-137. (In Russ.)

15. Kurdyumov A.V., Izmodenov A.K. State audit of budget performance efficiency. *Auditorskie vedomosti = Audit Reports*. 2021;(4):66-71. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/1727-8058-2021-4-66-71

16. Antipova T.V. An innovative approach to the audit of non-profit organizations. *Audit i finansovyi analiz = Audit and Financial Analysis*. 2015;(6):120-125. (In Russ.)

17. Polozkov M.G., Kornilov I.N. Modern control and audit: from repression to prevention. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Service*. 2019;21(1):58-63. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2070-8378-2019-21-1-58-63

Информация об авторах / Information about the Authors

Рыкунова Валентина Леонидовна, кандидат экономических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: valentina0209@mail.ru

Valentina L. Rykunova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: valentina0209@mail.ru

Агеева Полина Алексеевна, студент, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: polina_ageeva_03_00@bk.ru

Polina A. Ageeva, Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: polina_ageeva_03_00@bk.ru

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС НА ПУТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

THE GOVERNMENT AND BUSINESS ON THE PATH OF THE DIGITAL TRANSFORMATION

Оригинальная статья / Original article

УДК 338:621

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-39-57

CC BY 4.0

Проблемы организационного развития предприятий машиностроительного комплекса в условиях цифровизации

И. А. Тронина[1] ✉, Г. И. Татенко[1]

[1] Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
ул. Комсомольская, д. 95, г. Орёл 302026, Российская Федерация

✉ e-mail: irina-tronina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Современные условия внешней среды выступают переломным моментом для развития машиностроительной отрасли, где традиционные организационно-управленческие механизмы исчерпывают себя в роли продуктивного активатора производственного компонента. Требуется сделать технологический рывок в масштабах прогресса всего промышленного сектора экономики.*

Цель *исследования заключается в научном обосновании основных направлений организационного развития предприятий машиностроительного комплекса с учетом вызовов внешней среды.*

Задачи *исследования заключаются в изучении тенденций и проблем организационного развития предприятий машиностроительной отрасли на федеральном и региональном уровнях с определением современных аспектов их деятельности, что необходимо для формирования концептуальных основ преобразования машиностроительного комплекса.*

Методология. *Методологическую базу исследования составляют общенаучные методы познания, статистические методы, а также принципы и методы системного подхода.*

Результаты. *В результате исследования обозначена возможность функционального восстановления машиностроения после потери доли иностранной продукции на территории РФ, выделены факторы влияния и цифровые ответы бизнеса на основе анализа стратегий реагирования на экономические потрясения. На основе анализа кейс-практик отечественного и зарубежного опыта определены возможности преобразования машиностроения в контексте организационного развития с учетом обозначенных внутренних резервов машиностроительных организаций на примере Орловской области.*

Выводы. *Проблемы организационного развития предприятий машиностроительного комплекса с учетом его дифференцированности требуют особенного подхода на основе проработки модельных решений и создания теоретико-методических конструкций по следующим направлениям: формирование уникального профиля в современной экосистеме для регионального машиностроения; функциональное восстановление предприятий отрасли на основе использования принципов цифровой трансформации; разработка проективной методики для формирования культуры открытых инноваций в деятельности предприятий комплекса; обеспечение синергии в использовании традиционных направлений развития стратегического потенциала и цифровых драйверов трансформации промышленности в целях устойчивого развития.*

Ключевые слова: *организационное развитие; региональное машиностроение; цифровизация; стратегическая трансформация; инновации; ключевые факторы успеха отрасли.*

© Тронина И. А., Татенко Г. И., 2025

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Тронина И. А., Татенко Г. И. Проблемы организационного развития предприятий машиностроительного комплекса в условиях цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 39–57. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-39-57

Поступила в редакцию 17.02.2025 Принята к публикации 14.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Problems of organizational development of machine-building enterprises in the context of digitalization

Irina A. Tronina[1] ✉, Galina I. Tatenko[1]

[1] Orel State University named after I. S. Turgenev
95 Komsomolskaya Str., Orel 302026, Russian Federation

✉ e-mail: irina-tronina@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Modern environmental conditions are a turning point for the development of the machine-building industry, where traditional organizational and managerial mechanisms are exhausting themselves as a productive activator of the production component. It is necessary to make a technological breakthrough in the scale of progress of the entire industrial sector of the economy.*

The purpose *of the research is to scientifically substantiate the main directions of organizational development of enterprises of the machine-building complex, taking into account the challenges of the external environment.*

The objectives *of the research are to study the trends and problems of organizational development of machine-building industry enterprises at the federal and regional levels with the definition of modern aspects of their activities, which is necessary to form the conceptual foundations of the transformation of the machine-building complex.*

Methodology. *The methodological basis of the research consists of general scientific methods of cognition, statistical methods, as well as the principles and methods of the systematic approach.*

Results. *As a result of the research, the possibility of functional restoration of mechanical engineering after the loss of the share of foreign products in the territory of the Russian Federation is identified, the factors of influence and digital responses of business are highlighted based on the analysis of strategies for responding to economic shocks. Based on the analysis of case-practices of domestic and foreign experience, the possibilities of transforming mechanical engineering in the context of organizational development are determined, taking into account the identified internal reserves of machine-building organizations using the example of the Orel region.*

Conclusions. *The problems of organizational development of enterprises of the machine-building complex, taking into account its differentiation, require a special approach based on the development of model solutions and the creation of theoretical and methodological structures in the following areas: the formation of a unique profile in the modern ecosystem for regional engineering; the functional restoration of industry enterprises based on the principles of digital transformation; the development of a projective methodology for the formation of a culture of open innovation in enterprises ensuring synergy in the use of traditional areas of strategic potential development and digital drivers of industrial transformation for sustainable development.*

Keywords*: organizational development; regional engineering; digitalization; strategic transformation; innovation; key factors of industry success.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tronina I.A., Tatenko G.I. Problems of organizational development of machine-building enterprises in the context of digitalization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):39–57. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-39-57

Received 17.02.2025 Accepted 14.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

В период тектонических и революционных перемен, всецело касающихся изменений мирового геоэкономического пространства, любые деловые связи между заинтересованными сторонами в лице производителей, заказчиков, поставщиков, регуляторов и покупателей относительно развития той или иной сферы деятельности являются в первую очередь откликом на новые потребности рынка. Подобным образом зарождается современный формат конкуренции, где, как правило, выигрывает тот участник, который отличается функционалом, быстротой и точностью. В масштабах национальной экономики России эти задачи можно решить за счёт грамотной разработки и эффективной реализации долгосрочных планов, связанных с повышением качества жизни населения и достижением общественно значимых результатов [1]. Однако сегодня такие решения требуют подготовки стратегий, действительно, работающих на преодоление препятствий в ходе осуществления практической хозяйственной деятельности. По данной причине обозначается проблема исследования, основанная на необходимости создания стратегического документа, отражающего основные направления организационных изменений в формате стратегии инновационного развития, положения которого предусматривают успешную работу основополагающей отрасли страны в процессе современного функционирования общества и укрепления технологического суверенитета государства. В условиях глобальных вызовов внешней среды в контексте организационного развития оформилась тенденция перехода от концепции «классической организации» к «экосистеме», что вызывает научный и практический интерес для предприятий машиностроительного комплекса. В этой связи считаем необходимым рассматривать предприятие машиностроительной отрасли не как отдельного игрока, а как участника экосистемы, представляющей собой более структурированное сообщество, для чего актуальными становятся вопросы теоретико-методического обоснования проблем организационного развития в условиях глобальных вызовов внешней среды.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели в ходе подготовки данной статьи использовался современный теоретический материал и методический научный задел, позволяющий изучать проблемы организационного развития предприятий машиностроительного комплекса, научные труды отечественных и зарубежных ученых по вопросам исследования. В процессе исследования использовались методы логико-структурного изучения проблемы, системного, критического анализа и синтеза, общенаучные и экспертно-аналитические методы, а также методы графического описания и интерпретации информации.

Результаты и их обсуждение

Организационное развитие как трансформационный процесс предполагает переход от одной модели функционирования компании к другой – новой, более совершенной, актуальной для конкретной ситуации. Такая трансформация крайне необходима в современном мире, характеризующемся аббревиатурными моделями VUCA (Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity – нестабильность,

неопределенность, сложность, неоднозначность) и BANI-мир (Brittle, Anxious, Nonlinear, Incomprehensible – хрупкий, беспокойный, нелинейный, непостижимый), где от действующего предприятия требуется гибкость и организационное развитие становится средством ее достижения. Обзор научной литературы и изучение бизнес-практик позволяет на основе множества определений дефиниции «организационное развитие» выделить три ее принципиально важных элемента:

1) наличие научно обоснованного структурированного процесса, позволяющего внедрять изменения с учетом результатов проверки гипотез на основе использования актуальных научных подходов;

2) способность к изменениям и достижению большей организационной эффективности процесса функционирования, что можно проверить через бизнес-результаты, отраженные в сбалансированной системе показателей;

3) разработка, совершенствование и укрепление стратегий, структур и процессов на основе системного подхода с концентрацией внимания на соблюдение законов теории организации (закон синергии, закон самосохранения, закон развития, закон композиции и пропорциональности, закон информированности и упорядоченности, закон единства анализа и синтеза).

Проблема стратегического и организационного развития отраслей промышленности детально рассматривается современными исследователями и молодыми учёными как на страницах научной печати, содержащей результаты исследований по эффективному управлению социально-экономическими системами в условиях новых вызовов, так и в публикациях изданий, являющихся площадкой для обсуждения широкого спектра вопросов, посвященных экономике, менеджменту и техническим наукам. При этом наиболее информативными являются труды следующих отечественных и зарубежных авторов. Т. Каммингс и К. Уорли описали способы воздействия на организационное развитие через программы изменений, которые касаются межличностных отношений, групповой и организационной динамики, техноструктурного вмешательства, методов управления людьми, стратегических преобразований. А. Чандлер исследовал причины происходящих изменений при переходе к следующей стадии развития в модели жизненного цикла организации, отдельно выделяя реакцию организации в форме изменения структуры в ответ на внешние раздражители (вызовы внешней среды). И. Адизес и Л. Грейнер [2] рассматривали этапы организационного развития с точки зрения возникновения и преодоления управленческого кризиса (внешнего и внутреннего характера). Л. А. Горшкова и В. А. Поплавская [3] предложили подход к изучению проблемы организационного развития промышленного предприятия через трактовку понятия «адаптивная организация», ее компонентов и их сбалансированного изменения на разных стадиях жизненного цикла. Г. В. Серебрякова и И. В. Незамайкин [4] рассматривают организационное развитие как условия создания новых возможностей для социально-экономических систем с учетом комбинации факторов внешней и внутренней среды. Основной подход к вопросам формирования стратегии организаций через инновации и факторы научно-технического развития промышленности ярко описывается в работах М. Портера [5]. А. В. Плотников [6] предлагает через концептуальную модель организационной гибкости на основе «амбидекстрии» решать проблемы перехода от текущего процесса функционирования к трансформационным преобразованиям промышленности. Обзор научной теории позволяет сделать вывод о необходимости расширения теоретико-методологической базы относительно концепции стратегического и организационного преобразования индустрии в формате цифровой трансформации.

На пороге выстраивания новой экономической системы машиностроительная отрасль по-прежнему является перспективным направлением в рамках приобретения индустриальной мощи России. Отечественное машиностроение по праву считается базовой отраслью экономики, обеспечивающей и поддерживающей устойчивое функционирование всей структуры народного хозяйства страны [7]. Стратегическая роль данной сферы характеризуется рядом показателей, определяющих уровень развития Российской Федерации в целом. Подобные индикаторы с учетом влияния вызовов внешней среды (рис. 1) показывают, что деятельность машиностроительного комплекса идентифицирует весь процесс дальнейшего прогрессивного развития нашего государства [8].

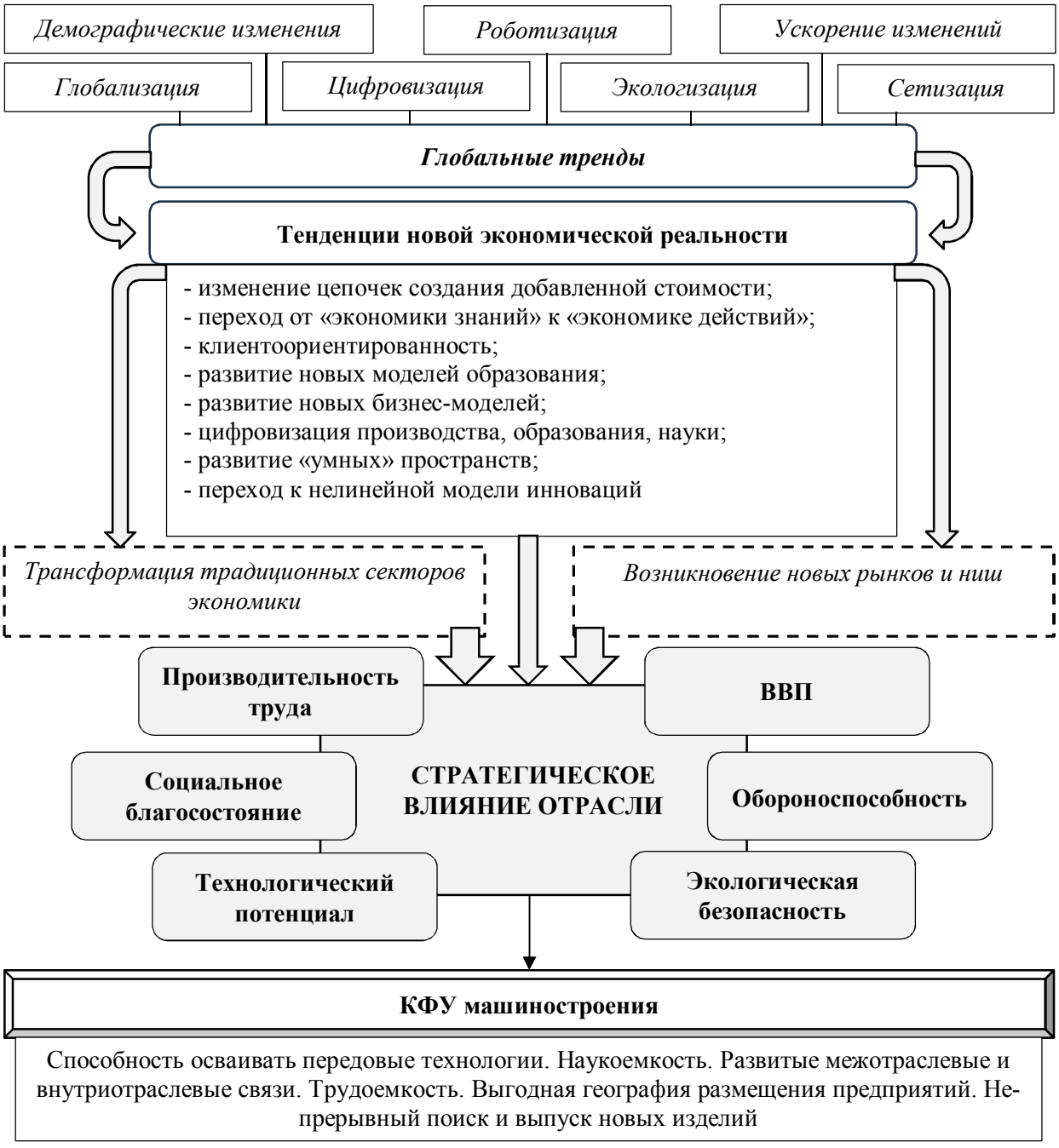

Рис. 1. Стратегическая значимость национального машиностроения в условиях современных вызовов

К примеру, доля машиностроительного сектора в ВВП России достигает 14%, количество занятых работников составляет более 33% всех работающих в промышленности, а в состав отрасли входят более 50 тысяч предприятий, тем самым формируя третью часть производственного и технологического потенциала страны.

В настоящее время российское машиностроение представлено подотраслями (свыше 200), отличающимися различной направленностью производства с присутствием отдельного ряда организаций узкого профиля, благодаря чему ассортимент продукции весьма дифференцирован [9]. Однако стандартно принято рассматривать машиностроение в разрезе пяти групп в зависимости от назначения производимой продукции, сходной технологии и используемого сырья:

1) тяжелое машиностроение (металлургическое, горно-шахтовое, подъёмно-транспортное, нефтегазовое оборудования и т. д.);

2) общее машиностроение (авиастроение, машиностроение, судостроение, вагоностроение);

3) среднее машиностроение (автомобилестроение, тракторостроение, технологическое оборудование, строительство роботов);

4) точное машиностроение (изготовление деталей);

5) производство металлических изделий и заготовок (замочные изделия, фурнитуры, крепежи и т. д.).

Современное машиностроение имеет сложную разветвленную структуру, в частности каждая из промышленных сфер отличается наличием компаний, играющих решающую роль в контексте реализации новейших достижений современного научно-технического прогресса. Данный параметр доказывает факт способности отечественного машиностроения к планомерному организационному развитию, несмотря на воздействие внешних факторов в формате санкционного давления со стороны зарубежных стран, последствий пандемии и образовавшегося дефицита в секторе.

Безусловно, за время своей многолетней работы машиностроительными предприятиями заложен спектр ключевых факторов успеха (КФУ) отрасли, которые выглядят весьма привлекательным образом с точки зрения результативности преодоления всех негативных явлений, или же решения определенных вопросов отраслевого характера, тем самым наращивая производственную мощность и конкурентоспособность компаний [10]. Иными словами, тенденции развития рассматриваемой отрасли актуально соотносить с возможностями предприятий, способных формировать свой уникальный профиль в пределах освоения положений концепции четвертой промышленной революции, непосредственно влияющей на современную модель экосистемы. Впрочем, за счёт потенциальных резервов машиностроению в РФ удалось весьма быстро реабилитироваться после неблагоприятных проявлений кризиса, возникшего на фоне эпидемиологических ограничений 2020 г. [8].

Современные факторы, задающие революционные изменения в работе национального промышленного сектора, определённо требуют действий по ликвидации критических эффектов в отношении восстановления производственной базы отрасли. Так или иначе, но функциональное восстановление зависит от прогрессивного использования подходов по цифровой перестройке компаний. Такие изменения успешно реализуются крупнейшими представителями машиностроительного бизнеса в стране. Созданный ими компетентностный профиль по факту является ярким примером того, как следует превращать внешние возможности в ключевые стороны организации, становясь главными партнерами государства по инновационному развитию промышленности [11]. В связи с этим в таблице 1 отразим то, как достаточный уро-

вень цифровизации данных предприятий позволяет воплощать всевозможные стратегии реагирования на экономические потрясения. Сведения сформированы на основе анализа деятельности машиностроительных предприятий на фоне пандемии COVID-19 и в «постпандемийный» период.

Таблица 1. Факторы влияния и цифровые ответы бизнеса

Фактор	Стратегический ответ
Сбой в цепочках поставок	1. Отслеживание компонентов и продуктов с использованием RFID-систем. 2. Освоение и запуск собственной 3D-печати
Нехватка персонала	1. Цифровизация бизнес-процессов. 2. Роботизация. 3. Развитие цифровых навыков. 4. Освоение удаленного режима работы
Ограничение доступности сервиса для оборудования	Удаленная техническая поддержка в режиме реального времени благодаря применению технологий дополненной и виртуальной реальности
Снижение спроса	1. Увеличение цифровых каналов распространения продукции. 2. Увеличение цифрового взаимодействия с покупателями. 3. Предложение индивидуальных решений

Результаты развития на базе технологий передового цифрового производства являются весьма впечатляющими, поскольку машиностроению удалось увеличить объем выручки и производительность на своих предприятиях. Концентрация на восстановлении обычного режима деятельности с разумными подходами, подкреплёнными опытом внедрения цифровых технологий, позволила крупнейшим компаниям России не только не снизить свою инициативность, но и приумножить стратегический потенциал [12].

В свою очередь, особое значение по части современной модернизации предприятий отечественной промышленности отводится анализу положительного зарубежного опыта функционирования компаний в мировых центрах машиностроения (Европейский союз, Китай, США и Япония). С этой целью в рамках исследования проведено сравнение между отраслевыми организациями России и иностранными компаниями посредством использования методики действенного инструмента выявления трендов – best practice. Рассмотрим информационные результаты анализа (табл. 2).

Таким образом, обозначаются тренды развития машиностроительной отрасли в контексте проективной методики, что крайне необходимо для решения проблем организационного развития. Так, согласно практике деятельности зарубежных компаний, важно ориентироваться на следующие направления ведения современного бизнеса:

– преодоление разрыва в уровне цифровизации производств;

– построение культуры открытых инноваций;

– соблюдение принципов клиентоцентричности.

В то же время представители отечественного машиностроения сформировали свой уникальный компетентностный профиль в плане освоения механизма по созданию технологического продукта, отвечающего требованиям качества и ценностям клиентов. Между тем предприятия всё же допускают ошибки организационного развития, связанные с медленным переходом в цифровую среду, с игнорированием решений проблем заказчиков и покупателей путем продаж только базовой продукции организации, а также со слабостью системы представления информации

о стратегических преимуществах компаний, поскольку лишь немногие отраслевые игроки отличаются уникальными и интересными предложениями.

Таблица 2. Анализ лучших практик: отечественный и зарубежный рынок машиностроения

Группа компаний	Представитель	Предлагаемые решения	Концепция функционирования	Стратегические аспекты деятельности
Успешные отечественные игроки	ПАО «Камаз» (Республика Татарстан)	Предвосхищают потребности, помогая клиентам достигать своих целей	1. Создание новых источников прибыли. 2. Инновационные продукты и технологии	1. Создание современного «цифрового игрока» отрасли. 2. Опыт работы в формате «умная фабрика». 3. Охватывает весь технологический цикл производства
	ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш» (Ростовская область)	Повышают эффективность сельхозработ и агробизнеса через предложение идей для любой агрооперации	1. Умение задавать новые тренды. 2. Стремление к качеству, развитию и совершенствованию	1. Актуальные инжиниринговые и технологические решения. 2. Освоение новых навыков. 3. Укрепление и модернизация
	Госкорпорация «Ростех» (г. Москва)	Повышают качество жизни людей через создание высокотехнологичных «умных» продуктов	Содействие разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции	1. Объединяет лучшие традиции отечественной инженерной мысли, новейшие технологические разработки и глубокую экспертизу. 2. Успешно налаживает связи между наукой и производством, разрабатывает перспективные технологии, внедряет передовые ноу-хау и способствует эффективной кооперации российских предприятий
Основной состав	ПАО «ЗИО-Подольск» (Московская область)	Удовлетворяют потребности клиентов за счёт уникальных предложений, не имеющих аналогов на рынке	1. Реализация программ технологического развития. 2. Развитие продуктового портфеля компании	1. Объединение потенциалов производственного комплекса и конструкторских служб. 2. Современная технологическая база. 3. Научные изыскания
	АО «ОДК-Климов» (г. Санкт-Петербург)	Обеспечивают мощность и безопасность самолетов страны	1. Сильное конструкторское бюро. 2. Разработки, превосходящие продукцию конкурентов	1. Развивающиеся исследовательско-экспериментальные навыки. 2. Поддержка ведущими научными центрами
	ПАО «СОЛЛЕРС Авто» (г. Москва)	Поддерживают возможности клиентов и вдохновляют их на развитие	1. Инженерно-техническое проектирование. 2. Партнерство с лидерами автомобильной индустрии	1. Научные исследования. 2. Расширение производства. 3. Развитие современных финансовых и цифровых сервисов

Окончание табл. 2

Группа компаний	Представитель	Предлагаемые решения	Концепция функционирования	Стратегические аспекты деятельности
Зарубежные игроки	Boeing (США)	Следование желаниям людей, ежедневно полагающихся на продукты и услуги компании	1. Передовые технологические решения. 2. Безопасность, качество и добросовестность	1. Управление модернизацией и инновациями. 2. Система подготовки лидеров. 3. Инженерное совершенство
	SAIC Motor (Китай)	Позволяют покупателям настраивать свои заказы с помощью цифровых инструментов	1. Стремление опережать тенденции развития отрасли. 2. Превращение в компанию мирового класса с сильным влиянием бренда	1. Переход к цифровому производству. 2. Ускоренное внедрение инноваций. 3. Исследования и разработки
	Mitsubishi Motors Corporation (Япония)	Отвечают желанием водителей «расширить сферу своей деятельности и решать различные задачи»	1. Приверженность ценностям и устремлениям своих клиентов. 2. Расширение бизнеса на базе понимания глобальных перспектив	1. Выстраивание пути устойчивого партнерства. 2. Технологии для создания надежной продукции. 3. Креативный продукт и высокое качество обслуживания
	Siemens (Германия)	Ориентированы на конкретные рынки путем создания реальности ценности для клиентов	1. Партнер для промышленности в области цифровой трансформации. 2. Интеллектуальная инфраструктура	1. Объединение реального и цифрового миров. 2. Целенаправленные технологии. 3. Открытые инновации

Кроме того, машиностроение в России по-прежнему характеризуется рядом взаимосвязанных негативных факторов, тормозящих полноценный прогресс в промышленной сфере [13]. К подобным обстоятельствам относятся:

– деградация основных фондов (несмотря на стремления крупнейших предприятий обновить производственную базу);

– низкая эффективность производственных мощностей;

– отсутствие четко сформулированных стратегий развития;

– высокая длительность цикла вывода продукции на рынок;

– импортозависимость;

– несовершенная система экологической безопасности на предприятиях.

В общем виде стратегические возможности и угрозы преобразования предприятий машиностроительного комплекса представлены ниже (рис. 2).

Перспективы продуктивного функционирования анализируемой отрасли непосредственно должны охватывать круг вопросов, касающихся важности использования участниками промышленного сектора колоссальных возможностей текущего времени. Тенденция развития в данном случае такова, что после непродолжительного спада последует рост отрасли при оперативном принятии решений с позиции переориентации деятельности компаний по направлению целевого применения инструментов цифровой трансформации путем сокращения доли традиционных технологий и бизнес-мо-

делей. В стратегическом порядке неизбежным моментом является открытие и запуск новых производств, поиск партнеров и покупателей в других регионах сбыта с параллельным укреплением технологического суверенитета отрасли. Для этого требуется формирование системного подхода в рамках государственной политики по созданию соответствующих условий в интересах поддержания машиностроительного дела современной специфики. Следовательно, определяется необходимость разработки и внедрения программы развития отрасли, предусматривающей успешную работу машиностроения в аспекте синергии традиционных направлений аккумулирования стратегического потенциала и актуальных драйверов перестройки промышленности.

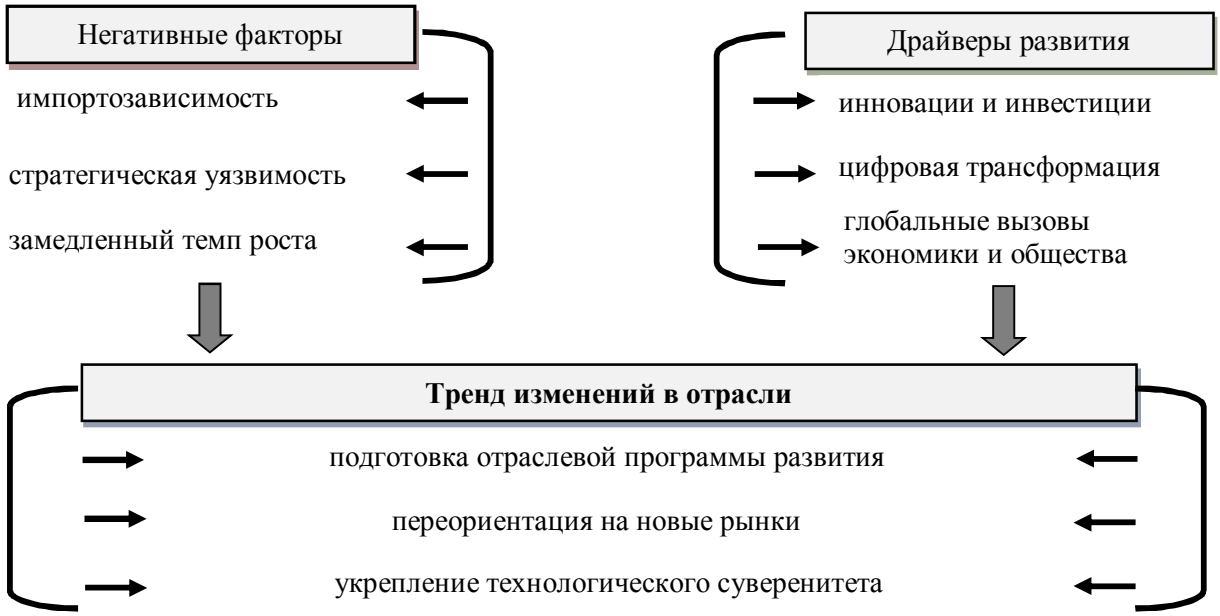

Рис. 2. Возможности преобразования машиностроения в России

В контексте региональных экономик России машиностроительная отрасль выступает визитной карточкой научно-технического прогресса любого субъекта страны, где данный сектор занимает ведущие позиции среди других направлений народного хозяйства. Однако в рамках решения задачи, связанной с повышением эффективности локальной экосистемы, количественное наращивание объемов машиностроительного производства не является на сегодняшний день позитивным фактором изменения, поскольку реальный рост конкурентоспособности обособленной территории России зависит от наличия компонентов digital-культуры в работе действующих предприятий. Поэтому считаем, что машиностроение становится показателем инновационной активности и цифровой зрелости региона [14].

Так, с позиции стратегической значимости для экономики Орловской области машиностроительный комплекс составляет 23% долю в объеме обрабатывающих производств, выступая одной из базовых отраслей промышленности, включающей в себя более 60 крупных и средних предприятий, а также около 100 малых компаний, на производственных площадках которых занято более 12 тыс. чел. [15].

В свою очередь, региональное развитие машиностроения Орловщины определено потенциалом деятельности крупных компаний, портфель решений которых позволяет удовлетворить растущие потребности клиентов, как на территории

России, так и за её пределами. Локализация данных предприятий приходится на областные города (Орёл, Ливны и Мценск), представленные производственными объектами, являющимися основой тех или иных производственных мощностей. К примеру, в городе Ливны сосредоточены машиностроительные заводы, занимающиеся выпуском насосной продукции, нефтеналивного оборудования и автокомплектующих. Технологические площадки города Мценска связаны с реализацией коммунальной техники, а областной центр становится территорией размещения машиностроительных предприятий различной специфики.

По факту машиностроение Орловщины – это высокотехнологичный сектор, поскольку более половины из числа предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, относятся именно к производственной деятельности организаций обрабатывающей индустрии и сферы услуг, специализирующихся на проектировании, производстве, обслуживании и утилизации всевозможных машин, технологического оборудования и их деталей. Значит, объектом исследования в аспекте рассмотрения вопросов регионального развития выступает инновационное машиностроение, основанное на факторах деятельности компаний по их интеграции в цепочку трансформационных процессов согласно тенденциям четвертой промышленной революции. В целом обобщенную характеристику регионального машиностроения с позиции инновационной активности продемонстрируем ниже (рис. 3).

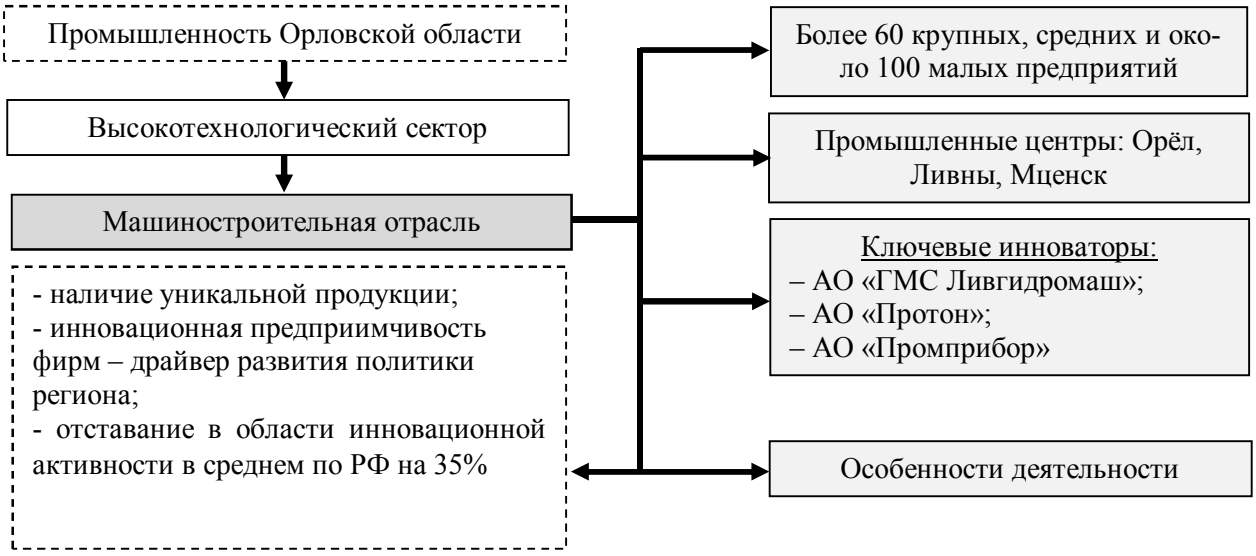

Рис. 3. Характеристика машиностроительной отрасли Орловской области

Представители машиностроения Орловщины, действительно, отличаются способностью вести инновационный формат деятельности, несмотря на отрицательную тенденцию сохранения аутсайдерских позиций анализируемого субъекта в инновационных рейтингах страны. Вместе с тем компетентностный профиль региона по направлению выпуска конкурентоспособной продукции, осуществлению реинжиниринговых процедур и стремлению к развитию инновационных компонентов формирует ряд компаний, основные сведения о которых указаны в таблице 3. Опираясь на эту информацию, можно обозначить имеющиеся внутренние резервы машиностроительных организаций Орловской области на базе перечисленных особенностей ведения бизнеса в современных экономических условиях, когда главным индикатором выступают факторы инновационных

и трансформационных процессов, связанных с текущими компетенциями отраслевых фирм. В результате видно, что основная продукция промышленного сектора исследуемого субъекта страны охватывает широкую номенклатуру машиностроительных изделий. Дополнительными и ключевыми услугами являются прототипирование, сервисное обслуживание, выпуск оборудования под любые эксплуатационные требования, комплексные поставки. Уникальностью становится обеспечение комплексного индивидуального подхода – от проектирования, поставок высококачественного оборудования до послепродажного сервиса. Иными словами, региональное развитие машиностроения для Орловщины актуально обозначить через отраслевую и научно-техническую специализацию, установленную в ходе анализа деятельности компаний (рис. 4).

Таблица 3. Ключевые представители машиностроительной отрасли Орловской области

Предприятие	Характеристика	Основа трансформации	Инновационный задел
АО «ГМС Ливгидромаш»	1. Один из крупнейших в России и СНГ производителей насосного, компрессорного и нефтегазового оборудования. 2. Важным направлением деятельности является сооружение объектов «под ключ» и комплексное обустройство объектов нефтегазового комплекса, водоснабжения и водоотведения	1. Системная реализация политики модернизации производственных мощностей. 2. Тандем производства и науки	1. Современная экспериментально-исследовательская база. 2. Комплексное восприятие понятия «инновация»
АО «Промприбор»	1. Холдинговая компания, разрабатывающая и производящая различное оборудование для нефтегазоперерабатывающей промышленности. 2. Важное направление – комплексные поставки оборудования	1. Разработка и внедрение современных технологий для обеспечения производственных процессов. 2. Использование АСУ	1. Применение самых современных технических решений. 2. Индивидуальные решения
АО «Ливнынасос»	1. Крупнейший в России производитель погружных центробежных электронасосов (применяются в городском, промышленном, сельскохозяйственном и бытовом водоснабжении). 2. Осуществление полного производственного цикла	Курс на техническое переоснащение, повышение качества и модернизацию	1. Потенциал в области проектирования и производства новых образцов продукции. 2. Использование прогрессивных технологий производства
АО «Автоагрегат»	Крупнейший производитель фильтров и фильтрующих элементов очистки масла, воздуха, топлива в России и СНГ	Развитие инфраструктуры вспомогательных производств	Наличие испытательной лаборатории
АО «Протон»	1. Ведущий производитель оптоэлектронной техники в России. 2. Осуществление полного цикла производства	Освоение современных технологий производства	Непрерывная разработка новых изделий по собственным эскизам и заказам клиентов
ООО «Фриго-гласс Евразия»	Один из мировых лидеров в производстве холодильных витрин	Стратегия технического совершенства	Обеспечение целостного решения для клиентов, неограниченность инноваций

Окончание табл. 3

Предприятие	Характеристика	Основа трансформации	Инновационный задел
АО «Завод специальной техники»	1. Один из крупнейших производителей аэродромной спецтехники в России. 2. Замкнутый технологический цикл	Осуществление инжиниринговых процессов	Разработка новых моделей техники, соответствующей желаниям клиентов
АО «Мценский завод коммунального машиностроения»	1. Один из ведущих российских производителей и экспортеров коммунальной и дорожной техники. 2. По техническому оснащению одно из передовых машиностроительных предприятий России	Реализация комплексной целевой научно-технической программы, в рамках которой постоянно модернизируется производство, и внедряются новые технологии	Технологические возможности завода, позволяющие выпускать продукцию, отвечающую конкретным запросам и требованиям каждого потребителя

Рис. 4. Значимые направления машиностроения Орловской области

В общей сложности машиностроительный комплекс Орловской области отличается средним уровнем развития, когда положительные результаты функционирования взаимосвязаны с негативными явлениями, сопровождающими работу отраслевых игроков в масштабе всей страны. Так, для орловских представителей свойственно:

– износ основных фондов;

– сложности при вводе новых промышленных объектов;

– ограниченность финансовых ресурсов (недостаток собственных ресурсов и бюджетные ограничения региона);

– отсутствие структурированной инновационной политики;

– недостаток высококвалифицированных кадров в связи с оттоком специалистов в другие регионы страны.

Несомненно, текущие события, связанные с геополитическими проблемами и экономическими потрясениями, касаются деятельности регионального маши-

ностроения, тем самым замедляя темпы его развития. Однако промышленность Орловской области способна принять новые вызовы, превращая сложности в конкурентные преимущества, поскольку ключевые игроки машиностроительного сектора успешно формируют стратегический актив рассматриваемого субъекта страны [16]. Планомерное переоснащение, внедрение цифровых технологий и комплексные меры по реиндустриализации помогут преобразовать работу многих компаний, делая отрасль более инновационной на внутреннем и внешнем рынках. В то же время стараний и сил лишь небольшого числа предприятий недостаточно в целях масштабной модернизации, поэтому требуются меры, направленные на формирование эффективных взаимодействий бизнеса и государства в интересах совершенствования производственной базы не только ведущих игроков отрасли, но и компаний, не завоевавших соответствующей репутации. Отсутствие амбициозных программ развития и преобразования отрасли становится доминирующим фактором, определяющим стагнацию машиностроения Орловской области.

С точки зрения исследуемой проблемы организационного развития необходимо отметить вклад машиностроения в поддержание экологической безопасности страны, где в последнее время устанавливается тесная связь работы предприятий с вызовами окружающей среды, социальными темами и управлением. Это обстоятельство активно ретранслируется на бизнес ведущих мировых машиностроительных организаций, действующих в пользу всеобщего благосостояния своего государства и мира в целом. Поэтому в случае игнорирования столь глобального экологического тренда российские машиностроители рискуют оказаться в позиции догоняющих и столкнуться с невозможностью производства продукции без приобретения зарубежных технологий и комплектующих [17].

Приверженность лучшим ESG-практикам выступает базисом реализации стратегических инициатив, а значит, концептуальных аспектов преобразования отрасли в национальных масштабах. Современные ESG-направления машиностроительной отрасли следует определять такими установками в области устойчивого развития, как:

– зелёный сектор (6 – чистая вода и санитария, 7 – доступная и чистая энергия, 12 – ответственное потребление и производство, 13 – борьба с изменением климата, 15 – рациональное использование экосистем суши);

– социальное партнерство (3 – хорошее здоровье и благополучие, 4 – качественное образование, 8 – достойная работа и экономический рост);

– инновационное управление (9 – индустриализация, инновации и инфраструктура, 11 – устойчивые города и населенные пункты, 17 – партнерство в интересах устойчивого развития).

Особенности организационного развития машиностроительной отрасли связаны с факторами поиска решений с позиции обеспечения научно-технического прогресса с закреплением инновационных, а также самобытных, но чрезвычайно практичных альтернатив, доказавших реальную действенность на практике [18]. В совокупности стратегическое преобразование машиностроения в целях его организационного развития соотносится с системным подходом, представленным ниже (рис. 5).

По нашему мнению, концептуальный механизм стратегического преобразования машиностроения определён активным взаимодействием между обществом, государством и непосредственно предприятиями отрасли, где каждый участник выполняет ту или иную роль в аспекте прогресса машиностроительного комплекса, формируя при этом базис развития на основе актуальных тенденций современной экосистемы. Здесь раскрываются оптимальные инновационные от-

ношения, как во всех развитых странах, где производители конкурируют между собой качеством и технологической оснащенностью бизнеса. Но для России, когда отдельные представители отрасли просто рассчитывают на субсидии из бюджета, говорить о серьезном рывке в сфере машиностроения не совсем корректно. Действительно, государству целесообразно оказывать поддержку машиностроению, но не только финансовыми вливаниями. Ведь над созданием компонентной базы должны работать и машиностроители, и государство. Первые – привлекать инвесторов, осваивать новые производства, стремится овладевать компетенциями, находящимися на пике своей эффективности и перспективности. Вторые – регулировать отношения, возникающие в ходе развития хозяйственного дела. Необходимо отметить, что российское машиностроение в состоянии разрабатывать и выводить на рынок инновационные идеи и ими заниматься, однако зачастую это требует соответствующей инфраструктуры, наличие которой является основным условием повсеместного инновационного роста отрасли [19].

Рис. 5. Аспекты организационного развития машиностроения

В конечном счёте стратегическое преобразование машиностроительного сектора образует одну из ключевых задач по достижению инновационных ориентиров путем своеобразного «решоринга», когда в Россию должна вернуться прежняя мощь отрасли, которая на сегодняшний день принадлежит другим странам. Наряду с этим будущее машиностроительного комплекса России зависит от регулярного внедрения цифровых технологий и инноваций, улучшающих состоя-

ние производств и их внутреннюю эффективность. Подобный аргумент отнюдь не самостоятельный процесс для компаний, главным поддерживающим сервисом в таком ракурсе обязано стать государство, проводящее политику импортозамещения, создающее инфраструктурную среду инноваций и разрабатывающее отраслевую стратегию. Абсолютно точно можно сказать, что детализация в формате реализации программы организационной модернизации и изменений в машиностроении – это ключ к масштабному отраслевому успеху [20].

Выводы

На текущий период времени вопрос организационного развития машиностроительного комплекса приобретает особую окраску с позиции важности решения ряда проблемных аспектов в области деятельности современных компаний отрасли. Данный факт объясним тем, что российское машиностроение в настоящее время по-прежнему отстаёт от мировых темпов отраслевого развития, несмотря на наличие достаточно большого объема внебюджетных инвестиций в открытие новых производств и модернизацию старых. С одной стороны, такое положение отрасли связано с наличием комплекса противоречивых ситуаций развития, а с другой – со слабой заинтересованностью отдельных машиностроительных игроков темой освоения актуальных тенденций научно-технического прогресса. Тем не менее подобный прецедент принимает статус активатора идей в области достижения целей стратегического роста национального машиностроения в целом. В частности, концептуальные аспекты трансформации находят своё выражение через призму прошлого и будущего через интегрирующий подход по направлению изыскания принципиально ценных принципов перестройки промышленности.

Первым направлением развития машиностроения в России выступает продолжение курса импортозамещения, зародившегося еще в 2014 г. Исключительно лишь то, что сегодня сложилась чёткая специализация производителей комплектующих изделий. Например, сложные агрегаты выпускаются специализированными фирмами, которые и выступают разработчиками данных продуктов, но используемые ими отдельные детали зачастую конструируются иными организациями, не всегда являющимися резидентами РФ. Всё это обусловлено экономической целесообразностью, поскольку каждый должен заниматься тем, что он умеет лучше всего. Поэтому стратегически важной мерой по сокращению дефицита в отрасли также является ведение параллельного импорта, т. е. поиск новых партнеров из Азии и Ближнего Востока.

Концептуальный аспект стратегического преобразования отрасли по вектору импортозамещения и параллельного импорта обязан состоять в неизменном принципе: «Техника должна служить человеку». Неоспоримо, что такой принцип уместен также в случае второго направления развития машиностроительного комплекса, связанного уже с понятием «настоящего» и «будущего», т. е. в приоритете прогресса скрывается тема выстраивания цифрового машиностроения в концепции Индустрия 4.0. При таком раскладе бенефициарами революции в рассматриваемом секторе экономики считаются сами производители и непосредственно потребители готовых изделий и оборудования, а стимулами – «умные технологии» и цифровые продукты в ракурсе освоения глобальных трендов, диктующих вызовы и возможности для бизнеса. Драйверами роста отечественного машиностроения оказываются инновации, внедряемые по всей цепочке создания ценности. В свою очередь, организационное развитие в отрасли актуально подкреплять функционалом, представляющим собой процедуру вывода новаторских решений и применения концепции цифровой инженерии (современный механизм совершенствования традицион-

ных процедур производства, изменения технологического ландшафта и улучшения процессов управления в индустрии).

В то же время не только цифровизация является разумным и популярным курсом преобразования машиностроительной отрасли. Весьма амбициозным становится вектор развития на принципах ответственного инвестирования. Данная модель ведения бизнеса в последние годы масштабно внедряется на предприятиях зарубежных стран, правительство которых уже достаточно давно заинтересовано устойчивым функционированием экосистемы. В России подобный вопрос затрагивают лишь отдельные крупные компании различных сфер деятельности.

Таким образом, перспективой прогресса выступают направления организационного развития предприятий отрасли, связанные с реальным расширением собственного производства, системным внедрением современных технологий, укреплением и развитием научной составляющей, что усилит конкурентную способность предприятий машиностроения. Главным выводом в ходе анализа становится необходимость изучения актуальных вопросов организационного развития машиностроительной промышленности с усилением её авторитета путем укрепления внутриотраслевого «экосистемного» единства и формирования гармоничной структуры, способной к самосовершенствованию.

Список литературы

1. Стратегия цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401415210/?ysclid=m8yjz6ubdx589213270 (дата обращения: 15.01.2025).

2. Адизес Ш. Методология Адизеса. Реальный опыт внедрения. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 130 с.

3. Горшкова Л. А., Поплавская В. А. О методике проведения организационных изменений в бизнесе // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2013. № 4. С. 180-183.

4. Серебрякова Г. В., Незамайкин И. В. Модели управления развитием организации: монография. Чебоксары: Среда, 2022. 148 с.

5. Магретта Дж. Ключевые идеи. Майкл Портер. Руководство по разработке стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 272 с.

6. Плотников А. В. Концептуальная модель организационной гибкости // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 12. С. 4851-4862.

7. Как машиностроению России угнаться за локомотивом инноваций. URL: https:// trends.rbc.ru/trends/innovation/5d652ed39a794752820edc3f?from=copy (дата обращения: 15.01.2025).

8. Ежеквартальный бюллетень «Машиностроение» // РИА Рейтинг. URL: https:// riarating.ru/trend/mechanical_engineering_report/ (дата обращения: 15.01.2025).

9. Абрашкин М. С. Организация и развитие предприятий наукоёмкого машиностроения: монография. М.: Научный консультант. 2019. 208 с.

10. Ярошевич Н. Ю. Машиностроение России: тренды современного развития // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 8(102). С. 222-227.

11. Афанасьев А. А. Цифровая трансформация машиностроения России в контексте четвертой промышленной революции // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14, № 1. С. 221-240.

12. Чепенко В., Андреев В. Модернизация российской экономики и возрождение отечественного машиностроения // Вопросы экономики. 2011. № 5. С. 125-129.

13. Алексеев С. Б. Экономика отраслевых комплексов. Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Туган-Барановского, 2019. 181 с.

14. Корокошко Ю. В. Цифровая трансформация региональных предприятий: исследование, оценка, возможности // π-Economy. 2024. № 17(5). С. 99-114.

15. Предприятия машиностроения Орловской области. URL: https://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=22862 (дата обращения: 15.01.2025).

16. Стратегия социально-экономического развития Орловской области до 2035 года: постановление Орловского областного совета народных депутатов от 21 декабря 2018 года № 31/823-ОС // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/550304579?ysclid=m8ykspdcj6777876093 (дата обращения: 15.01.2025).

17. Афонасова М. А. Обеспечение устойчивого развития промышленных предприятий в условиях цифровой и ESG-трансформации // π-Economy. 2024. № 17(3). С. 7-17.

18. Абрашкин М. С. Наукоемкость и инновационное развитие предприятий машиностроения // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 4. С. 107-115.

19. Бессонова Е. А., Харченко Е. В., Свеженцева К. И. Взаимосвязь устойчивого развития предприятия и региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 72–82.

20. Тронина И. А., Татенко Г. И., Злобина И. В. Промышленный «апгрейд» на примере машиностроительной отрасли: опыт и перспективы // Современная экономика: проблемы и решения. 2022. № 7. С. 48-65.

References

1. The strategy of digital transformation of manufacturing industries in order to achieve their «digital maturity» until 2024 and for the period up to 2030. (In Russ.) Available at: https://www.tadviser.ru/images/8/83/Stateg_info_2021_compressed.pdf (accessed 15.01.2025).

2. Adizes S. The Adizes methodology. The real experience of implementation. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2015. 130 p. (In Russ.)

3. Gorshkova L.A., Poplavskaya V.A. On the methodology of organizational changes in business. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and Business Administration*. 2013;(4):180-183. (In Russ.)

4. Serebryakova G.V., Nezamaikin I.V. Models of organization development management. Cheboksary: Sreda; 2022. 148 p. (In Russ.)

5. Magretta J. Key ideas. Michael Porter. A guide to strategy development. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2013. 272 p. (In Russ.)

6. Plotnikov A.V. Conceptual model of organizational flexibility. *Kreativnaya e`Konomika = Creative Economy*. 2021;15(12):4851-4862. (In Russ.)

7. How can Russia's engineering industry keep up with the locomotive of innovation. (In Russ.) Available at: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5d652ed39a794752820edc3f?from=copy (accessed 15.01.2025).

8. Quarterly bulletin «Mechanical Engineering». RIA Rating. (In Russ.) Available at: https://riarating.ru/trend/mechanical_engineering_report/ (accessed 15.01.2025).

9. Abrashkin M.S. Organization and development of high-tech engineering enterprises. Moscow: Nauchnyi konsul'tant; 2019. 208 p. (In Russ.)

10. Yaroshevich N.Yu. Russian engineering: trends of modern development. *E`konomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2023;(8):222-227. (In Russ.)

11. Afanas`ev A.A. Digital transformation of Russian engineering in the context of the Fourth Industrial Revolution. *Voprosy` innovacionnoj e`konomiki = Issues of Innovative Economics*. 2024;14(1):221-240. (In Russ.)

12. Chepenko V., Andreev V. Modernization of the Russian economy and the revival of domestic engineering. *Voprosy` e`konomiki = Economic Issues*. 2011;(5):125-129. (In Russ.)

13. Alekseev S.B. Economics of industrial complexes. Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet ekonomiki i torgovli imeni Tugan-Baranovskogo; 2019. 181 p. (In Russ.)

14. Korokoshko Yu.V. Digital transformation of regional enterprises: research, assessment, opportunities. *π-Economy*. 2024;(17):99-114. (In Russ.)

15. Mechanical engineering enterprises of the Orel region. (In Russ.) Available at: https://orel-region.ru/index.php?head=1&unit=22862 (accessed 15.01.2025).

16. The Strategy of socio-economic development of the Orel region until 2035: resolution of the Orel Regional Council of People's Deputies of December 21, 2018 № 31/823-OS. (In Russ.) Available at: https://orel-region.ru/index.php?head=6&part=73&unit=291&op=8&in=64 (accessed 15.01.2025).

17. Afonasova M.A. Ensuring the sustainable development of industrial enterprises in the context of digital and ESG transformation. *π-Economy*. 2024;(17):7-17. (In Russ.)

18. Abrashkin M.S. Scientific intensity and innovative development of machine-building enterprises. *Vestnik Astraxanskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. Seriya: E`konomika = Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2018;(4):107-115. (In Russ.)

19. Bessonova E.A., Xarchenko E.V., Svezhenceva K.I. Interrelation of sustainable development of the enterprise and the region. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(1):72-82. (In Russ.)

20. Tronina I.A., Tatenko G.I., Zlobina I.V. Industrial «upgrade» using the example of the machine-building industry: experience and prospects. *Sovremennaya e`konomika: problemy` i resheniya = Modern Economy: Problems and Solutions*. 2022;(7):48-65. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Тронина Ирина Алексеевна, доктор эконических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: irina-tronina@yandex.ru,
Researcher ID: Я-8039-2016,
ORCID: 0000-0002-9593-5129

Irina A. Tronina, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: irina-tronina@yandex.ru,
Researcher ID: Я-8039-2016,
ORCID: 0000-0002-9593-5129

Татенко Галина Ивановна, кандидат экономических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация,
e-mail: galinatatenko@yandex.ru,
Researcher ID: M-1293-2016,
ORCID: 0000-0002-6491-2370

Galina I. Tatenko, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation,
e-mail: galinatatenko@yandex.ru,
Researcher ID: M-1293-2016,
ORCID: 0000-0002-6491-2370

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

ACTUAL PROBLEMS OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.05

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-58-74

CC BY 4.0

Анализ развития малого и среднего предпринимательства в системе факторов обеспечения инвестиционной привлекательности регионов

Н. А. Кулагина[1] ✉

[1] МИРЭА – Российский технологический университет
пр-т Вернадского, д. 78, г. Москва 119571, Российская Федерация

✉ e-mail: kulagina_n@mirea.ru

Резюме

Актуальность. *Малое и среднее предпринимательство относится к важнейшим структурным элементам национальной и региональной экономических систем, особенность которого заключаются в формировании значительного потенциала развития при оптимальном сочетании финансовых, трудовых, материальных ресурсов, способностью быстрой адаптации к макроэкономическим условиям. Поэтому проведение аналитических исследований с целью выявления факторов их активизации является важнейшей задачей экономических анализа регионального развития, результатом которой выступает формирование комплекса структурированных действий по повышению эффективности инвестиционного развития.*

Цель *исследования заключается в необходимости разработки методических положений по анализу роли субъектов предпринимательства в системе условий инвестиционной привлекательности отдельных территорий.*

Задачи: *рассмотреть подходы отечественных ученых к выделению факторов обеспечения инвестиционной привлекательности регионов; анализ развития сектора малого и среднего предпринимательства и разработка методических положений по оценке роли малого и среднего бизнеса для обеспечения инвестиционной привлекательности региональной экономики.*

Методология. *При проведении аналитического исследования применялись методы трендового, горизонтального и сравнительного анализа, логического анализа, общенаучные методы исследования (дедукция и индукция), методы прогнозирования показателей.*

Результаты. *Систематизированы факторы, определяющие динамику функционирования сектора малого и среднего предпринимательства, а также предложен методический подход исследования влияния сектора предпринимательства на уровень инвестиционной привлекательности регионов.*

Выводы. *Анализ факторов, определяющих тренды малого и среднего предпринимательства для обеспечения инвестиционной привлекательности регионов, является базисом для проведения анализа результативности программ регионального развития. Исследование трендов развития предпринимательского сектора в разрезе регионов позволяет впоследствии разработать резервы повышения инвестиционной привлекательности субъектов.*

Ключевые слова: *инвестиционная привлекательность; конкурентоспособность; предпринимательство; региональное развитие; факторы регионального развития.*

© Кулагина Н. А., 2025

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Кулагина Н. А. Анализ развития малого и среднего предпринимательства в системе факторов обеспечения инвестиционной привлекательности регионов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 58–74. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-58-74

Поступила в редакцию 05.02.2025 Принята к публикации 03.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Analysis of the development of small and medium-sized enterprises in the system of investment support factors attractiveness of the regions

Natalia A. Kulagina[1] ✉

[1] MIREA – Russian Technological University
78 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russian Federation

✉ e-mail: kulagina_n@meil.ru

Abstract

Relevance. *Small and medium-sized enterprises are among the most important structural elements of national and regional economic systems, the peculiarity of which is the formation of significant development potential with an optimal combination of financial, labor, and material resources, and the ability to quickly adapt to macroeconomic conditions. Therefore, conducting analytical research in order to identify the factors of their activation is the most important task of economic analysis of regional development, which results in the formation of a set of structured actions to improve the effectiveness of investment development.*

The purpose *of the study is the need to develop methodological provisions for analyzing the role of business entities in the system of conditions for the investment attractiveness of individual territories.*

Objectives: *to consider the approaches of domestic scientists to identify factors for ensuring the investment attractiveness of regions; to analyze the development of the small and medium-sized business sector and to develop methodological guidelines for assessing the role of small and medium-sized businesses in ensuring the investment attractiveness of the regional economy.*

Methodology. *The analytical research used methods of trend, horizontal and comparative analysis, logical analysis, general scientific research methods (deduction and induction), methods of forecasting indicators. Results. The factors determining the dynamics of the functioning of the small and medium-sized business sector are systematized, and a methodological approach to studying the impact of the business sector on the level of investment attractiveness of regions is proposed.*

Results. *The factors determining the dynamics of the functioning of the small and medium-sized business sector are systematized, and a methodological approach to studying the impact of the business sector on the level of investment attractiveness of regions is proposed.*

Conclusions. *The analysis of the factors determining the trends of small and medium-sized enterprises to ensure the investment attractiveness of regions is the basis for analyzing the effectiveness of regional development programs. The study of trends in the development of the business sector by region allows us to subsequently develop reserves to increase the investment attractiveness of the subjects.*

Keywords*: investment attractiveness; competitiveness; small and medium-sized enterprises; regional development; factors of regional development.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kulagina N.A. Analysis of the development of small and medium-sized enterprises in the system of investment support factors attractiveness of the regions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universi-*

teta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2025;15(2):58–74. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-58-74

Received 05.02.2025 Accepted 03.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Вопросы сглаживания непропорциональности развития отечественных регионов в призме достижения целей Концепции пространственного развития выдвигают на первый план одну из важнейших задач стратегического развития – повышение инвестиционной привлекательности отдельных территорий, решение которой сопряжено с комплексом взаимосвязанных действий. Устойчивость экономики региона к турбулентным факторам представляет собой основу обеспечения экономической безопасности территорий [1, с. 101], а также раскрывает внутренние резервы повышения инвестиционной привлекательности [2, с. 169], деловой активности и конкурентоспособности [3, с. 1].

В данном случае речь идет об обоснованности выявления отдельных факторов, действие которых направлено на аккумулирование усилий отдельных субъектов страны по выявлению внутренних резервов развития и способных обеспечить заданные темпы экономического роста, предусмотренные в их стратегиях социально-экономического развития, одним из которых называется инвестиционная активность [4, с. 2097]. Именно детализация факторов выступает основанием для обоснования комплекса методов и процедур, применяемых в региональной экономической политике [5, с. 67], оценке эффективности их применения [6, с. 44], совершенствовании применения проектного подхода управления сложнейшей региональной экономической системой [7, с. 85], результатом чего и является создание благоприятного инвестиционного климата.

Важнейшим аспектом принятия инвестиционных решений, которые предопределяют векторы политики социально-экономического развития регионов, определяющим степень межрегиональной дифференциации, является инвестиционная привлекательность территории [8, с. 112], повышение которой оказывает влияние на инвестиционные риски и привлечение в регион существенных капиталовложений в различные отрасли [9, с. 363], конкурентоспособность и устойчивости территории под влиянием негативных процессов [10, с. 65], обусловленных внешними угрозами функционирования.

В трудах отечественных ученых понятие «инвестиционная привлекательность региона» рассматривается многоаспектно применительно к национальному, региональному и микроуровню экономических систем. Что касается регионального уровня, представляет интерес раскрытия сущности данного понятия в статье А. А. Булокура, который инвестиционную привлекательность предлагает понимать как выстроенную систему «объективных и субъективных региональных факторов и условий, определяющих инвестиционный потенциал территории и соответствующий выбор инвестором объекта инвестирования среди имеющихся альтернатив» [11, с. 23].

Ландшафт теоретических изысканий по исследованию проблематики повышения инвестиционной привлекательности позволил сделать вывод об имеющихся значительных подходах к выделению и оценке отдельных факторов, направленных на повышение инвестиционной привлекательности регионов. Например, в исследовании А. М. Могзоева предлагается совокупность факторов регионального инвестиционного развития проранжировать на две группы: территориаль-

ные (определяют возможности динамизма инвестиционного климата отдельной территории) и точечные (предопределяют инвестиционную привлекательность отдельного субъекта, в качестве которого выступает отдельная территория, отрасль или субъект хозяйствования) [12, с. 129].

В. Н. Мякшин считает, что факторы, определяющие инвестиционную привлекательность региона при формировании комплекса мер управленческой деятельности, необходимо подразделят на те, которые поддаются варьированию в оперативные сроки (например, изменение законодательной базы территории), факторы, которые динамичны в долгосрочной перспективе (например, составляющие инфраструктурного развития региона), и группа факторов, измерение которых сопряжено с определенными трудностями в измерении их влияния на инвестиционные параметры регионального развития (например, ресурсно-природные факторы) [13, с. 47].

Далее в публикациях автора более подробно представлены сущностные характеристики экономических, финансовых, природно-ресурсных, производственных, инфраструктурных, инновационных, законодательных, трудовых, социальных, институциональных, политических и экологических, максимальная детализация которых позволяет обеспечить темпы экономического роста, а комплексный экономический анализ предоставляет обширные возможности для их качественного оценивания и изучения корреляции с показателями социально-экономического развития территории [14, с. 26].

По мнению Н. З. Вельгош, О. С. Сиваш и С. С. Змияк, уровень инвестиционной привлекательности регионов является динамическим комплексным индикатором, состояние которого определяют мягкие и «твердые» факторы, отличие которых заключается в том, что первые из них легко подвержены изменениям, в то время как последние не подлежат изменению при любом воздействии, либо их динамика сопряжена с существенными капитальными вложениями (рис. 1).

Рис. 1. Совокупность факторов, определяющих инвестиционную привлекательность региона [15, с. 6]

Важность выявления и комплексного диагностирования факторов регионального развития предопределена их непосредственным проявлением на инновационные процессы путем создания предпосылок для повышения эффективности инновационных инициатив и обеспечения устойчивости экосистемы территорий к трансформационным преобразованиям [16, с. 1448], а также наращивания инвестиционной привлекательности за счет выработки направлений совершенствования государственной и региональной политики [17, с. 115].

При разработке направлений повышения конкурентоспособности региональной экономики и отдельных муниципалитетов необходимо уделить внимание сигнализаторам, определяющим тенденции развития малого и среднего предпринимательства [18, с. 187], так как применение на практике программно-целевого метода правления показало наличие существенных проблем, одной из важнейших проблем, в первую очередь заключающихся при отсутствии взаимосвязи между документами национального и регионального уровня в части развития бизнес-структур [19, с. 180].

Вместе с тем активность предпринимательского сектора экономики относится к числу важнейших мотивационных условий формирования комфортной бизнес-среды на уровне отдельных территорий, а также фактором, стимулирующим экономический рост и благосостояние регионов страны [20, с. 625]. В то же время состояние предпринимательской экосистемы региона, степень ее трансформации за счет роста числа субъектов предпринимательской деятельности, участия их в процессах кооперации с предприятиями из других регионов страны, в логистических отраслевых цепочках, в кластерных формированиях, использовании совместных цифровых решений для повышения их эффективности – все это становится фактором успешности ведения внешнеэкономической деятельности и способствует вовлеченности региона в национальные экономические процессы, способствуя благоприятности инвестиционного климата [21, с. 702].

Материалы и методы

В качестве информационной базы исследования послужили теоретические разработки отечественных ученых по изучаемой предметной области, что позволило сделать вывод об актуальности сектора малого и среднего предпринимательства для экономики отдельных регионов и факторов, требующих учета при исследовании тенденций их развития. Результаты трендового анализа базировались на сведениях, аккумулированных на цифровой платформе Федеральной налоговой службы РФ, информации, содержащейся в открытом виде на ресурсе Росстата.

Исследование литературных источников, в которых освещаются вопросы инвестиционного регионального развития, позволило выявить разнообразие авторских подходов к пониманию особенностей терминологического аппарата по изучению специфики формирования параметра «инвестиционная привлекательность региона» и факторов, определяющих поступательное инвестиционное развитие [22, с. 343], что в последствии оказывает непосредственное влияние на применение методико-методологических инструментов исследования в целях разработки действенных регуляторных мероприятий.

Следует отметить, что официальные данные Росстата содержат весьма разрозненные сведения, предоставляющие сделать неполные выводы о тенденциях инвестиционной активности в регионах РФ, так как формируются в итоговые значения в весьма отделенной ретроспективе, предоставляют возможности проведения корреляционного анализа в прошлые годы, тем самым предоставляя возможности диагностирования эффективность применяемых инструментов для оценивания мер местных политик в прошедшие периоды.

В то же время различные рейтинговые агентства [23] проводят экспресс-оценку внутри региональных факторов и формируют рейтинги субъектов для оценивания потенциала развития сектора малого и среднего бизнеса в части создания благоприятного инвестиционного климата. Но подобные оценки, на наш взгляд, зачастую субъективны ввиду того, что в большинстве своем применяются вариации методов экспертной оценки, которые в большинстве своем зависят от квалификации привлекаемых экспертов, наличия актуализированных данных на сайте региона в части нормативно-правовых и финансовых инструментов для развития сектора малого и среднего бизнеса, а также прикрепленных документов, в которых прописаны цели, задачи, механизм поддержки субъектов бизнеса на местном уровне.

Результаты и их обсуждение

Одним из сложных вопросов по-прежнему остается применение актуализированных методических подходов для комплексного исследования статистических индикаторов, определяющих интегрально многоаспектные параметры регионального развития на основе практического использования известных методов аналитического исследования. Причем большинство динамических сведений по функционированию сектора малого и среднего предпринимательства (МСП) содержатся на сайте ФНС[1], которые позволяют сформировать общий вывод об их развитии и выделить факторы, препятствующие деятельности и направлены на снижение инвестиционной активности.

Например, проводя анализ количества вновь созданных субъектов МСП по регионам ЦФО на 31 января (табл. 1), можно сделать вывод о том, в целом по ЦФО намечен положительный тренд (15,7%) по сравнению с уровнем 2022 г. Наиболее активно данный процесс протекает в г. Москве (+24,9% к 2022 г.), Владимирской области (+15,4% к 2022 г.) и Тамбовской области (+11,2% к 2022 г.).

Таблица 1. Сведения о количестве вновь созданных субъектов малого и среднего предпринимательства по регионам ЦФО, всего по состоянию на 31.01[1]

Регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %
Белгородская область	9 382	9 319	10 310	10 181	108,5
Брянская область	5 835	5 219	5 911	6 070	104,0
Владимирская область	7 353	7 249	8 219	8 487	115,4
Воронежская область	14 286	12 860	14 325	14 921	104,4
Ивановская область	6 876	6 622	7 299	7 450	108,3
Калужская область	8 087	7 097	7 590	8 098	100,1
Костромская область	3 231	3 094	3 356	3 525	109,1
Курская область	5 800	4 907	5 850	5 748	99,1
Липецкая область	7 487	6 986	7 211	7 291	97,4
Московская область	78 372	82 319	90 476	89 866	114,7
Орловская область	3 877	3 362	3 782	3 822	98,6
Рязанская область	6 503	5 898	6 820	6 884	105,9
Смоленская область	6 580	6 887	6 788	6 887	104,7
Тамбовская область	4 569	4 435	4 939	5 081	111,2
Тверская область	7 450	7 385	7 814	7 873	105,7
Тульская область	8 891	9 199	9 626	9 291	104,5
Ярославская область	8 046	7 873	7 791	7 763	96,5
г. Москва	146 198	182 952	197 180	182 619	124,9
Центральный федеральный округ	338 823	373 663	405 287	391 857	115,7

[1] Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/ (дата обращения: 17.01.2025).

Причем необходимо отметить отрицательную динамику по анализируемому показателю по таким регионам, как Курская, Липецкая, Орловская и Ярославская области. Построенный прогнозный тренд позволяет судить о том, что по Курской области ввиду сложившейся ситуации с СВО отрицательная динамика продолжится, тогда как в других регионах возможно улучшение ситуации в положительную сторону (рис. 2).

Одним из важнейших показателей, определяющих уровень инвестиционной привлекательности регионов, является структура сектора МСП, также тенденция к увеличению числа вновь созданных субъектов МСП, зарегистрированных в форме юридического лица.

Очевидно, что увеличение числа юридических лиц положительно сказывается на конкурентоспособности регионов, демонстрируя положительные тренды в местной экосреде, формировании благоприятных условиях для бизнеса со стороны органов власти, что в результате способствует наращиванию финансового потенциала территории (табл. 2).

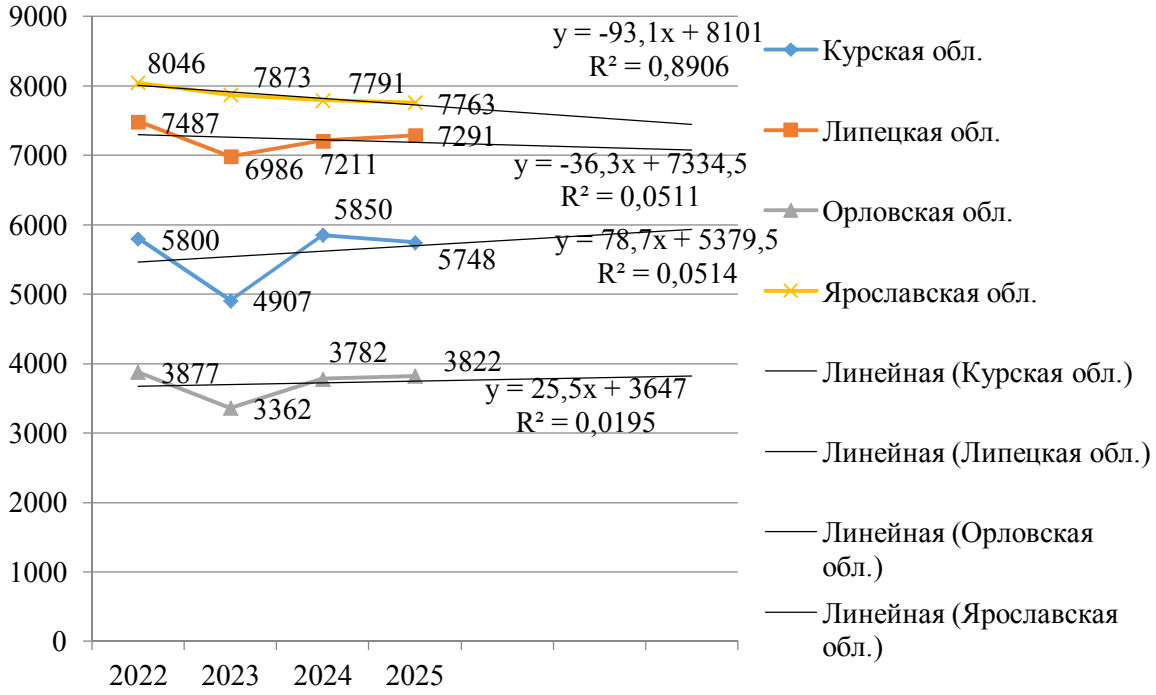

Рис. 2. Прогнозные тренды по отстающим регионам ЦФО по показателю «число вновь созданных субъектов МСП» на 31.01[1]

Таблица 2. Сведения о количестве вновь созданных субъектов малого и среднего предпринимательства по регионам ЦФО – юридических лиц, по состоянию на 31.01[1]

Регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %
Белгородская область	1 651	1 731	1 616	1 404	85,0
Брянская область	560	555	604	559	99,8
Владимирская область	943	992	1 048	1 011	107,2
Воронежская область	3 510	2 322	2 383	2 187	62,3
Ивановская область	1 624	1 158	1 395	1 193	73,5
Калужская область	1 021	1 054	1 204	1 098	107,5

[1] Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/ (дата обращения: 17.01.2025).

Окончание табл. 2

Регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %
Костромская область	539	587	604	448	83,1
Курская область	1 393	815	716	602	43,2
Липецкая область	1 873	1 764	1 084	979	52,3
Московская область	13 080	15 737	18 171	15 377	117,6
Орловская область	504	492	536	474	94,0
Рязанская область	1 181	1 052	1 060	931	78,8
Смоленская область	2 378	2 681	2 054	1 711	72,0
Тамбовская область	635	567	543	470	74,0
Тверская область	1 630	1 573	1 421	1 234	75,7
Тульская область	1 476	1 704	1 718	1 239	83,9
Ярославская область	2 274	2 337	1 320	1 160	51,0
г. Москва	65 284	102 037	108 944	91 098	139,5
Центральный федеральный округ	101 556	139 158	146 421	123 175	121,3

Анализ представленных в таблице 2 сводных данных по регионам ЦФО в части открытия новых субъектов МСП в виде юридических лиц позволяет сделать вывод о том, что в целом по округу наблюдается увеличение показателя на 21,3%.

Причем детализация по регионам позволяет сказать о том, что указанная тенденция вызвана в большинстве своем существенным увеличением показателя в г. Москве на 39,5% по сравнению с уровнем 2022 г., Московской области (рост составил 17,6%), Калужской и Владимирской областях (соответственно 7,5% и 7,2%), что положительно характеризует инфраструктуру для развития МСП, местные особенности и бизнес-среду в целом (рис. 3).

Вместе с тем для большинства регионов ЦФО отмечено снижение исследуемого показателя, характеризующего тенденции развития МСП. Явными аутсайдерами в данном случае являются Курская, Липецкая, Ярославская и Воронежская области, что требует проведения более тщательных аналитических исследований всей совокупности региональных факторов, которые привели к негативным трендам.

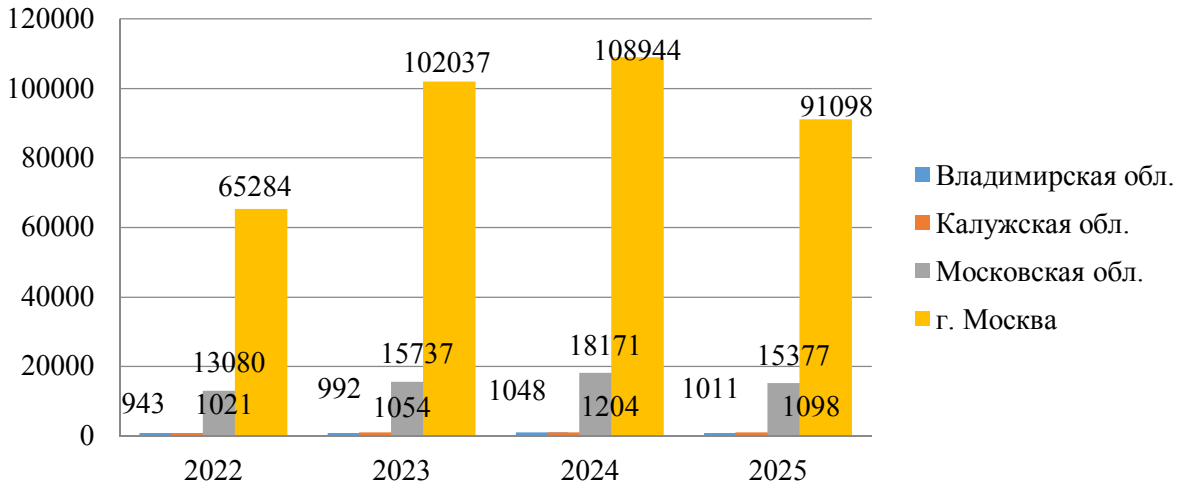

Рис. 3. Положительные тренды по регионам ЦФО показателю «число вновь созданных субъектов МСП-юридических лиц» на 31.01[1]

[1] Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/ (дата обращения: 17.01.2025).

В данном случае следует провести оценку применяемых инструментов по активизации предпринимательских инициатив, мер поддержки сектора МСП в соответствии с региональными проектами и национальной программой по развитию МСП и оценить уровень достижения целевых параметров, изучить причины, которые привели к отрицательной динамике. Проведение в данном случае факторного анализа позволит акцентировать внимание на решающих и второстепенных факторах, оценить их корреляцию с индикаторами, запланированными в стратегиях социально-экономического развития регионов, а также оценить их вариацию под влиянием новых внешних и внутренних вызовов территории.

Одним из параметров, определяющих инвестиционную привлекательность региона, является увеличение численности вновь созданных предпринимательских структур, так как данные тенденции характеризуют создание необходимых внутри региональных условий для повышения активности бизнес-субъектов, состояние внутренней политической среды на предмет ее лояльности, а также поступательное стратегическое развитие местной экономики (табл. 3).

На основании представленной в таблице 3 информации можем сделать вывод о том, что в целом по ЦФО наблюдается весьма положительная динамика искомого показателя – 13,2% к данным 2022 г. Детализированный анализ ситуации в разрезе регионов мозволяет говорить о том, что наиболее существенные положительные темпы отмечены в Смоленской (23,2%), Тамбовской (17,2%), Владимирской (16,6%), Воронежской (18,2%), Ивановской (19,1%) и Курской (15,8%) областях. Отрицательная динамика показателя на протяжении исследуемого периода зафиксирована в Калужской и Орловской областях, прогнозные значения в ближайшей перспективе также не позволяют сделать выводы о том, что ситуация станет благоприятной (рис. 4).

Таблица 3. Динамика количества вновь созданных субъектов МСП (индивидуальных предпринимателей) по регионам ЦФО по состоянию на 31.01[1]

Регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %
Белгородская область	7 731	7 588	8 694	8 777	113,5
Брянская область	5 275	4 664	5 307	5 511	104,5
Владимирская область	6 410	6 257	7 171	7 476	116,6
Воронежская область	10 776	10 538	11 942	12 734	118,2
Ивановская область	5 252	5 464	5 904	6 257	119,1
Калужская область	7 066	6 043	6 386	7 000	99,1
Костромская область	2 692	2 507	2 752	3 077	114,3
Курская область	4 407	4 092	5 134	5 146	116,8
Липецкая область	5 614	5 222	6 127	6 312	112,4
Московская область	65 292	66 582	72 305	74 489	114,1
Орловская область	3 373	2 870	3 246	3 348	99,3
Рязанская область	5 322	4 846	5 760	5 953	111,9
Смоленская область	4 202	4 206	4 734	5 176	123,2
Тамбовская область	3 934	3 868	4 396	4 611	117,2
Тверская область	5 820	5 812	6 393	6 639	114,1
Тульская область	7 415	7 495	7 908	8 052	108,6
Ярославская область	5 772	5 536	6 471	6 603	114,4
г. Москва	80 914	80 915	88 236	91 521	113,1
Центральный федеральный округ	237 267	234 505	258 866	268 682	113,2

[1] Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/ (дата обращения: 17.01.2025).

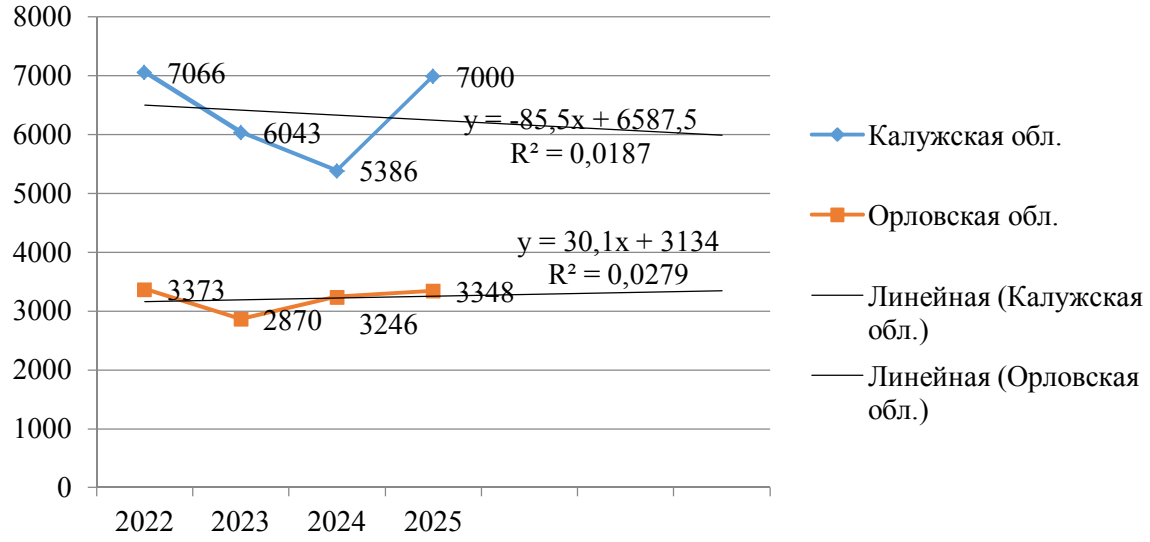

Рис. 4. Прогнозные тренды по отстающим регионам ЦФО по показателю «число вновь созданных субъектов МСП – ИП» на 31.01[1]

Наибольшая численность предпринимательских структур приходится традиционно на г. Москву – 34,1% в 2025 г., что соответствует уровню 2022 г. Также в тройку лидеров входят Воронежская (12734 ед.), Белгородская (8777 ед.) и Тульская (8052 ед.) области. В топ-3 региона аутсайдера по численности вновь созданных субъектов МСП входят Костромская (3077 ед.), Орловская (3348 ед.) и Курская (5146 ед.) области.

Традиционно роль сектора МСП в региональной экономике заключается в том, что создаются дополнительные рабочие места, что способствует повышению уровня благосостояния отдельных граждан, тем самым сокращается степень социальной напряженности. Именно данному аспекты отведена одна из целевых установок национальной программы по развитию предпринимательства и региональных проектов, призванных повысить уровень предпринимательской активности.

Рассматривая данные, которые характеризуют численность занятых в сфере МСП по регионам, можно в целом отметить положительную динамику за последние четыре года и наметившийся положительный прогнозный тренд (рис. 5).

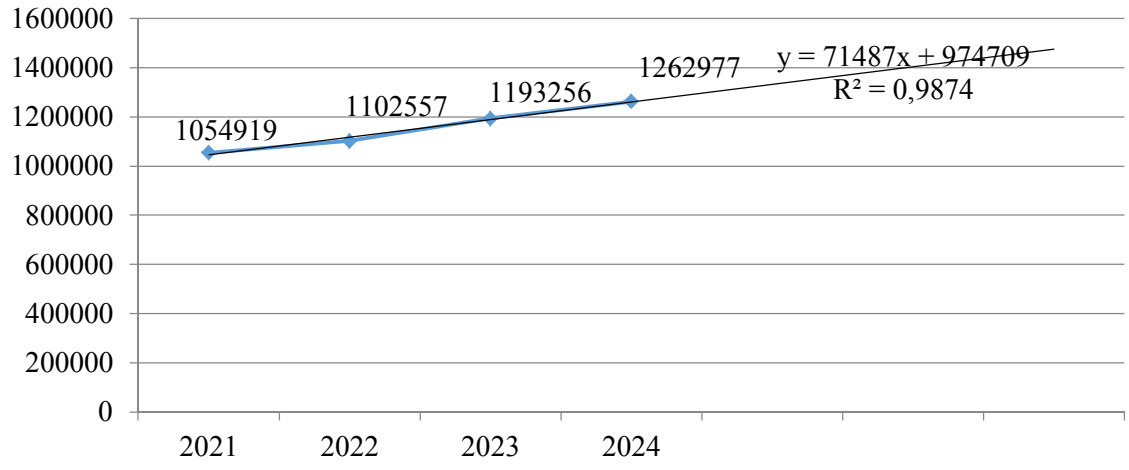

Рис. 5. Прогнозный тренд показателя «численность занятых в сфере МСП» по ЦФО[1]

[1] Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/ (дата обращения: 17.01.2025).

Детализация показателя в разрезе субъектов, входящих в ЦФО, предоставляет возможности для конкретизации данных по каждому из регионов (табл. 4).

Как видим, среди регионов, входящих в ЦФО, наиболее существенные положительные изменения исследуемого индикатора зафиксированы в г. Москве (27,7%), Московской (24,9%), Ивановской (17,9%) областях. Далее за лидерами следует Тверская и Ярославская области. Среди отстающих регионов по темпам роста следует назвать Орловскую, Калужскую и Брянскую области. Причем необходимо отметить, что по всем регионам динамика данного показателя положительная на протяжении всего временного лага исследования.

Среди условий инвестиционной привлекательности регионов одним из параметров является количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход», рост в динамике которого также позволяет судить о состоянии инвестиционного климата в регионе (табл. 5).

Таблица 4. Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей» по регионам ЦФО на 31.12[1]

Регион	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Темп роста, %
Белгородская область	40 105	40 353	42 591	43 842	109,3
Брянская область	26 834	26 699	27 391	28 134	104,8
Владимирская область	33 702	34 173	36 295	37 554	111,4
Воронежская область	53 966	54 630	58 005	60 953	112,9
Ивановская область	23 157	24 148	25 876	27 297	117,9
Калужская область	29 002	28 444	29 358	30 851	106,4
Костромская область	14 141	14 303	14 995	15 632	110,5
Курская область	24 086	23 737	25 029	25 624	106,4
Липецкая область	26 063	25 976	27 434	28 660	110,0
Московская область	258 365	277 670	303 510	322 751	124,9
Орловская область	17 437	17 362	17 946	18 252	104,7
Рязанская область	25 521	25 656	27 222	28 325	111,0
Смоленская область	20 713	20 598	21 827	23 188	111,9
Тамбовская область	21 303	21 326	22 198	22 963	107,8
Тверская область	27 478	28 069	29 580	30 918	112,5
Тульская область	34 789	35 628	37 091	38 134	109,6
Ярославская область	26 108	26 623	28 808	30 234	115,8
г. Москва	352 150	377 164	418 103	449 669	127,7
Центральный федеральный округ	1 054 919	1 102 557	1 193 256	1 262 977	129,2

Таблица 5. Динамика количества самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД)» по регионам ЦФО на 31.01[1]

Регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %
Белгородская область	26 481	44 056	65 216	86 922	328,2
Брянская область	16 770	29 994	43 399	58 431	348,4
Владимирская область	21 932	37 537	54 501	75 387	343,7
Воронежская область	52 278	84 690	123 315	178 707	341,8

[1] Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/ (дата обращения: 17.01.2025).

Окончание табл. 5

Регион	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.	Темп роста, %
Ивановская область	14 572	26 802	39 770	55 427	380,4
Калужская область	30 764	46 329	64 170	83 274	270,7
Костромская область	8 336	15 684	23 303	31 682	380,1
Курская область	15 403	27 869	41 092	56 146	364,5
Липецкая область	18 813	31 601	46 089	64 113	340,8
Московская область	336 805	493 495	664 933	863 745	256,4
Орловская область	12 979	21 472	31 343	42 538	327,7
Рязанская область	18 112	30 217	45 372	63 890	352,8
Смоленская область	12 802	22 986	34 266	47 817	373,5
Тамбовская область	10 868	20 150	31 283	44 485	409,3
Тверская область	22 034	41 244	59 824	80 485	365,3
Тульская область	22 772	38 412	56 778	79 737	350,2
Ярославская область	25 231	45 836	69 084	93 654	371,2
г. Москва	900 309	1 258 694	1 582 850	1 945 023	216,0
Центральный федеральный округ	1 567 261	2 317 068	3 076 588	3 951 463	252,1

Как видим, судя по информации, аккумулированной на сайте ФНС, значение показателя вразрезе всех регионов, входящих в ЦФО, демонстрирует весьма положительные устойчивые тренды. Наиболее лидирующие регионы – Тамбовская (в 4,1 раза), Костромская (в 3,8 раза), Смоленская (в 3,7 раза), Курская (в 3,6 раза) и Тверская (в 3,6 раза) области. Причем по Москве и Московской области увеличение показателя составило в 2,2 раза и 2,6 раза соответственно, а по ЦФО в целом увеличение показателя к уровню 2022 г. составило в 2,5 раза.

Таким образом, проведенный анализ деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства по регионам ЦФО позволяет сделать вывод о весьма положительных в целом тенденциях, что свидетельствует о постепенном восстановлении сектора после пандемии и адаптации к внешним вызовам, скомпрометированным санкционной политикой зарубежных стран, вызванными изменениями в логистических потоках, а также необходимостью перехода на цифровые решения.

Анализ динамики параметров, определяющих тренды предпринимательского сектора регионов, позволил выделить, на наш взгляд, ряд существенных факторов, которые вызывают негативные тенденции в развитии малого и среднего бизнеса на уровне отдельных регионов и становятся стагнирующим условием для инвестиционной привлекательности. Среди них традиционно следует назвать состояние нормативно-правовой базы и административные барьеры в регионе, снижение населения в трудоспособном возрасте, трудности с подбором высококвалифицированного персонала, высокие процентные ставки по кредитным предложениям, недостаточно обоснованные механизмы внутри регионального экономического развития в части проектного управления и т. д.

Весь комплекс направлений повышения эффективности функционирования сектора малого и среднего предпринимательства, по нашему мнению, должен интегрироваться в общую концепцию реализации экономической политики региона в части векторов повышения инвестиционной привлекательности. Причем персональные инструменты, которые касаются развития отдельных секторов предпринимательства, требуют объективного обоснования исходя из результатов деятельности субъектов

малого и среднего бизнеса в отдельном регионе и цели социально-экономического развития. Поэтому целесообразно разработать единую методику исследования деятельности субъектов бизнеса в целях поиска внутренних резервов повышения инвестиционной привлекательности территорий, на основе которой следует опираться в выработке мер реагирования на риски и формировании альтернативных направлений повышения уровня инвестиционной активности (рис. 6).

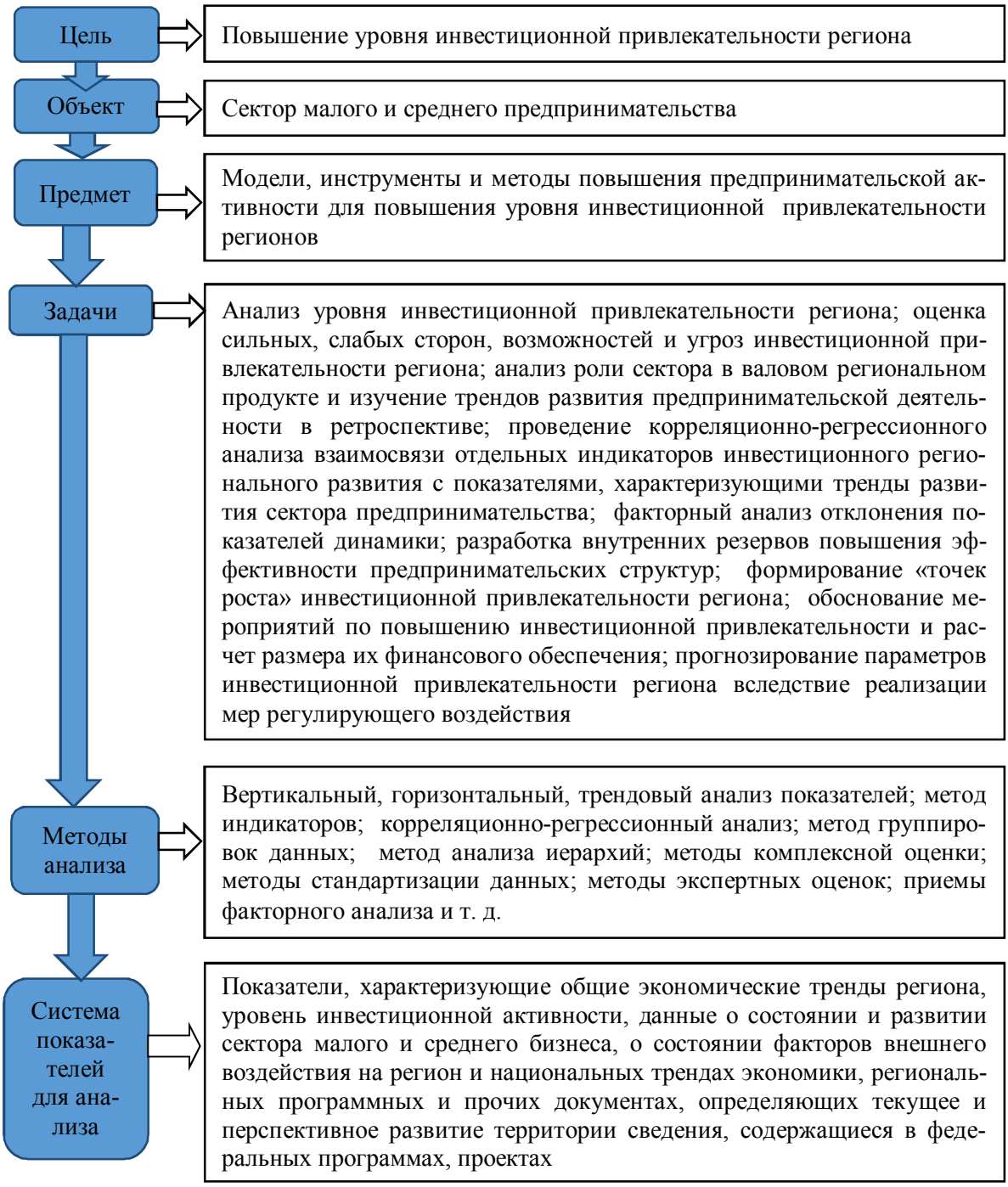

Рис. 6. Предлагаемые элементы методики исследования влияния сектора предпринимательства на уровень инвестиционной привлекательности регионов

Выводы

Следует признать, что в последние годы на уровне регионов страны осуществляется постоянное внедрение новых методических подходов и принципов работы с предпринимательских сектором экономики, применяются инструменты бенчмаркинга для прогнозирования возможных негативных процессов, разрабатываются подпрограммы обоснованных мер поддержки, проводится их оперативная оценка эффективности.

Анализ существующих нормативно-правовых актов и отечественных теоретико-методологических основ изучения проблематики оценивания трендов инвестиционной привлекательности на уровне отдельных регионов РФ позволил выявить ряд противоречивых мнений и методологических подходов к аналитической обработке разрозненных данных и формированию единых процедур оценивания, которые в современных реалиях являются ограничивающим условием при выработки действенных мер и антикризисных процедур совершенствования местной политики социально-экономического развития. Особенно данный аспект касается методологии оценки влияния сектора малого и среднего бизнеса и инвестиционную привлекательность региональной экономической системы, методических положений по изучению тенденций развития данного сектора экономики в целях разработки направлений повышения конкурентоспособности.

Предложены методические этапы исследования влияния сектора малого и среднего предпринимательства на уровень инвестиционной активности регионов для формирования на местном уровне комплекса мер по активизации предпринимательской активности и выработки направлений обеспечения конкурентоспособности территорий.

Рассмотренные элементы методического подхода исследования влияния развития сектора малого и среднего предпринимательства на уровень инвестиционной привлекательности регионов позволят систематизировать основные негативные факторы, препятствующие положительным трендам важнейших индикаторов развития предпринимательского сектора, а также формировать ключевые факторы успеха, требующие повышенного внимания со стороны региональных властей. Вместе с тем обоснование комплекса мер стимулирующего характера, направленных на преодоление вызовов бизнесу, позволяет обеспечить поступление налогов в бюджет, реализовывать социальные программы, снизить степень социального напряжения в обществе и повысить эффективность инструментов сбалансированного развития территорий.

Таким образом, развитие предпринимательского сектора экономики требует особого внимания со стороны региональных органов власти, а проведение комплексного анализа трендов их развития представляет собой инструмент для выделения точек активизации, выработки мер реагирования на проблемные условия в целях оперативного устранения. Быстрота реакции позволит сформировать новые конкурентные преимущества региональной экономики, способствует созданию более благоприятных условий для инвесторов, тем самым способствуя повышению уровня региона в рейтингах социально-экономического развития.

Список литературы

1. Долганова Я. А., Руденко М. Н. Устойчивое развитие регионов как основа формирования системы экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 6-1 (144). С. 99-106.

2. Данияли С., Родионов Д. Г. Устойчивость и резильентность современных социально-экономических систем: генезис методологических подходов // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 6 (50). С. 168-173.

3. Лопатина Н. Д., Бессонова Е. А. Механизмы формирования равновесного социально-экономического развития экономики Курской области на основе проектного управления в условиях вызовов времени // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 4 (130). С. 1-5.

4. Направления и инструменты управления инвестиционным развитием региона / Г. В. Голикова, Т. А. Головина, Т. О. Загорная, Н. А. Васильев // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22, № 11 (530). С. 2096-2111.

5. Полянин А. В., Родионов Д. Г. Методологические аспекты региональной экономической политики на основе ориентации предпринимательских структур // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 1. С. 67-73.

6. Рудская И. А. Моделирование оценки эффективности региональной инновационной системы России // Инновации. 2017. № 10 (228). С. 40-45.

7. Модель управления инвестиционным развитием региона: концептуальные и методические аспекты / Г. В. Голикова, Н. В. Голикова, Д. С. Мануковский, Али Сарбаз Азиз Али // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 83-101.

8. Бланк И. А. Инвестиционный менеджмент: монография. Киев: ИТЕМ Лтд, Юнайтед Лондон Трейд Лимитед, 1995. 448 с.

9. Бенчмаркинг как инструмент формирования инновационной активности региона / Д. Г. Родионов, И. А. Еремина, Т. В. Золотарев, А. М. Малинин // Вестник Академии знаний. 2024. № 2 (61). С. 361-367.

10. Родионов Д. Г., Рудская И. А., Горовой А. А. К вопросу о методологии управления региональной инвестиционной деятельностью // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2021. Т. 6, № 4. С. 64-72.

11. Белокур А. А. Экономическая сущность инвестиционной привлекательности региона // Экономика и социум. 2017. № 3 (34). С. 294–297.

12. Могзоев А. М. Развитие экономики стран Восточной Азии и инвестиционная модель региона России. М.: Наука, 2004. 316 с.

13. Мякшин В. Н. Методология формирования стратегии повышения инвестиционной привлекательности региона // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 28. С. 46–55.

14. Мякшин В. Н. Факторы инвестиционной привлекательности региона и их оценка // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 14 (341). С. 23-33.

15. Вельгош Н. З., Сиваш О. С., Змияк С. С. Инвестиционная привлекательность как фактор динамичного развития региона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7 (73), № 4. С. 3–12.

16. Голова И. М. Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 4. С. 1346-1360.

17. Головина Т. А., Авдеева И. Л. Государственное управление устойчивым развитием экономических систем. // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19, № 6. С. 111-129.

18. Авдеева И. Л. Методология стратегического управления изменениями в контексте современных вызовов и возможностей экономики // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 1. С. 186-201.

19. Боброва Е. А., Сотникова Е. А. Развитие малого и среднего бизнеса на региональном уровне: управленческие и финансовые инструменты // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18, № 4. С. 178–200.

20. Полбицын С. Н. Роль предпринимательства в устойчивом развитии сельских территорий России // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 619-631. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-19

21. Лаврикова Ю. Г., Андреева Е. Л., Ратнер А. В. Классификация факторов развития внешнеэкономической деятельности региона в условиях глобальных вызовов // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 688-712. https:// doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-24

22. Полянин А. В. Методологические подходы выбора направлений развития предпринимательства в рамках региональной экономической политики // Вестник Академии знаний. 2024. № 2 (61). С. 341-345.

23. Инвестиционная привлекательность регионов: рокировка позиций в новых условиях // Эксперт. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2023/ (дата обращения: 17.01.2025).

References

1. Dolganova Ya.A., Rudenko M.N. Sustainable development of regions as a basis for the formation of an economic security system. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2023;(6-1):99-106. (In Russ.)

2. Daniali S., Rodionov D.G. Stability and resilience of modern socio-economic systems: the genesis of methodological approaches. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2023;(6):168-173. (In Russ.)

3. Lopatina N.D., Bessonova E.A. Mechanisms for the formation of an equilibrium socio-economic development of the economy of the Kursk region based on project management in the context of modern challenges. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2023;(4):1-5. (In Russ.)

4. Golikova G.V., Golovina T.A., Zagornaya T.O., Vasiliev N.A. Directions and instruments of investment development management in the region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2024;22(11):2096-2111. (In Russ.)

5. Polyanin A.V., Rodionov D.G. Methodological aspects of regional economic policy based on the orientation of business structures. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika = Regional and Sectoral Economics*. 2024;(1):67-73. (In Russ.)

6. Rudskaya I.A. Modeling the effectiveness assessment of the regional innovation system of Russia. *Innovatsii = Innovations*. 2017;(10):40-45. (In Russ.)

7. Golikova G.V., Golikova N.V., Manukovsky D.S., Ali Sarbaz Aziz Ali. Regional investment development management model: conceptual and methodological aspects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(1):83-101. (In Russ.)

8. Blank I.A. Investment management: monograph. Kiev: ITEM Ltd, Yunaited London Treid Limited; 1995. 448 p. (In Russ.)

9. Rodionov D.G., Eremina I.A., Zolotarev T.V., Malinin A.M. Benchmarking as a tool for shaping innovation activity in the region. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Sciences*. 2024;(2):361-367. (In Russ.)

10. Rodionov D.G., Rudskaya I.A., Gorovoy A.A. On the issue of methodologies for managing regional investment activities. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*. 2021;6(4):64-72. (In Russ.)

11. Belokur A.A. The economic essence of the investment attractiveness of the region. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*. 2017;(3):294-297. (In Russ.)

12. Mogzoev A.M. Economic development of East Asian countries and the investment model of the Russian region. Moscow: Nauka; 2004. 316 p. (In Russ.)

13. Myakshin V.N. Methodology of forming a strategy to increase the investment attractiveness of the region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2013;(28):46-55. (In Russ.)

14. Myakshin V.N. Factors of investment attractiveness of the region and their assessment. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2014;(14):23-33. (In Russ.)

15. Velgosh N.Z., Sivash O.S., Zmyak S.S. Investment attractiveness as a factor of dynamic development of the region. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie = Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management*. 2021;7(4):3-12. (In Russ.)

16. Golova I.M. Ecosystem approach to innovation process management in Russian regions. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*. 2021;17(4):1346-1360. (In Russ.)

17. Golovina T.A., Avdeeva I.L. State management of sustainable development of economic systems. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2024;19(6):111-129. (In Russ.)

18. Avdeeva I.L. Methodology of strategic change management in the context of modern challenges and opportunities of the economy. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Srednerusskiy Vestnik of Social Sciences*. 2022;17(1):186-201. (In Russ.)

19. Bobrova E.A., Sotnikova E.A. Development of small and medium-sized businesses at the regional level: managerial and financial instruments. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2023;18(4):178-200. (In Russ.)

20. Polbitsyn S.N. The role of entrepreneurship in the sustainable development of rural territories in Russia. *Ekonomika regiona = The Economy of the Region*. 2021;17(2):619-631. (In Russ.) https://doi.org / 10.17059/ekon.reg.2021-2-19

21. Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. Classification of factors of development of the region's foreign economic activity in the context of global challenges. *Ekonomika regiona = Economy of the Region*. 2021;17(2):688-712. (In Russ.) https:// doi.org/10.17059/ ekon.reg.2021-2-24

22. Polyanin A.V. Methodological approaches to choosing directions for the development of entrepreneurship in the framework of regional economic policy. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;(2):341-345. (In Russ.)

23. Investment attractiveness of regions: castling of positions in new conditions. Expert. (In Russ.) Available at: https://raexpert.ru/researches/regions/invest_regions_2023/ (accessed 17.01.2025).

Информация об авторе / Information about the Author

Кулагина Наталья Александровна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансового учета и контроля, МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: kulagina_n@mirea.ru,
Researcher ID: O-5530-2017,
ORCID: 0000-0002-7303-6923

Natalia A. Kulagina, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of Financial Accounting and Control, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: kulaginana2013@yandex.ru,
Researcher ID: O-5530-2017,
ORCID: 0000-0002-7303-6923

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.1

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-75-87

CC BY 4.0

Экономическая оценка инновационного потенциала регионов Центрального федерального округа: региональное неравенство

М. Г. Аллабян[1], Н. В. Жахов[2] ✉

[1] Высшая школа предпринимательства
ул. Спартака, д. 26а, г. Тверь 170001, Российская Федерация

[2] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: zhakhov@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Инновационный потенциал региона является важным фактором для привлечения как внутренних, так и иностранных инвестиций. Четкая оценка позволяет инвесторам принимать обоснованные решения о вложении средств. Изучение потенциала региона помогает определить, какие территории могут стать локомотивом для преодоления внешних ограничений.*

Цель *– оценка инновационного потенциала и выявление регионов ЦФО с наиболее существенным потенциалом для инноваций.*

Задачи: *провести анализ текущего состояния инновационной деятельности в регионах ЦФО; выявить регионы с высоким и низким потенциалом для инноваций; изучить взаимосвязь между уровнем инновационного потенциала и социально-экономическими показателями регионов для выявления факторов, способствующих или препятствующих развитию инноваций; предложить меры для регионов с низким инновационным потенциалом.*

Методология. *Использован широкий спектр научных методов и подходов к исследованию, включая общенаучные методы познания, экономико-географический и экономико-статистический подходы, а также такие методы, как анализ, сравнение, синтез научных исследований и статей и визуализация данных.*

Результаты. *В социально-экономическом развитии регионов ЦФО наблюдается значительное неравенство. Регионы с высоким социально-экономическим потенциалом имеют больше возможностей для развития инноваций. Однако даже в этих регионах наблюдается слабая интеграция науки и производства, что ограничивает разработку передовых технологий.*

Выводы. *Выполнение исследования обусловило утверждение, что наиболее вероятно развитие инновационной деятельности в Белгородской, Воронежской, Тульской, Липецкой и Калужской областях благодаря высокому ВВП, значительным инвестициям и доходам населения. Эти регионы имеют сильную экономическую базу и предпосылки для внедрения новых технологий. Остальным регионам ЦФО необходимо увеличивать инвестиции, повышать доходы населения и развивать научную инфраструктуру для усиления инновационного потенциала.*

Ключевые слова: *инновационный потенциал; инновационная деятельность; регион; развитие.*

Финансирование: *Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2025 год № 075-03-2025-526.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Аллабян М. Г., Жахов Н. В., 2025

Для цитирования: Аллабян М. Г., Жахов Н. В. Экономическая оценка инновационного потенциала регионов Центрального федералоьного округа: региональное неравенство // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 75–87. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-75-87

Поступила в редакцию 04.02.2025 Принята к публикации 02.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Economic assessment of the innovation potential of the Central Federal District regions: regional inequality

Maxim G. Allabyan[1], Nikolai V. Zhakhov[2] ✉

[1] Higher School of Entrepreneurship
26a Spartak Str.,Tver 170001, Russian Federation

[2] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: zhakhov@mail.ru

Abstract

Relevance. *The innovative potential of the region is an important factor for attracting both domestic and foreign investments. A clear assessment allows investors to make informed investment decisions. Studying the potential of the region helps to determine which territories can become a locomotive for overcoming external constraints.*

The purpose *is assessment of innovation potential and identification of the regions of the Central Federal District with the most significant potential for innovation.*

Objectives: *to analyze the current state of innovation activity in the regions of the Central Federal District; to identify regions with high and low potential for innovation; to study the relationship between the level of innovation potential and socio-economic indicators of the regions to identify factors contributing to or hindering the development of innovation; to propose measures for regions with low innovation potential.*

Methodology. *A wide range of scientific methods and research approaches have been used, including general scientific methods of cognition, economic-geographical and economic-statistical approaches, as well as methods such as analysis, comparison, synthesis of scientific research and articles, and data visualization.*

Results. *There is significant inequality in the socio-economic development of the regions of the Central Federal District. Regions with high socio-economic potential have more opportunities for innovation development. However, even in these regions, there is a weak integration of science and production, which limits the development of advanced technologies.*

Conclusions. *The study led to the statement that the most likely development of innovation activities in the Belgorod, Voronezh, Tula, Lipetsk and Kaluga regions is due to high GDP, significant investments and income of the population. These regions have a strong economic base and prerequisites for the introduction of new technologies. The remaining regions of the Siberian Federal District need to increase investments, raise household incomes, and develop scientific infrastructure to strengthen their innovation potential.*

Keywords*: innovation potential; innovation activity; region; development.*

Funding: *The article was prepared as part of the state assignment for 2025 No. 075-03-2025-526.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Allabyan M.G., Zhakhov N.V. Economic assessment of the innovation potential of the Central Federal District regions: regional inequality. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):75–87. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-75-87

Received 04.02.2025 Accepted 02.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

В условиях сложного геополитического положения России и санкционного давления со стороны недружественных стран интерес к активизации инновационной деятельности становится особенно актуальным. Инновации, которые всегда были ключевым фактором технологического, экономического и социального прогресса [1], теперь рассматриваются как необходимое средство для преодоления текущих вызовов и укрепления внутренней экономики.

Санкционные ограничения создают дополнительные условия для поиска новых путей развития и повышения конкурентоспособности отечественных предприятий. Инновации позволяют не только адаптироваться к изменяющимся внешним условиям, но и искать новые ниши для роста, сокращая зависимость от импорта и укрепляя национальную экономику.

Центральный федеральный округ (далее – ЦФО) играет ключевую роль в экономике России, так как на этот регион приходится значительная доля ВВП страны. Здесь сосредоточено множество промышленных, научных и финансовых центров, включая Москву, что делает его важным драйвером экономического роста. Оценка инновационного потенциала ЦФО позволяет понять, как регион может способствовать развитию технологий и повышению конкурентоспособности всей страны. В условиях глобальной конкуренции и цифровизации инновации становятся основным фактором устойчивого развития. Изучение инновационного потенциала помогает выявить возможности для внедрения новых технологий, повышения производительности и укрепления позиций предприятий на рынке.

Во многих исследованиях, в т. ч. Ю. С. Положенцевой, Ю. В. Вертаковой [2], Е. В. Бобырева [3] и других, отмечается существенное неравенство развития регионов ЦФО. Москва и Московская область концентрируют большую часть ресурсов, в то время как другие регионы округа отстают. Исследование инновационного потенциала позволяет выявить слабые стороны и разработать стратегии для более равномерного развития всех субъектов ЦФО. В своем исследовании исключим Москву и Московскую область из анализа в связи с существенным несопоставимым развитием по сравнению с остальными регионами ЦФО. Считаем, что их анализ целесообразно проводить отдельно. Это особенно важно в контексте государственной политики и стратегического планирования.

Инновационный потенциал региона является важным фактором для привлечения как внутренних, так и иностранных инвестиций [4]. Четкая оценка позволяет инвесторам принимать обоснованные решения о вложении средств в высокотехнологичные проекты [5]. В условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения развитие инноваций в ЦФО становится критически важным для обеспечения технологической независимости России. Изучение потенциала региона помогает определить, какие отрасли и технологии могут стать локомотивом для преодоления внешних ограничений.

ЦФО как один из наиболее развитых регионов России играет важную роль в укреплении позиций страны на мировом рынке. Оценка инновационного потенциала позволяет выявить конкурентные преимущества региона и усилить его позиции в глобальной экономике. В условиях цифровой трансформации, когда такие технологии, как искусственный интеллект, большие данные и Интернет вещей, становятся все более востребованными, регулярный анализ инновационного потенциала ЦФО необходим для адаптации к новым вызовам.

Таким образом, в условиях экономических трудностей и внешнего давления приоритетом становится использование инновационных решений для достижения устойчивого развития, а оценка иннова-

ционного потенциала ЦФО актуально не только для самого региона, но и для России в целом. Это позволяет выявить точки роста, разработать стратегии развития и обеспечить устойчивость экономики в условиях глобальных изменений.

Материалы и методы

Целью исследования является оценка инновационного потенциала и выявление регионов ЦФО с наиболее существенным потенциалом для инноваций.

В процессе выполнения работы был использован широкий спектр научных методов и подходов к исследованию, включая общенаучные методы познания, экономико-географический и экономико-статистический подходы, а также такие методы, как анализ, сравнение, синтез научных исследований и статей, визуализация данных.

Результаты и их обсуждение

Современный методический инструментарий оценки инновационного потенциала представлен широким арсеналом методик, различающихся избранным подходом и техникой оценочного процесса, в трудах следующих авторов: О. И. Клименко [6], Н. С. Козырь [7], У. Изард [8], Г. А. Хмелева [9], О. М. Орловцева и Е. В. Губанова [10].

Многие эксперты в качестве показателей, по которым можно оценить инновационный потенциал региона, количественно описывающих параметры инновационной деятельности в рамках экономического пространства, используют: количество организаций, выполняющих исследования и разработки; число персонала, занятого исследованиями и разработками; внутренние затраты на исследования и разработки и др. [11].

В своей работе Ю. А. Дорошенко наглядно представляет структуру инновационного потенциала региона, отмечая, что в современных условиях не существует единой методики оценки инновационного потенциала региона [12].

Инновационный потенциал региона находится под непосредственным воздействием таких факторов и в то же время ключевых компонентов инновационного потенциала, как научно-технический потенциал, человеческий капитал, инфраструктура, финансовые ресурсы, институциональная среда, производственный потенциал и отдельно выделенный эколого-сырьевой потенциал (рис. 1).

Представленные блоки на рисунке 1 оказывают непосредственное влияние на инновационный потенциал региона, но также оказывают взаимное влияние между собой.

Блоки, выделенные пунктирной линией по периметру, являются экзогенными факторами, оказывающими наибольшее воздействие на ядро, к ним можно отнести: глобальные тренды (цифровизация, экологические требования), государственную политику, международное сотрудничество и экономические условия.

Повышение инновационного потенциала является критически важным для экономического роста и эффективности развития регионов [13; 14]. Придерживаясь мнения Е. В. Губановой и Е. В. Гераевой, что уровень инновационного потенциала представляет собой сложную систему, отметим существенные структурные взаимосвязи между его компонентами [15]. Он не может развиваться, не имея фундамента, которым, по нашему мнению, выступают организации, выполнявшие научные исследования и разработки. В таблице 1 представлены данные о количестве организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками, в регионах ЦФО за период с 2005 по 2022 гг.

Анализ показывает, что в большинстве регионов наблюдается рост числа таких организаций, хотя в некоторых случаях зафиксировано снижение.

Рис. 1. Структура инновационного потенциала региона

Таблица 1. Количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки в регионах ЦФО [16]

Регион	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2022 г. к 2005 г.	
							+,-	%
Белгородская обл.	23	16	22	28	31	31	8	134,8
Брянская обл.	20	17	19	19	18	18	-2	90,0
Владимирская обл.	35	25	31	32	29	30	-5	85,7
Воронежская обл.	57	58	63	71	74	66	9	115,8
Ивановская обл.	30	21	23	25	22	20	-10	66,7
Калужская обл.	33	37	44	46	45	51	18	154,5
Костромская обл.	8	6	9	6	7	9	1	112,5
Курская обл.	23	15	18	19	21	20	-3	87,0
Липецкая обл.	10	10	27	22	19	17	7	170,0
Орловская обл.	18	14	19	20	19	18	0	100,0
Рязанская обл.	16	16	26	26	26	23	7	143,8
Смоленская обл.	14	17	28	27	25	26	12	185,7
Тамбовская обл.	23	22	30	34	34	32	9	139,1
Тверская обл.	42	28	36	36	33	30	-12	71,4
Тульская обл.	22	21	23	27	28	31	9	140,9
Ярославская обл.	26	29	43	42	42	43	17	165,4

К регионам, демонстрирующим устойчивое развитие научно-исследовательской деятельности, можно отнести: Калужскую область (рост с 33 организаций в 2005 г. до 51 в 2022 г., на 154,5%); Смоленскую область (рост на 185,7%); Ярославскую область (рост на 165,4%); Липецкую область (рост на 170,0%) и Тульскую область (рост на 140,9%).

К регионам снижения научного потенциала, в которых наблюдается сокращение числа организаций, занимающихся научными исследованиями, можно отнести: Тверскую область (снижение на 28,6%); Ивановскую область (уменьшение на 33,3%); Владимирскую область (снижение на 14,3%) и Курскую область (уменьшение на 13%).

Яркими представителями регионов со стабильной динамикой, в которых наблюдается положительная динамика, но с некоторыми колебаниями, являются Орловская область, Белгородская область и др.

Для регионов с отрицательной динамикой необходимо разработать программы поддержки научных исследований, включая увеличение финансирования, создание инновационных кластеров и привлечение квалифицированных кадров.

Регионам с положительной динамикой следует продолжать развивать научную инфраструктуру и укреплять сотрудничество между научными организациями и бизнесом.

Для всех регионов ЦФО важно усилить интеграцию в национальные и международные научные проекты, что позволит повысить конкурентоспособность и привлечь дополнительные ресурсы. Однако отметим сложность выполнения данной рекомендации в условиях геополитических рисков и санкций.

Рассмотрим более детально ключевые показатели, характеризующие развитие инновационной деятельности в регионах ЦФО в 2022 г. (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели, характеризующие развитие инновационной деятельности в регионах ЦФО в 2022 г. [16]

Регион	Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	Организации, выполнявшие научные исследования и разработки, ед.	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел.	Внутренние затраты на научные исследования и разработки, млн руб.	Разработанные передовые производственные технологии, ед.
Ивановская обл.	671,0	20	588	879,0	7
Брянская обл.	2 241,2	18	411	952,8	10
Курская обл.	2 842,3	20	2843	3 414,4	0
Орловская обл.	2 981,0	18	776	900,8	0
Смоленская обл.	4 001,9	26	965	1 890,1	0
Костромская обл.	4 036,3	9	53	84,9	0
Рязанская обл.	4 046,7	23	2285	2 360,5	8
Тверская обл.	5 260,9	30	2857	5 269,0	7
Тамбовская обл.	6 581,0	32	791	1 031,2	0
Калужская обл.	7 067,0	51	8007	9 248,4	0
Владимирская обл.	7 689,6	30	4 298	4 748,3	14
Ярославская обл.	14 359,8	43	5988	11 872,2	568
Воронежская обл.	19 661,8	66	11042	11 220,1	25
Белгородская обл.	27 232,1	31	1478	4 348,2	25
Тульская обл.	35 404,9	31	4963	7 634,4	0
Липецкая обл.	42 888,8	17	580	1 694,1	0

В таблице 2 регионы ЦФО расположены по мере увеличения объема инновационных товаров, работ, услуг. Данный показатель считаем результирующим и демонстрирующим эффект от остальных показателей. В последующих исследованиях целесообразно выполнить корреляционно-регрессионный анализ для более детального рассмотрения взаимного влияния данных факторов.

Анализ таблицы 2 показывает, что регионы ЦФО существенно различаются по уровню инновационного развития. Лидерами являются Ярославская, Воронежская и Калужская области, которые демонстрируют высокие показатели по объему инновационной продукции, количеству научных организаций, численности персонала и затратам на исследования. Например, в Ярославской области разработано 568 передовых технологий, а в Воронежской области занято более 11 тысяч научных сотрудников. В то же время Липецкая и Тульская области выделяются по объему инновационных товаров (42 888,8 и 35 404,9 млн руб. соответственно), но имеют слабые показатели в других категориях, таких как количество научных организаций и разработанных технологий.

Среди аутсайдеров выделяются Костромская, Брянская и Ивановская области, где объем инновационной продукции и численность научного персонала минимальны. Например, в Костромской области только 9 научных организаций и 53 сотрудника, а затраты на исследования составляют всего 84,9 млн руб. Большинство регионов (7 из 15) не разработали ни одной передовой производственной технологии, что указывает на слабую интеграцию науки и производства.

Определив наиболее развитые регионы ЦФО в инновационной деятельности, проанализируем основные социально-экономические показатели и постараемся выявить наиболее имеющий потенциал для такого развития (табл. 3).

Таблица 3. Основные социально-экономические показатели в регионах ЦФО в 2022 г. [16]

Регион	ВВП, млрд руб.	Площадь территории, тыс. км^2	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	Оборот розничной торговли, млрд руб.	Сальдированный финансовый результат, млрд руб.
Костромская обл.	241,0	60,2	277,9	34 450,0	40 242,0	36,9	156,2	14,7
Ивановская обл.	301,0	21,4	448,5	34 275,0	36 380,0	59,5	245,6	16,8
Орловская обл.	337,0	24,7	297,8	34 138,0	40 843,0	60,6	177,7	43,3
Смоленская обл.	422,0	49,8	423,4	35 094,0	41 717,0	64,9	212,2	44,2
Тамбовская обл.	429,0	34,5	462,3	34 092,0	39 346,0	85,0	241,3	70,2
Брянская обл.	469,0	34,9	506,7	35 722,0	40 804,0	87,4	331,3	37,8
Рязанская обл.	532,0	39,6	495,3	33 379,0	45 770,0	93,4	267,8	63,7
Тверская обл.	555,0	84,2	575,2	35 203,0	45 732,0	88,9	316,6	34,2
Калужская обл.	664,0	29,8	503,1	35 509,0	53 910,0	135,8	259,3	31,1
Курская обл.	684,0	30,0	512,3	37 632,0	46 059,0	202,6	285,3	117,3
Ярославская обл.	690,0	36,2	603,0	38 060,0	47 388,0	109,6	333,5	65,8
Владимирская обл.	737,0	29,1	647,7	32 321,0	45 677,0	179,4	305,7	114,2
Липецкая обл.	844,0	24,0	549,5	38 926,0	46 711,0	166,2	333,7	273,8
Тульская обл.	868,0	25,7	716,0	34 442,0	51 218,0	212,3	375,8	178,5
Воронежская обл.	1 255,0	52,2	1 135,4	39 319,0	46 277,0	344,1	725,2	130,9
Белгородская обл.	1 355,0	27,1	771,2	41 022,0	47 638,0	193,6	436,2	271,4

Анализ основных социально-экономических показателей регионов ЦФО в 2022 г. свидетельствует о наличии существенных различий развития между регионами. Белгородская и Воронежская области лидируют по ВВП (1 355 и 1 255 млрд руб.), доходам населения (41 022 и 39 319 руб.) и инвестициям (193,6 и 344,1 млрд руб.). Калужская область выделяется высокой зарплатой (53 910 руб.), а Липецкая – максимальным сальдированным финансовым результатом (273,8 млрд руб.). Костромская и Ивановская области отстают по большинству показателей: низкий ВВП (241 и 301 млрд руб.), зарплата (40 242 и 36 380 руб.) и инвестиции (36,9 и 59,5 млрд руб.). Воронежская область также лидирует по обороту розничной торговли (725,2 млрд руб.) и численности занятых (1 135,4 тыс. чел.). Регионы с наименьшими показателями требуют дополнительных мер для экономического роста.

Основываясь на более ранних исследованиях российских ученых: Ю. А. Дорошенко [17], Д. А. Марков [18], В. С. Кривошлыков [19], А. В. Азарова [20], Т. С. Колмыковой [21] – и данных, представленных в таблице 3, выделим регионы ЦФО, где наиболее вероятно должно было быть осуществлено развитие инновационной деятельности исходя из социально-экономических показателей развития (рис. 2).

Рис. 2. Группы регионов ЦФО по уровню потенциала для инноваций

Выполненная группировка регионов по уровню потенциала для инноваций на основании ключевых показателей социально-экономического развития в данных регионах обоснуется непрерывностью и компланарностью мер, предусмотренных

политикой регионального развития друг другу и главной ключевой цели управления регионом – повышению уровня и качества жизни населения [22].

В первую группу регионов ЦФО по уровню потенциала для инноваций, лидеров по потенциалу для инноваций, вошли 5 регионов. Белгородская область выделяется высоким ВВП, значительными инвестициями в основной капитал и высокими доходами населения. Данный регион наиболее привлекателен для развития инноваций особенно в агропромышленном и промышленном секторах.

Воронежская область демонстрирует самый высокий ВВП среди регионов ЦФО, а также лидирует по численности занятых и объему инвестиций. Высокие доходы населения и развитая инфраструктура делают регион привлекательным для инновационных проектов.

Тульская область имеет высокий ВВП, значительные инвестиции и самую высокую среднемесячную зарплату среди регионов. Целесообразно полагать, что потенциал развития данного региона создает предпосылки для развития инноваций, особенно в промышленности и IT-секторе.

Липецкая область наравне с другими регионами данной группы показывает высокий ВВП, крупные инвестиции и высокие доходы населения, что обусловливает существенный промышленный потенциал, способствующий внедрению инноваций.

Калужская область выделяется высокими инвестициями и зарплатами, что делает ее привлекательной для инновационных предприятий, особенно в автомобильной и IT-отраслях.

В группу регионов с умеренным потенциалом включены Ярославская область, Владимирская область, Курская область, Тверская область, Рязанская область.

Ярославская и Владимирская области имеют устойчивые экономические показатели, но их инновационный потенциал может быть ограничен более низкими доходами населения по сравнению с лидерами, а Курская и Тверская области также имеют предпосылки для развития инноваций, но требуют дополнительных усилий для привлечения кадров и инвестиций.

Регионы с низким потенциалом отмечены слабыми экономическими показателями, что ограничивает их возможности для развития инноваций (Костромская область, Ивановская область, Орловская область, Смоленская область, Брянская область, Тамбовская область).

Отметим, что регионы, обозначенные высоким потенциалом инновационного развития на основании выборки по лидирующим показателям социально-экономического развития (рис. 2, табл. 3), в большей части согласуются с регионами, которые охарактеризованы по уровню развития инновационной деятельности в регионах ЦФО в 2022 г. (табл. 2). Однако Ярославская область, отнесённая нами по потенциалу к регионам с умеренным потенциалом, при фактическом анализе демонстрирует лидирующие показатели развития в инновационной деятельности. Развитие данного региона целесообразно рассмотреть более детально в последующих исследованиях, уделив внимание тенденциям инновационного развития и описанию формирования инновационного потенциала.

Выводы

В условиях санкционного давления и геополитических вызовов развитие инноваций в Центральном федеральном округе становится ключевым фактором для укрепления экономики и снижения зависимости от импорта. ЦФО как один из наиболее развитых регионов России играет важную роль, однако наблюдается значительное неравенство между субъектами. Лидерами по инновационному потенциалу являются Ярославская, Воронежская и Калужская области, где высокие показатели по объему инновационной продукции, числу научных организаций и затратам на исследования. В то же

время такие регионы, как Костромская, Ивановская и Брянская области, отстают, что требует дополнительной поддержки, включая увеличение финансирования и создание инновационных кластеров.

Регионы с высоким социально-экономическим потенциалом (Белгородская, Воронежская, Тульская, Липецкая и Калужская области) имеют больше возможностей для развития инноваций благодаря высокому ВВП, инвестициям и доходам населения. Однако даже в этих регионах наблюдается слабая интеграция науки и производства, что ограничивает разработку передовых технологий. Для преодоления этих барьеров необходимо укреплять сотрудничество между научными организациями и бизнесом, а также активно вовлекать регионы в национальные и международные научные проекты.

Для улучшения ситуации стимулирования инновационного потенциала регионам с его низкими показателями необходимо увеличить финансирование науки, привлекать инвестиции и развивать инновационную инфраструктуру. Лидерам следует продолжать укреплять научный потенциал и внедрять новые технологии. Для всех регионов ЦФО важно активизировать разработку передовых технологий и привлекать квалифицированные кадры в научную сферу.

Выполнение исследование обусловило утверждение, что наиболее вероятно развитие инновационной деятельности в Белгородской, Воронежской, Тульской, Липецкой и Калужской областях благодаря высокому ВВП, значительным инвестициям и доходам населения. Эти регионы имеют сильную экономическую базу и предпосылки для внедрения новых технологий. Остальным регионам необходимо увеличивать инвестиции, повышать доходы населения и развивать научную инфраструктуру для усиления инновационного потенциала.

Список литературы

1. Methodology for assessing the innovation potential of the transport and logistics complex / A. S. Lebedeva, E. V. Budrina, L. I. Rogavichene, N. N. Bulatova // π-Economy. 2024. Vol. 17, N 4. P. 124-138.

2. Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В., Самохвалова М. С. Оценка неравномерности экономического пространства регионов на основе конвергенции и дивергенции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 3(28). С. 53-63.

3. Анализ социально-экономического развития регионов ЦФО / Е. В. Бобырева, А. М. Минитаева, А. А. Зайченко [и др.] // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 4. С. 105-110.

4. Systematic literature review for the development of a conceptual model on the relationship between knowledge sharing, information technology infrastructure and innovative capability / A. R. Cassia, I. Costa, V. H. Cariduist da Silva, G. Neto // Technology Analysis and Strategic Management. 2020. Vol. 32(2). P. 1-21.

5. Сироткина Н. В. Барьеры и циклы инновационного развития // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 1(64). С. 200-210.

6. Клименко О. И. Методический инструментарий оценки инновационного потенциала: анализ содержания и оценка прикладной ценности для управления // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2024. № 4(107). С. 9-21.

7. Козырь Н. С. Стратегия пространственного развития: проблемы идентификации перспективных экономических специализаций субъектов РФ // Экономические стратегии. 2021. Т. 23, № 2(176). С. 16-21.

8. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.

9. Хмелева Г. А., Гришанин М. В. Проблема оценки устойчивости развития экономики регионов в условиях санкций // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сборник научных статей XVII Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2024. С. 318-321.

10. Орловцева О. М., Губанова Е. В. Влияние инноваций на стоимость транспортных компаний // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2023. Т. 14, № 2. С. 213-228.

11. Воробьева Е. П., Склярова Ю. М. Инновационный потенциал региона // Young Science. 2015. Т. 2, № 4. С. 26-29.

12. Дорошенко Ю. А., Иноземцева А. А. Современные методические подходы к оценке инновационного потенциала региона // Beneficium. 2022. № 2(43). С. 34-40.

13. Джиоев П. В. Экономическая оценка инновационного потенциала Северо-Кавказского Федерального округа // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 5. С. 1-14.

14. Губанова Е. В. Анализ инновационной инфраструктуры региона // Калужский экономический вестник. 2016. № 2. С. 35-40.

15. Губанова Е. В., Гераева Е. В. Анализ инновационной и технологической деятельности в России // Инновационное развитие российской науки: сборник научных трудов III Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции / Краснодарский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». Краснодар, 2021. С. 165-174.

16. Регионы России. Социально-экономические показатели 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg_Rus_Pokaz_2023.htm (дата обращения: 17.01.2025).

17. Дорошенко Ю. А., Иноземцева А. А. Современные методические подходы к оценке инновационного потенциала региона // Beneficium. 2022. № 2(43). С. 34-40.

18. Марков Д. А., Жахов Н. В. Социально-экономические проблемы и ключевые направления их нейтрализации на региональном уровне // Актуальные вопросы устойчивого развития регионов, отраслей, предприятий: материалы Международной научно-практической конференции: в 4 т. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2023. Т. 3. С. 28-34.

19. Кривошлыков В. С., Жахов Н. В., Фомичева Л. М. Экономика и управление межрегиональной дифференциацией с позиций экономической безопасности // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17, № 2. С. 27-30.

20. Азарова А. В., Кривошлыков В. С. Потенциал реального сектора экономики в регионе // Актуальные вопросы и современные аспекты экономики, финансов и бухгалтерского учета: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / Курский государственный университет. Курск, 2024. С. 8-11.

21. Колмыкова Т. С., Астапенко Е. О. Современные аспекты оценки инновационного потенциала регионов // Регион: системы, экономика, управление. 2017. № 2(37). С. 48-52

22. Сироткина Н. В., Борисова О. Б. Политика управления российскими регионами через призму прогрессивных взглядов // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 2(65). С. 12-26.

References

1. Lebedeva A.S., Budrina E.V., Rogavichene L.I., Bulatova N.N. Methodology for assessing the innovation potential of the transport and logistics complex. *π-Economy*. 2024;17(4):124-138.

2. Polozhentseva Yu.S., Vertakova Yu.V., Samokhvalova M.S. Assessment of the unevenness of the economic space of regions based on convergence and divergence. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2018;8(3):53-63. (In Russ.)

3. Bobyreva E.V., Minitaeva A.M., Zaichenko A.A., et al. Analysis of the socio-economic development of the regions of the Central Federal District. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2021;(4):105-110. (In Russ.)

4. Cassia A.R., Costa I., Cariduist da Silva V.H., Neto G. Systematic literature review for the development of a conceptual model on the relationship between knowledge sharing, information technology infrastructure and innovative capability. *Technology Analysis and Strategic Management*. 2020;32(2):1-21.

5. Sirotkina N.V. Barriers and cycles of innovative development. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*. 2024;(1):200-210. (In Russ.)

6. Klimenko O.I. Methodological tools for assessing innovation potential: content analysis and assessment of applied value for management. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2024;(4):9-21. (In Russ.)

7. Kozyr N.S. Strategy of spatial development: problems of identification of promising economic specializations of the subjects of the Russian Federation. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2021;23(2):16-21. (In Russ.)

8. Izard U. Methods of regional analysis: an introduction to the science of regions. Moscow: Progress; 1966. 660 p. (In Russ.)

9. Khmeleva G.A., Grishanin M.V. The problem of assessing the sustainability of the development of the region's economy under sanctions. In: *Rossiiskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki: sbornik nauchnykh statei XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Russian science: current research and development: Collection of scientific articles of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet; 2024. P. 318-321. (In Russ.)

10. Orlovtseva O.M., Gubanova E.V. The impact of innovations on the cost of transport companies. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2023;14(2):213-228. (In Russ.)

11. Vorobyeva E.P., Sklyarova Yu.M. The innovative potential of the region. *Young Science*. 2015;2(4):26-29. (In Russ.)

12. Doroshenko Yu.A., Inozemtseva A.A. Modern methodological approaches to assessing the innovative potential of the region. *Beneficium*. 2022;(2):34-40. (In Russ.)

13. Dzhioev P.V. Economic assessment of the innovative potential of the North Caucasus Federal District. *Vestnik evraziiskoi nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2024;16(5):1-14. (In Russ.)

14. Gubanova E.V. Analysis of the innovative infrastructure of the region. *Kaluzhskii ekonomicheskii vestnik = Kaluga Economic Bulletin*. 2016;(2):35-40. (In Russ.)

15. Gubanova E.V., Geraeva E.V. Analysis of innovative and technological activities in Russia. In: *Innovatsionnoe razvitie rossiiskoi nauki: sbornik nauchnykh trudov III Natsional'noi (Vserossiiskoi) nauchno-prakticheskoi konferentsii = Innovative development of Russian science: Collection of scientific papers of the III National (All-Russian) scientific and practical conference*. Krasnodar: Krasnodarskii filial federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Rossiiskii ekonomicheskii universitet im. G. V. Plekhanova»; 2021. P. 165-174. (In Russ.)

16. Regions of Russia. Socio-economic indicators of 2023. (In Russ.) Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Reg_Rus_Pokaz_2023.htm (accessed 17.01.2025).

17. Doroshenko Yu.A., Inozemtseva A.A. Modern methodological approaches to assessing the innovative potential of the region. *Beneficium*. 2022;(2):34-40. (In Russ.)

18. Markov D.A., Zhakhov N.V. Socio-economic problems and key directions of their neutralization at the regional level. In: *Aktual'nye voprosy ustoichivogo razvitiya regionov, otraslei, predpriyatii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual issues of sustainable development of regions, industries, enterprises: Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Vol. 3. Tyumen': Tyumenskii industrial'nyi universitet; 2023. P. 28-34. (In Russ.)

19. Krivoshlykov V.S., Zhakhov N.V., Fomicheva L.M. Economics and management of interregional differentiation from the standpoint of economic security. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta = Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University*. 2017;17(2):27-30. (In Russ.)

20. Azarova A.V., Krivoshlykov V.S. The potential of the real sector of the economy in the region. In: *Aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty ekonomiki, finansov i bukhgalterskogo ucheta: sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Actual issues and modern aspects of economics, finance and accounting: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk State University*. Kursk: Kurskii gosudarstvennyi universitet; 2024. P. 8-11. (In Russ.)

21. Kolmykova T.S., Astapenko E.O. Modern aspects of assessing the innovation potential of regions. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*. 2017;(2):48-52. (In Russ.)

22. Sirotkina N.V., Borisova O.B. The policy of managing Russian regions through the prism of progressive views. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*. 2024;(2):12-26. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Аллабян Максим Геннадьевич, кандидат экономических наук, доцент, директор, Высшая школа предпринимательства, г. Тверь, Российская Федерация,
e-mail: m.allabyan@icloud.com,
SPIN: 3471-6351

Maxim G. Allabyan, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Higher School of Entrepreneurship, Tver, Russian Federation,
e-mail : m.allabyan@icloud.com,
SPIN: 3471-6351

Жахов Николай Владимирович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: zhakhov@mail.ru,
SPIN: 4450-1653,
Researcher ID: B-1943-2019,
ORCID: 0000-0002-3829-2972,
Scopus ID: 799087

Nikolai V. Zhakhov, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of Economics, Management and Audit Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: zhakhov@mail.ru,
SPIN: 4450-1653,
Researcher ID: B-1943-2019,
ORCID: 0000-0002-3829-2972,
Scopus ID: 799087

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.1

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-88-101

CC BY 4.0

Сценарное управление социально-экономическим развитием регионов с учетом маятниковой трудовой миграции

Ю. С. Положенцева[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Регионы являются основными структурными элементами экономической системы и играют важную роль в общем развитии страны. Сценарный подход, основанный на анализе множества факторов и их взаимосвязей, предоставляет возможность прогнозирования различных вариантов развития событий и определения наиболее оптимальных путей достижения целей. Этот метод становится особенно актуальным в условиях высокой неопределенности и динамичности внешней среды, характерных для современной экономики. Постоянная оценка и прогнозирование социально-экономического развития регионов являются важными инструментами разработки эффективных стратегий развития, принятия решений и определения приоритетных направлений деятельности, так как позволяют определить текущее состояние и спрогнозировать будущую динамику развития с учетом трудовой миграции населения.*

Цель *– провести комплексное исследование развития сценарного моделирования региональной социально-экономической системы на основе анализа стратегических перспектив развития с учетом маятниковой трудовой миграция.*

Задачи: *выявить особенности сценарного подхода в управлении региональной социально-экономической системы; рассчитать привлекательность центров притяжения маятниковой трудовой миграции среди регионов ЦФО на основе адаптированной формулы гравитационной модели Рейли-Конверса; определить перспективные центры экономического роста регионов и направления корректировки сценариев их развития.*

Методология. *Исследование базируется на использовании сценарного подхода к управлению региональной социально-экономической системой и включает методы экономико-статистического и графического анализа.*

Результаты. *Рассмотрены основы сценарного подхода в управлении социально-экономическим развитием регионов, проведен анализ влияние перспективных центров экономического роста на остальные регионы ЦФО, определено влияние маятниковой трудовой миграции на соседствующие регионы, а также основные направления корректировки сценариев стратегического развития регионов.*

Выводы. *Статье проведен комплексный анализ степени притяжения трудовых мигрантов между регионами ЦФО, выявлены основные направления корректировки сценариев стратегического развития направленные на поддержание и усиление экономического потенциала ключевых регионов с учетом маятниковой трудовой миграция.*

Ключевые слова: *сценарный подход; маятниковая трудовая миграция; гравитационные модели; региональное развитие.*

Финансирование: *Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2025 год № 075-03-2025-526.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Положенцева Ю. С., 2025

Для цитирования: Положенцева Ю. С. Сценарное управление социально-экономическим развитием регионов с учетом маятниковой трудовой миграции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 88–101. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-88-101

Поступила в редакцию 16.02.2025 Принята к публикации 15.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Scenario management of socio-economic development of regions taking into account pendulum labor migration

Yulia S. Polozhentseva[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: polojenceva84@mail.ru

Abstract

Relevance. *Regions are the main structural elements of the economic system and play an important role in the overall development of the country. A scenario approach based on the analysis of many factors and their interrelations makes it possible to forecast various scenarios and determine the most optimal ways to achieve goals. This method becomes especially relevant in the conditions of high uncertainty and dynamism of the external environment, typical of the modern economy. Continuous assessment and forecasting of the socio-economic development of regions are an important tool for developing effective development strategies, decision-making and determining priority areas of activity, as they allow us to determine the current state and forecast future development dynamics, taking into account labor migration of the population.*

The purpose *to conduct a comprehensive study of the development of scenario modeling of the regional socio-economic system based on the analysis of strategic development prospects, taking into account the pendulum labor migration.*

Objectives: *to identify the features of the scenario approach to the management of the regional socio-economic system; calculate the attractiveness of the centers of attraction of pendulum labor migration among the regions of the Central Federal District based on the adapted formula of the Reilly-Converse gravity model; to determine the promising centers of economic growth of the regions and the directions for adjusting their development scenarios.*

Methodology. *The study is based on the use of a scenario approach to managing the regional socio-economic system, and includes methods of economic, statistical and graphical analysis.*

Results. *The basics of the scenario approach to managing the socio-economic development of regions are considered, the influence of promising centers of economic growth on other regions of the Central Federal District is analyzed, the influence of pendulum labor migration on neighboring regions is determined, as well as the main directions for adjusting the scenarios of strategic development of regions.*

Conclusions. *The article provides a comprehensive analysis of the degree of attraction of labor migrants between the regions of the Central Federal District, the main directions for adjusting the scenarios of strategic development aimed at maintaining and strengthening the economic potential of key regions, taking into account pendulum labor migration are identified.*

Keywords*: scenario approach; pendulum labor migration; gravity models; regional development.*

Funding: *The article was prepared within the framework of the state assignment for 2025 No. 075-03-2025-526.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Polozhentseva Yu.S. Scenario management of socio-economic development of regions taking into account pendulum labor migration. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):88–101. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-88-101

Received 16.02.2025 Accepted 15.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

Современное управление региональным развитием не только реагирует на текущие вызовы и проблемы, но и активно формирует стратегии развития, учитывающие разнообразные условия и потенциалы различных регионов. В связи с этим сценарный подход играет важную роль, позволяя прогнозировать потенциальные вектора развития регионов и разрабатывать направления адаптации к изменчивым условиям внешней и внутренней среды.

Региональная социально-экономическая система является открытой, поэтому экономическая политика соседних регионов может оказывать влияние на развитие рассматриваемого региона. Исходя из этого возникает необходимость оценки степени влияния внешних факторов на внутренние процессы регионального развития, принимая во внимание меняющиеся обстоятельства, и адаптации к новым условиям. Таким образом, сценарный подход и системное моделирование позволяют спрогнозировать возможное развитие региональных социально-экономических систем для достижения установленных стратегических целей, поскольку помогают создавать устойчивые и адаптивные сценарии развития, учитывающие неопределённость и изменчивость факторов на современном этапе развития. Трудовые ресурсы являются основой устойчивого регионального развития, формируют потенциал к обеспечению роста производительности труда, поэтому анализ миграционных потоков позволяет сформировать перспективные стратегические сценарии трансформации социально-экономических систем регионов для дальнейшей проработки механизмов устойчивого развития экономики в условиях неопределенности.

Материалы и методы

Исследование базируется на междисциплинарном подходе учета показателей маятниковой трудовой миграции населения при моделировании развития региональных социально-экономической систем, используя адаптированную формулу гравитационной модели Рейли-Конверса. Гравитационная модель – это тип экономической модели, который использует концепцию гравитации, заимствованную из физики, для понимания и прогнозирования перемещения товаров, услуг, капитала и населения между различными экономическими субъектами, такими как страны, регионы или города.

Систематизация публикаций отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся разработкой гравитационных моделей, используемых при анализе структурных преобразований экономических систем, позволила выделить работы таких авторов, как У. Изард [1], Д. Андерсон [2], Д. Бергстранд [3; 4], Я. Тинберген [5], У. Рейли [6], Д. Стюарт [7], Л. Л. Рыбаковский [8], Н. Н. Баранский [9], М. П. Власов [10], С. В. Шкиотов [11], И. С. Благун [12], М. П. Кулаков [13] и др. Основоположниками теории гравитационного подхода являются Я. Тинберген [5] и Д. Андерсон [14], предложенные ими гравитационные модели позволяют выявить степень взаимодействия систем и их интенсивность. В исследовании основное внимание уделяется гравитационной модели Рейли-Конверса, которая была разработана У. Рейли в 1931 г. и в дальнейшем модифицирована П. Конверсом, позволяющей оценит степень взаимодействия регионов при анализе населения [6].

На основе методов научного познания рассмотрены типы сценариев развития региональной социально-экономической системы, а также обобщены инструменты прямого и косвенного влияния ведущих регионов ЦФО на «отсталые». Исследование использует экономико-математические методы систематизации и оценки единичных показателей развития регионов, методы адаптивного и ситуационного управления, позволившие выделить перспективные направления корректировки сценариев развития региональной социально-экономической системы.

Результаты и их обсуждение

Современный этап развития региональной социально-экономической системы (РСЭС) подвержен влиянию различных факторов, основными из которых являются: экономическая активность, развитие инфраструктуры, обширность предоставления социальных услуг, доступность учреждений здравоохранения и образования, хорошие экологические условия и др. Поэтому устойчивое развитие РСЭС требует систематизированного подхода, учитывающего специфику каждого региона, основанного на сценарной методологии, которая является эффективным инструментом для управления социально-экономическим развитием регионов, с учётом высокой скорости изменения внешних и внутренних факторов, а также позволяет гибко реагировать на уровень влияния этих факторов.

Сценарный подход – это методология, используемая в управлении и прогнозировании, которая предполагает создание различных вариантов будущего развития на основе анализа текущих тенденций, событий и факторов, а также их взаимодействий [15]. Такой подход позволяет оценить вероятные последствия различных сценариев и разработать стратегии, которые могут способствовать достижению желаемых целей в условиях неопределенности и динамичной среды. В связи с тем, что сценарный подход предполагает, что будущее может развиваться в различных направлениях, крайне важно подготовиться к различным возможностям и угрозам, принимая во внимание потенциальные последствия этих событий [16].

Сценарный подход позволяет учитывать динамичность и неопределённость изменений внутренней среды и внешнего окружения регионов, однако при этом он преодолевает ограничения, имеющиеся у традиционных методах прогнозирования и планирования. Применение данного подхода позволяет разрабатывать различные сценарии развития региона и оценивать результаты каждого из них, следовательно, принимать наиболее эффективные управленческие решения по реализации рациональных сценариев. Применение сценарного подхода базируется на ретроспективном анализе существующих тенденций развития региона, который позволяет сформировать альтернативный сценарий развития на основе системного моделирования, включающего в себя проектное управление при реализации выбранного сценария [17].

На данный момент выделяют различные типы сценариев развития регионов, которые различаются в зависимости от целей анализа, особенностей регионального развития, времени разработки, обширности информации, уровня предсказуемости или непредсказуемости влияние факторов, а также уровня воздействия неэкономических факторов (рис. 1).

Выбор типа сценария регионального развития зависит от текущего уровня развития региона и целевых ориентиров возможного развития в будущем, которые должны коррелировать с национальными целями развития Российской Федерации. При этом необходимо учитывать прямое и косвенное воздействие внешних факторов при разработке стратегий регионального развития и выборе перспективных сценариев [18; 19].

Существенную роль при анализе уровня социально-экономического развития играет трудовой потенциал, мониторинг различных аспектов которого позволяет оценить степень влияния на экономическую активность региональных систем. При оценке взаимосвязи РСЭС соседствующих регионов необходимо учитывать процессы маятниковой трудовой миграции, которая способна обеспечить приток капитала в оба региона [20]. Вопрос оценки эффективности маятниковой трудовой миграции является довольно важным аспектом при анализе развития трудового рынка, так как имеет непосредственное влияние на демографические процессы, социальное и экономическое развитие регионов.

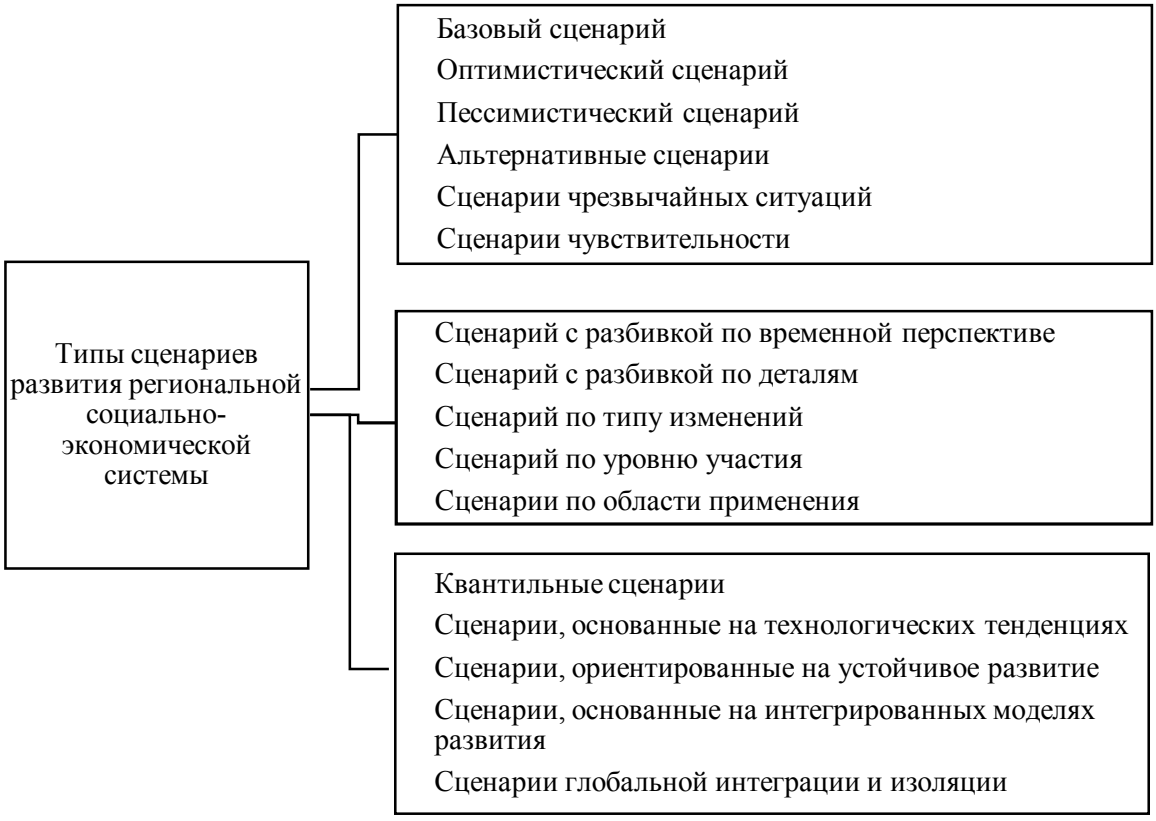

Рис. 1. Типы сценариев развития региональной социально-экономической системы

В российском региональном пространстве широкое распространения получила маятниковая трудовая миграция, нацеленная на поиск оптимального уровня жизни, трудоспособное население мигрирует в более крупные мегаполисы, оказывая огромное влияние на развитие крупнейших техноэкономических хабов (рис. 2).

Учитывая всё вышеперечисленное, рассчитаем коэффициент взаимодействия по маятниковой трудовой миграции между регионами ЦФО. В анализе не учитывалась миграция трудоустроенной рабочей силы, исследование нацелено на миграцию только безработных, которые могут трудоустроиться в регионы – перспективные центры экономического роста, при этом не в ущерб остальным регионам.

Для оценки используем адаптированную формулу гравитационной модели Рейли-Конверса [6]:

$$X_{ij} = KA_iB_je^{-vt_{ij}},$$

где X_{ij} – притяжение между городами i и j; A_i – количество безработного население города i (на 2022 г.), тыс. чел.; B_j – потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения города j (на 2022 г.), тыс. чел.; e – доступность поездок с трудовыми целями между городами i и j (ранее рассчитанное по модели Тинбергена влияние перспективных центров экономического роста на остальные регионы ЦФО); t_{ij} – время на поездку из города i в j, ч; v – параметр расселения как показатель влияния фактора доступности на поездки с трудовыми целями (во всех случаях примем за единицу, предполагая, что население в равной степени готово к поездке в любой из ведущих регионов); K – постоянный коэффициент (примем его равным 1000000, чтобы получить более простые для интерпретации значения).

Для начала приведем данные, необходимые для расчетов, а именно: количе-

ство безработных в отстающих и развивающихся регионах ЦФО; потребность в работниках в перспективных центрах экономического роста; доступность поездок с трудовыми целями, принимаемую в равной степени влияния перспективных центров экономического роста на остальные регионы ЦФО; время на поездку между административными центрами регионов (рис. 3, табл. 1).

Рис. 2. Влияние маятниковой трудовой миграции на соседствующие регионы

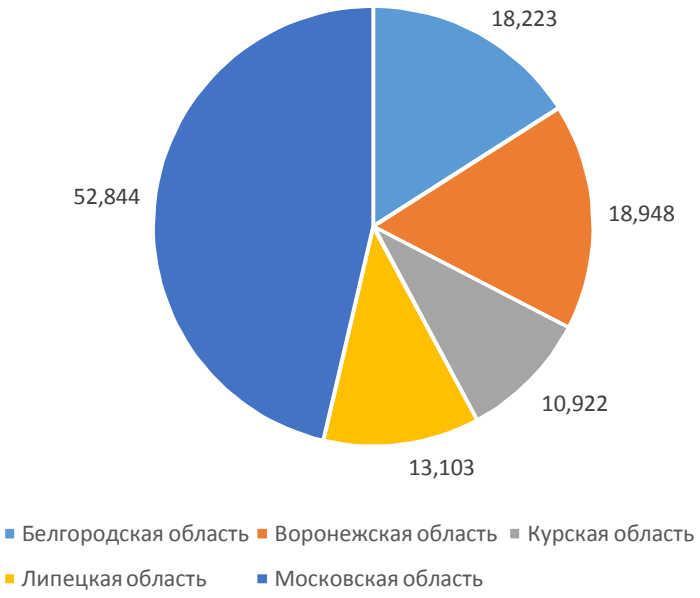

Рис. 3. Потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения [21]

Таблица 1. Параметры доступности поездок с трудовыми целями [21]

Область	Доступность поездок с трудовыми целями e					Время на поездку tij, ч					Количество безработных, тыс. чел.
	Белгородская обл.	Воронежская обл.	Курская обл.	Липецкая обл.	Московская обл.	Белгородская обл.	Воронежская обл.	Курская обл.	Липецкая обл.	Московская обл.	
Брянская	23,394	32,644	42,921	37,259	40,596	5,450	5,450	3,717	4,950	4,533	19
Владимирская	3,455	6,904	3,987	18,201	15,549	12,350	9,400	10,617	6,283	3,633	19
Ивановская	3,232	6,033	3,682	14,705	14,426	13,617	10,667	11,900	7,500	4,917	16
Калужская	17,462	35,838	28,383	41,114	80,630	6,533	5,133	4,800	4,633	2,517	21
Костромская	6,674	13,500	8,510	12,070	56,332	12,300	9,483	10,567	8,667	3,867	10
Орловская	37,439	60,484	89,378	72,880	37,143	3,983	3,900	2,250	3,400	4,450	14
Рязанская	14,985	35,933	7,913	64,077	46,532	7,817	4,717	7,650	3,233	3,183	15
Смоленская	12,936	16,110	18,899	17,531	17,308	8,333	8,333	6,600	7,833	5,550	17
Тамбовская	34,984	126,780	37,295	176,094	32,553	5,367	2,467	5,050	1,750	5,333	16
Тверская	5,865	12,259	7,362	13,126	36,570	11,250	8,583	9,517	8,083	2,933	24
Тульская	14,951	56,305	23,228	67,510	139,093	6,483	3,917	4,750	3,417	2,183	28
Ярославская	7,424	15,813	9,615	17,303	84,847	11,483	8,667	9,750	8,167	3,050	32

На основе адаптированной формулы гравитационной модели Рейли-Конверса рассчитаем привлекательность центров притяжения трудовой миграции среди регионов ЦФО (табл. 2).

Далее для большей наглядности сопоставим регионы ЦФО с их приоритетными направлениями маятниковой трудовой миграции (рис. 4).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие комплексные выводы:

– Московская область является неоспоримым лидером в привлечении трудовых мигрантов остальных регионов ЦФО, в особенности из соседних регионов. Высокий уровень жизни и экономического развития, наличие рабочих мест выделяют субъект среди остальных;

– с другой стороны, такие крупные и экономически развитые области, как Белгородская и Воронежская, менее привлекательны для межсубъектных трудовых мигрантов, что говорит о высокой внутренней миграции, а также может быть связано с невыгодным географическим положением и политической обстановкой. Так как в этих регионах существует значительная потребность в работниках, в них необходимо первоочередно привлекать частные и государственные инвестиции;

– в меньшей степени привлекательны Курская и Липецкая области, преимуществами которых являются более развитые сектора промышленности и сельского хозяйства по сравнению с соседними регионами, а также они отличаются лучше развитой транспортной инфраструктурой.

Таким образом, всё вышесказанное говорит о том, что маятниковая трудовая миграция является неотъемлемой частью для стимулирования социально-экономического развития регионов ЦФО. Основным субъектом для трудовой миграции является Московская область, в особенности для регионов-соседей. По-другому сложилась обстановка в Белгородской и Воронежской области: несмотря на высокое развитие и нехватку кадров определенных секторов, миграция в эти регионы выражена слабо, что является индикатором для необходимости развития инфраструктуры, промышленности и условий жизни, чтобы повысить конкурентоспособность на рынке труда.

Таблица 2. Расчет степени притяжения трудовых мигрантов между регионами

Область	Область				
	Белгородская	Воронежская	Курская	Липецкая	Московская
Брянская	11,961	2,023	177,405	4,155	51,281
Владимирская	77,543	4,664	87,135	3,010	46978,268
Ивановская	33,685	1,432	32,065	0,368	1690,369
Калужская	2,936	4,177	24,313	9,150	17668,447
Костромская	0,013	0,004	0,016	0,055	89,827
Орловская	137,935	29,874	6225,314	85,237	76,414
Рязанская	0,177	13,089	21,983	283,003	3891,144
Смоленская	0,168	0,028	0,699	0,040	120,552
Тамбовская	1,511	1968,603	2,021	24628,488	7,244
Тверская	0,995	0,207	1,471	0,288	32964,036
Тульская	12,359	73,861	99,290	206,152	30945,953
Ярославская	0,059	0,025	0,091	0,032	2217,197

Рис. 4. Приоритетные направления трудовой миграции регионов ЦФО

Проведенный комплексный анализ маятниковой трудовой миграции на соседствующие регионы позволяет скорректировать сценарии РСЭС с учетом полученных направлений взаимовлияния регионов:

– Московская область оказывает наибольшее влияние на Владимирскую, Ивановскую, Калужскую, Костромскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую области. Московская область – крупнейший экономический центр в ЦФО, что отчасти обусловлено близостью к г. Москва – крупнейшему финансовому центру. Высокая степень притяжения между Московской областью и другими регионами способствует маятниковой трудовой миграции, что приводит к движению капитала между этими регионами, что положительно сказывается на экономике обоих регионов;

– Липецкая область оказывает значительное влияние на Владимирскую, Ивановскую, Рязанскую и Тамбовскую области. Наибольший приток трудовых мигрантов обеспечивает Тамбовская область, которая специализируется преимущественно на сельском хозяйстве, притяжение указывает на значительное экономическое взаимодействие между этими регионами;

– Курская область оказывает наибольшее влияние на Брянскую, Орловскую и Смоленскую области. Взаимосвязь с Брянской и Орловской областями наиболее выражена, что свидетельствует о значительном экономическом воздействии на рынок труда Курской области и подчеркивает её важность как перспективного центра экономического роста.

Корректировка стратегий социально-экономического развития ведущих регионов ЦФО является ключевым фактором для обеспечения устойчивого роста и прогресса в условиях быстро меняющейся внешней среды. Московская, Липецкая, Курская, Белгородская и Воронежская области выступают передовыми регионами в плане экономического развития среди субъектов ЦФО, что требует регулярного пересмотра и адаптации стратегий для эффективного реагирования на текущие вызовы и возможности.

Рассмотрим основные направления корректировки сценариев стратегического развития, направленные на поддержание и усиление экономического потенциала ключевых регионов ЦФО (рис. 5). Непосредственное влияние сильных регионов на слабые позволяет получить сбалансированную экономику[1].

Проводя анализ вышепредложенных направлений стратегического развития регионов, важно отметить, что каждый регион должен вносить свой вклад в общий экономический рост округа, что позволит укрепить межрегиональные связи и повысить уровень жизни населения во всех областях ЦФО. Благодаря привлечению инвестиций, улучшению инфраструктуры и стимулированию трудовой миграции, регионы способны достичь равномерного экономического развития и создать условия для устойчивого роста.

Московская, Липецкая, Курская, Белгородская и Воронежская области, являясь локомотивами экономического развития ЦФО и выступая в качестве центров притяжения для трудовой миграции и инвестиций, требуют тщательной и регулярной адаптации стратегий, которые являются критически важными для устойчивого экономического роста и адаптации к изменяющимся внешним условиям [22]. Государству, в свою очередь, необходимо производить перераспределение дотаций, оно должно быть направлено на поддержку наиболее нуждающихся регионов, что позволит выровнять экономическое развитие и создать более сбалансированную экономическую структуру в ЦФО.

[1] Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии по развитию инфраструктуры // Правительство России. URL: http://government.ru/news/50202/ (дата обращения: 16.01.2025); Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 16.01.2025).

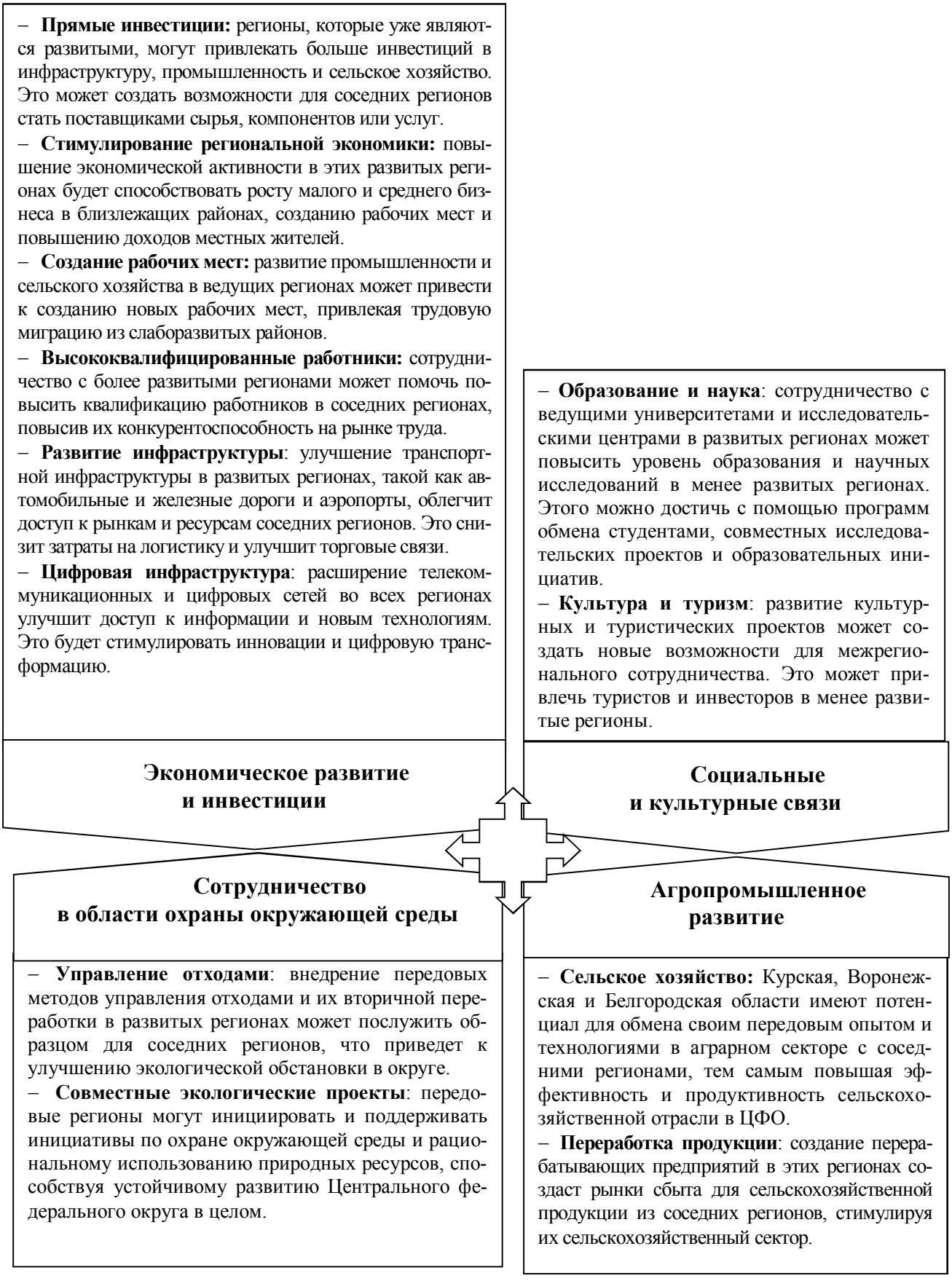

Рис. 5. Инструменты прямого и косвенного влияния ведущих регионов ЦФО на «отсталые»

Выводы

В связи с этим можно сделать вывод, что приоритетными для государственного финансирования должны стать Белгородская и Воронежская области и уже в меньшей степени Липецкая, Курская и Московская. Для частных инвесторов, наоборот, более привлекательными являются Московская, Липецкая и Курская области, так как они на данный момент являются наиболее перспективными с точки зрения развития экономики.

Развитие Московской, Липецкой, Курской, Белгородской и Воронежской областей оказывает значительное влияние на социально-экономическое состояние ЦФО. Эти регионы играют ключевую роль в экономическом росте, выступая в качестве центров притяжения для трудовой миграции и инвестиций. Корректировка сценариев развития в стратегиях социально-экономического развития ведущих регионов ЦФО является критически важной для устойчивого экономического роста и гибкого реагирования на изменение внутренних и внешних условий, регулярной адаптации к текущим вызовам и возможностям. В связи с этим можно сделать вывод, что государственное финансирование необходимо направить в первую очередь в Белгородскую и Воронежскую области, меньших дотаций требуют Липецкая, Курская и Московская области. А вот в сфере негосударственного инвестирования на первый план выходят Московская, Липецкая и Курская области, так как они на данный момент являются наиболее перспективными с точки зрения развития экономики.

Экономически развитые регионы ЦФО требуют особого внимания со стороны государства в роли инвестора. Постоянная адаптация сценариев стратегического развития позволяет не только более сбалансированно влиять на приоритетные регионы-лидеры, избегая нецелесообразных трат в различных инфраструктурных сферах, но и оказывать корректирующие действия на целые секторы производств и логистики слабо развитых регионов без избыточных финансовых вливаний в последние.

Список литературы

1. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 659 с.

2. Anderson J. E. Theoretical foundation for the gravity equation // American Economic Review. 1979. Vol. 69, N 1. P. 106–116.

3. Bergstrand J. The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence // The review of economics and statistics. 1985. Vol. 67, N 3. P. 474–481.

4. Bergstrand J. H. The generalized gravity equation, monopolistic competition, and the factor-proportions theory in international trade // Review of Economics and Statistics. 1989. Vol. 71, N 1. P. 143–153.

5. Tinbergen J. Bestimmung und Deutung von Angebotskurven: Ein Beispiel // Zeitschrift für Nationalökonomie. 1930. Vol. 1. P. 669–679.

6. Reilly W. J. The law of retail gravitation. New York: The law of retail gravitation, 1931. 75 p.

7. Stewart J. Q. Demographic Gravitation: Evidence and Application // Sociometry. 1948. N 1–2. P. 31–58.

8. Рыбаковский Л. Л. Миграции населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). М., 2003. 217 с.

9. Баранский Н. Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. 1946. № 3. С. 19–62.

10. Власов М. П., Шимко П. Д. Моделирование экономических процессов. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 409 с.

11. Шкиотов С. В., Маркин М. И. Гравитационная модель миграции на пространстве ЕАЭС: исследование спилловер-эффектов интеграции // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31, № 4. С. 13-20.

12. Благун И. С., Дмитришин О. И. Гравитационная модель пространственного распределения денежных доходов населения // Экономическая кибернетика. Международный научный журнал. 2012. № 4-6(76-78). С. 11-16.

13. Кулаков М. П., Хавинсон М. Ю. Гравитационная модель миграции: сложные режимы динамики и возможности управления // Территориальные исследования: цели, результаты и перспективы: тезисы IX Всероссийской научной конференции молодых ученых, г. Биробиджан, 03–04 октября 2017 г. / под редакцией Е. Я. Фрисмана. Биробиджан: Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН, 2017. С. 66-69.

14. Anderson J. E. The gravity model // Annual Review of Economics. 2011. Vol. 3, N 1. P. 133–160.

15. Аакер Д. А. Стратегическое рыночное управление. СПб.: Питер, 2011. 496 с.

16. Линдгрен М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией. М.: Олимп – Бизнес, 2014. 256 с.

17. Положенцева Ю. С., Крыжановская О. А. Стратегические приоритеты развития регионов России в сфере экспорта услуг // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5(55). С. 278-283.

18. Аганбегян А. Г. Социально-экономическое развитие России. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дело, 2004. 272 с.

19. Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Формирование прокластеров в рамках реализации экономической стратегии // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 1(14). С. 28-34.

20. Крыжановская О. А., Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С. Формирование региональной системы управления трудовым потенциалом // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 1. С. 229-244.

21. Регионы России. Социально-экономические показатели: статический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М., 2022. 1124 с.

22. Бусыгина И. М. Модель «центр-периферия», федерализм и проблема модернизации Российского государства // Политическая наука. 2011. № 4. С. 53-70.

References

1. Izard U. Methods of regional analysis: introduction to the science of regions. Moscow: Progress; 1966. 659 p. (In Russ.)

2. Anderson J.E. Theoretical foundation for the gravity equation. *American Economic Review*. 1979;69(1):106–116.

3. Bergstrand J. The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence. *The Review of Economics and Statistics*. 1985;67(3):474–481.

4. Bergstrand J.H. The generalized gravity equation, monopolistic competition, and the factor-proportions theory in international trade. *Review of Economics and Statistics*. 1989;71(1):143–153.

5. Tinbergen J. Determination and interpretation of supply curves: An example. *Journal of Economics*. 1930;1:669–679. (In German)

6. Reilly W.J. The law of retail gravitation. New York: The law of retail gravitation; 1931. 75 p.

7. Stewart J.Q. Demographic Gravitation: Evidence and Application. *Sociometry*. 1948;(1–2):31–58.

8. Rybakovsky L.L. Population migration. Three stages of the migration process (Essays on the theory and methods of research). Moscow; 2003. 217 p. (In Russ.)

9. Baransky N.N. On the economic and geographical study of cities. *Voprosy geografii = Questions of Geography*. 1946;(3):19-62. (In Russ.)

10. Vlasov M.P., Shimko P.D. Modeling of economic processes. Rostov-on-Don: Feniks; 2005. 409 p. (In Russ.)

11. Shkiotov S.V., Markin M.I. Gravity model of migration in the EAEU space: a study of spillover effects of integration. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic Development of Russia*. 2024;31(4):13-20. (In Russ.)

12. Blagun I.S., Dmitrishin O.I. Gravity model of spatial distribution of monetary income of the population. *Ekonomicheskaya kibernetika. Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = Economic Cybernetics. International Scientific Journal*. 2012;(4-6):11-16. (In Russ.)

13. Kulakov M.P., Khavinson M.Yu. Gravity model of migration: complex dynamics and management capabilities. In: Frisman E.Ya. (ed.) *Territorial'nye issledovaniya: tseli, rezul'taty i perspektivy: tezisy IX Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh, g. Birobidzhan, 03–04 oktyabrya 2017 g. = Territorial studies: goals, results and prospects: Abstracts of the IX All-Russian scientific conference of young scientists, 3–4 October 2017, Birobidzhan.* Birobidzhan: Institut kompleksnogo analiza regional'nykh problem Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN; 2017. P. 66-69. (In Russ.)

14. Anderson J.E. The gravity model. *Annual Review of Economics*. 2011;3(1):133–160.

15. Aaker D.A. Strategic Market Management. St. Petersburg: Piter; 2011. 496 p. (In Russ.)

16. Lindgren M., Bandhold H. Scenario planning. The connection between the future and strategy. Moscow: Olimp – Biznes; 2014. 256 p. (In Russ.)

17. Polozhentseva Yu.S., Kryzhanovskaya O.A. Strategic priorities for the development of Russian regions in the sphere of services export. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2024;(5):278-283. (In Russ.)

18. Aganbegyan A.G. Socio-economic development of Russia. 2nd ed. Moscow: Delo; 2004. 272 p. (In Russ.)

19. Polozhentseva Yu.S., Klevtsova M.G. Formation of proclusters in the framework of the implementation of the economic strategy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2015;(1):28-34. (In Russ.)

20. Kryzhanovskaya O.A., Vertakova Yu.V., Polozhentseva Yu.S. Formation of a regional system of labor potential management. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2013;(1):229-244. (In Russ.)

21. Regions of Russia. Socio-economic indicators: a static collection / Federal State Statistics Service. Moscow, 2022. 1124 p. (In Russ.)

22. Busygina I.M. The «center-periphery» model, federalism and the problem of modernization of the Russian state. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2011;(4):53-70. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Положенцева Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: polojenceva84@mail.ru,
Researcher ID: O-2864-2015,
ORCID: 0000-0002-8296-0878

Yulia S. Polozhentseva, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: polojenceva84@mail.ru,
Researcher ID: O-2864-2015,
ORCID: 0000-0002-8296-0878

Оригинальная статья / Original article

УДК 339.138

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-102-114

CC BY 4.0

Сегментация наукоемкого локального рынка: научно-методические подходы и прикладные решения

С. Н. Прядко[1] ✉

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, д. 85, г. Белгород 308015, Российская Федерация

✉ e-mail: pryadko_s@ bsuedu.ru

Резюме

Актуальность. *Одной из приоритетных задач развития российской экономики является опережающее формирование высокотехнологичных наукоемких рынков, основным продуктом которых являются интеллектуальные продукты – материальные и нематериальные активы, в том числе коммерциализированные разработки вузов.*

Цель *исследования – сегментация наукоёмкого локального рынка Белгородской области.*

Задачи: *провести контент-анализ тематических публикаций по проблеме исследования в поисковых системах Google Scholar и eLIBRARY.RU; сформировать критерии сегментации наукоёмких локальных рынков в современных условиях; на основании данных статистической отчётности Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области провести сегментацию наукоёмкого рынка и выделить основные сегменты данного рынка.*

Методология. *Исследование проходило в два этапа. На первом этапе был проведен контент-анализ научной литературы в поисковых системах Google Scholar и eLibrary.Ru. На втором этапе была проведена сегментация наукоемкого рынка Белгородской области.*

Результаты*. В статье представлены краткие результаты сегментации наукоемкого локального рынка Белгородской области. В результате исследования были выделены четыре основных сегмента наукоёмкого локального рынка: приоритетные передовые интеллектуальные продукты для кластерного развития (стабильно высокие показатели); перспективные интеллектуальные продукты для кластерного развития (с максимальным показателем роста); поддерживающие интеллектуальные продукты для кластерного развития (обладающие потенциалом, но демонстрирующие сокращение динамики); высокотехнологичные интеллектуальные продукты для кластерного развития (требуют применения венчурного финансирования и стратегической поддержки).*

Выводы. *В исследуемом периоде в наукоемком рынке Белгородской области наблюдалась диспропорция разработанных и внедренных интеллектуальных продуктов (передовых производственных технологий). Вместе с тем были выделены четыре сегмента рынка для возможного дальнейшего формирования высокотехнологичных кластеров.*

Ключевые слова: *сегментация; критерии сегментации; наукоемкий локальный рынок; интеллектуальный продукт.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Прядко С. Н. Сегментация наукоемкого локального рынка: научно-методические подходы и прикладные решения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 1. С. 102–114. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-1-102-114

Поступила в редакцию 21.02.2025 Принята к публикации 18.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Прядко С. Н., 2025

Segmentation of the knowledge-intensive local market: scientific and methodological approaches and applied solutions

Svetlana N. Pryadko[1] ✉

[1] Belgorod State National Research University
85 Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation

✉ e-mail: pryadko_s@ bsuedu.ru

Abstract

Relevance. *One of the priority tasks of the development of the Russian economy is the accelerated formation of high-tech knowledge-intensive markets, the main product of which are intellectual products - tangible and intangible assets, including commercialized developments of universities.*

The purpose *of the study is to segment the knowledge-intensive local market of the Belgorod region.*

Objectives: *to conduct a content analysis of thematic publications on the research problem in the search engines Google Scholar and eLIBRARY.RU; to formulate criteria for segmentation of knowledge-intensive local markets in modern conditions; based on the statistical reporting data of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Belgorod region, to segment the knowledge-intensive market and identify the main segments of this market.*

Methodology. *The study was conducted in two stages. At the first stage, a content analysis of scientific literature was conducted in the search engines Google Scholar and eLibrary.Ru. At the second stage, segmentation of the knowledge-intensive market of the Belgorod region was carried out.*

Results*. The article presents brief results of segmentation of the knowledge-intensive local market of the Belgorod region. As a result of the study, four main segments of the knowledge-intensive local market were identified: priority advanced intellectual products for cluster development (stably high indicators); promising intellectual products for cluster development (with the maximum growth rate); supporting intellectual products for cluster development (possessing potential, but demonstrating a decrease in dynamics); high-tech intellectual products for cluster development (require the use of venture financing and strategic support).*

Conclusions. *In the studied period, a disproportion of developed and implemented intellectual products (advanced production technologies) was observed in the knowledge-intensive market of the Belgorod region. At the same time, four market segments were identified for the possible further formation of high-tech clusters.*

Keywords*: segmentation; segmentation criteria; knowledge-intensive local market; intellectual product.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Pryadko S.N. Segmentation of the knowledge-intensive local market: scientific and methodological approaches and applied solutions*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(1):102–114. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-1-102-114

Received 21.02.2025 Accepted 18.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Современное развитие экономики связано с переходом на новый технологический уклад и развитием наукоемких высокотехнологичных рынков, на которых реализуются наукоемкие интеллектуальные продукты, разработанные с использованием новых и передовых технологий. Развитие наукоемких рынков является приоритетной задачей всех инновационно ориентированных стран.

Одним из превентивных инструментов формирования наукоемких рынков на локальном уровне является сегментация, которая позволяет охарактеризовать структуру рынка и разработать систему мероприятий воздействия на рынок на операционном и стратегическом уровне. Сегментация рынка традиционно относится к инструменту стратегического маркетингового анализа. Это длительный и многоэтапный процесс, включающий в

себя определение границ рынка, критериев для проведения кластерного анализа, выделение устойчивых сегментов рынка. В зависимости от целей исследования объектом сегментации может выступать рынок (потребители продукции), компании, формирующие данный рынок, а также продукты, реализуемые на рынке. В настоящее время локальные наукоёмкие рынки находятся на стадии трансформации, поэтому научные и методические аспекты проведения сегментации интеллектуальных продуктов данных рынков являются актуальной и практически значимой проблемой исследования.

Материалы и методы

Исследование проходило в два этапа. На первом этапе исследования был проведен контент-анализ научной литературы по проблеме исследования в поисковых системах Google Scholar (https:// scholar.google.ru) и eLibrary.ru (https:// elibrary.ru). Семантический запрос – сегментация наукоемкого рынка (segmentation of the knowledge-intensive market). Результатом первого этапа исследования стали классификация категории интеллектуального продукта наукоемкого локального рынка и формирование критериев для проведения сегментации наукоемкого локального рынка.

На втором этапе исследования была проведена сегментация наукоемкого локального рынка Белгородской области. Источником информации выступили статистические данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области[1].

Результаты и их обсуждение

Анализ научных публикаций в поисковой системе Google Scholar показал, что сегментация наукоемкого рынка является актуальной проблемой исследования (результатов – примерно 24 800 (0,16 с)).

Рассмотрим динамику научных публикаций (рис. 1).

Согласно представленным данным видно, что значительное увеличение исследований в области сегментации наукоёмкого рынка относится к 80-м годам XX века – периоду формирования наукоемких рыков в большинстве развитых стран. Максимальное количество публикаций относится к периоду 2011 г. – настоящее время.

Содержательный анализ наиболее цитируемых публикаций показал, что основной практической проблемой сегментации наукоемкого локального рынка является определение критериев для проведения исследований. Исследование показало, что объектами сегментации наукоемкого рынка могут быть следующие:

1. Потребители интеллектуальных продуктов (M. V. Kozhevnikov [1]; A. Eizenberg [2]).

2. Предоставляемые ценности (интеллектуального продукта) (L. Aarikka-Stenroos, E. Jaakkola [3]; D. Herhausen et al. [4]; Z. Mani, I. Chouk [5]).

3. Компании наукоемкого рынка (I. Salavisa, C. Sousa, M. Fontes [6]; G. Pino et al. [7]; A. Marin, L. Navas-Alemán, C. Perez [8]).

4. Интеллектуальные продукты (S. S. Andaleeb [9]; C. Flath et al. [10]).

Анализ тематических данных по проблеме исследования в российской научной электронной библиотеке eLibrary.Ru показал, что всего в информационной базе содержится 13 публикаций из общего объема информации в 58408553 публикаций. Отдельные, наиболее цитируемые публикации из списка рассмотрим ниже:

1. В статье А. А. Александрова [11] осуществлен анализ и предложена классификация методов сегментации рынка наукоемкой продукции в зависимости от

[1] Передовые производственные технологии, наука и инновации в экономике Белгородской области в 2021 году: Аналитический материал / Белгородстат. Белгород, 2022. 64 с.

количества используемых переменных; представлены схема покупательского поведения на рынке наукоемкой продукции с использованием структурной модели Ф. Вебстера и критерии сегментирования рынка наукоемкой продукции.

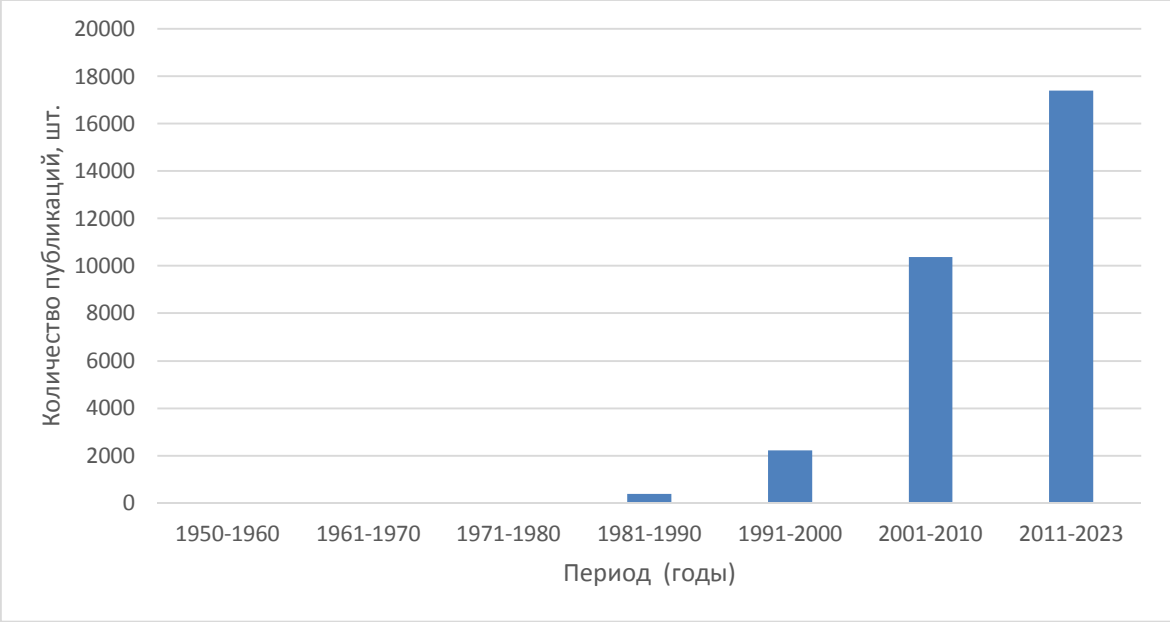

Рис. 1. Динамика научных публикаций в Google Scholar по семантическому запросу segmentation of the knowledge-intensive market (по состоянию 17.09.2024 г.)

2. В статье И. А. Кокорева [12] описывается модель сегментации рынка труда центров наукоемких технологий (ЦНТ) как наиболее успешного примера развития национальной инновационной системы. Выделены следующие сегменты рынка труда для развития данных центов: исследователи, менеджеры, инвесторы, производственники, местная администрация и работники инфраструктуры.

3. В статье Е. Ю. Хрусталева, С. Н. Ларина, О. Е. Хрусталева [13] исследуются теоретические основы развития корпораций, которые базируются на политико-правовых, экономических и организационных методах, требующих внедрения в систему их управления брендинга, механизмов интеграции и кооперации, сегментации рынка и продукции, методы улучшения качества послепродажного обслуживания аэрокосмической техники.

4. В статье Б. Е. Токарева [14] дается теоретическое обоснование процедуры проведения сегментации наукоемких рынков с целью выявления рыночных ниш; предложена оригинальная методика встречного сегментирования; описывается оригинальная методика поиска рыночных ниш наукоемких товаров. Процедура поиска реализуется на основе сегментации, включающей этапы макросегментации и микросегментации, которая проводится на основе встречного подхода от предложения и потребностей. Описана последовательность шагов и определены форматы и результаты работ.

5. В статье К. Ю. Максимовича, А. Е. Лисицина, М. С. Петуховой [15] исследуются особенности развития органического сельского хозяйства в Сибири с учетом институциональной среды, макроэкономического положения и кадрового потенциала. Выделяется два направления развития органического сельского хозяйства – наукоемкое и трудоинтенсивное. Оцениваются перспективы выбора пути развития отрасли с учетом трудового потенциала сельских территорий регионов Сибирского федерального округа.

6. В статье Н. Л. Гусейновой [16] исследуется устойчивое экономическое и научно-инновационное развитие, которое требует наличия и успешного функционирования адекватной ситуации механизма роста, предусматривающего создание необходимых хозяйственных, финансовых и организационно-правовых условий. Выделяются требования к субъекту научно-инновационной деятельности в виде структурированной сети научных и инновационных организаций, которые должны обладать рациональными пропорциями, развитой инфраструктурой.

7. В статье А. З. Рысьмятова, И. В. Балашовой, Т. А. Терещенко [17] дана характеристика эффективных форм, институтов, механизмов и инструментов, позволяющих эффективно регулировать и поддерживать устойчивый рост сельскохозяйственного производства в условиях разных лет климатических и экономических условиях.

За основу дальнейших исследований была использована тематическая публикация с максимальным показателем цитирования [13]. Далее был проведен анализ по ключевым словам тематических публикаций, краткие результаты которого представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Динамика тематических публикаций в поисковой системе eLIBRARY.RU (по состоянию на 17.09.2024 г.)

Дата	Количество публикаций (результатов примерно)	Динамика показателя, %
2024	124	0,45
2023	273	1,12
2022	243	0,93
2021	262	0,94
2020	279	0,88
2019	317	1,09
2018	292	0,87
2017	335	0,94
2016	358	1,29
2015	277	-

В основе модели наукоемкого рынка находится интеллектуальные продукты, которые получаются в результате преобразования знаний для получения экономической выгоды и создания добавленной стоимости. Условно данные продукты могут быть разделены на нематериальные наукоемкие и материальные передовые технологии. Более подробная классификация интеллектуальных продуктов, реализуемых в условиях наукоемких рынков, представлена ниже (рис. 2).

На основании контент-анализа тематических публикаций нами были сформулированы несколько основных критериев для сегментации наукоёмкого локального рынка, в условиях которого создаются и реализуются интеллектуальные продукты: уровень инновационной активности организации; соотношение разработанных и используемых интеллектуальных продуктов (передовых производственных технологий) в организациях; группа финансово-экономических факторов, относящихся к направлению «инвестиции».

Обобщающим показателем инновационной деятельности компаний наукоемкого рынка является показатель инновационной активности, под которым понимается вся исследовательская (исследования и разработки), финансовая и коммерческая деятельность, направленная на создание новых для России (не имеют отечественных аналогов) и принципиально новых (не имеет отечественных и зарубежных аналогов) продуктов.

Апробация предлагаемых критериев сегментации наукоемкого рынка Белгородской области на основании статистических данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики представлены ниже (табл. 2–5).

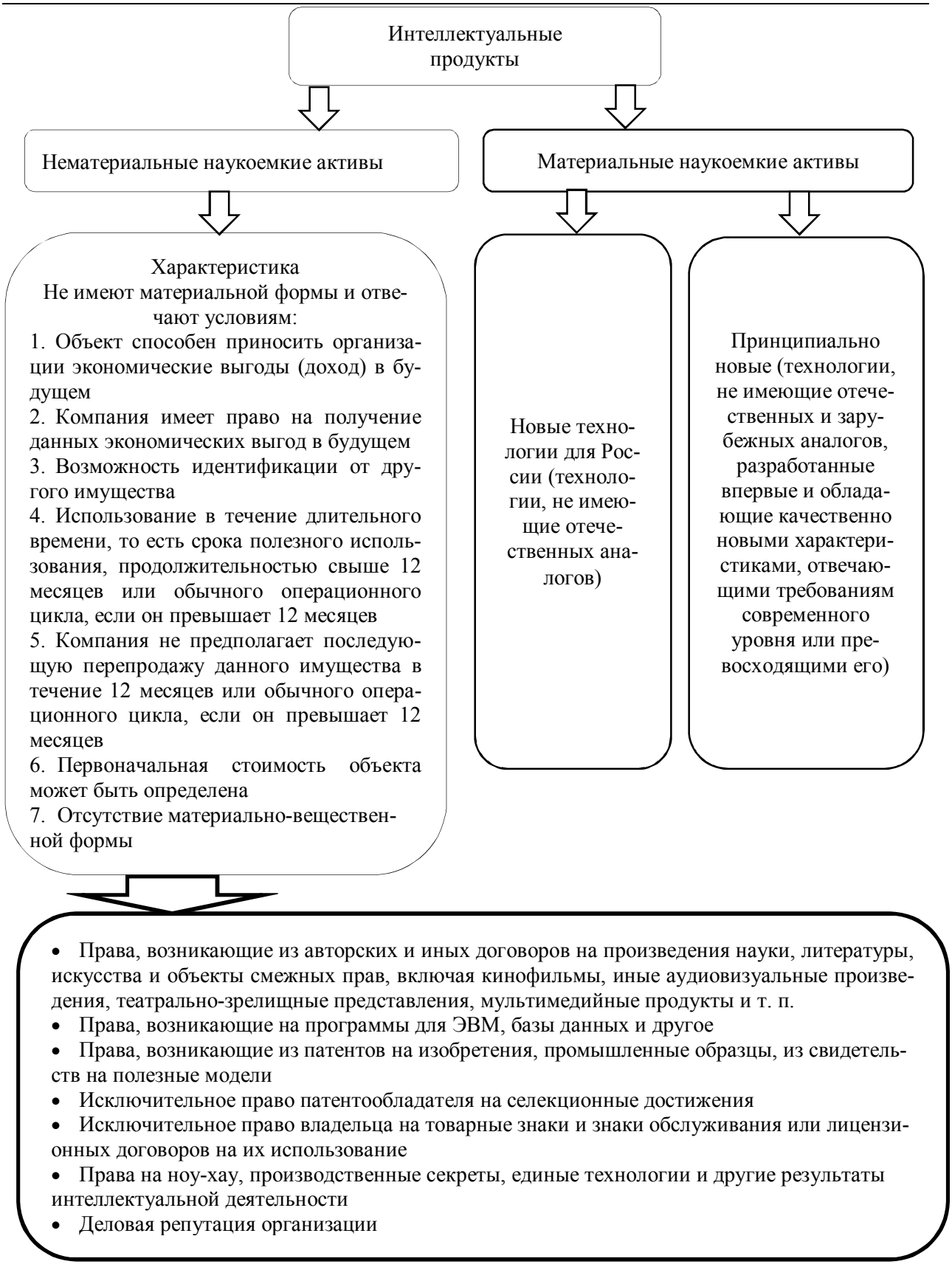

Рис. 2. Классификация интеллектуального продукта наукоемкого локального рынка (по состоянию на 17.09.2024 г.)

Таблица 2. Сегментация наукоемкого локального рынка Белгородской области по показателю «уровень инновационной активности организаций по видам экономической деятельности Белгородской области», %

Наукоемкий локальный рынок Белгородской области (уровень инновационной активности организаций по видам экономической деятельности)	Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе обследованных организаций		Прирост (сокращение) показателя
	2020 г.	2021 г.	2021 г. к 2020 г.
Сегмент 1. Приоритетные интеллектуальные продукты (по видам экономической деятельности) для формирования кластера «Промышленное производство» (стабильно высокие показатели (или незначительное снижение показателей))			
Производство лекарственные средств и материал, применяемых в медицинских целях	50,0	50,0	0,00
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	50,0	47,1	+ 2,9
Производство металлургическое	37,5	42,9	+ 5,4
Сегмент 2. Перспективные интеллектуальные продукты (по видам экономической деятельности) для формирования кластера «Промышленное производство» (виды экономической деятельности с максимальным показателем роста)			
Производство электрического оборудования	33,3	50,0	+ 16,7
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	33,3	40,0	+ 6,7
Производство бумаги и бумажных изделий	16,7	25,0	+ 8,3
Сегмент 3. Поддерживающие интеллектуальные продукты (по видам экономической деятельности) для формирования локального кластера «Промышленное и научные исследования» и разработки (виды экономической деятельности, обладающие ресурсным потенциалом (> 40), но демонстрирующие сокращение динамики инновационной деятельности)			
Добыча полезных ископаемых	50,0	36,4	- 13,6
Производство пищевых продуктов	41,3	39,8	- 1,5
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	19,3	22,4	+ 3,1
Сегмент 4. Высокотехнологичные интеллектуальные продукты (по видам экономической деятельности) для формирования кластера (требуют применения венчурного финансирования и стратегической поддержки)			
Деятельность в сфере телекоммуникаций	11,1	17,4	- 6,3
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги	22,7	13,3	+ 9,4
Научные исследования и разработки	39,1	42,9	- 3,9

Критерий сегментации – соотношение разработанных и используемых интеллектуальных продуктов (передовых производственных технологий) в организациях Белгородской области (табл. 3).

Исследование показало, что в 2021 г. в приоритетный сегмент интеллектуальных продуктов наукоемкого локального рынка Белгородской области входили:

1) производство, обработка, транспортировка и сборка (2 – нанотехнологии (создание и практическое использование нанообъектов и наносистем с заданными свойствами и характеристиками); 4 – биотехнологии (создание и

производственное использование живых организмов, их систем или продуктов их жизнедеятельности для решения технологических и производственных задач, в т. ч. использование методов биоинформатики и генной инженерии);

2) связь, управление и геоматика (2 – межфирменные компьютерные сети, включая Экстранет и электронный обмен данными (EDI); 1 – географическая информационная система (ГИС); 3 – глобальные системы навигации (ГЛОНАСС, GPS и др.), за исключением индивидуального использования работниками; 1 – дистанционное зондирование земли).

Таблица 3. Соотношение разработанных и используемых интеллектуальных продуктов (передовых производственных технологий) в организациях Белгородской области

Интеллектуальные продукты (передовые производственные технологии)	Разработанные интеллектуальные продукты (передовые производственные технологии). Предложение на рынке		Используемые интеллектуальные продукты (передовые производственные технологии). Спрос на рынке	
	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.
Сегмент 1. Приоритетные интеллектуальные продукты (по принадлежности к передовым производственным технологиям) для формирования локального кластера (стабильно высокие показатели)				
Производство, обработка, транспортировка и сборка	6	6	487	404
Связь, управление и геоматика	5	7	927	826
Сегмент 2. Перспективные интеллектуальные продукты (по принадлежности к передовым производственным технологиям) для формирования локального кластера (с максимальным показателем роста)				
Технологии автоматизированной идентификации, наблюдения и / или контроля	2	3	993	1185
Передовые методы организации и управления производством	5	8	98	140
Сегмент 3. Поддерживающие интеллектуальные продукты (по принадлежности к передовым производственным технологиям) для формирования локального кластера (обладающие потенциалом, но демонстрирующие сокращение динамики)				
Производственная информационная система и автоматизация управления производством	5	3	263	396
Проектирование и инжиниринг	2	1	402	170
Сегмент 4. Высокотехнологичные интеллектуальные продукты (по принадлежности к передовым производственным технологиям) для формирования локального кластера (требуют применения венчурного финансирования и стратегической поддержки)				
Технологии промышленных вычислений и больших данных	8	-	164	176
Зеленые технологии	5	6	64	52

Таблица 4. Соотношение внутренних затрат на разработку интеллектуальных продуктов по источникам финансирования и по областям науки и видам работ, млн руб.

Показатель	Внутренние затраты разработку интеллектуальных продуктов (исследования и разработки) по источникам финансирования		Внутренние текущие затраты на интеллектуальные продукты (исследования и разработки) по областям науки и по видам работ		Показатель
	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.	
Сегмент 1. Приоритетные передовые интеллектуальные продукты для формирования локального кластера (стабильно высокие показатели)					
Средства бюджета	950,9	1636,1	1538,1	1671,2	Технические науки
Собственные средства научных организаций	1000,0	1306,1	1056,4	1383,3	Разработки
Сегмент 2. Перспективные интеллектуальные продукты для формирования локального кластера (с максимальным показателем роста)					
Средства организаций предпринимательского сектора	898,3	808,6	896,0	997,4	Прикладные исследования
Средства организаций сектора высшего образования	80,4	195,6	68,6	144,0	Медицинские науки
Сегмент 3. Поддерживающие интеллектуальные продукты для формирования локального кластера (обладающие потенциалом, но демонстрирующие сокращение динамики)					
Средства фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности	0,4	0,6	728,8	1031,1	Естественные науки
Средства частных некоммерческих организаций	0,4	1,2	342,2	312,1	Сельскохозяйственные науки
Сегмент 4. Высокотехнологичные интеллектуальные продукты для формирования локального кластера (требуют применения венчурного финансирования и стратегической поддержки)					
Средства иностранных источников	11,1	5,6	917,7	1356,4	Фундаментальные исследования
			51,3	423,5	Гуманитарные науки

Кластерный анализ нами был выполнен с позиции предложения интеллектуального продукта. С позиции спроса на интеллектуальные продукты сегментация рынка выглядит иначе. Наиболее востребованными интеллектуальными продуктами на наукоемком локальном рынке в 2021 г. были следующие:

1) технологии автоматизированной идентификации, наблюдения и/или контроля (1185 единиц);

2) связь, управление и геоматика (826 единиц);

3) производство, обработка и сборка (404 единицы);

4) производственная информационная система и автоматизация управления производством (396 единиц).

Таким образом, пропорциональное соотношение спроса и предложения на рынке – только в ассортиментной группе «Связь, управление и геоматика». В остальных направлениях наблюдается значительная диспропорция показателей рынка.

Третьим критерием сегментации рынка была группа финансово-экономических факторов, относящихся к направлению «Инвестиции» (табл. 4 и 5).

Таблица 5. Внутренние затраты на исследования и разработки по социально-экономическим целям, млн руб.

Исследования и разработки по социально-экономическим целям	Внутренние затраты на исследования и разработки по социально-экономическим целям		Прирост (сокращение) показателя
	2020 г.	2021 г.	2021 г. к 2020 г.
Сегмент 1. Приоритетные цели социально-экономического развития для формирования локального кластера (стабильно высокие показатели (или незначительное снижение показателей))			
Развитие экономики	2274,6	2677,4	+ 402,8
Промышленное производство	1371,2	1726,7	+ 355,5
Сельское хозяйство, лесоводство, рыболовство	575,5	634,7	+ 59,2
Сегмент 2. Перспективные цели социально-экономического развития для формирования локального кластера (виды экономической деятельности с максимальным показателем роста)			
Социальное развитие и общественные структуры	36,5	405,2	+368,7
Производство, распределение и рациональное использование энергии	110,2	201,5	+ 91,3
Охрана здоровья населения	84,1	193,3	+ 109,2
Сегмент 3. Поддерживающие цели социально-экономического развития для формирования локального кластера (обладающие ресурсным потенциалом, но демонстрирующие незначительный рост или сокращение динамики инновационной деятельности)			
Общее развитие науки	162,4	173,5	+11,1
Сфера услуг	46,4	53,6	+ 7,2
Строительство	134,4	29,6	- 104,8
Сегмент 4. Высокотехнологичные виды для кластерного развития для формирования локального кластера (требуют применения венчурного финансирования и стратегической поддержки)			
Производство, распределение и рациональное использование энергии	110,2	201,5	+ 91,3
Исследование и использование Земли и атмосферы	2,5	3,2	+ 0,7
Использование космоса в мирных целях	2,9	1,0	- 1,9

Выводы

Таким образом, исследование показало, что в 2020 и 2021 гг. произошли значительные изменения в развитии наукоемкого локального рынка Белгородской области. Отмечается значительные диспропорции рынка, связанные с соотношением разработанных и внедренных интеллектуальных продуктов (передовых производственных технологий).

В результате проведенного исследования были выделены четыре основных устойчивых сегмента наукоёмкого локального рынка (в условиях Белгородской области):

• Сегмент 1 «Приоритетные передовые интеллектуальные продукты для кластерного развития (стабильно высокие показатели)».

• Сегмент 2 «Перспективные интеллектуальные продукты для кластерного развития (с максимальным показателем роста)».

• Сегмент 3 «Поддерживающие интеллектуальные продукты для кластерного развития (обладающие потенциалом, но демонстрирующие сокращение динамики)».

• Сегмент 4 «Высокотехнологичные интеллектуальные продукты для кластерного развития (требуют применения венчурного финансирования и стратегической поддержки)».

Список литературы

1. Kozhevnikov M. V. A transition to knowledge-intensive service activities in power industry: a theoretical framework // WIT Transactions on Ecology and the Environment: Conference. United Kingdom: WIT Press, 2019. Vol. 222. P. 13-25.

2. Eizenberg A. Upstream innovation and product variety in the us home pc market // Review of Economic Studies. 2014. Vol. 81, N 3. P. 1003-1045.

3. Aarikka-Stenroos L., Jaakkola E. Value co-creation in knowledge intensive business services: A dyadic perspective on the joint problem solving process // Industrial marketing management. 2012. Vol. 41, N 1. P. 15-26.

4. Loyalty formation for different customer journey segments / D. Herhausen [et al.] // Journal of Retailing. 2019. Vol. 95, N 3. P. 9-29.

5. Mani Z., Chouk I. Drivers of consumers' resistance to smart products // Journal of Marketing Management. 2017. Vol. 33, N 1-2. P. 76-97.

6. Salavisa I., Sousa C., Fontes M. Topologies of innovation networks in knowledge-intensive sectors: Sectoral differences in the access to knowledge and complementary assets through formal and informal ties // Technovation. 2012. Vol. 32, N 6. P. 380-399.

7. Knowledge-intensive services and local development: An empirical analysis of networks, channels and customization processes / G. Pino [et al.] // Local Economy. 2016. Vol. 31, N 3. P. 359-376.

8. Natural resource industries as a platform for the development of knowledge intensive industries / A. Marin, L. Navas Alemán, C. Perez // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2015. Vol. 106, N 2. P. 154-168.

9. Andaleeb S. S. Market segmentation, targeting, and positioning // Strategic Marketing Management in Asia / ed. by S. S. Andaleeb, K. Hasan. Leeds: Emerald Group Publishing Limited, 2016. P. 179-207.

10. Cluster analysis of smart metering data: An implementation in practice / C. Flath [et al.] // Business & Information Systems Engineering. 2012. Vol. 4. P. 31-39.

11. Александров А. А. Анализ и классификация методов сегментации рынка наукоемкой продукции // Молодежный научно-технический вестник. 2016. № 7. С. 25. EDN WIMAMP

12. Кокорев И. А. Модель сегментации рынка труда центров наукоемких технологий // Вестник университета. 2012. № 5. С. 199-202. EDN PVDFBJ

13. Хрусталев Е. Ю., Ларин С. Н., Хрусталев О. Е. Теоретические основы маркетинговой стратегии и модели развития российских авиакосмических корпораций // Экономика и предпринимательство. 2024. № 1(162). С. 1154-1158. https://doi.org/10.34925/EIP.2024.162.1.222. EDN ETNIMC

14. Токарев Б. Е. Методика поиска рыночных ниш наукоемких товаров // Маркетинг в России и за рубежом. 2011. № 3. С. 3-20. EDN OJXXHX

15. Максимович К. Ю., Лисицин А. Е., Петухова М. С. Экономико-правовые особенности формирования и развития органического сельского хозяйства в Сибири // Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2022. № 100. С. 50-59. https://doi.org/10.21515/1999-1703-100-50-59. EDN BOYKWP

16. Гусейнова Н. Л. Научно-техническая политика и инновационный менеджмент // Весці БДПУ. Серыя 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. 2017. № 3(93). С. 110-115. EDN ZASRFB

17. Рысьмятов А. З., Балашова И. В., Терещенко Т. А. К вопросу о методологии государственной поддержки и государственного регулирования сельского хозяйства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4-2. С. 274-277. EDN ZPTKST

References

1. Kozhevnikov M.V. A transition to knowledge-intensive service activities in power industry: a theoretical framework. In: *WIT Transactions on Ecology and the Environment: Conference*. Vol. 222. United Kingdom: WIT Press; 2019. P. 13-25.

2. Eizenberg A. Upstream innovation and product variety in the us home pc market. *Review of Economic Studies*. 2014;81(3):1003-1045.

3. Aarikka-Stenroos L., Jaakkola E. Value co-creation in knowledge intensive business services: A dyadic perspective on the joint problem solving process. *Industrial Marketing Management*. 2012;41(1):15-26.

4. Herhausen D., et al. Loyalty formation for different customer journey segments. *Journal of Retailing*. 2019;95(3):9-29.

5. Mani Z., Chouk I. Drivers of consumers' resistance to smart products. *Journal of Marketing Management*. 2017;33(1-2):76-97.

6. Salavisa I., Sousa C., Fontes M. Topologies of innovation networks in knowledge-intensive sectors: Sectoral differences in the access to knowledge and complementary assets through formal and informal ties. *Technovation*. 2012;32(6):380-399.

7. Pino G., et al. Knowledge-intensive services and local development: An empirical analysis of networks, channels and customization processes. *Local Economy*. 2016;31(3):359-376.

8. Marin A., Navas Alemán L., Perez C. Natural resource industries as a platform for the development of knowledge intensive industries. *Tijdschrift Voor Economische En Sociale Geografie*. 2015;106(2):154-168.

9. Andaleeb S.S. Market segmentation, targeting, and positioning. In: Andaleeb S. S., Hasan K. (eds.) Strategic Marketing Management in Asia. Leeds: Emerald Group Publishing Limited; 2016. P. 179-207.

10. Flath C., et al. Cluster analysis of smart metering data: An implementation in practice. *Business & Information Systems Engineering*. 2012;4:31-39.

11. Aleksandrov A.A. Analysis and classification of methods for segmentation of the high-tech products market. *Molodezhnyi nauchno-tekhnicheskii vestnik = Youth Scientific and Technical Bulletin*. 2016;(7):25. (In Russ.) EDN WIMAMP

12. Kokorev I.A. Model of segmentation of the labor market of high-tech centers. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2012;(5):199-202. (In Russ.) EDN PVDFBJ

13. Khrustalev E.Yu., Larin S.N., Khrustalev O.E. Theoretical foundations of the marketing strategy and development model of Russian aerospace corporations. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*. 2024;(1):1154-1158. (In Russ.) https://doi.org/10.34925/EIP.2024.162.1.222. EDN ETNIMC

14. Tokarev B.E. Methodology for searching for market niches for high-tech goods. *Marketing v Rossii i za rubezhom = Marketing in Russia and Abroad*. 2011;(3):3-20. (In Russ.) EDN OJXXHX

15. Maksimovich K.Yu., Lisitsyn A.E., Petukhova M.S. Economic and legal features of the formation and development of organic agriculture in Siberia. *Trudy Kubanskogo gosudarstven-*

nogo agrarnogo universiteta = Works of the Kuban State Agrarian University. 2022;(100):50-59. (In Russ.) https://doi.org/10.21515/1999-1703-100-50-59. EDN BOYKWP

16. Huseynova N.L. Scientific and technical policy and innovation management. *Bulletin of the BDPU. Gray 2. History. Philosophy. Palette. Social Science. Economics. Cultural Studies*. 2017;(3):110-115. (In Russ.) EDN ZASRFB

17. Rysmyatov A.Z., Balashova I.V., Tereshchenko T.A. On the methodology of state support and state regulation of agriculture. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;(4-2):274-277. (In Russ.) EDN ZPTKST

Информация об авторе / Information about the Author

Прядко Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Институт экономики и управления, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Российская Федерация,
e-mail: pryadko_s@ bsuedu.ru

Svetlana N. Pryadko, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Marketing, Institute of Economics and Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation,
e-mail: pryadko_s@ bsuedu.ru

ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ, ОТРАСЛЕЙ, КОМПЛЕКСОВ

ECONOMICS AND ORGANIZATION OF ENTERPRISES, INDUSTRIES, COMPLEXES

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.1

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-115-126

CC BY 4.0

Детализация результатов оценки эффективности осуществления переданных полномочий в сфере лесных отношений: ресурсно-экономический подход

А. М. Бурмистров[1] ✉, И. С. Зиновьева[1]

[1] Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова
ул. Тимирязева, д. 8, г. Воронеж 394087, Российская Федерация

✉ e-mail: burmistrov-vgltu@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье рассматривается проблема оценки эффективности реализации переданных полномочий в сфере лесных отношений с использованием ресурсно-экономического подхода. Авторы анализируют ключевые аспекты использования лесных ресурсов. Исследование выявляет основные проблемы и предлагает рекомендации по оптимизации процессов организации лесного хозяйства для повышения эффективности использования ресурсов. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к оценке, который учитывает специфику лесничеств.*

Цель *– изучить и провести анализ факторов и обстоятельств, оказывающих влияние на оценку переданных полномочий в ресурсно-экономического потенциала субъектов малолесной зоны Центрального федерального округа.*

Задачи: *сформировать положения и определить приоритетные направления по дополнению методик оценки эффективности использования лесных ресурсов малолесной зоны.*

Методология. *В исследовании были использованы официальные статистические справочники Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, материалы веб-ресурсов (официальные порталы), публикации периодической и условно-периодической печати.*

Результаты. *Лесодефицитные регионы ЦФО (Воронежская, Липецкая и Тамбовская области) характеризуются низким уровнем лесистости и преимущественно защитными лесами, что ограничивает их коммерческое использование. В исследовании обоснована необходимость увеличения лесных насаждений, интенсификации рекреационного и защитного лесопользования, а также создания и реконструкции агролесомелиоративных объектов. Предложено применение нейросетевых инструментов для моделирования рационального размещения хозяйствующих субъектов и развития регионального экономического пространства, что позволит повысить эффективность использования лесных ресурсов. Рассмотрены проблемы передачи полномочий в сфере лесных отношений и предложены критерии для повышения точности оценки их эффективности.*

Выводы. *Малолесные регионы ЦФО требуют увеличения лесных насаждений, развития рекреационного и защитного лесопользования, а также оптимизации агролесомелиоративных систем. Для эффективного управления лесными ресурсами предложено использование нейросетевых моделей. Актуальна адаптация механизмов передачи лесных полномочий с учетом региональной специфики. Реализация этих мер повысит экологическую и социально-экономическую устойчивость территорий.*

Ключевые слова: *использование ресурсов; лесные отношения; переданные полномочия; малолесные регионы; субъекты лесных отношений; лесничества.*

© Бурмистров А. М., Зиновьева И. С., 2025

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Бурмистров А. М., Зиновьева И. С. Детализация результатов оценки эффективности осуществления переданных полномочий в сфере лесных отношений: ресурсно-экономический подход // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 115–126. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-115-126

Поступила в редакцию 11.02.2025 Принята к публикации 10.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Detailing the results of the assessment of the effectiveness of the implementation of delegated powers in the field of forest relations: a resource-economic approach

Alexey M. Burmistrov[1] ✉, Irina St. Zinovieva[1]

[1] Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov
8 Timiryazev Str., Voronezh 394087, Russian Federation

✉ e-mail: burmistrov-vgltu@yandex.ru

Abstract

Relevance. *The article considers the problem of assessing the effectiveness of the implementation of delegated powers in the field of forest relations using a resource-based economic approach. The authors analyze the key aspects of the use of forest resources. The study identifies the main problems and offers recommendations for optimizing the processes of forestry organization to increase the efficiency of resource use. The necessity of a differentiated approach to assessment, which takes into account the specifics of forestry, is substantiated.*

The purpose *is to study and analyze the factors and circumstances influencing the assessment of delegated powers in the resource and economic potential of the subjects of the sparsely wooded zone of the Central Federal District.*

Objectives: *to formulate regulations and identify priority areas for complementing the methods for assessing the effectiveness of using forest resources in a sparsely wooded area.*

Methodology. *The study used the official statistical reference books of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation, materials from web resources (official portals), publications of periodicals and conditional periodicals.*

Results. *The forest-deficient regions of the Central Federal District (Voronezh, Lipetsk and Tambov regions) are characterized by a low level of forest cover and predominantly protected forests, which limits their commercial use. The study substantiates the need to increase forest plantations, intensify recreational and protective forest management, as well as create and reconstruct agroforestry facilities. The use of neural network tools for modeling the rational allocation of economic entities and the development of regional economic space is proposed, which will increase the efficiency of using forest resources. The problems of transfer of powers in the field of forest relations are considered and criteria for increasing the accuracy of assessing their effectiveness are proposed.*

Conclusions. *The sparsely wooded regions of the Central Federal District require an increase in forest plantations, the development of recreational and protective forest management, as well as the optimization of agroforestry systems. The use of neural network models is proposed for effective management of forest resources. It is important to adapt the mechanisms of transfer of forest authority, taking into account regional specifics. The implementation of these measures will enhance the environmental and socio-economic sustainability of the Territories.*

Keywords*: use of resources; forest relations; delegated powers; sparsely wooded regions; subjects of forest relations; forestry.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Burmistrov A.M., Zinovieva I.St. Detailing the results of the assessment of the effectiveness of the implementation of delegated powers in the field of forest relations: a resource-economic approach. *Izvestiya Yugo-*

Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management. 2025;15(2):115–126. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-115-126

Received 11.02.2025 Accepted 10.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Лесодефицитные регионы Российской Федерации, преимущественно расположенные в Европейской части страны, находятся в степной и лесостепной зонах. На примере Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей Центрального федерального округа, обладающих низким уровнем лесистости, делается акцент на возможностях усиления потенциальной роли лесов за счет повышения уровня лесного хозяйства и защитного лесопользования, а также предлагаются дополнения к существующей оценке переданных полномочий в сфере лесных отношений в разрезе лесничеств малолесного региона. Устанавливается взаимосвязь с использованием нейросетевых инструменты для разработки моделей рационального размещения хозяйствующих субъектов и развития регионального экономического пространства в субъектах РФ. Эти модели позволят сбалансировать темпы и масштабы модернизации как техногенной, так и социоприродной подсистем, повышая совокупный синергетический эффект в интересах населения, бизнеса и территориальных структур управления.

Для более глубокого анализа возможностей усиления роли лесного потенциала в лесодефицитных регионах можно использовать разнородные статистические данные и показатели использования лесных ресурсов, которые помогут обосновать необходимость дополнений к существующей оценке переданных полномочий в сфере лесных отношений.

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что уровень лесистости в рассматриваемых регионах значительно ниже средних значений по стране. В то время как средний показатель лесистости в Российской Федерации составляет около 45%, в Воронежской, Липецкой и Тамбовской областях этот уровень существенно ниже [1, с. 121]. Данный факт указывает на необходимость реализации мер, направленных на увеличение площади лесных насаждений, что не только поспособствует восполнению лесных ресурсов, но и сыграет ключевую роль в поддержании биоразнообразия, обеспечении экологической устойчивости и стабилизации климатических условий в указанных регионах.

Материалы и методы

В исследовании использованы статистические данные о лесных ресурсах Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей, включая показатели лесистости, запасы древесины и структуру лесного фонда. Применены методы пространственного анализа агролесных ландшафтов, а также сравнительная характеристика рационального размещения хозяйствующих субъектов и развития регионального экономического пространства. Рассмотрены механизмы передачи лесных полномочий и разработаны критерии их оценки с учетом региональной специфики.

Результаты и их обсуждение

Анализ обеспеченности лесными ресурсами субъектов Российской Федерации, входящих в Центральный федеральный округ, показывает, что несмотря на сравнительно высокий средний уровень лесистости округа, составляющий 34,8%, отдельные регионы характеризуются значительным дефицитом лесных насаждений. В частности, в Воронежской (8,3%) и Липецкой (8,8%) областях уровень лесистости не превышает 10%, что свидетельствует о крайне низком обеспечении лесными ресурсами. Тамбовская область, несмотря на показатель лесистости в 10,6%,

также относится к категории лесодефицитных регионов[1]. Эти данные подчеркивают необходимость реализации мероприятий, направленных на увеличение площади лесных насаждений и повышение устойчивости экосистем. В таблице 1 представлены основные характеристики лесного фонда и лесов, не входящих в его состав, для рассматриваемых субъектов.

Наибольшая площадь земель лесного фонда зафиксирована в Воронежской области (475,9 тыс. га), и при этом Воронежская область также выделяется по площади лесов, не состоящих в лесном фонде (63,7 тыс. га), что указывает на более разнообразное использование лесных ресурсов и наличие лесов, не включенных в государственный учет.

Однако по показателю общего запаса древесины лидером является Тамбовская область (69,6 млн м³), что связано с более высокой продуктивностью лесов и их возрастной структурой. Кроме того, Тамбовская область демонстрирует наибольший общий средний прирост древесины (1,3 млн м³), что свидетельствует о более интенсивных процессах восстановления и роста лесных ресурсов в данном регионе. Взаимосвязь между площадью лесного фонда и землями, покрытыми лесом, носит прямой характер: увеличение площади лесного фонда сопровождается ростом земель, покрытых лесом. Аналогичная зависимость наблюдается между общим запасом древесины и средним приростом, что подчеркивает важность эффективного использования лесных ресурсов для обеспечения их устойчивого развития.

На основании анализа можно сделать вывод, что Тамбовская область демонстрирует наиболее высокие показатели в сфере использования и воспроизводства лесных ресурсов, что выражается в наибольшем общем запасе древесины и среднем приросте. Это позволяет предположить, что в данном регионе наиболее эффективно реализуются переданные полномочия в сфере лесных отношений, что способствует устойчивому использованию и воспроизводству лесных ресурсов.

Преимущественно все лесные ресурсы упомянутых регионов классифицируются как защитные – преобладают молодые и средневозрастные лесные насаждения (не достигшие зрелости, необходимой для коммерческой вырубки). Лесные экосистемы всех трех рассматриваемых регионов формируются преимущественно лиственными древесными породами, среди которых доминируют дуб, липа, береза и осина. Хвойные насаждения, представленные главным образом сосной, занимают относительно небольшую долю лесопокрытой территории, составляя около 13-14% от общей площади лесов [2, с. 44]. Такое распределение древесных пород обусловлено природно-климатическими условиями региона и историческими особенностями лесопользования.

Следует отметить, что защитные леса в первую очередь выполняют экологические функции, такие как предотвращение эрозии почв, защита водоемов, улучшение качества воздуха и поддержание биоразнообразия. Эти функции часто имеют приоритет над лесозаготовительными операциями, что ограничивает использование лесных ресурсов в коммерческих целях.

Лесные массивы, не входящие в состав лесного фонда, представлены преимущественно городскими лесами, которые выполняют важные социальные функции, способствуя формированию рекреационных пространств и улучшению экологической обстановки в урбанизированных территориях. В структуру лесного фонда, помимо земель, покрытых древесной растительностью, включены также небольшие площади нелесных земель, таких как сенокосы и заболоченные территории. Анализ представленных в

[1] Лесистость территорий Российской Федерации / ЕМИСС. URL: https://www. fedstat.ru/indicator/38193 (дата обращения: 09.12.2024).

таблице 1 данных указывает на низкий уровень развития лесного потенциала в рассматриваемых субъектах Российской Федерации, что ограничивает его влияние на положительное социально-экономическое развитие региона.

Деятельность по передаче полномочий в сфере лесных отношений в малолесных регионах должна быть направлена на достижение стратегической цели – увеличение уровня лесистости, что может быть эффективно реализовано через создание и реконструкцию агролесомелиоративных объектов, включающих полезащитные, противоэрозионные, ветрозащитные и снегозадерживающие лесополосы. Такие меры являются особенно актуальными в условиях, когда в некоторых регионах, например в восточной части Воронежской области, доля склоновых земель, подверженных эрозии, достигает 23,7-50%[1], что свидетельствует о высокой необходимости внедрения комплекса почвозащитных мероприятий. Помимо расширения сети защитных лесных насаждений, которые способствуют увеличению урожайности сельскохозяйственных культур на 11,5-14,2%[1], значительное повышение эффективности использования лесных территорий может быть достигнуто путем интенсификации их рекреационного освоения. Это позволит не только оптимизировать структуру лесного хозяйства, но и будет способствовать устойчивому развитию регионов. Однако, несмотря на возрастающую роль рекреации, в малолесных районах она по-прежнему не рассматривается в качестве приоритетного направления лесопользования.

В степных районах Липецкой и Тамбовской областей наблюдается высокая потребность в создании искусственных водоемов, обустроенных с применением современных технологий, направленных на минимизацию водных потерь, обусловленных фильтрационными процессами. Важным аспектом таких проектов является формирование прилегающих зеленых зон, обеспечивающих не только улучшение микроклиматических условий, но и развитие рекреационной инфраструктуры. Успешным примером реализации подобной инициативы является водоем, созданный в Каменной степи (Павловский район Воронежской области), продемонстрировавший положительное влияние как на состояние природной среды, так и на социально-экономическое развитие территории. Этот опыт свидетельствует о значимости комплексного подхода к водохозяйственному и ландшафтному обустройству, способствующего гармонизации взаимодействия общества с природой [3, с. 25]. В конечном итоге подобные инициативы могут привести к значительному экономическому эффекту, способствуя развитию туризма и улучшению качества жизни местных жителей.

Таблица 1. Лесные территории и запасы лесных ресурсов в трех субъектах ЦФО по состоянию на 1 января 2024 г.[1]

Субъект ЦФО	Площадь земель лесного фонда, тыс. га	Леса, не состоящие в лесном фонде, тыс. га	Лесные земли, тыс. га	Земли, покрытые лесом, тыс. га	Общий запас древесины, млн м^3	Общий средний прирост, млн м^3
Воронежская область	475,9	63,7	467,6	475,2	61,8	1,0
Липецкая область	214,8	20,1	210,6	210,3	29,1	0,8
Тамбовская область	379,6	17,9	371,3	375,8	69,6	1,3

[1] Объем заготовки древесины в Российской Федерации // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/opendata/7708234640-fourathreeafourafourazero (дата обращения: 09.12.2024).

На текущем этапе наблюдается недостаточное вовлечение услуг лесного хозяйства для сельскохозяйственных производителей, включая вопросы платы, проектирования, авторского надзора и реализации агролесомелиоративных проектов. Расширение использования и воспроизводства лесного потенциала в малолесных регионах требует разработки комплексной модели развития регионального экономического пространства. Децентрализация полномочий в данной сфере усиливает способность субъектов эффективно управлять природными ресурсами. В условиях интеграции России в шестой технологический уклад регионы получают возможность формировать модели рационального использования природно-ресурсного потенциала с применением нейросетевых технологий [4, с. 46].

Использование нейросетевых инструментов в оценке ресурсного потенциала малолесных территорий обладает рядом преимуществ:

а) высокая точность прогнозов: нейросетевые модели способны обрабатывать большие объемы данных и выявлять сложные зависимости, что позволяет делать более точные прогнозы относительно развития лесных ресурсов и их потенциала;

б) автоматизация анализа данных: нейросети могут автоматизировать процесс анализа данных, что снижает затраты времени и ресурсов на обработку информации и позволяет быстрее принимать обоснованные решения [5, с. 150];

в) интеграция разнородных данных: нейросетевые инструменты могут объединять данные из различных источников, таких как спутниковые снимки, метеорологическая информация, данные о почвах и гидрологии, что позволяет создавать более полные и точные модели [6, с. 23];

г) адаптивность и обучаемость: нейросети способны адаптироваться к изменениям в данных и улучшать свои прогнозы по мере получения новой информации, что делает их эффективными для долгосрочного мониторинга и управления ресурсами;

д) оптимизация использования ресурсов: с помощью нейросетевых моделей можно разрабатывать оптимальные стратегии использования и восстановления лесных ресурсов [7, с. 22], что способствует устойчивому развитию территорий;

д) визуализация данных: нейросети могут предоставлять наглядные визуализации данных, что облегчает интерпретацию результатов и принятие решений;

е) снижение рисков: точные прогнозы и модели, основанные на нейросетевых инструментах, помогают снизить риски, связанные с неправильным управлением лесными ресурсами, такие как деградация земель и утрата биоразнообразия [8, с. 113].

Рассмотрим все вышеизложенные проблемы на примере Воронежской области и ее лесничеств. Исходя из Лесного плана Воронежской области и лесохозяйственных регламентов каждого из лесничеств нами был отобран необходимый массив данных для дальнейшего анализа. Отметим, что в пределах установленных площадей лесничеств выделение лесных участков для конкретного вида использования осуществляется исходя из природных и социально-экономических особенностей территории [9, с. 31].

В малолесных регионах «привлекательность» отдельных лесных участков определяется совокупностью внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относятся количественные и качественные характеристики сырьевой базы, а к внутренним – уровень развития транспортной инфраструктуры, включая протяженность и состояние дорожной сети в пределах лесничеств.

Исследование лесохозяйственных регламентов свидетельствует о том, что не во всех регионах имеются достаточные запасы древесины, пригодные для заготовки, что связано с преобладанием молодняков, заболоченных территорий и

других малопродуктивных категорий земель. Это обусловливает необходимость контроля и оценки переданных полномочий для оптимизации лесохозяйственной деятельности в целом (табл. 2). Передача полномочий субъектам в данной сфере оказывает значительное влияние на управление лесными ресурсами, способствуя более эффективному использованию доступных ресурсов и улучшению экологической обстановки.

Анализ данных по лесничествам Воронежской области показывает, что общий запас древесины варьируется в значительных пределах, причем наибольшие значения наблюдаются в Теллермановском лесничестве (6546,2 тыс. м³), Воронежском (5124,1 тыс. м³) и Бутурлиновском (4965,4 тыс. м³) лесничествах. Эти же лесничества характеризуются значительными разрешенными площадями для заготовки древесины, что свидетельствует о высокой ресурсной базе и потенциальных возможностях для лесопользования. В частности, Теллермановское лесничество выделяется не только максимальным запасом древесины, но и наибольшей разрешенной площадью (40549,7 га), а также самой протяженной сетью лесных дорог (415,7 га). Это указывает на высокий уровень доступности лесных ресурсов и развитую инфраструктуру, что делает данное лесничество ключевым в регионе.

Таблица 2. Характеристика лесничеств по общему запасу, разрешенной площади и протяженности лесных дорог на 1 января 2024 г.[1]

Наименование лесничества	Общий запас древесины, тыс. м^3	Разрешенная площадь по виду использования «заготовка древесины», га	Протяженность лесных дорог, га
Воронежское	5124,1	27165,0	142,8
Аннинское	3253,6	20235,0	65,6
Бобровское	3946,9	26113,0	62,2
Бутурлиновское	4965,4	24146,0	40,1
Теллермановское	6546,2	40549,7	415,7
Калачеевское	3276,8	27213,6	70,1
Острогожское	4673,6	26463,0	24,5
Воронцовское	3805,2	15913,0	15,9
Павловское	2417,4	74675,0	113,5
Савальское	2543,4	18499,0	14,7
Богучарское	-	7332,0	10,1
Давыдовское	-	31776,0	35,2
Донское	-	2717,0	1,0
Кантемировское	-	6332,0	1,1
Новоусманское	-	22799,0	8,4
Новохоперское	-	17041,0	2,5
Песковское	-	16419,0	24,3
Пригородное	-	12239,0	12,0
Россошанское	-	10485,0	2,9

[1] Об утверждении Лесного плана Воронежской области: указ губернатора Воронежской области от 15 ноября 2021 г. № 200-у // Правовой портал Воронежской области. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=106312481&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 09.12.2024); Министерство лесного хозяйства Воронежской области: Все документы // Воронежская область. Официальный сайт. URL: https://govvrn.ru/docs/263?page=18 (дата обращения: 09.12.2024).

Окончание табл. 2

Наименование лесничества	Общий запас древесины, тыс. м^3	Разрешенная площадь по виду использования «заготовка древесины», га	Протяженность лесных дорог, га
Семилукское	-	18302,0	81,4
Сомовское	-	9316,2	11,6
Эртильское	-	3216,0	16,0
Хреновское	-	14184,0	77,5

В то же время в ряде лесничеств, таких как Донское, Кантемировское и Россошанское, показатели разрешенной площади и протяженности дорог находятся на минимальном уровне. Например, в Донском лесничестве разрешенная площадь составляет всего 2717 га, а протяженность дорог – 1 га. Отсутствие данных по общему запасу древесины в этих лесничествах дополнительно подчеркивает их низкий ресурсный потенциал.

Корреляционный анализ позволил выявить слабую положительную взаимосвязь между общим запасом древесины и разрешенной площадью. В лесничествах с большими запасами древесины, как правило, наблюдается и большая разрешенная площадь, что логично, учитывая зависимость объема ресурсов от площади лесного фонда. Однако в некоторых случаях, например в Павловском лесничестве, где разрешенная площадь достигает 74675 га, общий запас древесины относительно невелик (2417,4 тыс. м³). Это может указывать на низкую плотность древесины на единицу площади или на особенности лесного фонда.

Связь между общим запасом древесины и протяженностью лесных дорог также носит слабый положительный характер. В лесничествах с высоким запасом древесины, таких как Теллермановское и Воронежское, протяженность дорог выше среднего, что способствует эффективному использованию ресурсов. Однако в некоторых случаях, например в Бутурлиновском лесничестве, где запас древесины значителен, протяженность дорог относительно невелика (40,1 га), что может создавать определенные трудности для транспортировки и заготовки.

Разрешенная площадь и протяженность дорог также демонстрируют слабую корреляцию. В Теллермановском лесничестве, где разрешенная площадь максимальна, протяженность дорог также наибольшая, что свидетельствует о сбалансированности инфраструктуры и ресурсной базы. Однако в Павловском лесничестве, несмотря на огромную разрешенную площадь, протяженность дорог составляет лишь 113,5 га, что может указывать на недостаточное развитие транспортной сети для эффективного использования ресурсов.

В контексте анализа данных по лесничествам Воронежской области Донское, Кантемировское и Россошанское лесничества выделяются как территории с крайне низкими показателями разрешенной площади для заготовки древесины и минимальной протяженностью лесных дорог, что свидетельствует о недостаточном ресурсном потенциале и слаборазвитой инфраструктуре. В связи с этим возникает необходимость усиления контроля за реализацией переданных полномочий в сфере лесных отношений на данных территориях. Отсутствие данных по общему запасу древесины в этих лесничествах дополнительно подчеркивает потребность в проведении детальной инвентаризации лесных ресурсов и разработке методов оценки ресурсного потенциала, направленных на повышение эффективности использования лесного фонда. В частности, целесообразно рассмотреть меры по улучшению транспортной доступности, оптимизации лесо-

пользования и усилению мониторинга за соблюдением законодательства в области лесных отношений. В то же время Теллермановское, Воронежское и Бутурлиновское лесничества, обладающие значительным ресурсным потенциалом и развитой инфраструктурой, демонстрируют высокую эффективность реализации переданных полномочий, что подтверждается их лидирующими позициями по объему запасов древесины, разрешенной площади и протяженности дорог. Данные лесничества могут служить примером успешного управления лесными ресурсами, однако и в их отношении необходим постоянный мониторинг и оценка выполнения переданных полномочий.

Делегирование полномочий в сфере лесных отношений от федеральных органов власти к региональным структурам представляет собой ключевой элемент процесса децентрализации использования лесных ресурсов. Этот подход способствует более эффективному учету региональных особенностей лесопользования, повышает оперативность принятия управленческих решений и обеспечивает адаптацию мер лесного хозяйства к специфике природно-климатических условий конкретных территорий. В то же время успешная реализация децентрализации требует разработки механизмов координации между уровнями власти, обеспечения ресурсной поддержки региональных органов управления и совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей их деятельность[1]. Однако для малолесных регионов, где лесные ресурсы ограничены, стандартные методики оценки эффективности переданных полномочий могут быть недостаточно точными.

В свою очередь, передача полномочий предполагает перераспределение функций по охране, защите, воспроизводству и использованию лесов между различными уровнями власти [10, с. 150]. Как в малолесных регионах в целом, так и в Воронежской области в частности этот процесс имеет свои особенности: ограниченные лесные ресурсы, снижающие экономическую целесообразность значительных инвестиций в лесное хозяйство [11, с. 71]; высокая степень антропогенного воздействия на лесные экосистемы [12, с. 415]; ограниченные финансовые и кадровые ресурсы лесничеств [13 с. 580].

Таким образом, вышеприведённый анализ выявил применение унифицированных критериев, не учитывающих региональную специфику: долю лесного фонда, экономическую рентабельность лесопользования, антропогенную нагрузку и особенности правового регулирования [14 с. 40]. Для повышения точности оценки в малолесных регионах предложено введение коэффициента лесистости, коррелирующего эффективность полномочий с площадью лесопокрытых территорий [15, с. 101].

Выводы

Анализ существующих подходов оценки переданных полномочий показывает, что в большинстве случаев используются унифицированные критерии, не учитывающие: доли лесных площадей в общей территории региона; экономической рентабельности лесохозяйственной деятельности; уровня антропогенного воздействия на леса; региональной специфики нормативно-правового регулирования.

Для повышения точности оценки эффективности переданных полномочий в малолесных регионах предлагается:

а) введение коэффициента лесистости – оценка эффективности должна коррелировать с долей лесных земель в структуре региона;

[1] Лесной кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ: [в ред. от 26.12.2024 г.] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/?ysclid=m972oad5qh60970672 (дата обращения: 17.12.2024).

б) оценка финансовой обеспеченности – учет уровня бюджетного финансирования лесничеств;

в) дифференцированный учет антропогенного воздействия – выделение категорий лесов по уровню антропогенной нагрузки и соответствующее корректирование оценочных критериев.

Таким образом, передача полномочий в сфере лесных отношений требует учета региональной специфики, особенно в малолесной зоне. Внедрение предложенных дополнений позволит повысить объективность оценки эффективности переданных полномочий и обеспечить более устойчивое управление лесными ресурсами. Будущие исследования в данной области должны быть направлены на апробацию предложенных критериев и их адаптацию к различным природно-климатическим условиям.

Список литературы

1. Кузнецова Н. Ф., Сауткина М. Ю. Состояние лесов и динамика их породного состава в Центральном федеральном округе // Лесохозяйственная информация. 2019. № 2. С. 25-45. https://doi.org/10.24419/LHI.2304-3083.2019.2.03

2. Кожухов Н. И., Тихомиров Е. А. Усиление роли лесного потенциала малолесных регионов РФ для повышения темпов социально-экономического развития и сбалансированности интересов населения, бизнеса и административных структур // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 6. С. 44-47. https://doi.org/10.37882/2223–2974.2020.06.17

3. Кожухов Н. И., Топчеев А. Н. Некоторые аспекты формирования и устойчивого развития агролесных ландшафтов в условиях Воронежской области // Лесотехнический журнал. 2019. Т. 9, № 4(36). С. 25-32. https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2019.4/3

4. Минасян Э. Р. Инструменты развития российской экономики в рамках перехода к шестому технологическому укладу // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2-2(60). С. 46-49. https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10122

5. Родионов М. Г., Самарин А. М. Применение нейросетевых технологий для разработки кластерной структуры территориально-административных образований // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2015. № 2(42). С. 150-158.

6. Тарасов А. С., Никифоров М. Б., Бакамбис Н. И. Применение сверточных сегментационных нейронных сетей для экологического мониторинга земной поверхности // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2021. № 6. С. 3-10.

7. Нифадьева Е. А. Опыт использования нейронных сетей для определения параметров лесных ресурсов // Исследования молодых ученых: материалы XCV Международной научной конференции (г. Казань, январь 2025 г.). Казань: Молодой ученый, 2025. С. 22-27.

8. Нейросетевая модель оценки и прогнозирования экологического риска изменения состояния лесного фонда / В. В. Бурлуцкий, Г. А. Кочергин, А. Л. Царегородцев, А. В. Якимчук // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 1 (105). С. 64-68.

9. Хейгетова С. Е. Лесные участки как объекты гражданского права: специфика правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 100–109.

10. Бечина И. В. Разграничение полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области лесных отношений // Национальная Ассоциация Ученых. 2021. № 74-5. С. 48-51. https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2021.5.74.549

11. Бурмистров А. М. Специфические особенности, определяющие устойчивое и рациональное лесопользование в Российской Федерации // Актуальные направления науч-

ных исследований XXI века: теория и практика. 2023. Т. 11, № 4(63). С. 71-82. https://doi.org/10.34220/2308-8877-2023-11-4-71-82

12. Косумов Р. С., Демельханов М. Д. Лесные экосистемы как стабилизирующие факторы антропогенного воздействия на окружающую среду // Молодой ученый. 2016. № 3(107). С. 415-420.

13. Кабетова М. Ю. Кадровый аспект проблем реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области лесных отношений и развития отрасли лесного хозяйства: содержание, причины и пути преодоления // Экономика и социум. 2017. № 5-1(36). С. 580-586.

14. Добролюбова Е. И. Подходы к оценке результативности и эффективности переданных полномочий // Вопросы управления. 2017. № 2(45). С. 40-49.

15. Бурмистров А. М., Зиновьева И. С. Детерминанты повышения эффективности использования древесных лесных ресурсов // Регион: системы, экономика, управление. 2024. № 1(64). С. 101-109. https://doi.org/10.22394/1997-4469-2024-64-1-101-109

References

1. Kuznetsova N.F., Sautkina M.Yu. The state of forests and the dynamics of their species composition in the Central Federal District. *Lesokhozyaistvennaya informatsiya = Forestry Information*. 2019;(2):25-45. (In Russ.) https://doi.org/10.24419/LHI.2304-3083.2019.2.03

2. Kozhukhov N.I., Tikhomirov E.A. Strengthening the role of the forest potential of the sparsely wooded regions of the Russian Federation to increase the pace of socio-economic development and balance the interests of the population, business and administrative structures. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i parvo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*. 2020;(6):44-47. (In Russ.) https://doi.org/10.37882/2223-2974.2020.06.17

3. Kozhukhov N.I., Topcheev A.N. Some aspects of the formation and sustainable development of agroforestry landscapes in the Voronezh region. *Lesotekhnicheskii zhurnal = Forestry Engineering Journal*. 2019;9(4):25-32. (In Russ.) https://doi.org/10.34220/issn.2222-7962/2019.4/3

4. Minasyan E.R. Tools for the development of the Russian economy in the context of the transition to the sixth technological order. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and Business: Theory and Practice*. 2020;(2-2):46-49. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10122

5. Rodionov M.G., Samarin A.M. Application of neural network technologies for the development of cluster structure of territorial administrative entities. *Vestnik Sibirskoi gosudarstvennoi avtomobil'no-dorozhnoi akademii = Bulletin of the Siberian State Automobile and Road Academy*. 2015;(2):150-158. (In Russ.)

6. Tarasov A.S., Nikiforov M.B., Bakambis N.I. Application of convolutional segmentation neural networks for environmental monitoring of the Earth's surface. *Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki = Proceedings of Tula State University. Technical Sciences*. 2021;(6):3–10. (In Russ.)

7. Nifadyeva E.A. The experience of using neural networks to determine the parameters of forest resources. In: *Issledovaniya molodykh uchenykh: materialy XCV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan', yanvar' 2025 g.) = Research of young scientists: Proceedings of the XCV International Scientific Conference, January 2025, Kazan*. Kazan': Molodoi uchenyi; 2025. P. 22-27. (In Russ.)

8. Burlutskiy V.V., Kochergin G.A., Tsaregorodtsev A.L., Yakimchuk A.V. A neural network model for assessing and predicting environmental risk of changes in the state of the forest

fund. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Altai State University*. 2019;(1):64–68. (In Russ.)

9. Heygetova S.E. Forest plots as objects of civil law: specifics of legal regulation. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasian Law Bulletin*. 2022;(4):10–109. (In Russ.)

10. Bechina I.V. Differentiation of powers between state authorities of the Russian Federation and subjects of the Russian Federation in the field of forest relations. *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh = National Association of Scientists*. 2021;(74-5):48-51. (In Russ.) https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2021.5.74.549

11. Burmistrov A.M. Specific features defining sustainable and rational forest management in the Russian Federation. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovanii XXI veka: teoriya i praktika = Current Directions of Scientific Research of the XXI Century: Theory and Practice*. 2023;11(4):71-82. (In Russ.) https://doi.org/10.34220/2308-8877-2023-11-4-71-82

12. Kosumov R.S., Demelkhanov M.D. Forest ecosystems as stabilizing factors of anthropogenic impact on the environment. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2016;(3):415-420. (In Russ.)

13. Kabetova M.Y. The personnel aspect of the problems of exercising the powers of state authorities of the subjects of the Russian Federation in the field of forest relations and the development of the forestry industry: content, causes and ways to overcome. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*. 2017;(5-1):580-586. (In Russ.)

14. Dobrolyubova E.I. Approaches to assessing the effectiveness and efficiency of delegated powers. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2017;(2):40-49. (In Russ.)

15. Burmistrov A.M., Zinovieva I.S. Determinants of increasing the efficiency of using woody forest resources. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*. 2024;(1):101-109. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/1997-4469-2024-64-1-101-109

Информация об авторах / Information about the Authors

Бурмистров Алексей Михайлович, старший преподаватель кафедры менеджмента и экономики предпринимательства, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: burmistrov-vgltu@yandex.ru,
SPIN: 5713-8285,
ORCID: 0000-0002-6604-1361,
Author ID: 1033096

Alexey M. Burmistrov, Senior Lecturer of the Department of Management and Economics of Entrepreneurship, Voronezh State Forestry Engineering University named after G. F. Morozov, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: burmistrov-vgltu@yandex.ru,
SPIN: 5713-8285,
ORCID: 0000-0002-6604-1361,
Author ID: 1033096

Зиновьева Ирина Станиславовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова, г. Воронеж, Российская Федерация,
e-mail: zinovirs@mail.ru,
SPIN: 4889-8142,
ORCID: 0000-0003-1165-7414,
Author ID: 327311

Irina St. Zinovieva, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of Economics and Finance, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov, Voronezh, Russian Federation,
e-mail: zinovirs@mail.ru,
SPIN: 4889-8142,
ORCID: 0000-0003-1165-7414,
Author ID: 327311

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

INSTITUTIONAL FACTORS OF ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Оригинальная статья / Original article

УДК 330.352.3

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-127-138

CC BY 4.0

Классификация и оценка институциональных факторов развития экономики региона

Р. В. Ободец[1], Я. В. Ободец[1]✉

[1] Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан
ул. Заки Валиди, д. 40, г. Уфа 450008, Российская Федерация

✉ e-mail: yana_o84@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Исследование обусловливается необходимостью изучения институциональных факторов как основы развития экономики региона. Для чего необходим универсальный методический подход к такой оценки в связи с разнообразием социального и экономического потенциалов регионов в Российской Федерации и действия военно-политического фактора, сдерживающего развитие новых регионов.*

Цель *– разработать классификационные признаки, критерии и типологию институциональных факторов, которые формируют структуру методического подхода к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона.*

Задачи*: структурировать систему критериев, которые позволяют выделить институциональные факторы, влияющие на развитие экономики региона с учетом внешних условий – интеграцию в экономическое пространство Российской Федерации новых регионов (Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей); сформировать методический подход к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона.*

Методология. *При подготовке данной публикации использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения результатов исследований авторов, дедукция и индукция.*

Результаты. *Проведено исследование теоретических основ, которые позволяют классифицировать институциональные факторы развития экономики региона по следующим критериям: степень, уровень и сфера воздействия на экономический потенциал региона; уровень формализации; степень централизации; характер собственности; территория действия.*

Выводы. *Обоснована структура методического подхода к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона. Такая структура состоит из трех этапов: сбор и анализ статистических показателей в контексте укрупненной структуры институциональных факторов; проведение расчетов на основе сопоставления разрозненных частных индикаторов; экспертная оценка качественных показателей институциональных факторов.*

Ключевые слова: *институциональные факторы; классификация; регион; региональное развитие; экономика региона; признаки; критерии; типология; методический подход к оценке.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Ободец Р. В., Ободец Я. В., 2025

Для цитирования: Ободец Р. В., Ободец Я. В. Классификация и оценка институциональных факторов развития экономики региона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 127–138. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-127-138

Поступила в редакцию 07.02.2025 Принята к публикации 05.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Classification and assessment of institutional factors of regional economic development

Roman V. Obodets[1], Yana V. Obodets[1] ✉

[1] Bashkir Academy of Public Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan
40 Zaki Validi Str., Ufa 450008, Russian Federation

✉ e-mail: yana_o84@mail.ru

Abstract

Relevance. *The study is conditioned by the need to study institutional factors as the basis for the development of the region's economy. This requires a universal methodological approach to such an assessment due to the diversity of social and economic potentials of regions in the Russian Federation and the military-political factor constraining the development of new regions.*

The purpose *is to develop classification criteria, criteria and a typology of institutional factors that form the structure of a methodological approach to assessing the state and impact of institutional factors on the development of the region's economy.*

Objectives: *to structure a system of criteria that make it possible to identify institutional factors influencing the development of the region's economy, taking into account external conditions – integration into the economic space of the Russian Federation of new regions (Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Kherson and Zaporizhia regions); to form a methodological approach to assessing the state and impact of institutional factors on the development of the region's economy.*

Methodology*. General scientific methods of analysis, synthesis, generalization of the authors' research results, deduction and induction were used in the preparation of this publication.*

Results. *A study has been conducted on the theoretical foundations that make it possible to classify the institutional factors of the region's economic development according to the following criteria: the degree, level and scope of impact on the economic potential of the region; the level of formalization; the degree of centralization; the nature of ownership; the area of operation.*

Conclusions. *The structure of the methodological approach to assessing the state and impact of institutional factors on the development of the region's economy is substantiated. This structure consists of three stages: collection and analysis of statistical indicators in the context of an integrated structure of institutional factors; calculations based on a comparison of disparate private indicators; expert assessment of qualitative indicators of institutional factors.*

Keywords*: institutional factors; classification; region; regional development; regional economy; signs; criteria; typology; methodological approach to assessment.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Obodets R.V., Obodets Ya.V. Classification and assessment of institutional factors of regional economic development. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):127–138. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-127-138

Received 07.02.2025 Accepted 05.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

На современном этапе институциональное обеспечение развития территорий Российской Федерации характеризуется замедлением его темпов, несистемностью и фрагментарностью государственных мер по реализации задач системных реформ, в т. ч. местного и регионального развития. В этом контексте одним из важнейших факторов изменения ситуации в положительную сторону должно стать эффективное институциональное обеспечение реформаторских процессов. Сегодня повышенный интерес к региональным исследованиям объясняется необходимостью преодоления существующих диспропорций регионального развития и разработки стратегических направлений новой эффективной региональной политики в РФ. Но несмотря на обширный перечень научных работ, посвященных анализу основных факторов регионального развития, недостаточная степень проработанности данной проблематики определяет актуальность темы исследования.

Материалы и методы

Проблеме институционального обеспечения регионального развития посвящено значительное количество научных трудов как отечественных, так и зарубежных исследователей, в частности: К. Бельгисовой [1], О. Волошиной [2], В. Дементьева [3], О. Кима [4]. В научных работах этих ученых отражаются теоретико-методические основы регионального развития и государственной региональной политики, ее институции, что также позволяет выделить несколько ключевых классификационных признаков, отражающих различные аспекты институциональной среды и ее воздействия на экономические процессы. Обобщения вышепредставленных исследований требует применение методов классификаций для разработки критериев, определяющих уровень воздействия институциональных факторов на развитие экономики.

Результаты и их обсуждение

Для формирования методического подхода к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона следует выделить следующие критерии:

1. По степени воздействия на экономический потенциал региона – негативный и положительный. Так, к положительному аспекту воздействия следует отнести институты, создающие условия для предпринимательской деятельности, привлечения инвестиций, инноваций и повышения конкурентоспособности региона. Примеры: эффективная система защиты прав собственности, развитая инфраструктура поддержки бизнеса, прозрачные и предсказуемые правила регулирования, наличие квалифицированных кадров. Многие российские ученые, такие как В. М. Полтерович, отмечают важность сильных институтов защиты прав собственности и контрактного права для стимулирования экономического роста и привлечения инвестиций в регионы. В начале 90-х годов данный ученый выделял роль «…институциональных ловушек как важнейших препятствий на пути здорового реформирования…» [5, с. 14].

Негативный аспект явно прослеживается в контексте действия военно-политического фактора в части присоединения новых территорий к Российской Федерации в 2022 г., что повлекло за собой расширение списка оснований для применения международных экономических ограничений. В период нестабильности в политической системе региона проявляются ряд проблемных аспектов, требующих особого внимания «…в процессах стратегического планирования на примере Донецкой Народной Республики. Поставлен вопрос относительно необходимости применения стратегических инструментов в условиях неопределённости…» [6, с. 41]. С одной стороны, институциональная составляющая новых

регионов формировалась за счет вхождения в новое правовое поле Российской Федерации, что позволило сформировать новые инструменты по обеспечению развития данных регионов при плотной поддержке других регионов в виде «шефства», тем самым обеспечивая восстановление разрушенной инфраструктуры по приоритетному принципу – восстановление социальной инфраструктуры и обеспечение логистических процессов [7]. Однако, с другой стороны, в процессах реструктуризации проявился ряд сдерживающих институтов, создающих барьеры для развития экономики региона, такие как коррупция, бюрократия, неэффективное государственное управление, высокий уровень преступности, неразвитая инфраструктура. Исследования, проводимые учеными Института экономики РАН, в частности С. Ю. Глазьевым, подчеркивают негативное влияние коррупции и бюрократии на экономический рост и инновационную активность в регионах России [8].

2. Уровень влияния на процессы развития экономики региона. В данном случае следует рассматривать институциональные факторы, регулирующие правоотношения на уровне государства, региональном или муниципальном. В дополнение к федеральным законам, регулирующим привлечение зарубежных капиталовложений в экономическую сферу, в регионах страны приняты и действуют местные законодательные акты. Эти акты предлагают иностранным инвесторам дополнительные преимущества и льготы, стимулируя их деятельность. В масштабах страны для реализации приоритетных задач формируются национальные проекты, например, для «… преодоления институциональных дефицитов и перестройки государственной социальной политики…» [9, с. 32]. Встречается ситуация, когда при отсутствии федеральных законов субъекты РФ разрабатывают собственные нормативные акты. Это касается, в частности, создания региональных инновационных организаций для поддержки бизнеса и территорий приоритетного развития [10, с. 55].

3. По сфере регулирования следует выделить институциональные факторы, которые можно отнести к политическим, экономическим, социальным и правовым процессам. Так, политические институты определяют соответствующую систему органов власти, механизмы принятия решений, участие граждан в управлении. Например, политическая стабильность, демократичность выборов, прозрачность деятельности органов власти, эффективность борьбы с коррупцией. В коллективной монографии В. А. Акимов, Р. С. Ахметханов и др. отмечают политическую стабильность и предсказуемость, которые являются важными факторами для привлечения инвестиций и долгосрочного экономического планирования в регионах.

Экономические институты регулируют соответствующие отношения, устанавливают правила игры для экономических агентов, обеспечивают функционирование рынков и конкуренцию. Примеры: защита прав собственности, контрактное право, банковская система, система налогообложения, антимонопольное регулирование. Исследования Р. М. Нуреева показывают, что эффективные экономические институты способствуют развитию конкуренции, повышению эффективности производства и росту благосостояния населения [11].

Социальные институты поддерживают социальные нормы, ценности и правила поведения, регулируют отношения между людьми и организациями в социальной сфере. Примеры: система образования, здравоохранение, социальная защита, культура, религиозные организации. В работах Г. Б. Клейнера подчеркивается важность социальных институтов для формирования человеческого капитала, развития инновационной активности и обеспечения социальной стабильности в регионах [12].

Правовые институты устанавливают нормы и правила, регулирующие все сферы общественной жизни, обеспечивают соблюдение законов и защиту прав граждан в таких документах, как Конституция, Гражданский кодекс, Уголовный кодекс, система судопроизводства, правоохранительные органы. Так, в работе В. Л. Тамбовцева [13] доказано, что эффективные правовые институты обеспечивают защиту прав собственности, снижают транзакционные издержки и способствуют развитию экономики.

4. По уровню формализации действуют формальные институты. Это институты, закрепленные в законодательных и нормативных правовых актах, имеющие четкую структуру и механизмы принуждения к исполнению. Примеры: законы, указы, постановления, распоряжения, уставы, правила, инструкции. Также следует отметить важность структурирования отдельных сфер в виде четких структур управления, особенно в рамках работы инновационных структур, как это отмечается в исследованиях И. Л. Березина и А. А. Лукьяновой [14, с. 1211]. В то же время существование неформальных институтов должно учитываться при работе формальных институтов. В данном классификационном аспекте следует учитывать традиции, обычаи, нормы поведения, моральные ценности, которые не закреплены в законодательных актах, но оказывают значительное влияние на экономическое поведение людей. Так, доверие, честность, порядочность, социальная ответственность, корпоративная культура играют важную роль в развитии экономики и инновационной активности в регионах, что подтверждается комплексным исследованием данной темы за последние десять лет Е. И. Метельковой [15, с. 34-49].

5. По степени централизации следует выделить федеральные институты, которые устанавливают правила и нормы, действующие на всей территории Российской Федерации, в частности Конституция РФ, федеральные законы, постановления Правительства РФ. В то же время региональные институты устанавливают правила и нормы, действующие на территории конкретного региона, которые не противоречат законам федерального уровня. Под воздействием цифровой трансформации большинство процессов ускоряются, упрощаются бюрократические процедуры, что позволяет более эффективно выстраивать административно-правовое регулирование таких процессов [16, с. 1961]. В то же время дестабилизация в отношениях органов власти и несовершенство нормативных актов, например в рамках регулирования механизмов государственно-частного партнерства, могут привести к конфликтным ситуациям и вообще отказать от использования предлагаемого инструмента [17, с.70].

6. По характеру собственности следует выделить институты государственные (государственные предприятия и учреждения), частные институты и институты смешанной собственности. Преобладание одной формы над другой существенно оказывает влияние на экономические процессы в регионе. Так банкротство крупных государственных предприятий в процессе их реструктуризации позволяет частным структурам использовать действующие активы в другой сфере, как это происходило с крупными промышленными государственными предприятиями, которые трансформировались в общественные пространства или инновационные центры («Севкабель порт» в г. Санкт-Петербурге, «Фабрика Алафузова» в г. Казани, пространство «Цех» в г. Нижнем Новгороде) [18]. С другой стороны, возвращение в государственную собственность стратегических предприятий позволяет более эффективно выстраивать государственную политику в данной сфере, в частности выстраивание энергетической и технологической независимости [19]. Например, поглощение «Роснефтью» активов ЮКОСа

позволило консолидировать активы в нефтяной отрасли, что способствовало эффективному обеспечению энергетической независимости и безопасности государства [20]. В текущих экономических условиях, сложившихся под влиянием международных санкций в отношении Российской Федерации, особое значение приобретает развитие инновационной инфраструктуры [21, с. 4605]. Создание госкорпорации «Ростех» позволило объединить усилия более 700 предприятий, ориентированные на экспортный потенциал высокотехнологической продукции гражданского и военного назначения.

7. По территории действия. Данный параметр дает возможность принять во внимание совокупность институциональных факторов, чье влияние ограничено определенной территорией региона (к примеру, особыми экономическими зонами различного подчинения, закрытые города и т. п.).

Таким образом, вышепредставленная классификация институциональных факторов по определенным критериям основывается на анализе публикаций российских ученых и позволяет более систематизированно и комплексно изучать их влияние на развитие экономики региона. Важно учитывать, что все эти факторы взаимосвязаны и оказывают комплексное воздействие на экономические процессы в регионе. Поэтому в основу методического подхода к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики следует заложить количественную и качественную оценку. Такая оценка необходима для обоснованного выбора конкретных примеров, демонстрирующих существенное негативное или положительное влияние институциональных факторов на экономическое развитие региона. Формирование количественных и качественных показателей по сравнению с эталонными значениями дает возможность определить основные приоритеты развития региональной экономики в России, реализация которых зависит от институциональных факторов. Поэтому обозначенный методический подход к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона должен включать следующие этапы:

1. Формирование структуры статистических показателей (рис. 1).

Первый и наиболее критический аспект для органов местного самоуправления – индекс политической стабильности, который включает в себя: количество протестных акций (ед./год) отражает уровень социальной напряженности и недовольства населения. Индекс электоральной активности (%, явка на выборах) характеризует уровень вовлеченности граждан в политический процесс. Количество смен руководителей региона (ед./год) отражает стабильность политической власти.

Следует отметить, что структура статистических показателей не является окончательной, а больше концептуальной в связи с тем, что соответствующие регионы Российской Федерации имеют различный ресурсный потенциал. Поэтому количественные показатели могут расширяться в зависимости от специфики социально-экономического развития отдельного региона с учетом географического и природного аспекта. Так, показатели по институциональному фактору «частный сектор» могут быть расширены следующими показателями, характеризующими уровень защищенности хозяйствующих субъектов: количество судебных дел, связанных с нарушением прав собственности (ед./год), отражает уровень защиты прав собственности в регионе; средний срок рассмотрения судебных дел, связанных с нарушением прав собственности (дни), характеризует эффективность судебной системы; уровень зарегистрированной преступности в сфере экономики (ед./100 тыс. населения) отражает уровень экономической безопасности и защиты бизнеса. Следует учитывать индекс развития

конкуренции: доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в ВРП (%, от общего объема ВРП) характеризует вклад МСП в экономику региона; индекс концентрации рынка (HHI) для ключевых отраслей экономики региона (безразмерная величина, рассчитывается на основе доли рынка крупнейших компаний) отражает уровень монополизации рынков.

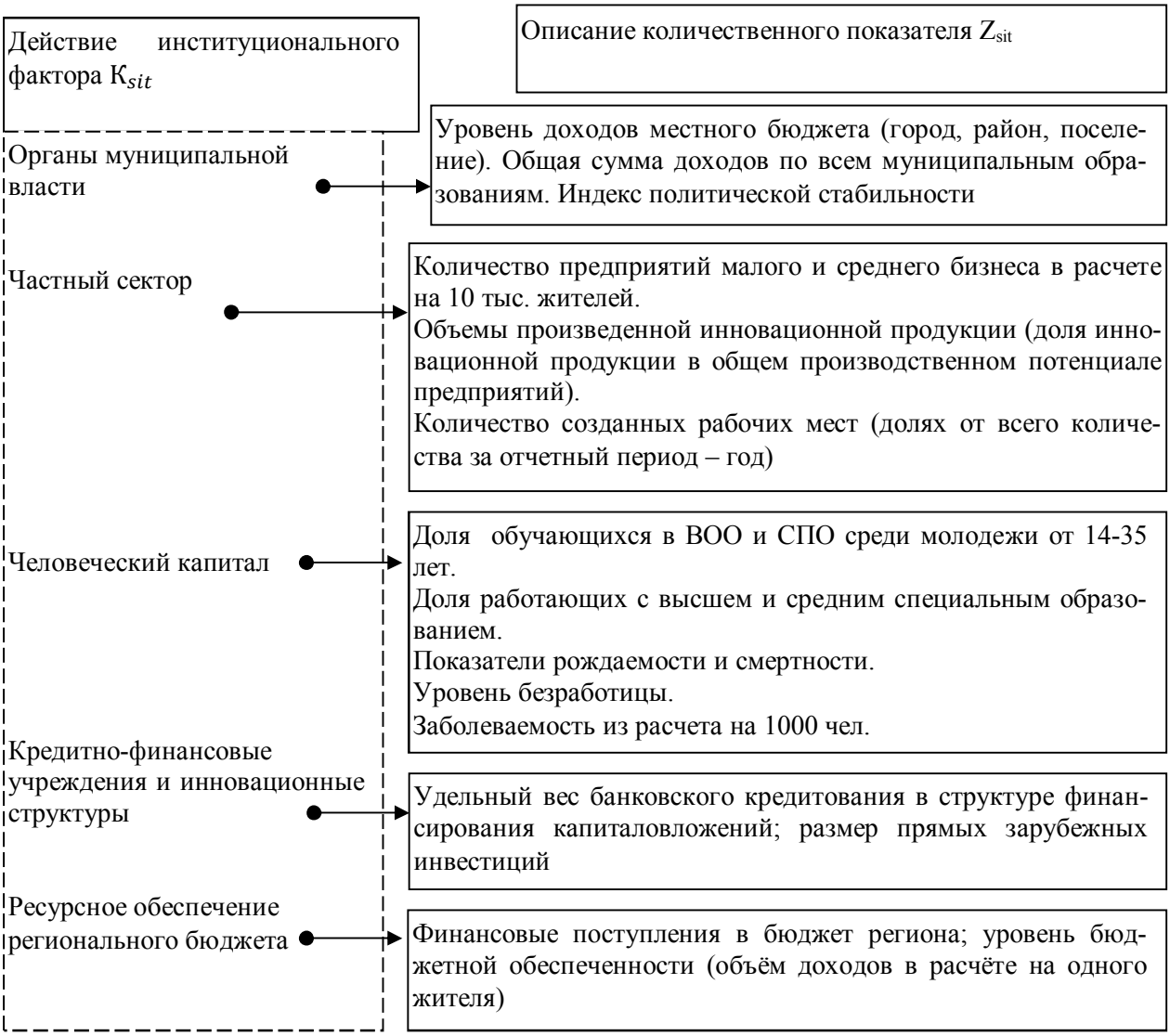

Рис. 1. Структура статистических показателей методического подхода к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона

2. Для обеспечения сопоставимости разрозненных частных индикаторов s требуется стандартизация, т. е. преобразование отдельных абсолютных значений в относительные или безразмерные величины действия институционального фактора К. Такие факторы показывают относительную часть к эталонным значениям в других регионах РФ в соответствии с формулой

$$К_{sit} = \frac{z_{sit}}{К_{max\ \ sit}},$$

где z_{sit} – абсолютное значение выражение s-го показателя для i-го региона в момент времени t; $К_{max\ \ sit}$ – эталонное или наибольшее значение s-го показателя среди регионов Российской Федерации; $К_{sit}$ – унифицированная величина s-го показателя для i-го региона в t-м году.

3. Использование принципа комплексности в методическом подходе к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона позволяет дополнительно включить качественные показатели, которые оцениваются экспертным путем и приводятся к единой усредненной шкале от 0 до 1. В результате структура качественных показателей институциональных факторов представлена ниже (рис. 2).

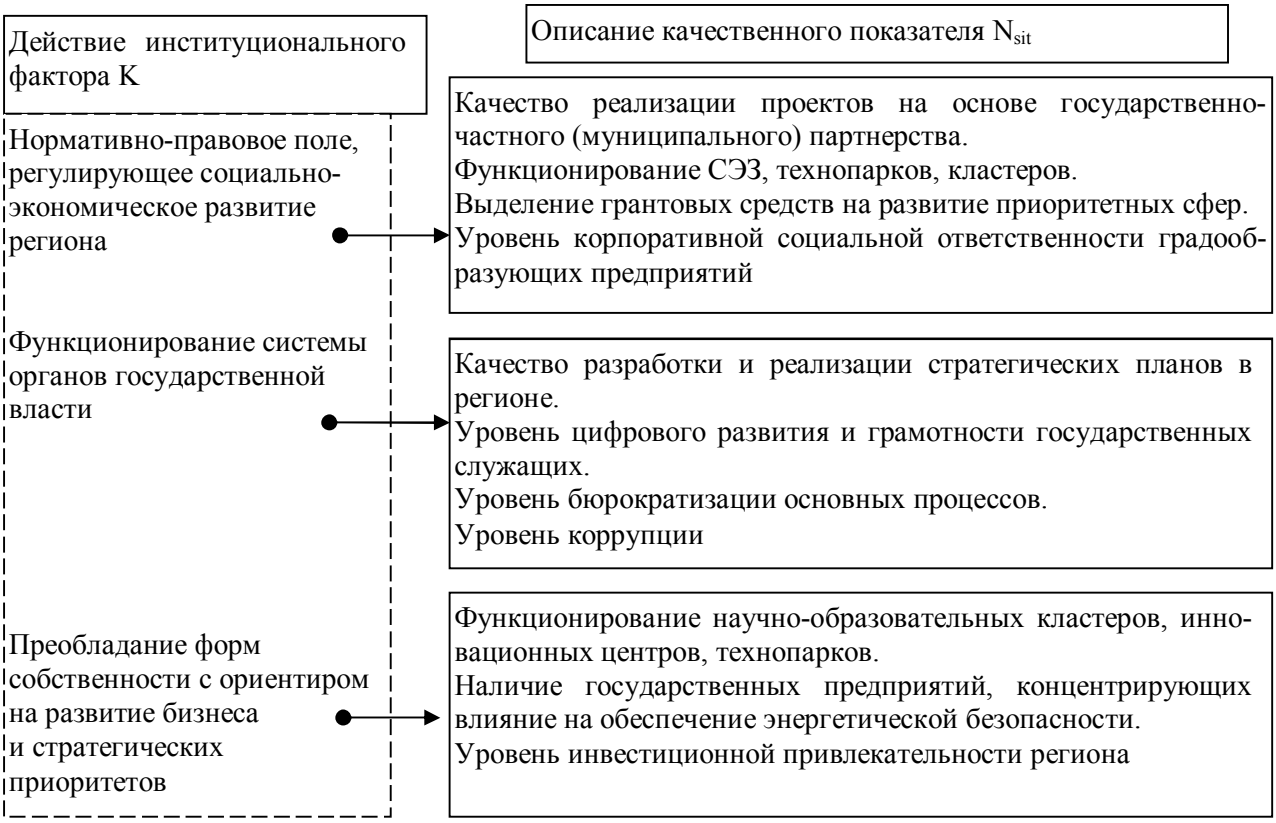

Рис. 2. Структура качественных показателей методического подхода к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона

Качество государственного управления также можно оценить количественными показателями: уровень коррупции (экспертная оценка) характеризует эффективность борьбы с коррупцией и прозрачность деятельности органов власти; доля государственных расходов, направленных на развитие инфраструктуры (%, от общего объема расходов бюджета), отражает приоритеты государственной политики и инвестиции в развитие экономики региона; количество принятых нормативно-правовых актов, направленных на поддержку бизнеса (ед./год), характеризует усилия органов власти по созданию благоприятного инвестиционного климата.

Для экспертной оценки целесообразно проводить специальные фокус группы, в которые важно объединить представителей органов власти (муниципальная, региональная), крупного и малого бизнеса, а также представителей общественности. В формате модерации с целью разработки – стратегии социально-экономического развития региона. Параллельно каждый эксперт сможет оценить уровень влияния каждого институционального фактора с качественной стороны.

Предлагаемая структура статистических показателей представляет собой основу для эффективной методики оценки состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики

региона. Применение принципа комплексности в методическом подходе к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона позволяет структурировать качественные показатели, которые расширены характеристикой институтов государственного управления на уровне региона, а именно: уровень коррупции; доля государственных расходов, направленных на развитие инфраструктуры; количество принятых нормативно-правовых актов, направленных на поддержку бизнеса. В результате логическая последовательность шагов и содержание каждого этапа оценки формируются в методический подход к оценке состояния и воздействия институциональных факторов на развитие экономики региона. Так, на первом этапе происходит аккумулирование статистических данных, требуемых для количественной оценки воздействия институционального фактора. В ходе второго этапа осуществляется приведение данных к единому стандарту для всех регионов, включенных в заданную выборку. Третий этап позволяет оценить качественные характеристики действия таких институциональных факторов, как: нормативно-правовое поле, регулирующее социально-экономическое развитие региона; система органов государственной власти; преобладание форм собственности с ориентиром на развитие бизнеса и стратегических приоритетов.

Выводы

В заключение необходимо подчеркнуть, что изучение теоретических и методологических аспектов анализа институциональных факторов, влияющих на развитие региона, позволило их классифицировать по следующим критериям: степень, уровень и сфера воздействия на экономический потенциал региона; уровень формализации; степень централизации; характер собственности; территория действия. Кроме того, был разработан методический подход к оценке институциональных факторов, их текущего состояния и воздействия. Представленное исследование вносит вклад в развитие теории региональной экономики, расширяя понимание институциональных факторов. Дальнейшие исследование проблематики данной статьи будут основываться на применении данного методического подхода для оценки состояния институциональных факторов в новых регионах Российской Федерации (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области) для корректировки ресурсного обеспечения, выстраивания приоритетов в их развитии и эффективной их интеграции в социально-экономическое пространство.

Список литературы

1. Бельгисова К. В. Институциональные условия устойчивого развития регионов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 96. С. 81-85.

2. Волошина Е. Ф. Роль институциональных факторов в развитии экономики региона // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 5(37). С. 1-15.

3. Дементьев В. В. Государство и регионы: почему нет согласия? (институциональный аспект) // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. 2019. № 1(37). С. 15-24.

4. Ким О. Л. Институциональные факторы экономического развития регионов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 1(11). С. 87-94.

5. Волошина Е. Ф. Совершенствование управления изменениями институциональных факторов развития экономики регионов // Регион: системы, экономика, управление. 2014. № 3(26). С. 14-19. EDN SYPGWT

6. Ободец Р. В., Захаров С. В. Государственное стратегическое планирование в условиях глобального экономического кризиса // Сборник научных работ серии «Государственное управление». 2020. № 17. С. 41-47.

7. Более 40 регионов России взяли шефство над Донбассом // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/02/08/2022/62c5b5319a7947fd53dcb7a9 (дата обращения: 17.01.2025).

8. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов // Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_10.html (дата обращения: 17.01.2025).

9. Нечаев Д. Н., Леонова О. В. Реализация нацпроектов в Российской Федерации как фактор преодоления институциональных дефицитов и пересборки государственной социальной политики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 1. С. 32-40.

10. Мутхана А. С. Институциональные факторы и особенности развития инновационного предпринимательства в Российской Федерации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 10. С. 55-57. https://doi.org/10.37882/2223-2974.2020.10.22

11. Манушин Д. В., Еникеев Ш. И. Памяти Рустема Махмутовича Нуреева: обзор работ по экономической теории, управлению отраслевой экономикой и другим направлениям // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 451-460. https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.451-460

12. Клейнер Г. Б., Рыбачук М. А. Системная сбалансированность экономики. М.: Научная библиотека, 2017. 320 с.

13. Тамбовцев В. Л. Права, формы и режимы собственности // Экономическая наука современной России. 2015. № 1(68). С. 7-18.

14. Березин И. Л., Лукьянова А. А. Институциональные формы управления инновационной деятельностью и их ограничения // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 4. С. 1211-1230. https://doi.org/10.18334/ce.17.4.117687

15. Метелькова Е. И. Институциализация психологической помощи в системе высшего образования Российской Федерации // Вестник практической психологии образования. 2024. Т. 21, № 1. С. 34–49. https://doi.org/ 10.17759/bppe.2024210103

16. Малышева Р. О., Русакова Д. А. Цифровая трансформация государственного управления и проблемы его административно-правового регулирования в условиях цифровизации // Научный аспект. 2024. Т. 16, № 1. С. 1960-1967.

17. Проблемы заключения административного договора в сфере государственно-частного партнерства / Н. С. Мигда, Е. В. Чебанова, С. В. Рыбалко, К. В. Залян, Ф. Ф. Ушакова // Вестник государственного морского университета имени адмирала. 2024. № 4(49). С. 69-71.

18. Новая жизнь старых территорий. Кто и как превращает заброшенные фабрики и заводы в развивающиеся общественные пространства. URL: https://snob.ru/society/novaya-zhizn-staryh-territorii-kto-i-kak-prevrashaet-zabroshennye-fabriki-i-zavody-v-razvivayushiesya-obshestvennye-prostranstva/ (дата обращения: 17.01.2025).

19. Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты: Фундаментальные исследования проблем техногенной безопасности / В. А. Акимов, Р. С. Ахметханов, В. В. Баранов [и др.]. М.: Знание, 2013. 576 с.

20. Стратегические отрасли России возвращаются под контроль государства. URL: https://octagon.media/ekonomika/strategicheskie_otrasli_rossii_vozvrashhayutsya_pod_kontrol_gosudarstva.html (дата обращения: 15.01.2025).

21. Глезман, Л. В., Исаев С. Ю., Урасова А. А. Инновационная инфраструктура региона в новой экономической реальности // Креативная экономика. 2022. Т. 16, № 12. С. 4605-4620. https://doi.org/10.18334/ce.16.12.117165

References

1. Belgisova K.V. Institutional conditions of sustainable development of regions. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen.* 2019;(96):81-85. (In Russ.)

2. Voloshina E.F. The role of institutional factors in the development of the region's economy. *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem = Modern Research on Social Problems*. 2014;(5):1-15. (In Russ.)

3. Dementiev V.V. The state and the regions: why is there no agreement? (the institutional aspect). *Nauchnye trudy Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskaya = Scientific Works of Donetsk National Technical University. Series: Economic*. 2019;(1):15-24. (In Russ.)

4. Kim O.L. Institutional factors of economic development of regions. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, social'naya sfera, tekhnologii = Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology*. 2022;(1):87-94. (In Russ.)

5. Voloshina E.F. Improving the management of changes in institutional factors of regional economic development. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: Systems, Economics, Management*. 2014;(3):14-19. (In Russ.) EDN SYPGWT

6. Obodets R.V., Zakharov S.V. State strategic planning in the context of the global economic crisis. *Sbornik nauchnyh rabot serii «Gosudarstvennoe upravlenie» = Collection of Scientific Papers of the Series «Public Administration»*. 2020;(17):41-47. (In Russ.)

7. More than 40 regions of Russia have taken over the patronage of Donbass. RBC. (In Russ.) Available at: https://www.rbc.ru/politics/02/08/2022/62c5b5319a7947fd53dcb7a9 (accessed 17.01.2025).

8. Bureaucracy and Power in the New Russia: the positions of the population and the assessments of experts. Institute of Sociology of the National Research Research Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.) Available at: https://www.isras.ru/ analytical_report_bureaucracy_10.html (accessed 17.01.2025).

9. Nechaev D.N., Leonova O.V. Implementation of national projects in the Russian Federation as a factor in overcoming institutional deficits and reassembling state social policy. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya = Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*. 2021;(1):32-40. (In Russ.)

10. Mutkhana A.S. Institutional factors and features of the development of innovative entrepreneurship in the Russian Federation. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law*. 2020;(10):55-57. (In Russ.) https://doi.org/10.37882/2223-2974.2020.10.22

11. Manushin D.V., Yenikeev Sh.I. In memory of Rustem Makhmutovich Nureyeva: review of works on economic theory, management of sectoral economics and other areas. *Russian Journal of Economics and Law = Russian Journal of Economics and Law*. 2023;17(2):451-460. (In Russ.) https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.2.451-460

12. Kleiner G.B., Rybachuk M.A. Systemic balance of the economy. Moscow: Nauchnaya biblioteka; 2017. 320 p. (In Russ.)

13. Tambovtsev V.L. Rights, forms and regimes of ownership. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii = The Economic Science of Modern Russia*. 2015;(1):7-18. (In Russ.)

14. Berezin I.L., Lukyanova A.A. Institutional forms of innovation management and their limitations. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2023;17(4):1211-1230. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ce.17.4.117687

15. Metelkova E.I. Institutionalization of psychological assistance in the higher education system of the Russian Federation. *Vestnik prakticheskoj psihologii obrazovaniya = Bulletin of*

Practical Psychology of Education. 2024;21(1):34-49. (In Russ.) https://doi.org/10.17759/bppe.2024210103

16. Malysheva R.O., Rusakova D.A. Digital transformation of public administration and the problems of its administrative and legal regulation in the context of digitalization. *Nauchnyj aspect = Scientific Aspect*. 2024;16(1):1960-1967. (In Russ.)

17. Migda N.S., Chebanova E.V., Rybalko S.V., Zalyan K.V., Ushakova F.F. Problems of concluding an administrative contract in the field of public-private partnership. *Vestnik gosudarstvennogo morskogo universiteta imeni admirala = Bulletin of the Admiral State Maritime University*. 2024;(4):69-71. (In Russ.)

18. New life of the old territories. Who and how transforms abandoned factories into developing public spaces. (In Russ.) Available at: https://snob.ru/society/novaya-zhizn-staryh-territorii-kto-i-kak-prevrashaet-zabroshennye-fabriki-i-zavody-v-razvivayushiesya-obshestvennye-prostranstva/ (accessed 17.01.2025).

19. Akimov V.A., Akhmetkhanov R.S., Baranov V.V. (eds.) Russia's security. Legal, socio-economic, scientific and technical aspects: Fundamental research of technogenic safety problems. Moscow: Znanie; 2013. 576 p. (In Russ.)

20. Russia's strategic industries are returning to state control. (In Russ.) Available at: https://octagon.media/ekonomika/strategicheskie_otrasli_rossii_vozvrashhayutsya_pod_kontrol_gosudarstva.html (accessed 15.01.2025).

21. Glezman L.V., Isaev S.Yu., Urasova A.A. Innovative infrastructure of the region in the new economic reality. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2022;16(12):4605-4620. (In Russ.) https://doi.org/10.18334/ce.16.12.117165

Информация об авторах / Information about the Authors

Ободец Роман Васильевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: incubator-org@yandex.ru,
SPIN: 1252-3241,
Researcher ID: AAK-4445-2021,
ORCID: 0000-0001-9436-0063,
Author ID: 865815

Roman V. Obodets, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Bashkir Academy of Public Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation,
e-mail: incubator-org@yandex.ru,
SPIN: 1252-3241,
Researcher ID: AAK-4445-2021,
ORCID: 0000-0001-9436-0063,
Author ID: 865815

Ободец Яна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: yana_o84@mail.ru,
SPIN: 7942-7424,
Author ID: 1103082

Yana V. Obodets, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, Bashkir Academy of Public Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation,
e-mail: yana_o84@mail.ru,
SPIN: 7942-7424,
Author ID: 1103082

Оригинальная статья / Original article

УДК 339.13.01

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-139-154

CC BY 4.0

Построение товарного рынка: инфраструктура и конъюнктура

О. Н. Гутникова[1] ✉

[1] Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
ул. Севастопольская, д. 21/4, г. Симферополь 295050, Российская Федерация

✉ e-mail: vechirko15@mail.ru

Резюме

Актуальность. *В современных экономических условиях, подверженных значительным трансформациям коммерческих связей, возрастает роль товарного рынка как сферы обращения. Исследование его структурных и конъюнктурообразующих элементов играет значительную роль в обеспечении эффективной адаптации производственной и сбытовой систем под рыночный спрос, чем и обусловлена актуальность данной статьи.*

Цель *исследования заключалась в анализе нормативно-правовых и научных подходов к определению сущности товарного рынка, оценке структурообразующих элементов, формирующих его инфраструктуру, а также конъюнктурную ситуацию.*

Задачи *исследования сведены к систематизации определений понятия «товарный рынок» и формирования собственного авторского видения терминологии, определения места потребительского рынка в рамках товарного, составления схемы инфраструктуры рынка и систематизации конъюнктурообразующих факторов.*

Методология. *Методологическую базу составили методы полевого (кабинетного) исследования, а также методы формирования понятийно-терминологической системы.*

Результаты. *В результате проведенного исследования представлены научные подходы к пониманию термина «товарный рынок», представлена авторская формулировка данного определения, составлены схемы инфраструктурных элементов товарного рынка, проанализированы конъюнктурообразующие факторы и определена их взаимосвязь в рамках функционирующей сферы товарного обмена.*

Выводы. *Установлено, что именно инфраструктура и конъюнктура товарного рынка являются индикаторами степени его развития, а также уровня реализации предпринимательской инициативы в направлении организации и осуществления товарообменных операций. От рациональности построения инфраструктуры товарного рынка, а также оптимальности сложившейся экономической ситуации зависит уровень соответствия товарного предложения рыночному спросу, возможность полноценного удовлетворения потребительских нужд.*

Ключевые слова: *товарный рынок; потребительский рынок; инфраструктура; конъюнктура; конъюнктурообразующие факторы.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Гутникова О. Н. Построение товарного рынка: инфраструктура и конъюнктура // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 139–154. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-139-154

Поступила в редакцию 11.02.2025 Принята к публикации 06.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Гутникова О. Н., 2025

Building a commodity market: infrastructure and market conjuncture

Olga N. Gutnikova[1] ✉

[1] V. I. Vernadsky Crimean Federal University
21/4 Sevastopolskaya Str., Simferopol 295050, Russian Federation

✉ e-mail: vechirko15@mail.ru

Abstract

Relevance. *In modern economic conditions, subject to significant transformations of commercial relations, the role of the commodity market as a sphere of circulation increases. The study of its structural and market-forming elements plays a significant role in ensuring the effective adaptation of production and sales systems to market demand, which determines the relevance of this article.*

The purpose *of the study was to analyze the regulatory and scientific approaches to determining the essence of the commodity market, assessing the structure-forming elements that form its infrastructure, as well as the market situation.*

The objectives *of the study are reduced to systematizing the definitions of the concept of "commodity market" and forming the author's own vision of terminology, determining the place of the consumer market within the commodity market, drawing up a diagram of the market infrastructure and systematizing market-forming factors.*

Methodology. *The methodological base was made up of methods of field (desk) research, as well as methods for forming a conceptual and terminological system.*

Results. *The conducted research presented scientific approaches to understanding the term "commodity market", presented the author's formulation of this definition, compiled schemes of infrastructure elements of the commodity market, analyzed the market-forming factors and determined their relationship within the functioning sphere of commodity exchange.*

Conclusions. *It was established that it is the infrastructure and the market situation of the commodity market that are indicators of the degree of its development, as well as the level of implementation of entrepreneurial initiative in the direction of organizing and implementing commodity exchange transactions. The level of compliance of the commodity supply with market demand, the possibility of fully satisfying consumer needs depend on the rationality of building the infrastructure of the commodity market, as well as the optimality of the current economic situation.*

Keywords*: commodity market; consumer market; infrastructure; market conditions; market conditions forming factors.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Gutnikova O.N. Building a commodity market: infrastructure and market conjuncture. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2025;15(2):139–154. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-139-154

Received 11.02.2025 Accepted 06.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Торговая деятельность осуществляется в рамках товарного рынка, представляющего собой сферу товарного обмена, где организуются и проявляются отношения купли-продажи товаров, осуществляется хозяйственная деятельность, связанная со сбытом товаров. Основная роль товарного рынка заключается в обеспечении связи сферы производства со сферой потребления, организации такой системы распределения, при которой бы формировался оптимальный баланс спроса и предложения. Развитие торговли в рамках товарного рынка, а также рост годового товарооборота, по мнению отечественных ученых-экономистов, является «…важнейшим показателем динамики мировой экономики, вовлеченности национальных экономик в интеграционные процессы» [1].

Каждому товарному рынку характерна своя структура, определенное внутреннее строение и порядок располо-

жения элементов, представленных различными хозяйствующими субъектами, участвующими в коммерческой деятельности. Взаимосвязь элементов рынка, степень организованности хозяйственных связей формируют инфраструктуру и конъюнктуру товарного рынка. В рамках инфраструктуры система учреждений и организаций обеспечивает движение товаров и услуг на рынке, конъюнктура рынка при этом характеризует условия, при которых организуется данное движение.

Исследование рыночной структуры приобретает особую актуальность в условиях трансформации коммерческих связей, ориентации сбытовой системы на продукцию внутреннего производства, увеличении роли потребителя в формировании рыночного предложения. Понимание сути товарного рынка, а также механизмов его функционирования позволяет субъектам рынка быстрее адаптироваться под происходящие изменения, более эффективно реагировать на меняющийся спрос.

Материалы и методы

В качестве материалов для проведенного исследования использовался ряд актуальных нормативно-правовых актов, научные публикации и труды отечественных и зарубежных ученых экономистов. Основу методологии исследования составили методы формирования понятийно-терминологической системы, представляющие собой научный подход, позволяющий структурировать тексты нормативно-правовых актов и научных публикаций с целью систематизации полноты и степени раскрытия сути анализируемых терминов. Применение данных методов позволило обобщить различные научные и правовые подходы к пониманию исследуемой терминологии и представить собственное авторское видение основных терминов. Применение методов полевого (кабинетного) исследования позволило обобщить ряд научных данных (эмпирической информации) и представить авторское видение элементов, составляющих инфраструктуру товарного рынка, а также систематизировать факторы, влияющие на конъюнктурную ситуацию.

Результаты и их обсуждение

По мнению автора статьи, первоначально рынок рассматривался как «…базар, место осуществления торговых операций. Такое понимание рынка сложилось давно, еще в период, когда обмен продуктами труда производился в определенном месте и в определенное время. В дальнейшем, по мере развития ремесла и торговли, за рынками закрепились определенные места, рыночные площади. В этом значении термин “рынок” часто используется и сегодня» [2].

Углубляясь в понимание терминологии, можно рассматривать рынок как физическое, организованное место продажи товаров или как форму проявления экономических связей, некий механизм согласования спроса и предложения, в границах которого под воздействием конкуренции происходит формирование равновесной цены.

Как отмечает ученый А. В. Беседин, «…изначально рынок определяли, как какое-либо место, где покупали и продавали блага» [3]. А. Маршалл при этом называл рынок «…местом, во всех точках которого одновременно за идентичные товары платили идентичную цену» [3].

В глобальном масштабе понятие «рынка» более связано с системой сбыта, учитывая специализацию спроса и предложения, он рассматривается как отдельная область (территория), в рамках которой создается спрос на товары определенных производителей, дифференцированных по предприятиям, отраслям или странам. По мнению ученого М. Хангельдивена, «…рынок как экономическая категория относится к обмену товаров и денег. Товары и деньги являются сторонами рыночных отношений» [4].

Одним из видов рыночных структур принято определять товарный рынок, многоаспектное понятие, в определении которого существует много разногласий. Рассмотрим их более подробно.

Обращаясь к первоисточникам, мы видим, что ученый В. В. Радаев под товарным рынком определил «…сферу товарного обмена, где с помощью купли-продажи товаров реализуются общественные потребности» [2]. Следовательно, основной чертой товарного рынка являются операции, объектом которых выступает товар, представляющий собой некую потребность. Однако данное определение не раскрывает всей сути товарного рынка, который выполняет далеко не только функции по купле-продаже товаров.

Другим отечественным ученым Л. Ю. Тихомировой рынок определен как «…совокупность социально-экономических отношений в сфере обмена, посредством которых осуществляется реализация товаров и окончательно признается общественный характер заключенного в них труда» [5, с. 39]. Следовательно, по мнению данного ученого, товарный рынок – это не простая сера товарного обмена, а целая совокупность отношении, имеющих общественный характер. При этом остается непонятной роль конечного потребителя, который является одним из основных субъектов товарного рынка.

Как систему отношений товарный рынок рассматривает и ученый А. П. Овечкин. По его мнению, это «...система институтов и отношений, возникающих между продавцом и потребителем при совершении различных сделок, которые они заключают с целью удовлетворения своих потребностей» [6, с. 155]. В данном определении не совсем понятно, о каких именно потребностях говорит автор определения. Достаточно понятно, что с позиции покупателя приобретение товара позволяет удовлетворить его определенную потребность. При этом автор определения не раскрывает суть потребности продавца, которая может носить как форму экономической выгоды, так и форму организации деятельности, приносящей определенный эффект.

Еще более абстрактное определение понятию дано ученым Р. О. Халфиной. По ее мнению, «…рынок является эффективным способом связи производства и потребления, в котором определяются потребность общества и возможности производителя» [7, с. 67]. Остается непонятным организационный принцип, в рамках которого непосредственно функционирует товарный рынок, и тем более может ли целая организованная система, объединяющая различные рыночные субъекты, рассматриваться только как способ их взаимосвязи.

Четкую привязку товарного рынка к определенной географической территории в своем определении дал зарубежный ученый О. Курно. По его мнению, товарный рынок – это «…территория, на которой быстро и легко выравниваются цены при осуществлении свободной торговли» [8]. Данное определение, по нашему мнению, очень далеко от действительной сути товарного рынка, который нельзя ограничивать только определенными границами, так как по своей сути он может носить условный характер, объединяющий, например, одни и те же товары, проходящие системы распределения в рамках национальных и мировых рынков.

Абстрактное понимание товарному рынку дано и учеными К. Макконеллом и С. Брю. Ими высказано мнение, что это «…механизм, посредством которого покупатели и продавцы взаимодействуют для установления цен и количества товара и услуг» [9]. Стоит отметить, что товарный рынок сложно понимать как просто механизм регулирования спроса и предложения, так как это является только одной из его функций.

С позиции нормативно-правового подхода также отмечается ряд определений термина «товарный рынок». Например, в ФЗ «О защите конкуренции» под

товарным рынком понимается «…сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров (далее – определенный товар), в границах которой (в том числе географических) исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами»[1].

В другом правовом акте – Налоговом кодексе – регламентировано понятие «рынок товаров (работ, услуг), под которым «…признается сфера обращения этих товаров (работ, услуг), определяемая исходя из возможности покупателя (продавца) реально и без значительных дополнительных затрат приобрести (реализовать) товар (работу, услугу) на ближайшей по отношению к покупателю (продавцу) территории Российской Федерации или за пределами Российской Федерации»[2].

Обобщая трактовку исследуемого понятия, представленного в нормативно-правовых актах, стоит отметить, что данный подход определяет товарный рынок в качестве сферы обращения, в границах которой покупателям рационально и целесообразно приобретать товары.

Мнение ученых в отношении определения термина «товарный рынок» имеет большее разнообразие подходов, которые условно можно группировать в шесть научных блоков (рис. 1).

Исходя из указанных подходов отметим, что объектом товарного рынка являются товары, и все действия его участников направлены на их продвижение с целью обеспечения общественных потребностей. Товарный рынок представляется нам как область экономической деятельности и сфера товарного обращения, объединяющая отдельные предприятия, лица и домохозяйства с целью формирования и обеспечения системы экономических отношений.

Обратим внимание, что во многих научных источниках товарных рынок определяется как рынок потребительских товаров, что является определенной неточностью. По мнению автора статьи, «…товарный рынок – это понятие обобщенное, его структура включает несколько типов рынок, в том числе:

– потребительский рынок, который составляют отдельные физические лица, приобретающие товары и услуги для личного потребления. Этот рынок подразделяется на такие типы, как рынок продовольственных и непродовольственных товаров, рынок жилья и услуг, рынок продуктов интеллектуального труда;

– рынок средств производства, представляющий собой совокупность отношений между организациями-производителями и организациями-потребителями по купле-продаже всех вещественных факторов, непосредственно участвующих в создании материальных благ. В структуру этого рынка входят такие типы, как рынок сооружений (зданий), оборудования (машин, станков, инструментов), транспортных средств и прочее;

– рынок ресурсов. Характеризуется тем, что в рамках него в результате взаимодействия спроса и предложения формируются цены на труд, капитал и землю, в форме заработной платы, процентного дохода и ренты. Этот рынок включает рынки сырья, материалов, энергоресурсов, земли, полезных ископаемых и др. [10];

[1] О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ: [ред. от 19.04.2024 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94/ (дата обращения: 11.01.2025).

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ: [ред. от 12.07.2024 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/1f8829844bd77b6f5cbe57cf035af7da0d22ef3c/ (дата обращения: 11.01.2025).

– информационный рынок. Тип рынка, в рамках которого информация является особым видом товара. В целом он представлен как система экономических, правовых и организационных отношений по торговле продуктами интеллектуального труда на коммерческой основе. В границах данного рынка сформированы определенный спрос и предложение, представлена номенклатура продуктов и услуг, на которые установлены цены. В качестве видов выступают рынки информационных продуктов, технических новшеств, патентов, изобретений и прочего. Это один из самых развивающихся типов рынка, что связано, по мнению отечественных ученых, с «…необходимостью накопления информации, ее анализа и использования для обеспечения успешного функционирования отраслей» [11];

– в отдельный тип принято выделять рынок научно-технических разработок (продукции), который является формой экономических отношений между собственником результата интеллектуального труда (продукции) и покупателем права на этот труд (продукцию). Он подразделяется на рынки технологий, программ и инновационных проектов. В целом этот рынок не отличается от определения рынка другого товар, например нефти или зерна, с той разницей, что объекты данного рынка носят, как правило, нематериальный характер.

Все типы рынков дифференцируются по субъектам, участникам экономических отношений. На рисунке 2 приведена структура товарного рынка, учитывающая его инфраструктурные признаки.

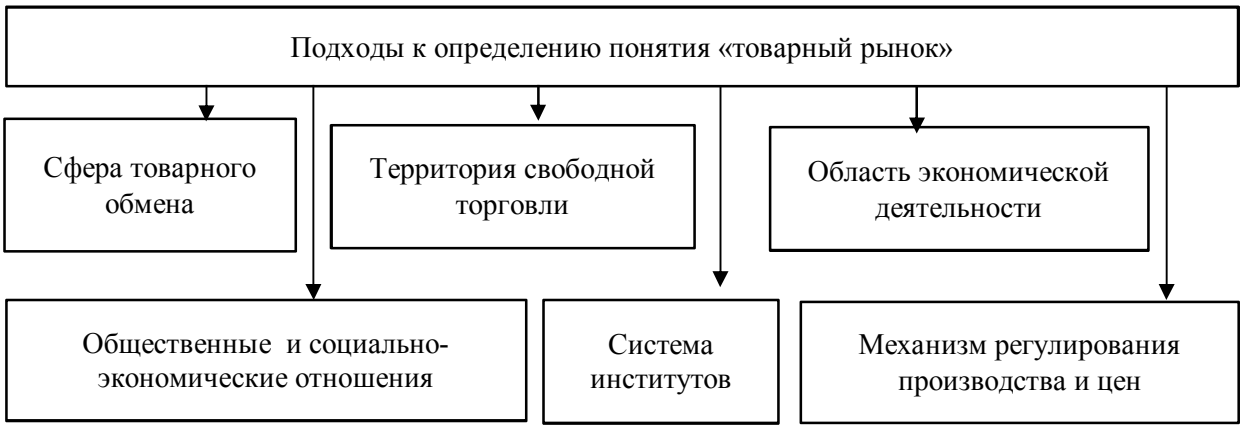

Рис. 1. Научные подходы к определению понятия «товарный рынок»

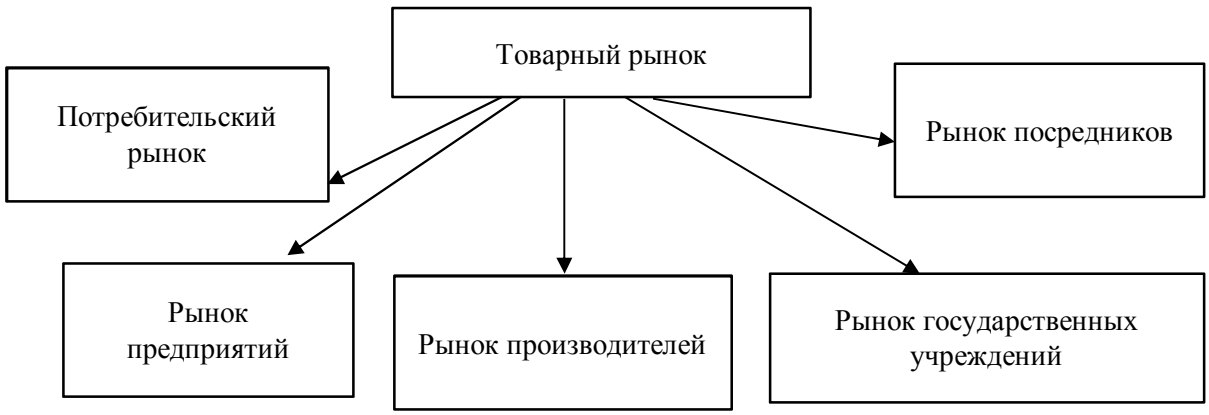

Рис. 2. Типы рынков, составляющие структуру товарного рынка по участвующим субъектам

Как следует из рисунка 2, в структуру товарного рынка входит рынок потребительский. В отличие от термина «товарный рынок», или «рынок товаров», понятие «потребительский рынок» регламентировано только в государственном стандарте ГОСТ Р 51303-2023[1], где объединены термины «потребительский рынок» и «рынок товаров и услуг». В стандарте термин трактуется как «…система общественных отношений, основанных на соблюдении правовых норм, возникающих между государством, изготовителем и продавцом, исполнителем и потребителем в процессе изготовления, реализации и эксплуатации товаров, выполнения работ и оказания услуг», следовательно, потребительский рынок может рассматриваться как проявление отношений в рамках определенной сферы товарного обращения, и по сути он является рынком, объектом которого являются только товары.

По мнению автора статьи, потребительский рынок – это сфера товарного обращения, включающая отдельные подсистемы, формирующие предложение товаров и обеспечивающие их спрос с целью максимального удовлетворения потребностей покупателя [2]. Он является структурным элементом товарного рынка, который, в свою очередь, объединяет в себе рынки потребительские, посреднические, рынки государственных учреждений, производителей и проч.

Классифицировать товарные рынки можно и по географическому признаку, согласно которого выделяют международный и национальный товарный рынок, а в границах страны товарные рынки могут делиться на федеральные, региональные, областные, городские и местные. В целом классифицировать рынки можно по следующим признакам, приведенным ниже (рис. 3).

Для любого товарного рынка характерны такие особенности, как конъюнктура и инфраструктура.

Инфраструктура рынка является неотъемлемой составляющей рыночного хозяйства, наиболее значительной его подсистемой по масштабам, объему и характеру вовлеченных ресурсов, рангу удовлетворяемых потребностей, месту и влиянию на функционирование и развитие экономической системы в целом, на динамику и структуру валового национального продукта, свойственна всем его моделям, в т. ч. и переходной экономике [10].

Понятие «инфраструктура» было введено в экономическую литературу в 1955 г. американским ученым П. Розенштейн-Розаном, определившим инфраструктуру как «…комплекс общих условий, обеспечивающих благоприятное развитие частного предпринимательства в основных отраслях экономики и удовлетворяющих потребности всего населения. Потребность в понятии “инфраструктура” появилась, вероятно, в связи с необходимостью выделить отличие особого рода деятельности, обслуживающей основное производство, обеспечивающей социальные потребности населения» [13].

Современное понимание инфраструктуры включает самые важные блоки, определяющие эффективность функционирования экономики в целом (рис. 4).

Учитывая состав рыночной инфраструктуры, под ней стоит понимать совокупность отраслей и субъектов ведения хозяйства, объединенных общим процессом, обеспечивающим выполнение совокупности организационных, производственных и социальных функций рынка (рис. 5).

[1] ГОСТ Р 51303-2023. Товарный рынок. Торговля. Термины и определения. Введ. 2023-10-01. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457788/ead5e7b43154afee71631d00c6215233664d242e/ (дата обращения: 17.01.2025).

Рис. 3. Классификация рынков [0]

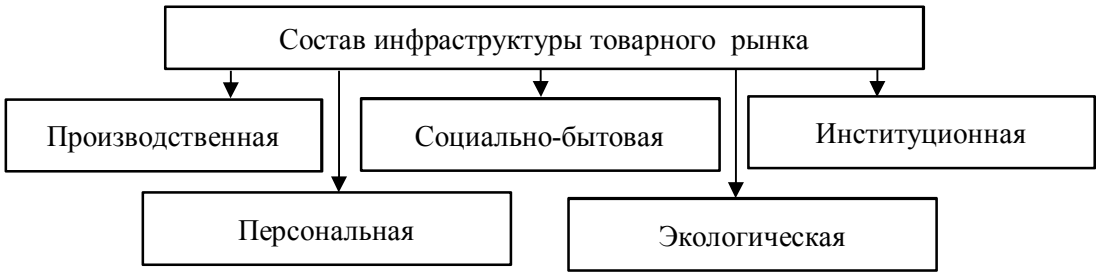

Рис. 4. Состав инфраструктуры рынка как экономической системы [14]

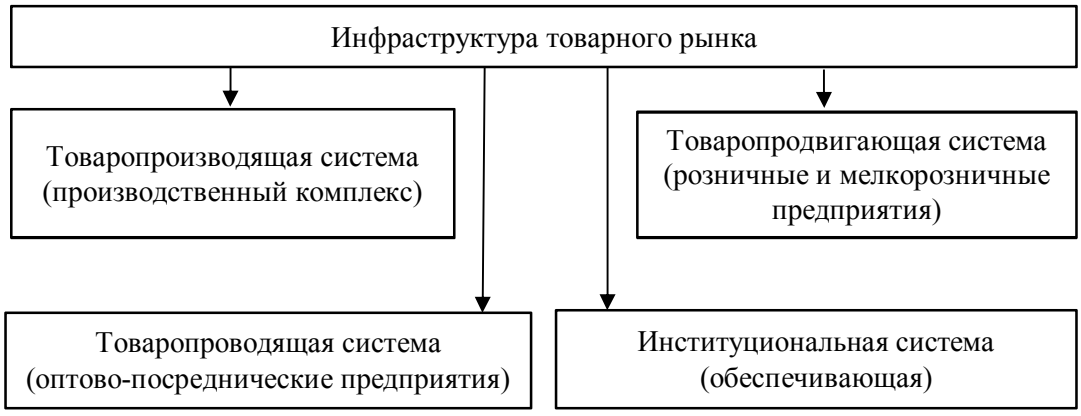

Рис. 5. Классификация инфраструктуры товароного рынка по укрупненным блокам (системам) [12]

Инфраструктура товарного рынка все еще продолжает формироваться под влиянием развития коммерческо-хозяйственных отношений участников рынка, при этом ее основные функции заключаются в следующем:

– оказание помощи субъектам товарного рынка в процессе организации и реализации их экономических интересов;

– содействие субъектам товарного рынка, определяемых как деловые партнеры при построении рациональных отношений и формировании хозяйственных связей;

– участие в организации и обеспечении возможности реализации торговых процессов, оказании услуг, осуществлении работ;

– оказание помощи субъектам рынка в рамках юридического, страхового, финансового и другого сопровождения;

– участие в процессе организации хозяйственно-коммерческих связей путем оказания посреднических услуг;

– осуществление работ в направлении исследования рыночной конъюнктуры, анализ взаимоотношений между ее элементами;

– оказание помощи субъектам рынка при вспомогательном обеспечении торговых процессов путем предоставления возможности использования транспортных, складских и прочих услуг;

– предоставление других видов услуг участникам товарного рынка.

Инфраструктура товарного рынка формируется под воздействием товарного предложения, спроса населения на товары и цены товара [15]. Товарное предложение определяется массой товаров, которые направлены на реализацию. Его основным источником являются производство товаров в целом по стране, импортные закупки и товарные запасы. Сущность товарного предложения раскрывается через его характеристики, а именно: натурально-вещественную, стоимостную и временную [15].

Спрос характеризуется платежеспособной потребностью населения страны. Данный элемент товарного рынка определяется запросами потребителей и величиной, которую они способны оплатить. В основе потребительского спроса лежит личное потребление.

Денежное выражение стоимости товара называется ценой товара. Потребительские свойства определяют соотношение цен между отдельными товарами, их видами и разновидностями. Помимо этого, условия реализации товара зависят от изменения спроса и предложения, что влияет на конъюнктурные колебания цен. На цену товара, проходящего через товарный рынок, влияет ряд факторов, одним из которых является степень воздействия составных систем рынка на организацию товародвижения. Иначе говоря, чем больше субъектов товарного рынка участвуют в обеспечении движения материального потока (товара), тем больше вероятность увеличения цены, предлагаемой покупателю. Структуру рынка характеризуют следующие элементы участников (рис. 6).

Товарный рынок объединяет предприятия, осуществляющие разные виды деятельности в сфере товарного обращения. К таким видам деятельности относят:

– непосредственно торговую деятельность, заключающуюся в совершении акта купли-продажи, результатом которого является полученная от этих операций прибыль;

– оказание различных услуг субъектам рынка, участникам торговых операций. К таким услугам относятся транспортные, складские, рекламные, экспедиционные и прочие, задача которых – способствование продвижению товаров потребителю и сокращение логистических издержек для формирования равновесной и конкурентоспособной цены [16];

– организация торгового обслуживания, предоставление услуг покупателям для более удобного совершения ак-

та купли-продажи (доставка товаров на дом, гарантийное обслуживание, консультирование при продаже сложнотехнических товаров и пр.). Задача этих услуг – сформировать в предприятии такой уровень торгового сервиса, при котором обеспечивается более высокий уровень конкурентоспособности и лояльность покупателя на длительную перспективу.

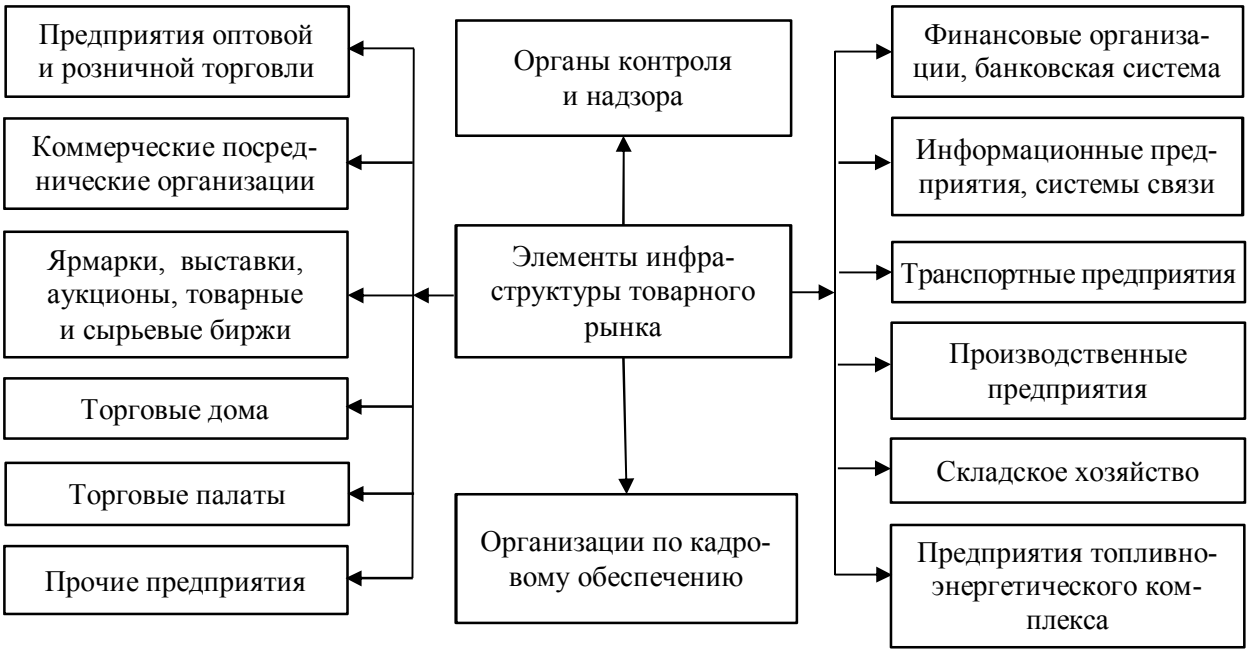

Рис. 6. Основные элементы инфраструктуры товарного рынка [10; 12]

Участникам торговых и других коммерческих отношений товарный рынок обеспечивает возможность:

– приспосабливаться к состоянию рыночной конъюнктуры и быстрому реагированию на изменение спроса;

– оказывать стимулирующее воздействие на производителей, совершенствовать предложение, рационализировать ассортимент, ускорять вывод с рынка продукции, не пользующейся спросом;

– налаживать и развивать хозяйственно-коммерческие связи, формировать долгосрочное сотрудничество;

– создавать рациональный товарный поток, обеспечивать его движение к потребителю с сохранением условий касательно количества, качества, цены, а также времени и места назначения;

– создавать условия по оптимальному и рациональному хранению товарных запасов с целью исключения их дефицита;

– организовывать и предоставлять торговые и сопутствующие услуги для оптимизации акта купли-продажи.

Товарный рынок имеет следующие основные признаки:

– наличие товаров и предоставление услуг на всех уровнях товародвижения;

– массовый характер коммерческо-хозяйственных взаимоотношений партнеров;

– самостоятельность в выборе продавцом, посредником, покупателем соответствующего партнера исходя из коммерческо-хозяйственных приоритетов и потенциальных возможностей;

– воплощение конечного результата взаимоотношений партнеров в акте купли-продажи товара.

Эффективность функционирования рынка, его стабильность и сбалансированность во многом зависят от его взаимодействия с инфраструктурой. Инфраструктуру товарного рынка определяют

как совокупность различных субъектов, к которым относятся институты, службы и организации, формирующие товаропроизводящую, товаропроводящую, товаропродвигающую и институциональные системы [12]. Эти субъекты не только обслуживают товарный рынок, но и выполняют функции по обеспечению рационального режима его функционирования. Исходя из этого задача товарного рынка заключается в обеспечении правового характера детальности субъектов и создания экономически эффективных условий функционирования предпринимательских структур.

Товарному рынку характерно такое понятие, как «конъюнктура», представляющее собой фактическое, определенное во времени состояние спроса и предложения на конкретном рынке, а также поведение цен, наличие или отсутствие товаров (продукции), состояние системы заказов и другие взаимодействия между разными экономическими системами или отраслями. Говоря простыми словами, это «…экономическая ситуация, сложившаяся на отдельно взятом товарном рынке в конкретный момент или промежуток времени, а также те условия или воздействия, под влиянием которых сформировалась такая ситуация» [12]. Особой характеристикой конъюнктуры рынка является ее изменчивость, данная ситуация, как правило, считается временной.

По мнению ученого С. В. Евстафьевой, «…понятие “конъюнктура рынка” можно рассматривать с шести позиций, согласно которых это: экономическая ситуация, совокупность условий, совокупность признаков и показателей, форма проявления факторов, соотношение между показателями, текущие изменения. При этом можно определить четыре основных характеристики конъюнктуры рынка:

– конъюнктура рынка – это состояние рынка в каждый определенный момент времени;

– конъюнктура рынка определяется соотношением спроса, предложения и динамикой цен;

– конъюнктура конкретного товарного рынка не развивается изолированно, она тесно связана с общехозяйственной конъюнктурой и конъюнктурой других товарных рынков;

– конъюнктура рынка, в отличие от общехозяйственной конъюнктуры, характеризует уже не весь комплекс народного хозяйства, а текущие изменения в сфере производства и сбыта отдельных товаров» [17].

Понятие «конъюнктура рынка» может охватывать как всемирный рынок, так и рынок определенной страны, его отдельное экономическое направление.

Конъюнктура товарного рынка является компонентом общеэкономической конъюнктуры страны и мировой конъюнктуры. Товарный рынок находится в тесной взаимосвязи с рынками труда, инвестиций, финансовым рынком и прочими. Его конъюнктура определяет коммерческую и потребительскую ценность товаров, их конкурентоспособность и целесообразность продажи. В рамках рыночной конъюнктуры формируются условия и возможности для выбора потенциальных партнеров, в т. ч. фактических стран-экспортеров (импортеров) и фирм-контрагентов.

Конъюнктура как рыночная ситуация характеризуется следующими составляющими:

– уровнем сбалансированности рынка;

– степенью деловой активности;

– границами рыночных отношений;

– эффективностью и интенсивностью рыночных отношений;

– изменчивостью и стабильностью рыночных отношений;

– уровнем конкуренции;

– степенью коммерческих рисков и их проявления;

– формами и методами государственного влияния на товарный рынок.

Конъюнктура представляет собой некую рыночную ситуацию, которая формируется из множества конкретных элементов, характеризующихся сложностью взаимосвязей и быстрой изменчивостью. В научной практике различают две самостоятельные части конъюнктуры – общехозяйственную и конъюнктуру товарных рынков. При этом конъюнктура любого товарного рынка характеризуется как специфичными, уникальными для нее особенностями, так и свойствами, характерными для общехозяйственной конъюнктуры. Для обоих видов общими являются такие черты, как вариабельность, цикличность и динамичность.

Состояние и степень изменчивости рыночной конъюнктуры определяется характером и уровнем развития экономики. Непосредственное влияние на ситуацию оказывают конъюнктурообразующие факторы, такие как сезонность производства и потребления, изменения, происходящие во внешнеполитической ситуации и в общей международной обстановке [18].

Например, ученый С. В. Панасенко считает, что «…на конъюнктуру рынка оказывают влияние такие факторы, как: варьирование курса рыночной политики, развитие НТП, появление новых видов техники, технологий (особенно цифровых, интеллектуальных), совершенствование социальной дифференциации потребителей, их уровня доходов и покупательской способности, рост объема производства товаров и объема их продаж, а также многие другие факторы» [19].

Вид той или иной конъюнктуры формируется под влиянием следующих факторов: циклические, нециклические и случайные. К первым относятся факторы, сила которых равномерно нарастает в пределах конкретного периода (цикла), ко вторым – факторы, оказывающие постоянное влияние на экономику, к третьим – временные, быстро-преходящие факторы.

Под влиянием конъюнктурообразующих факторов рыночная ситуация постоянно меняется и трансформируется. На рисунке 7 наглядно представлены виды факторов, оказывающие влияние на конъюнктуру рынка.

Учитывая указанные конъюнктурообразующие факторы, можно выделить следующие черты, характеризующие рыночную ситуацию:

– ей характерна постоянная изменчивость, обусловленная происходящими под влиянием различных факторов кратковременными и длительными колебаниями;

– она определяется единством противоположностей, обусловленным объединением различных элементов в единый механизм товарного воспроизводства, имеющий рыночной выражение;

– она в определенной степени противоречива, так как различные показатели конъюнктуры в одно и то же время могут характеризоваться различными значениями и тенденциями;

– ей свойственна некоторая неравномерность, обусловленная диспропорциями в развитии отдельных отраслей, совпадающих по направлениям, но характеризующихся разным уровнем развития;

Учитывая, что структурными элементами экономической конъюнктуры являются спрос, предложение и динамика цен, которые характеризуют ее состояние, их взаимосвязь имеет следующею схему (рис. 8).

Обобщая вышеизложенное, отметим, что:

– конъюнктура товарного рынка представляет собой ситуацию в сфере обращения товара;

– конъюнктура товарного рынка определятся совокупностью факторов и условий на конкретном рынке;

– вид конъюнктуры товарного рынка выражается в форме проявления совокупности факторов и условий.

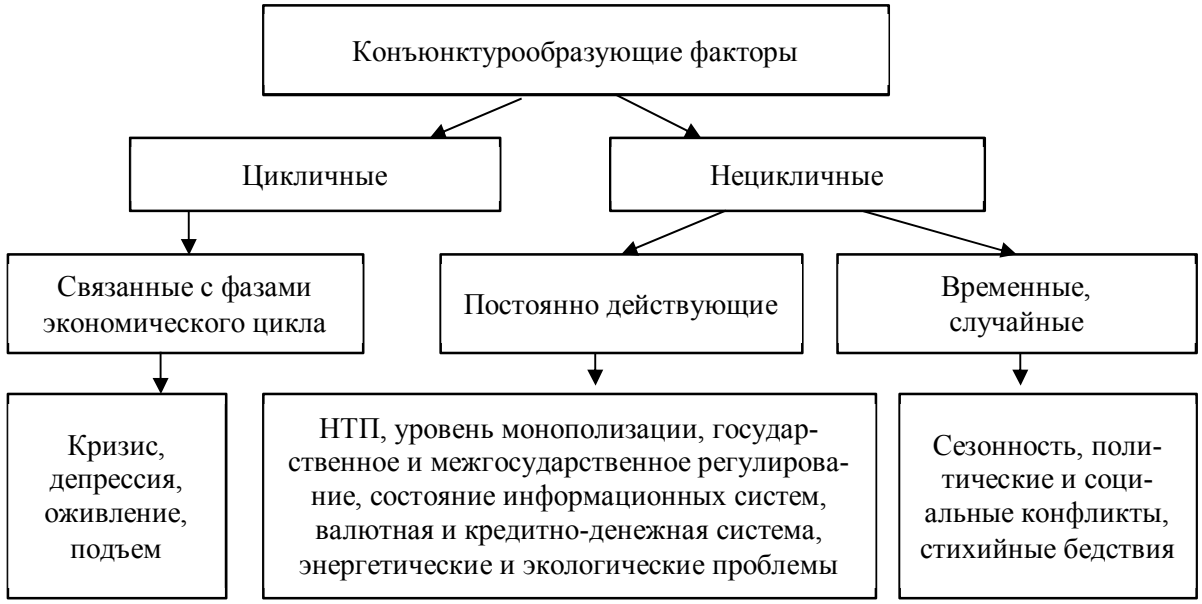

Рис. 7. Конъюнктурообразующие факторы [20]

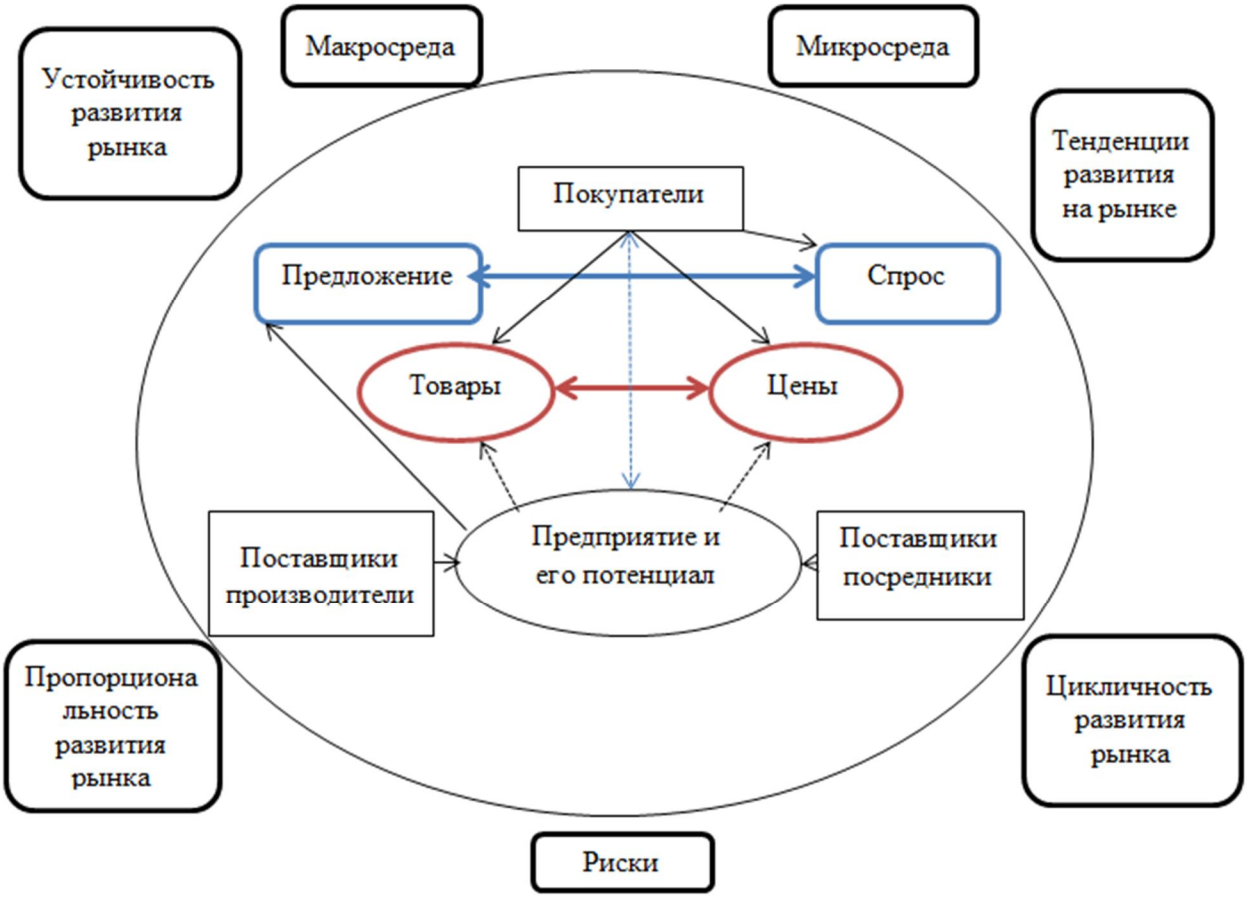

Рис. 8. Взаимосвязь элементов конъюнктуры товарного рынка

Выводы

Товарный рынок как экономическая категория рассматривается на макро- и микроуровне, предполагая под собой не только место для совершения актов купли-продажи, но и целый экономический институт, базирующийся на организации и обслуживании товарообменных операций. В современных условиях развитие товарного рынка, как считают некоторые ученые, происходит под влиянием конкуренции, изменения спроса и предложения, влияния на торговлю рычагов государственного регулирования и развития международной торговли.

Для любого товарного рынка основными характерными чертами выступают состояние его инфраструктуры и конъюнктуры. Рыночная инфраструктура представляется нам как совокупность специальных рыночных учреждений (институтов), выполняющих функции по созданию сбалансированного рыночного предложения. По мнению автора статьи, основная функция инфраструктуры рынка заключается в обеспечении условий оптимизации процесса осуществления товарообменных операций, юридического, финансового и экономического контроля над ними. Цель ее функционирования – повышение оперативности и эффективности работы структурных элементов. Конкретная форма построения инфраструктуры зависит от развитости товарного рынка, его специализации и типизации.

Конъюнктура товарного рынка представляет собой некую экономическую ситуацию, своего рода форму проявления совокупности факторов и условий, отражающихся на соотношении спроса и предложения, описанную при помощи системы экономических показателей. Она формируется под влиянием конъюнктурообразующих цикличных и нециклич-ных факторов, связанных с политическими событиями, уровнем развития технологий, климатических условий регионов и прочего.

Список литературы

1. Плотников В. А., Пшеничникова С. Н., Федотов В. А. Развитие национальных экономических систем в условиях трансформации процессов глобализации и регионализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 3. С. 10-24.

2. Гутникова О. Н., Дерябина Д. В. Понятие рынка потребительских товаров, особенности формирования // Маркетинг в системе социально-экономического развития: стратегия и тактика продвижения: I научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов, студентов с международным участием, г. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2024. С. 64-72.

3. Беседин А. В. Определение понятия рынка // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 234-235.

4. Хангельдиев М., Аннамырадова Ш., Башимова Ш. Рынок, его содержание и функции // CETERIS PARIBUS. 2023. № 4. С. 125-127.

5. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия: ЮЭ. 6-е изд., доп. и перераб. М.: Тихомиров, 2009. 1087 с.

6. Овечкин А. П. Правовое регулирование товарного рынка. М.: Сирин, 2002. С. 155.

7. Халфина Р. О. Современный рынок: правила игры. М.: Гуманитарное знание, 1993. 138 с.

8. Понятие рынка в экономической теории и практике. URL: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/6671/s005-259.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 17.01.2025).

9. Макконнелл К. Р., Брю Ш. М., Флинн С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФРА-М, 2022. 1056 с.

10. Гутникова О. Н., Павлуненко Л. Е. Организационно-экономический механизм формирования продовольственного рынка Республики Крым: монография. Симферополь: Ариал, 2019. 194 с.

11. Злобина О. В. Эволюция интеллектуального капитала под влиянием цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 4. С. 272-283.

12. Гутникова О. Н. Основы организации торговли: учебник для бакалавров / под ред. Л. П. Дашкова. М.: Дашков и К°, 2023. 256 с.

13. Rosenstein-Rodan P. N. Notes on the Theory of the "Big Push" // Economic Development for Latin America. Springer Nature; 1961. 478 p.

14. Вартанова М. Л. Место инфраструктуры в функционировании продовольственного рынка // Продовольственная политика и безопасность. 2018. Т. 5, № 3. С. 117-124.

15. Конъюнктура товарных рынков и номенклатура товаров. URL: https://mybiblioteka.su/11-92916.html (дата обращения: 17.01.2025).

16. Ибрагимов Л. А. Инфраструктура товарного рынка. М.: ЮНИТИ ДАНА, 2017. 359 с.

17. Прогнозирование рыночной конъюнктуры: краткий курс лекций / составитель С. В. Евстафьева; Саратовский ГАУ. Саратов, 2013. 70 с.

18. Бимчерикова М. А., Носкова Е. В. Понятие конъюнктуры товарного рынка // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 2 (4). С. 314-316.

19. Панасенко С. В., Сурай Н. М., Хашир Б. О. Современная конъюнктура рынка и ее влияние на торговую деятельность // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 230-234.

20. Макарова Т. Н., Скворцова Н. А. Комплексное исследование конъюнктуры товарного рынка организации // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 3(53). С. 17-25.

References

1. Plotnikov V.A., Pshenichnikova S.N., Fedotov V.A. Development of national economic systems in the context of transformation of globalization and regionalization processes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(3):10-24. (In Russ.)

2. Gutnikova O.N., Deryabina D.V. The concept of the consumer goods market, features of formation. In: *Marketing v sisteme sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: strategiya i taktika prodvizheniya: I nauchno-prakticheskaya konferentsiya molodykh uchenykh, aspirantov, studentov s mezhdunarodnym uchastiem = Marketing in the system of socio-economic development: strategy and tactics of promotion: I Scientific and practical Conference of young scientists, graduate students, students with international participation*. Simferopol': Krymskii federal'nyi universitet im. V. I. Vernadskogo; 2024. P. 64-72. (In Russ.)

3. Besedin A.V. Definition of the concept of the market. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2019;(23):234-235. (In Russ.)

4. Khangeldiev M., Annamyradova Sh., Bashimova Sh. Market, its content and functions. *CETERIS PARIBUS*. 2023;(4):125-127. (In Russ.)

5. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. Legal Encyclopedia: UE. 6th ed. Moscow: Tikhomirov; 2009. 1087 p. (In Russ.)

6. Ovechkin A.P. Legal regulation of the commodity market. Moscow: Sirin; 2002. P. 155. (In Russ.)

7. Khalfina R.O. Modern market: rules of the game. Moscow: Gumanitarnoe znanie; 1993. P. 67. (In Russ.)

8. The concept of the market in economic theory and practice. (In Russ.) Available at: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/6671/s005-259.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed 17.01.2025).

9. McConnell K.R., Brew S.L., Flynn S.M. Economics: principles, problems and policy. Moscow: INFRA-M; 2022. 1056 p. (In Russ.)

10. Gutnikova O.N., Pavlunenko L.E. Organizational and economic mechanism for the formation of the food market of the Republic of Crimea. Simferopol': Arial; 2019. 194 p. (In Russ.)

11. Zlobina O.V. Evolution of intellectual capital under the influence of digitalization. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2021;11(4):272-283. (In Russ.)

12. Gutnikova O.N. Fundamentals of trade organization: a textbook for bachelors. Moscow: Dashkov i K°; 2023. 256 p. (In Russ.)

13. Rosenstein-Rodan P.N. Notes on the Theory of the «Big Push». *Economic Development for Latin America*. Springer Nature; 1961. 478 p.

14. Vartanova M.L. The Place of Infrastructure in the Functioning of the Food Market. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' = Food Policy and Security*. 2018;5(3):117-124. (In Russ.)

15. Commodity Market Conditions and Product Range. (In Russ.) Available at: https://mybiblioteka.su/11-92916.html (accessed 17.01.2025).

16. Ibragimov L.A. Commodity Market Infrastructure. Moscow: UNITY DANA; 2017. 359 p. (In Russ.)

17. Evstafieva S.V. Forecasting the market situation: a short course of lectures. Saratov: Saratovskii GAU; 2013. 70 p. (In Russ.)

18. Bimcherikova M.A., Noskova E.V The concept of the commodity market situation. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya = New Word in Science: Development Prospects*. 2015;(2):314-316. (In Russ.)

19. Panasenko S.V., Surai N.M., Khashir B.O. Current market conditions and their impact on trading activities. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2023;(2):230-234. (In Russ.)

20. Makarova T.N., Skvortsova N.A. Comprehensive study of the organization's commodity market conditions. *Vestnik OrelGIET = Bulletin of OrelGIET*. 2020;(3):17-25. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Гутникова Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация,
e-mail: vechirko15@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2030-4178

Olga N. Gutnikova, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Marketing, Trade and Customs Affairs, Institute of Economics and Management, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation,
e-mail: vechirko15@mail.ru,
ORCID: 0000-0003-2030-4178

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.7

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-155-167

CC BY 4.0

От мультпредпочтений дошкольников и их родителей к трансляции культуры в деталях (социологическая рефлексия)

Е. В. Уварова[1] ✉, О. А. Гримов[1], Л. В. Килимова[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: evu.uvarova@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *Мультипликация как культурное явление, влияющее на ценностные ориентации, поведение, культурную идентичность подрастающего поколения, широко представлена в многочисленных научных исследованиях различного уровня и социальных практиках. Многие исследователи отмечают положительный потенциал отечественных (советских) мультфильмов для детей, которые пропагандировали лучшие общечеловеческие ценности. Объект исследования – отечественные (советские) мультфильмы. Предмет – социокультурные характеристики мультфильмов, понимаемые как отражение различных сторон жизни и культуры общества советского периода, нормы поведения, социальные ценности и качества личности (дружба, доброта, справедливость, зависть или агрессивное отношение и др.).*

Цель *– переосмысление положительного потенциала детских отечественных (советских) мультфильмов для трансляции лучшего культурного наследия нашей страны подрастающему поколению.*

Задачи: *выявить мультпредпочтения родителей и дошкольников; составить рейтинг любимых родителями советских мультфильмов; определить социокультурные характеристики мультфильмов, вошедших в рейтинг; установить, транслируют ли родители мультипликационное наследие нашей страны своим детям.*

Методология *исследования включает анализ социокультурных характеристик мультфильмов, методы систематизации и графического представления данных. Основной метод – опрос (анкетирование, n=53, июнь, октябрь 2024 года, г. Курск).*

Результаты. *В работе представлены результаты исследования зрительских мультпредпочтений родителей и дошкольников; составлен рейтинг любимых родителями советских мультфильмов. Установлены корреляционные связи между оценками мультфильмов студии «Союзмультфильм» и творческого объединения «Экран» и построена схематическая модель установленных связей. Предпринята попытка объяснить выявленные связи в данных группах мультфильмов.*

Выводы. *Детские советские мультфильмы являются ценным культурным наследием нашей страны, которое необходимо транслировать подрастающему поколению. Современные родители, являясь носителями мультипликационного наследия конца XX в., сами любят мультфильмы из детства, но не передают любовь к отечественной (советской) мультипликации своим детям (75,5% респондентов). Позволяя дошкольникам ежедневно смотреть современные, часто транслируемые мультфильмы и мультсериалы, они способствуют формированию у них иной мультикультуры.*

Ключевые слова: *зрительские мультипликационные предпочтения; отечественные (советские) мультфильмы; культурное наследие; родители; дошкольники.*

© Уварова Е. В., Гримов О. А., Килимова Л. В., 2025

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Уварова Е. В., Гримов О. А., Килимова Л. В. От мультпредпочтений дошкольников и их родителей к трансляции культуры в деталях (социологическая рефлексия) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 155–167. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-155-167

Поступила в редакцию 10.02.2025 Принята к публикации 09.03.2025 Опубликована 30.04.2025

From the cartoon preferences of preschoolers and their parents to the transmission of culture in detail (sociological reflection)

Elena V. Uvarova[1] ✉, Oleg A. Grimov[1], Lyudmila V. Kilimova[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: evu.uvarova@yandex.ru

Abstract

Relevance. *Animation as a cultural phenomenon that influences the value orientations, behavior, and cultural identity of the younger generation is widely represented in numerous scientific studies of various levels and social practices. Many researchers have noted the positive potential of Russian (Soviet) cartoons for children, which promoted the best universal values. The object of research is domestic (Soviet) cartoons. The subject is the socio–cultural characteristics of cartoons, understood as a reflection of various aspects of the life and culture of Soviet society, norms of behavior, social values and personality qualities (friendship, kindness, justice, envy or aggressive attitude, etc.).*

The purpose *is to rethink the positive potential of children's domestic (Soviet) cartoons for broadcasting the best cultural heritage of our country to the younger generation.*

Objectives: *to identify the cartoon preferences of parents and preschoolers; to compile a rating of Soviet cartoons beloved by parents; to determine the socio-cultural characteristics of cartoons included in the rating; to establish whether parents broadcast the cartoon heritage of our country to their children.*

Methodology. *The research methodology includes an analysis of the socio-cultural characteristics of cartoons, methods of systematization and graphical representation of data. The main method is a survey (questionnaire, n=53, June, October 2024, Kursk).*

Results. *The paper presents the results of a study of the viewer's cartoon preferences of parents and preschoolers; a rating of parents' favorite Soviet cartoons is compiled. Correlations have been established between the ratings of cartoons from Soyuzmultfilm Studio and the Screen creative association, and a schematic model of the established relationships has been constructed. An attempt is made to explain the revealed connections in these groups of cartoons.*

Conclusions. *Soviet children's cartoons are a valuable cultural heritage of our country, which must be broadcast to the younger generation. Modern parents, being carriers of the cartoon heritage of the late 20th century, themselves love cartoons from childhood, but do not pass on the love of Russian (Soviet) animation to their children (75.5% of respondents). By allowing preschoolers to watch modern, frequently broadcast cartoons and animated series on a daily basis, they contribute to the formation of a different cartoon culture among them.*

Keywords*: viewers' cartoon preferences; Russian (Soviet) cartoons; cultural heritage; parents; preschoolers.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Uvarova E.V., Gromov O.A., Klimova L.V. From the cartoon preferences of preschoolers and their parents to the transmission of culture in detail (sociological reflection). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):155–167. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-155-167

Received 10.02.2025 Accepted 09.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

В научной литературе наша современная реальность характеризуется трансформацией сущностных оснований социокультурного пространства и социокультурных практик под воздействием повсеместного распространения информационных технологий и новейших средств электронной коммуникации [1, с. 177]. В связи с тем, что мы живём в условиях невероятных скоростей смены содержания и способов коммуникации [2, с. 27], возникает потребность в сохранении лучшего культурного наследия нашей страны для подрастающего поколения.

По мнению ряда исследователей: Е. Д. Востоковой [3], А. Ф. Лалетиной [4], В. С. Собкина, К. Н. Скобельциной [5], А. А. Харитоновой [6], мультфильмы обладают особенным художественным языком, охватывают большую зрительскую аудиторию, что делает исследование их потенциала перспективным направлением. Являясь сложным феноменом визуальной культуры, мультипликация предоставляет широкие возможности для передачи сюжетов, образов и культурных ценностей [7, с. 5].

По результатам проведенного нами исследования о мультипликационных предпочтениях дошкольников, по мнению их родителей (анкетирование, n = 53, г. Курск, июнь 2024 г.), выявлено, что в настоящее время дети в возрасте 4-7 лет предпочитают смотреть современные российские короткометражные мультсериалы («Маша и Медведь», «Смешарики», «Фиксики», «Барбоскины» и пр.) – так указали 83,0% опрошенных родителей дошкольников. Почти каждый третий родитель (28,3%) отметил, что его дети любят смотреть зарубежные полнометражные мультсериалы («Ледниковый период», «Кунг-Фу Панда», «Холодное сердце» и пр.). Четверть родительской аудитории (24,5%) указали советские мультфильмы, созданные до 1992 г. («Ну, погоди!» (1-18 серии), «Маугли», «Винни-Пух», «Гена Крокодил», «Возвращение блудного попугая», «Вовка в Тридевятом царстве», «Дядя Федор, Пес и Кот», «Кот Леопольд» и др.). Современные российские полнометражные мультсериалы («Алеша Попович и Тугарин Змей», «Добрыня Никитич и Змей Горыныч», «Снежная королева» и пр.) отметили 18,9% респондентов. Очевидно, что мультпредпочтения дошкольников смещаются к современным мультсериалам – российским (83,0%) и зарубежным (28,3%). Снизилась популярность отечественных (советских) мультфильмов (24,5%), любимых несколькими поколениями. Данная тенденция снижения популярности отечественных (советских) мультфильмов наблюдается уже порядка десяти лет, что отражено в исследованиях прошлых лет [5; 8].

Материалы и методы

Материалами данного исследования являются публикации российских авторов по социологии культуры, социологии детства, этносоциологии, психологии, педагогике и отечественные (советские) мультфильмы.

В данном исследовании использовались следующие методы научного познания: опрос (анкетирование, n=53, г. Курск, октябрь 2024 года), анализ и обобщения, а также методы статистической обработки данных – анализ частотных распределений и корреляционный анализ. Данное исследование носит разведывательный характер.

Результаты и их обсуждение

Предпримем попытку осмыслить причины снижения популярности любимых несколькими поколениями советских мультфильмов. Ряд исследователей отмечают усиление влияния глобализации, появление новых коммуникационных технологий, разрастание досуговой инфраструктуры, превращение пространства досуга в мощный рыночный сегмент, направленный в основном на моло-

дое поколение [9, с. 269]. Продолжая эту мысль, другие авторы дополняют, что каждый из популярных мультфильмов – это медиакластер, охватывающий телеканалы, товары, игры, приложения, развлечения, соцсети и др. [10, с. 232]. Многие исследователи отмечают положительный потенциал отечественных (советских) мультфильмов для детей, которые пропагандировали лучшие общечеловеческие ценности, что подтверждается многочисленными исследованиями В. С. Собкина, К. Н. Скобельциной [5], А. В. Амеликовой [11], П. И. Ильиной, В. Ю. Смольникова [12], Е. Н. Коломниковой [13], В. А. Корнауховой [14], А. В. Максимова [15], Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожевой [16], Е. А. Тупичкиной, С. И. Семенака [17]. Советские мультфильмы – это уникальный инструмент трансляции культуры, отражающей важные аспекты человеческой психики и социальных отношений. Мультперсонажи выступают в роли своеобразных «иероглифов определенных социопсихологических состояний», которые глубоко проникают в сознание ребенка и сохраняют свое влияние в течение всей жизни [18, с. 5-6].

Действительно, отечественные (советские) мультфильмы больше любят и ценят взрослые – родители, нежели их современные дети, это подтверждено нашим исследованием. В опросе приняли участие родители, воспитывающие дошкольников (4-7 лет), из них 69,8% женщин и 30,2% мужчин. Молодежная группа (родители, родившиеся в 1990-х и начале 2000-х годов) представлена 64,2% респондентов. В возрасте старше 35 лет приняло участие в опросе 35,8% респондентов. Среди опрошенных родителей 75,5% с высшим образованием, 20,8% респондентов имеют среднее профессиональное и 3,8% – неполное высшее образование. Статистическая погрешность составляет 5%.

Респондентам предлагалось каждому мультфильму выставить баллы от 1 до 5 (где 1 – мультфильм не нравится…; 5 – мультфильм очень нравится), т. е. определить, насколько они любят советские мультфильмы студии «Союзмультфильм» и творческого объединения «Экран». По результатам опроса родителей дошкольников составлены рейтинги их любимых мультфильмов, которые они смотрели в детстве: 1. «Любимые мультфильмы студии «Союзмультфильм» (табл. 1). 2. «Любимые мультфильмы творческого объединения «Экран» (табл. 2).

На основе корреляционного анализа нами выявлены связи (значения коэффициентов Кендалла и Спирмена) между оценками мультфильмов студии «Союзмультфильм»: «38 попугаев», «Сказка о попе и его работнике Балде», «Вовка в Тридевятом царстве», «Возвращение блудного попугая» (табл. 3, рис. 1).

Таблица 1. Рейтинг 1 (по мнению данной родительской аудитории)

Название мультфильма	Среднее значение	Рейтинг (место)
«Ну, погоди!» (1-18 серии)	4,53	1
«Гена Крокодил», «Чебурашка», «Шапокляк»	4,25	2
«Бременские музыканты», «По следам бременских музыкантов»	4,15	3
«Винни-Пух», «Винни-Пух идёт в гости» и др.	4,11	4
«Малыш и Карлсон», «Карлсон вернулся»	4,08	5
«Вовка в Тридевятом царстве»	3,69	6
«Возвращение блудного попугая», «Новые приключения попугая Кеши»	3,67	7
«Маугли», «Последняя охота Акелы» и др.	3,64	8
«Сказка о попе и работнике его Балде» и «Сказка о царе Салтане»	3,42	9
«38 попугаев», «Привет Мартышке», «Зарядка для хвоста» и др.	3,41	10

Таблица 2. Рейтинг 2 (по мнению данной родительской аудитории)

Название мультфильма	Среднее значение	Рейтинг (место)
«Мама для мамонтёнка»	4,38	1
«Дядя Федор, Пес и Кот»	4,35	2
«По дороге с облаками»	4,15	3
«Приключения поросенка Фунтика»	4,14	4
«Кот Леопольд»	4,08	5
«Трям! Здравствуйте!»	4,04	6
«По щучьему велению»	3,85	7
«Приключение Незнайки и его друзей»	3,82	8
«Падал прошлогодний снег»	3,70	9
«Пластилиновая ворона»	3,28	10

Таблица 3. Коэффициенты корреляции для оценок мультфильмов студии «Союзмультфильм»

Название мультфильма	«Сказка о попе и его работнике Балде»	«Вовка в Тридевятом царстве»	«Возвращение блудного попугая»
«38 попугаев»	0,485 / 0,559	0,523 / 0,613	0,607 / 0,690
«Сказка о попе и его работнике Балде»			0,524 / 0,586
«Вовка в Тридевятом царстве»	0,573 / 0,653		
«Возвращение блудного попугая»		0,591 / 0,676	

Примечание. В числителе приведено среднее значение коэффициента Кендалла (Tay-b), в знаменателе – коэффициента Спирмена (Po).

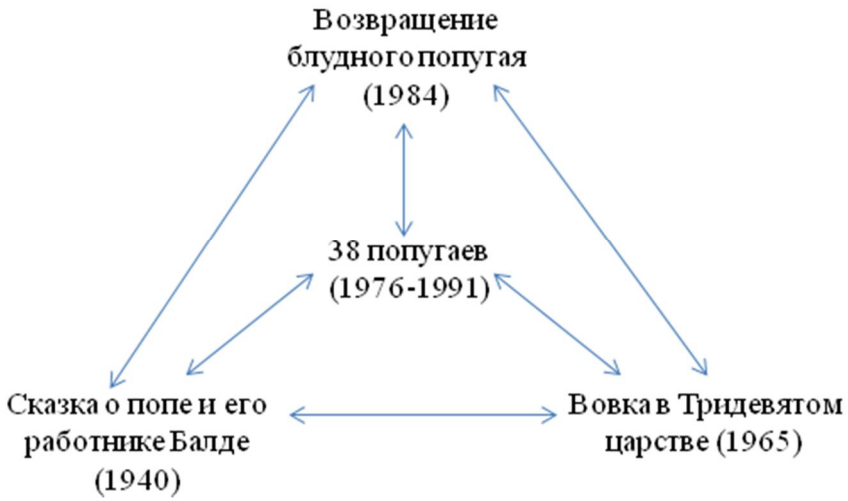

Рис. 1. Корреляционные связи, установленные между оценками данных мультфильмов студии «Союзмультфильм»

Оказалось, что каждый пятый родитель (20,8%), который выставил 5 баллов циклу советских кукольных мультфильмов «38 попугаев», выставляет 5 баллов и рисованным мультфильмам: «Сказка о попе и его работнике Балде», «Вовка в Тридевятом царстве» и «Возвращение блудного попугая». Но по отдельности данные мультфильмы оцениваются на 5 баллов бо́льшим количеством респондентов:

«Сказка о попе и его работнике Балде» – 24,5% опрошенных, «Вовка в Тридевятом царстве» – 39,6%, «Возвращение блудного попугая» оценили на 5 баллов 34,0% родителей – участников опроса.

Несмотря на то, что данная группа мультфильмов в рейтинге занимает с шестого по десятое места, можно предположить, что она образует некий кластер. Предпримем попытку определить, какие социокультурные характеристики (ценности, нормы поведения, отражение различных сторон жизни и культуры общества советского периода) могут объединять данную группу мультфильмов.

«38 попугаев» – цикл кукольных мультфильмов из десяти коротких историй о дружбе и приключениях Мартышки, Слонёнка, Попугая и Удава. Персонажи, созданные художником Л. Шварцманом по сценариям Г. Остера, полюбились зрителям благодаря ярким характерам и забавным ситуациям. В поведении мультгероев дети узнавали себя или своих друзей.

Художником-постановщиком двух следующих рисованных мультфильмов является А. Савченко. В мультфильме «Вовка в Тридевятом царстве» герои известных русских сказок включены совсем в другую историю, где главный герой постоянно попадает в нелепые и забавные истории. Мультфильм «Возвращение блудного попугая» называют творением «с нестареющим советским юмором и иронией». Попугай Кеша – своенравный, хвастливый и требующий к себе повышенного внимания мультгерой. Он постоянно пытается освободиться от заботы верного, но скучного Вовки и находит для себя смешные «остросюжетные» приключения.

«Сказка о попе и его работнике Балде» – цветной рисованный мультфильм по одноимённой сказке великого русского классика А. С. Пушкина, в котором находчивость главного героя удивляет и восхищает зрителей.

Нами допускается, что связь между кукольным и тремя рисованными мультфильмами можно объяснить следующим: в них отражаются различные стороны детской жизни и одобряемые или недопустимые варианты поведения мультгероев. Отметим, что мультфильмы наполнены сказочными забавными историями, юмором и иронией, а многие смешные выражения персонажей стали крылатыми. Согласимся с мнением Н. Л. Микиденко, С. П. Сторожевой, что мультфильмы, созданные по сказкам и легендам, знакомят зрителей с культурой народа, являясь хранилищем его истории в деталях [16, с. 246].

Аналогично выявлены корреляционные связи (средние значения коэффициентов Кендалла и Спирмена) между оценками следующих мультфильмов творческого объединения «Экран», любимыми в данной родительской аудитории (табл. 4, рис. 2).

Таблица 4. Коэффициенты корреляции для оценок мультфильмов творческого объединения «Экран»

Название мультфильма	«Пластилиновая ворона»	«Падал прошлогодний снег»	«По дороге с облаками»
«Пластилиновая ворона»		0,645 / 0,744	0,535 / 0,625
«Трям! Здравствуйте!»	0,610 / 0,678	0,468 / 0,537	
«Мама для мамонтёнка»	0,532 / 0,622		0,454 / 0,538

Примечание. В числителе приведено среднее значение коэффициента Кендалла (Tay-b), в знаменателе – коэффициента Спирмена (Po).

Действительно, каждый пятый родитель (22,6%) выставил 5 баллов мультфильму «Пластилиновая ворона», а также по 5 баллов ещё четырём мультфильмам: «Трям! Здравствуйте!», «Падал прошлогодний снег», «Мама для мамонтёнка» и «По дороге с облаками». Хотя по отдельности данные мультфильмы оцениваются

на 5 баллов бо́льшим количеством респондентов: «Падал прошлогодний снег» – 28,3% опрошенных, «Трям! Здравствуйте!» – 41,5%, «Мама для мамонтёнка» – 64,2%, «По дороге с облаками» – 45,3% родителей – участников опроса.

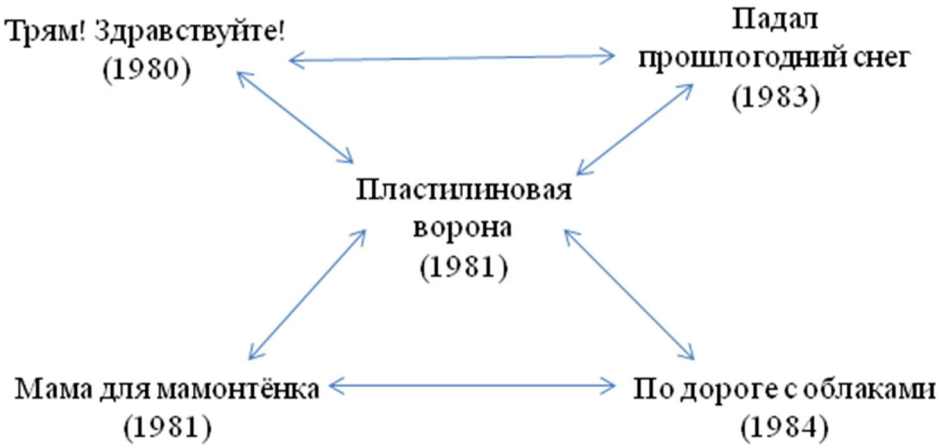

Рис. 2. Корреляционные связи, установленные между оценками данных мультфильмов творческого объединения «Экран»

На первый взгляд, связь между отдельными парами мультфильмов может быть объяснена, например, одинаковым типом фильма и его создателями. «Пластилиновая ворона» и «Падал прошлогодний снег» – это пластилиновая анимация и рисунки; режиссёр фильмов А. Татарский, композитор Г. Гладков, звукооператор Н. Кудрина, художник Е. Косарева.

«Мама для мамонтёнка» и «Трям! Здравствуйте» – это рисованная анимация, директор фильмов Л. Варенцова, редактор Е. Ходина, композитор В. Шаинский, звукооператор В. Азаровский, мультипликатор В. Спорыхин, художники А. Сичкарь и А. Брежнев, роли озвучивала К. Румянова.

«Трям! Здравствуйте!» и «По дороге с облаками» – это сказки, рисованная анимация, директор фильмов Л. Варенцова, режиссёр Ю. Бутырин, звукооператор В. Азаровский, мультипликаторы Б. Тузанович, И. Самохин, роли озвучивала К. Румянова.

Здесь уместно подчеркнуть уникальность наших отечественных талантливых создателей детских мультфильмов, которые творили своё время посредством незабываемых мультобразов, чтобы передать культурное наследие потомкам. В подтверждение этой мысли процитируем А. П. Абрамова: «Человек реализует в творчестве не только самого себя, но и свое время. Через творчество и мышление личности реализуется время и современность» [19, с. 82].

Продолжим поиск объяснений выявленным связям в группе мультфильмов. Напомним содержание каждого мультфильма и обратим внимание на ценности, которые в них транслируются (ирония и юмор, помощь и поддержка, дружба и доброта, справедливость, отражение различных сторон жизни и культуры общества).

Музыкальная тема «Пластилиновой вороны», по мнению композитора Г. Гладкова, представляет собой сочетание песенного жанра с элементами капустника, богатого цитатами. Успех фильма Г. Гладков связывает с необычной, парадоксальной поэтической формой стихов Э. Успенского, продолжающего традиции Д. Хармса [20].

Мультфильм «Падал прошлогодний снег» – это невероятная новогодняя сказка. История начинается с того, что жена посылает мужика принести из леса ёлку. Однако новогодний лес – сказочное ме-

сто, полное неожиданных событий. Запутавшись в чудесах, мужик возвращается домой ни с чем. Эта пара мультфильмов выделяется не только одинаковым типом (пластилиновая анимация и рисунки), а, скорее, афоризмами, каламбурами, полными абсурдного юмора, которые стали народными поговорками.

В мультфильме «Мама для Мамонтенка» создан счастливый финал реальной истории про мамонтенка Диму, обнаруженного в вечной мерзлоте в 1979 г. В сказке Мамонтенок оживает, оттаивая в тепле, и начинает искать свою маму, отправляясь в Африку. Он достигает знойный континент, где находит маму – слониху: «Ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети!».

В двух следующих мультфильмах создателями особой ценностью представлена романтика дружбы. «Трям! Здравствуйте» – мультфильм по одноимённой сказке С. Козлова о необычном подарке Медвежонка друзьям Ёжику и Зайцу – сказочной стране Тилимилитрямдии. Мультфильм «По дороге с облаками» создан по сказке А. Костинского. Тигрёнка, недовольного пасмурным утром, жизнерадостная Обезьянка приглашает на прогулку с облаками. По дороге они собирают друзей: веселая компания поет песни, и настроение у них становится «солнечным».

Выскажем предположение о том, что может объединять группу из пяти мультфильмов. Их можно отнести к музыкальным мультфильмам, в которых звучат детские песни композиторов В. Шаинского («По синему морю» и «Облака – белогривые лошадки»), В. Быстрякова («По дороге с облаками») и песни Г. Гладкова к пластилиновым фильмам. Мультгерои учат юных зрителей различать добро и зло, дружбу и верность, забавы и озорство, передают значимость полноценной семьи. За кажущейся легкостью и развлекательностью «несерьезного» жанра кроется глубокий смысл. Помимо оригинальных художественных приемов и определенной эстетики, мультфильмы выполняют важную функцию социализации детей, активно участвуют в формировании личности ребенка, его представлений об окружающем мире и его месте в нем, интегрируя юного зрителя в повседневную жизнь и практики взрослого сообщества [21, с. 254].

Выводы

Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что отечественные (советские) мультфильмы отражают культурные ценности и исторический контекст, в котором они созданы. Сюжеты мультфильмов основаны на лучших литературных образцах или авторских сказках и являются отображением различных сторон детской жизни и пропагандируют лучшие общечеловеческие ценности.

Нами переосмыслен положительный потенциал детских отечественных (советских) мультфильмов на примере любимых мультфильмов родителями дошкольников. Советские мультфильмы для детей являются ценным культурным наследием нашей страны, которое необходимо транслировать подрастающему поколению. Результаты нашего исследования подтверждают, что современные родители, являясь носителями мультипликационного наследия конца XX в. – начала XXI в., сами любят мультфильмы из детства, но не передают любовь к отечественной (советской) мультипликации своим детям (75,5% респондентов). Позволяя дошкольникам ежедневно смотреть современные «модные», часто транслируемые мультфильмы и мультсериалы, они способствуют формированию у них иной мультКультуры. А ведь авторами, художниками, композиторами советского периода созданы мультфильмы, которые удивляют мастерством анимации и душевностью. Хочется обратить внимание родителей дошкольников на то, что в настоящее время пока сохраняются возможности (эти мультфильмы доступны для семейного просмотра), чтобы показать

детям лучшие мультфильмы из своего детства и рассказать о мультипликационном наследии родной страны. Полагаем, что более глубокие выводы по результатам нашего исследования делать не следует. Тема требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Кравчук П. Ф., Гримов О. А. Личность в условиях информационно-коммуникативной культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 6(45). С. 177-183. EDN QIACXZ

2. Голованова Н. Ф. Социализация и воспитание ребенка. М.: Инфра-Инженерия, 2021. 252 с.

3. Востокова Е. Д. Искусство мультипликации как средство сохранения и развития культуры Бурятии // Социально-культурная среда современного общества: актуальные вопросы теории и практики: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции молодых ученых, г. Улан-Удэ, 28–29 апреля 2022 года / Восточно-сибирский государственный институт культуры. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2022. С. 65-74. EDN UTNKTC

4. Лалетина А. Ф. Культурообразующее значение мультипликации // Лингвокультурология. 2009. № 3. С. 142-147. EDN PUWNXB

5. Собкин В. С., Скобельцина К. Н. Представления родителей о мультипликационных предпочтениях детей дошкольников // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10, № 4. С. 37–46.

6. Харитонова А. А. Психологический анализ воспитательного потенциала популярных анимационных произведений // Наука молодых – будущее России: сборник статей VI Всероссийской научно-практической конференции, г. Пенза, 30 ноября 2023 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 266-269. EDN UJXNOD

7. Миронова А. О. Анимация как универсальный язык современной визуальной культуры // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сборник статей по материалам XCVII студенческой международной научно-практической конференции, г. Новосибирск, 18 января 2021 года. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2021. Т. 1 (97). С. 5-10. EDN PZWWVH

8. Крат В. А., Былкова С. В. Влияние анимационных фильмов на детскую аудиторию (нравственный аспект) // Филология и лингвистика. 2015. № 2 (2). С. 19-25.

9. Килимова Л. В., Ветрова О. А., Нишнианидзе О. О. Особенности организации досуговых практик в современных социокультурных условиях // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. Т. 13, № 1. С. 266-270. EDN QZZFSZ

10. Нагель О. П. Социализация детей от 0 до 12 средствами современных мультфильмов // Наука и школа. 2019. № 6. С. 226–233.

11. Амеликова А. В. О разрушительном влиянии современных мультфильмов на личность ребенка // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: материалы VI Международного молодежного форума, проводимого по благословению митрополита Белгородского и Старооскольского Иоанна, г. Елец, 25 мая 2018 года. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2018. С. 159-162. EDN XQROUH

12. Ильина П. И., Смольников В. Ю. Ценности и смыслы аудиовизуальных средств информации для младшего школьника и его родителей // Диалог учительских поколений: точки роста: сборник статей Межрегиональной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года. СПб.: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2021. С. 45-53. EDN NWBTKK

13. Коломникова Е. Н. Возможности мультипликации в духовно-нравственном развитии детей // Нравственные ценности и будущее человечества: сборник статей XIII Международных аксиологических чтений, г. Омск, 29 марта 2022 года. Омск: Автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Многопрофильная Академия непрерывного образования», 2022. С. 19-26. EDN UXEGRF

14. Корнаухова В. А. Влияние музыки из кино на музыкальное воспитание школьников // Музыкально-эстетическое и художественное образование: опыт, традиции, инновации: материалы Международной научно-практической конференции (студенческие доклады), г. Елец, 26 октября 2023 года. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2023. С. 7-10. EDN LAJGQW

15. Максимов А. В. Мультфильмы как средство нравственного воспитания детей младшего школьного возраста // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 1(18). С. 144-160. https://doi.org/ 10.51216/2687-072X_2022_1_144. EDN AKEIKC

16. Микиденко Н. Л., Сторожева С. П. Роль мультипликации в этнокультурной социализации // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции, Вьетнам, Муй Нэ, 27 апреля – 7 мая 2016 года / под научной редакцией М. Г. Чухровой, О. А. Белобрыкиной. Вьетнам, Муй Нэ: Немо Пресс, 2016. С. 243-247. EDN XAVMDP

17. Тупичкина Е. А., Семенака С. И. Мультпедагогика как средство социально-нравственного воспитания дошкольников. Модель реализации инновационного проекта // Дошкольное воспитание. 2022. № 4. С. 10-20. EDN EQBMXJ

18. Веселые человечки: Культурные герои советского детства: сборник статей / сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 536.

19. Абрамов А. П. Личность в социологических теориях: категории, концепции и принципы изучения // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 4 (20). С.80-88.

20. Костюкевич М. Белая «Пластилиновая ворона» // Московский комсомолец. 2002. 16 декабря. URL: https://www.mk.ru/editions/daily/article/2002/12/16/129578-belaya-plastilinovaya-vorona.html (дата обращения: 26.01.2025).

21. Васильева В. П. Советская мультипликация как исторический источник: историография и подходы к изучению // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник материалов IV Всероссийской молодежной научной конференции, г. Новосибирск, 20 августа – 22 августа 2015 года. Новосибирск: Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2015. С. 254-260. EDN VMXIBJ

References

1. Kravchuk P.F., Grimov O.A. Personality in the context of information and communication culture. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of the Southwest State University*. 2012;(6):177-183. (In Russ.) EDN QIACXZ

2. Golovanova N.F. Socialization and education of the child: a teaching aid. Moscow: Infra-Inzheneriya; 2021. 252 p. (In Russ.)

3. Vostokova E.D. The art of animation as a means of preserving and developing the culture of Buryatia. In: *Sotsial'no-kul'turnaya sreda sovremennogo obshchestva: aktual'nye voprosy teorii i praktiki: materialy Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, g. Ulan-Ude, 28–29 aprelya 2022 goda = Socio-cultural environment of modern society: topical issues of theory and practice: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference of young scientists with international participation, 28-29 April 2022, Ulan-Ude*. Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi institut kul'tury; 2022. P. 65-74. (In Russ.) EDN UTNKTC

4. Laletina A.F. The cultural significance of animation. *Lingvokul'turologiya = Linguoculturology*. 2009;(3):142-147. (In Russ.) EDN PUWNXB

5. Sobkin V.S., Skobeltsina K.N. Parents' ideas about cartoon preferences of preschool children. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural and Historical Psychology*. 2014;10(4):37-46. (In Russ.)

6. Kharitonova A.A. Psychological analysis of the educational potential of popular animated works. In: *Nauka molodykh – budushchee Rossii: sbornik statei VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Penza, 30 noyabrya 2023 goda = Science of the young – the future of Russia: Collection of articles of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference, 30 November 2023, Penza*. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G. Yu.); 2023. P. 266-269. (In Russ.) EDN UJXNOD

7. Mironova A.O. Animation as a universal language of modern visual culture. In: *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Gumanitarnye nauki: sbornik statei po materialam XCVII studencheskoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Novosibirsk, 18 yanvarya 2021 goda = Scientific community of students of the XXI century. Humanities: A collection of articles based on the materials of the XCVII Student International Scientific and Practical Conference, 18 January 2021, Novosibirsk.* Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga; 2021. Vol. 1 (97). P. 5-10. (In Russ.) EDN PZWWVH

8. Krat V.A., Bylkova S.V. The influence of animated films on the children's audience (the moral aspect). *Filologiya i lingvistika = Philology and Linguistics*. 2015;(2):19-25. (In Russ.)

9. Kilimova L.V., Vetrova O.A., Nishnianidze O.O. Features of the organization of leisure practices in modern socio-cultural conditions. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2013;13(1):266-270. (In Russ.) EDN QZZFSZ

10. Nagel O.P. Socialization of children from 0 to 12 by means of modern cartoons. *Nauka i shkola = Science and School*. 2019;(6):226–233. (In Russ.)

11. Amelikova A.V. On the destructive influence of modern cartoons on a child's personality. In: *Nravstvennye imperativy v prave, obrazovanii, nauke i kul'ture: materialy VI Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma, provodimogo po blagosloveniyu mitropolita Belgorodskogo i Starooskol'skogo Ioanna, g. Elets, 25 maya 2018 goda = Moral imperatives in law, education, science and culture: Materials of the VI International Youth Forum, held with the blessing of Metropolitan John of Belgorod and Starooskolsky, 25 May 2018, Yelets*. Elets: Eletskii gosudarstvennyi universitet im. I. A. Bunina; 2018. P. 159-162. (In Russ.) EDN XQROUH

12. Ilyina P.I., Smolnikov V.Y. Values and meanings of audiovisual media for younger schoolchildren and their parents. In: *Dialog uchitel'skikh pokolenii: tochki rosta: sbornik statei Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Sankt-Peterburg, 27 noyabrya 2020 goda = Dialogue of teacher generations: points of growth: Collection of articles of the interregional scientific and practical conference, 27 November 2020, St. Petersburg*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya; 2021. P. 45-53. (In Russ.) EDN NWBTKK

13. Kolomnikova E.N. The possibilities of animation in the spiritual and moral development of children. In: *Nravstvennye tsennosti i budushchee chelovechestva: sbornik statei XIII Mezhdunarodnykh aksiologicheskikh chtenii, g. Omsk, 29 marta 2022 goda = Moral values and the future of mankind: Collection of articles of the XIII International Axiological Readings, 29 March 2022, Omsk*. Omsk: Avtonomnaya nekommercheskaya professional'naya obrazovatel'naya organizatsiya «Mnogoprofil'naya Akademiya nepreryvnogo obrazovaniya»; 2022. P. 19-26. (In Russ.) EDN UXEGRF

14. Kornaukhova V.A. The influence of film music on the musical education of schoolchildren. In: *Muzykal'no-esteticheskoe i khudozhestvennoe obrazovanie: opyt, traditsii, innovatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (studencheskie doklady), g. Elets, 26 oktyabrya 2023 goda = Musical, aesthetic and artistic education: experience, traditions, innovations: Materials of the International Scientific and Practical Conference (student reports, 26 October 2023), Yelets*. Elets: Eletskii gosudarstvennyi universitet im. I. A. Bunina; 2023. P. 7-10. (In Russ.) EDN LAJGQW

15. Maksimov A.V. Cartoons as a means of moral education of children of primary school age. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii = Theological Collection of the Tambov Theological Seminary*. 2022;(1):144-160. (In Russ.) https://doi.org/10.51216/2687-072X_2022_1_144. EDN AKEIKC

16. Mikidenko N.L., Storozheva S.P. The role of animation in ethnocultural socialization. In: Chukhrova M.G., Belobrykina O.A. (eds.) *Innovatsii v meditsine, psikhologii i pedagogike: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Mui Ne, 27 aprelya – 07.05.2016 goda = Innovations in medicine, psychology and pedagogy: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference, 27 April – 7 May 2016, Mui Ne*. V'etnam: Mui Ne: Nemo Press; 2016. P. 243-247. (In Russ.) EDN XAVMDP

17. Tupichkina E.A., Semenaka S.I. Cartoon pedagogy as a means of social and moral education of preschoolers. A model for the implementation of an innovative project. *Doshkol'noe vospitanie = Preschool Education*. 2022;(4):10-20. (In Russ.) EDN EQBMXJ

18. Kukulin I., Lipovetsky M., Mayofis M. Funny little men: Cultural heroes of Soviet childhood: Collection of articles. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2008. P. 236. (In Russ.)

19. Abramov A.P. Personality in sociological theories: categories, concepts and principles of study. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya = Humanities: Current Problems of Humanities and Education*. 2012;(4):80-88. (In Russ.)

20. Kostyukevich M. The white «Plasticine crow». Moskovsky Komsomolets. 2002. 16 December. (In Russ.) Available at: https://www.mk.ru/editions/daily/article/2002/12/16/129578-belaya-plastilinovaya-vorona.html (accessed 26.01.2025).

21. Vasilyeva V.P. Soviet animation as a historical source: historiography and approaches to study. In: *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanii: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik*

materialov IV Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii, Novosibirsk, 20 avgusta – 22 avgusta 2015 goda = Actual problems of historical research: the view of young scientists: Collection of materials of the Fourth All–Russian Youth Scientific Conference, 20 August – 22 August 2015, Novosibirsk. Novosibirsk: Institut istorii Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk; 2015. P. 254-260. (In Russ.) EDN VMXIBJ

Информация об авторах / Information about the Authors

Уварова Елена Викторовна, магистрант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: evu.uvarova@yndex.ru,
ORCID: 0009-0002-0513-4182

Elena V. Uvarova, Undergraduate of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: evu.uvarova@yndex.ru,
ORCID: 0009-0002-0513-4182

Гримов Олег Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: grimoleg@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6883-9898

Oleg A. Grimov, Candidate of Sciences (Sociologicy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: grimoleg@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6883-9898

Килимова Людмила Викторовна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lyuda-klv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8764-1641

Lyudmila V. Kilimova, Candidate of Sciences (Sociology), Head of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lyuda-klv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8764-1641

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.4.05

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-168-176

CC BY 4.0

К вопросу о совершенствовании образовательного развития курсантов в военных институтах

Ю. Г. Быченко[1] ✉, Т. М. Баландина[1]

[1] Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации
ул. Московская, д. 158, г. Саратов 410012, Российская Федерация

✉ e-mail: bychenkoug@gmail.com

Резюме

Актуальность. *В условиях повышения неопределенности среды профессионального функционирования будущих офицеров модернизация процессов образовательного развития курсантов представляется важной и необходимой.*

Цель *– раскрыть направления совершенствования образовательного развития курсантов в военных институтах России.*

Задачи: *исследовать теоретические подходы методологического обоснования проблем совершенствования образовательного развития, уточнить авторский подход к раскрытию сущности данного явления; представить и проанализировать ряд данных эмпирического исследования, уточнить направления совершенствования образовательного развития курсантов.*

Методология. *Основой исследования является структуралистско-конструктивистский методологический подход, примененный на соответствующем социологическом материале. Применена также специфическая методология социологии (использованы данные социологического опроса).*

Результаты. *В исследовании доказывается, что в современных условиях необходима активизация двух направлений совершенствования образовательного развития курсантов в военных институтах.*

Первое направление – социально-экономическое (повышение материального довольствия, стимулирование образовательно-профессиональных формальных и неформальных практик обучающихся). Второе направление – образовательно-культурное (разработка и внедрение программ проактивного образовательного роста профессионального потенциала курсантов, стратегическая целевая ориентация не только на комплексное совершенствование развития профессиональных знаний, умений, навыков в настоящем, но и на их коррекцию относительно потребностей будущих стратегий развития военной организации).

Выводы. *В контексте модернизации военной образовательной системы профессиональная компетентность военных акторов не может оцениваться в рамках ограниченного комплекса военно-профессиональных знаний, специфических умений и навыков. Эти традиционные образовательные комплексы должны интегрироваться и дополняться набором военного культурного капитала: служебно-трудовыми мотивационными предпочтениями, культурными ценностями военного творчества, активной инициативы, новаторства в процессе решения поставленных служебно-трудовых задач.*

Ключевые слова: *образовательное развитие; курсанты; образовательные программы; военные институты; образовательная мотивация; стимулирование; конструирование образовательных процессов.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Быченко Ю. Г., Баландина Т. М., 2025

Для цитирования: Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. К вопросу о совершенствовании образовательного развития курсантов в военных институтах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 168–176. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-168-176

Поступила в редакцию 04.02.2025 Принята к публикации 01.03.2025 Опубликована 30.04.2025

On the question of improving the educational development of cadets in military institutes

Yuriy G. Bychenko[1] ✉, Taisiya M. Balandina[1]

[1] Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation
158 Moskovskaya Str., Saratov 410012, Russian Federation

✉ e-mail: bychenkoug@gmail.com

Abstract

Relevance. *In the context of increasing uncertainty in the professional functioning environment of future officers, the modernization of the educational development processes of cadets seems important and necessary.*

The purpose *is to reveal the directions of improving the educational development of cadets in Russian military institutes.*

Objectives: *to explore theoretical approaches to methodological substantiation of the problems of improving educational development, to clarify the author's approach to revealing the essence of this phenomenon; to present and analyze a number of empirical research data, to clarify the directions of improving the educational development of cadets.*

Methodology. *The research is based on a structuralist-constructivist methodological approach based on relevant sociological material. A specific methodology of sociology was also applied (data from a sociological survey were used).*

Results. *The study proves that in modern conditions it is necessary to activate two directions of improving the educational development of cadets in military institutes.*

The first area is socio-economic (increasing material benefits, stimulating educational and professional formal and informal practices of students). The second direction is educational and cultural (development and implementation of programs for proactive educational growth of cadets' professional potential, strategic focus not only on comprehensive improvement of the development of professional knowledge, skills in the present, but also on their correction relative to the needs of future development strategies of the military organization).

Conclusions. *In the context of the modernization of the military educational system, the professional competence of military actors cannot be assessed within the limited range of military professional knowledge, specific skills and abilities. These traditional educational complexes should be integrated and complemented by a set of military cultural capital: service and labor motivational preferences, cultural values of military creativity, active initiative, and innovation in the process of solving assigned service and labor tasks.*

Keywords*: educational development; cadets; educational programs; military institutions; educational motivation; stimulation; design of educational processes.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Bychenko Yu.G., Balandina T.M. On the issue of improving the educational development of cadets in military institutes. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):168–176. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-168-176

Received 04.02.2025 Accepted 01.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

Сегодня образовательные практики, с одной стороны, должны быть материально стимулированы, с другой – ориентированы на потребности будущего. Тогда они будут способны не только сглаживать противоречия военной службы, но и снижать негативные проявления нестабильности и неравномерности развития внешней социокультурной среды воинских коллективов, определять предпосылки социальной интеграции, условия развития новаторских практик в системе военного образования и военно-профессиональной деятельности.

Таким образом, изменения в комплексе военного образования являются предпосылкой роста общей эффективности и боеспособности воинских коллективов. Результативность военно-образовательной системы зависит, с одной стороны, от технических поступлений и целевой ориентации и инноваций в образовательных институтах, с другой – от результативности функционирования механизмов стимулирования образовательного развития курсантов. В результате действия данных механизмов объективно сохраняется, транслируется и воспроизводится военно-профессиональный опыт социального взаимодействия будущих офицеров.

Материалы и методы

Проведем краткий анализ имеющихся теоретико-методологичечких материалов по исследуемой проблеме. Теоретические исследования по данной проблеме условно разделим на три группы.

Первая группа – зарубежные исследователи, рассматривающие универсальные теоретические конструкции образовательных процессов: Т. Шульц [1], Д. Бегг [2], Ф. Махлуп [3], Г. Беккер [4], Л. Вальрас [5], И. Фишер [6], У. Боуэн [7], Г. Шмоллер [8]. Исследователи рассматривают методологические универсалии любого процесса образования. Т. Шульц отмечает, что образовательная модернизация имеет прямое влияние не только на потенциал работников, но и на производственную систему организации в целом. Предлагается рассматривать образовательную модернизацию как форму развития материального и человеческого капиталов. В этой связи образовательное развитие предлагается определять как процесс обновления капитала организации в целом. Д. Бегг, У. Боуэн уточняют данный подход. Они обосновывают, что развитие образования необходимо рассматривать на субъективном и объективном уровнях. Оно является необходимой предпосылкой формирования новаторской организации. При этом модернизация образования представляет собой универсальную технологию роста потенциала действия и взаимодействия разных профессиональных групп субъектов. Ф. Махлуп раскрывает общие принципы образовательного развития как: 1) результат проектной деятельности; 2) процесс накопления в комплексе потребительного саморазвития. Г. Беккер указывает, что потребление и сама потребительная мотивация, безусловно, представляют собой принципиальную основу реализации эффективного образовательного процесса. Л. Вальрас и И. Фишер представляют обратный подход. Они акцентируют внимание на том, что в современных условиях проектные социальные технологии – важнейшая предпосылка, базовый, относительно независимый механизм реализации образовательного развития работников различных организаций. Ряд российских исследователей поддерживают и развивают проектный подход образовательного развития организации. А. Абрамов, Д. Смирнова, О. Чуйков обосновывают доминирующее значение национальных государственных проектов образовательного развития. Исследуют его как инструмент государственной социальной политики образовательного конструирования [9].

Таким образом, в рамках зарубежной научной мысли обосновывается процесс развития образования как процесс со-

вершенствования одной из базовых ценностей личностей, организации и общества в целом. Динамичное образовательное развитие рассматривается не только как фактор профессионального роста персонала, но и как механизм достижения социальной стабильности, справедливости, бесконфликтности функционирования трудовых коллективов. Базовые принципы образовательного развития двойственные. Во-первых, оно является отражением социального образовательного проектирования; во-вторых, всякое образовательное развитие есть результат расширенного потребления, саморазвития потребностей, в т. ч. и в образовательных. Поэтому оптимальность образовательного развития объективно связывается с реализацией принципов единства проектной деятельности, направленной на целевое развитие образовательной системы, а также повышение благосостояния трудовых акторов.

Ко второй группе отнесем ученых, рассматривающих междисциплинарные аспекты непосредственных процессов образовательного развития: Э. Гидденс [10], Л. Силкина [11], Е. Зиновьева [12], А. Слепухин [13]. Здесь процессы образовательной деятельности связываются с совершенствованием будущей профессиональной деятельности. Обосновывается связь образовательных практик на макро- и микроуровнях с обновлением сформированного в обществе набора знаний, профессиональных способностей, обеспечением карьерных достижений, формированием требуемых групповых, индивидуальных социально важных качеств и характеристик. Отметим, что в рамках междисциплинарного подхода исследователи убедительно доказывают, что по мере развития общества образовательный процесс все в большей степени должен быть ориентирован не только на настоящие потребности общества, но и на перспективу нужд в будущих временных периодах профессиональной деятельности акторов.

Третья группа ученых исследует проблемы совершенствования образовательных процессов курсантов, управления социально-образовательной адаптацией социальных групп военных как специфических групп профессионального взаимодействия (работы А. Кузнецова [14], А. Мухаметжанова [15], М. Магомедова [16], А. Пихтелёва [17], С. Хвостанцева [18]). В рамках данных разработок доказывается, что реализацию военно-профессионального действия необходимо понимать как проектирование ранее полученных образовательных знаний. По сути, образовательная деятельность имеет окончательный результат в форме непосредственной военно-профессиональной деятельности военнослужащих. Образовательные процессы сегодня должны формировать развитие профессионального потенциала военнослужащих не только и не столько относительно настоящего времени, сколько относительно будущих стратегических перспектив служебного действия и взаимодействия военных акторов [19]. Мы же конкретизируем данную позицию и приходим к выводу о том, что в современных условиях военная образовательная система должна ориентироваться не столько и не только на сегодняшние потребности войны [20]. Необходимо забежать вперед и образовательно проектировать профессиональный потенциал будущего военного актора [21]. В этой связи важным является уточнение потребностей военной организации в перспективе ее активного развития, выстраивание целевых образовательных функций, направленных на стратегическую перспективу формирования военно-профессионального потенциала будущих офицеров.

Таким образом, в современных условиях трансформируется профессиональный потенциал военнослужащих, усиливается необходимость ориентации военной образовательной системы не только на сегодняшние, но и перспективные стратегические потребности реализации

военных действий. Формируется потребность в качественной модернизации образовательных ценностей, проактивное обновление комплекса военных знаний, умений, профессиональных компетенций военнослужащих. Также важным представляется осуществление образовательной капитализации формирующихся профессиональных способностей, что призвано не только повысить эффективность деятельности воинских коллективов, но и определить перспективы динамичного карьерного роста курсантов.

В качестве основы данного исследования используем данные социологического опроса «Управление социально-культурной адаптацией курсантов в Саратовском военном институте», проведенного с курсантами Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации. Опрошено 944 респондента (курсанта всех курсов военного института).

Результаты и их обсуждение

Для уточнения направлений совершенствования образовательного развития в военных институтах рассмотрим некоторые данные социологического опроса курсантов. Анализируя эмпирические данные, несложно заметить, что курсанты видят совершенствование образовательного развития как комплексную проблему. Их представление по данному процессу имеет ярко выраженную двойственность. Обобщим выявленные результаты опроса и рассмотрим самые базовые направления совершенствования образовательного развития глазами курсантов Саратовского военного института.

1. Рост материального довольствия, стимулирование образовательно-профессиональных практик обучающихся акторов. Большинство курсантов (65%) полагают, что образовательное совершенствование не может осуществляться в отрыве от системы материального стимулирования. Оно должно осуществляться как комплексный процесс в результате оптимизации мотивирующих механизмов роста материального довольствия, стимулирования образовательно-профессионального развития военнослужащих в целом и курсантов в частности. Респонденты подчеркивают необходимость формирования карты поэтапного программирования роста дохода и благосостояния военнослужащего. Рост денежного довольствия в этой связи необходимо представлять как двойственный фактор, определяющий, с одной стороны, повышение условий образовательного профессионального саморазвития военной личности, с другой – как разнонаправленную систему стимулирования процессов профессионального самосовершенствования.

2. Модернизация конечной образовательной оценки и переход на формирование адаптивного образовательного профессионального потенциала курсантов. 32% респондентов акцентируют внимание на данном направлении образовательного совершенствования. По сути, созданы условия нового комплекса формирования образовательного профессионального потенциала курсантов, ориентированного на интеграцию подсистем развития образовательных способностей, а также потребностей самосовершенствования профессионализма курсантов. Также предполагается активизация имеющихся механизмов накопления человеческого капитала в форме динамичного карьерного роста. Отметим, что 36% обследованных полагают, что образовательное совершенствование включает в себя процессы целевого проектирования военной организационной культуры. В целом основной акцент совершенствования должен делаться именно на становление проактивных профессиональных способностей акторов, включающих в себя как аналитическую, так и социокультурную составляющие. В перспективе крайне важно обучить курсантов собирать, ранжировать, обрабатывать, а также научно генерировать новые профессио-

нально важные знания, умения, навыки, а также использовать их как инновационный ресурс служебно-трудовой деятельности.

Выводы

Совершенствование образовательного развития курсантов в военных институтах должно как минимум включать в себя социально-экономический и образовательно-культурный комплексы.

Социально-экономический комплекс необходимо рассматривать как начальный механизм опосредованного совершенствования образовательного развития курсантов в военных институтах. Он предполагает рост материального довольствия, стимулирование образовательно-профессиональных практик обучающихся. Современная модернизация образовательных и саморазвивающихся технологий роста кадрового потенциала немыслима без основательной стимулирующей образовательной поддержки. Важнейшими элементами здесь являются следующие подсистемы: 1) постоянная индексация, а также рост реального денежного довольствия курсантов как процесс обеспечения социально-экономической основы стимулирования образовательной деятельности акторов; 2) расширение состава премиальных выплат за успехи в реализации образовательных практик, накопление военно-профессионального потенциала, оптимизация премиального фонда материальной мотивации, разовых поощрений и выплат, компенсаций, поощрений, целевых премий в поддержку стратегий образовательного саморазвития; 3) организационная оптимизация, финансовая целевая поддержка нематериальных механизмов стимулирования самостоятельных неформальных образовательных и научных практик (как социальная предпосылка образовательного саморазвития обучающихся военнослужащих).

Образовательно-культурный комплекс необходимо рассматривать как основной механизм непосредственного совершенствования образовательного развития курсантов в военных институтах. Данное направление основано на программах проактивного образовательного роста профессионального потенциала курсантов. Стратегическая цель опережающего образовательного процесса связывается не только с комплексным совершенствованием развития профессиональных знаний, умений, навыков, но и коррекцией их относительно потребностей будущих стратегий развития военной организации.

Проактивность системы военного образования должна проявляться в ее ориентации не только на потребности и цели сегодняшней военной практики, но и на задачи, принципы поведения и технологии действий, востребованные в будущих временных периодах. Важна инновационная организация образовательного конструирования поведенческих профессиональных практик будущих военнослужащих. Надо определять эффективные образовательные стратегии, моделировать образовательный профессиональный потенциал, востребованный в будущих временных периодах военной служебно-трудовой деятельности офицеров.

В контексте модернизации военной образовательной системы профессиональная компетентность военных акторов не может оцениваться в рамках ограниченного комплекса военно-профессиональных знаний, специфических умений и навыков. Эти традиционные комплексы должны интегрироваться и дополняться набором военного культурного капитала: служебно-трудовыми мотивационными предпочтениями, культурными ценностями, нормами, принципами поведения офицера. Поэтому в рамках образовательной реформы предстоит решение как минимум двух задач:

– первая – разработка и реализация проектного конструирования новых социально значимых ценностей военных акторов. Это ценности инициативы и активного творчества. Данные ценности

должны отвечать настоящим и будущим требованиям служебной деятельности военной организации;

– вторая – разработка социального проекта поддержания традиционной организационной культуры военной организации.

Список литературы

1. Schultz T. Resourses for Higher Education: an Economist's View // The Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76, N 3. P. 328.

2. Begg D., Fischer S., Dornbusch R. Economics. London: McGraw-Hill book co., 1991. P. 198.

3. Machlup F. The Economics of Information and Human Capital. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984. P. 419.

4. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. New York: National Bureau of Economic Research: Distributed by Columbia University Press, 1964. 187 p.

5. Walras L. Elements of pure economics: or, the theory of social wealth. Homewood, Illinois: Published for the American Economic Association and the Royal Economic Society by R. D. Irwin, 1954. P. 40.

6. Fisher I. The Nature of Capital and Incom. London: Macmillan & Co., Ltd., 1919. P. 51-52.

7. Bowen H. R. Investment in learning: the individual and social value of American higher education. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1977. P. 362.

8. Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. С. 127.

9. Абрамов А. П., Смирнова Д. О., Чуйков О. Е. Национальные проекты как инструмент государственной социальной политики в российской федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 165-174.

10. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. 525 с.

11. Силкина Л. В. Структурные основания и функции культурного пространства // Пространство цивилизаций и культур на рубеже XXI века. Саратов: СГУ, 1998. С. 27-32.

12. Зиновьева Е. А. Адхократическая организационная культура самообучающейся организации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 4 (43). С. 170–173.

13. Слепухин А. Ю. Высшее образование в условиях глобализации: проблемы, противоречия, тенденции. М.: ФОРУМ, 2004. 405 с.

14. Кузнецов Н. И. Военный институт как самообучающаяся социальная организация // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 6. С. 107-114.

15. Особенности адаптации военнослужащих в процессе прохождения воинской службы / А. М. Мухаметжанов, Н. К. Смагулов, С. Б. Жаутикова, Ф. С. Абикенова, Р. Ж. Есимова, Л. К. Быстревская, С. М. Аринова, Г. Н. Иманбаева, С. Б. Кенжебекова, Ф. И. Умер // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 83.

16. Магомедов М. К. О совершенствовании культуры межнационального общения военнослужащих // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 361–370.

17. Пихтелёв А. М., Богданов Д. А. Методологические основы совершенствования военного образования: культурологический подход // Актуальные проблемы военных и социальных наук: сборник трудов конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Саратов: Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2020. С. 83–88.

18. Хвостанцев С. В., Баландина Т. М. Профессиональная адаптация офицеров национальной гвардии России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 3 (67). С. 167-171.

19. Баландина Т. М., Егоров А. В., Пихтелев А. М. Профессиональный потенциал военнослужащего: обновление содержательных характеристик // Социологические знания в контексте актуальных проблем развития социальных общностей и институтов: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2023. С. 11-16.

20. Быченко Ю. Г. Способности к профессиональной адаптации в системе профессионального потенциала российских офицеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 1. С. 215-226.

21. Быченко Ю. Г., Ершов В. В. Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 247-253.

References

1. Schultz T. Resourses for Higher Education: an Economist's View. *The Journal of Political Economy*. 1968;76(3):328.

2. Begg D., Fischer S., Dornbusch R. Economics. London etc.: McGraw-Hill book co.; 1991. P. 198.

3. Machlup F. The Economics of Information and Human Capital. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1984. P. 419.

4. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. New York: National Bureau of Economic Research: Distributed by Columbia University Press; 1964. 187 p.

5. Walras L. Elements of pure economics: or, the theory of social wealth. Homewood, Illinois: Published for the American Economic Association and the Royal Economic Society by R. D. Irwin; 1954. P. 40.

6. Fisher I. The Nature of Capital and Incom. London: Macmillan & Co., Ltd.; 1919. P. 51-52.

7. Bowen H. R. Investment in learning: the individual and social value of American higher education. San Francisco: Jossey-Bass Publishers; 1977. P. 362.

8. Schmoller G. National economy, the science of national economy and its methods. Moscow: Direktmedia Pablishing; 2008. P. 127. (In Russ.)

9. Abramov A.P., Smirnova D.O., Chuikov O.E. National projects as an instrument of state social policy in the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2020;10(2):165-174. (In Russ.)

10. Giddens E. Organization of society: An essay on the theory of structuration. Moscow: Akademicheskii proekt; 2003. 525 p. (In Russ.)

11. Silkina L.V. Structural foundations and functions of cultural space. In: Space of civilizations and cultures at the turn of the 21st century. Saratov: SGU; 1998. P. 27-32. (In Russ.)

12. Zinoviev N.A. Adhocratic organizational culture of a self-learning organization. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2012;(4):170-173. (In Russ.)

13. Slepukhin A.Y. Higher education in the context of globalization: problems, contradictions, trends. Moscow: FORUM; 2004. 405 p. (In Russ.)

14. Kuznetsov N. I. Military institute as a self-learning social organization. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2018;18(6):107-114. (In Russ.)

15. Mukhametzhanov A.M., Smagulov N.K., Zhautikova S.B., Abikenova F.S., Esimova R.Zh., Bystrevskaya L.K., Arinova S.M., Imanbaeva G.N., Kenzhebekova S.B., Umer F.I. Features of adap-

tation of military personnel in the process of military service. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. 2012;(3):83. (In Russ.)

16. Magomedov M.K. On improving the culture of interethnic communication between military personnel. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Socio-Humanitarian Knowledge*. 2020;(2):361-370. (In Russ.)

17. Pihtelev A.M., Bogdanov D.A. Methodological foundations of improving military education: a cultural approach. In: *Aktual'nye problemy voennykh i sotsial'nykh nauk: sbornik trudov konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine = Actual problems of military and social sciences: Proceedings of the conference dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War.* Saratov: Saratovskii voennyi ordena Zhukova Krasnoznamennyi institut voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii; 2020. P. 83-88. (In Russ.)

18. Khvostantsev S.V., Balandina T.M. Professional adaptation of officers of the National Guard of Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*. 2017;(3):167-171. (In Russ.)

19. Balandina T.M., Egorov A.V., Pihtelev A.M. Professional potential of a military officer: updating substantive characteristics. In: *Otsiologicheskie znaniya v kontekste aktual'nykh problem razvitiya sotsial'nykh obshchnostei i institutov: sbornik nauchnykh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Sociological knowledge in the context of urgent problems of the development of social communities and institutions: Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Saratov; 2023. P. 11-16. (In Russ.)

20. Bychenko Yu.G. Abilities for professional adaptation in the system of professional potential of Russian officers. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2023;13(1):215-226. (In Russ.)

21. Bychenko Yu.G., Yershov V.V. Project development of the cultural human capital of contract servicemen. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Proceedings of the Saratov University. A New Family. Series: Sociology. Political Science*. 2017;17(3):247-253. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Быченко Юрий Григорьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: bychenkoug@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-2094-6453

Yuriy G. Bychenko, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation,
e-mail: bychenkoug@gmail.com,
ORCID: 0000-0003-2094-6453

Баландина Таисия Михайловна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация,
e-mail: balandinatm@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-7577-4826

Taisiya M. Balandina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Saratov, Russian Federation,
e-mail: balandinatm@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-7577-4826

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.7

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-177-187

CC BY 4.0

Цифровая культура в современном информационном обществе

О. А. Тишина[1] ✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: pahol93@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Можно выделить несколько важных факторов, которые обусловливают актуальность темы цифровой культуры как характеристики современности. Во-первых, это технологический прогресс, в процессе которого наблюдается стремительное развитие технологий в последние десятилетия, которые проникли практически во все сферы деятельности человека – от образования до развлечений. Формируется новая культурная среда, в которой цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью. Во-вторых, изменение моделей коммуникации. С помощью цифровых технологий кардинально меняются способы общения людей. В-третьих, меняется процесс образования и обучения. Благодаря цифровизации появляются новые форматы обучения. В-четвертых, изменяется экономика и трудовая деятельность. Таким образом, исследование цифровой культуры позволяет лучше понять современные социальные процессы, выявить тенденции развития общества и определить пути адаптации к новым условиям.*

Цель *– выявить влияние цифровой культуры на разные сферы жизни человека, а также изучить ее позитивные и негативные последствия.*

Задачи: *рассмотреть процесс становления цифровой культуры; изучить влияние цифровизации на экономическую сферу; определить, как цифровая культура влияет на коммуникацию; оценить влияние цифровой культуры на образование.*

Методология. *Данное исследование основано на социокультурном анализе современных теорий цифровой культуры, а также применяется структурно-логический анализ и методы теоретического обобщения.*

Результаты. *Изучено влияние цифровой культуры на экономическую сферу, образование и коммуникацию.*

Выводы. *Цифровая культура стала неотъемлемой частью нашей жизни. Используя новые технологии в различных сферах деятельности, мы координально меняем нашу жизнь и способы общения. Стоит отметить, что все это влечет за собой не только новые возможности, но и негативные последствия.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровая культура; цифровое поколение; самореализация; информационное общество.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Тишина О. А. Цифровая культура в современном информационном обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 177–187. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-177-187

Поступила в редакцию 14.02.2025 Принята к публикации 10.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Тишина О. А., 2025

Digital culture in the modern information society

Olga A. Tishina[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: pahol93@mail.ru

Abstract

Relevance. *There are several important factors that determine the relevance of the topic of digital culture as a characteristic of modernity. Firstly, it is technological progress, in the process of which there has been a rapid development of technologies in recent decades, which have penetrated into almost all spheres of human activity – from education to entertainment. A new cultural environment is being formed, in which digital tools are becoming an integral part. Secondly, the change in communication models. With the help of digital technologies, the ways people communicate are fundamentally changing. Thirdly, the process of education and training is changing. Thanks to digitalization, new learning formats are emerging. Fourth, the economy and labor activity are changing. Thus, the study of digital culture makes it possible to better understand modern social processes, identify trends in the development of society and identify ways to adapt to new conditions.*

The purpose *is to identify the impact of digital culture on different areas of human life, as well as to study its positive and negative consequences.*

Objectives: *to consider the process of digital culture formation; to study the impact of digitalization on the economic sphere; to determine how digital culture affects communication; to assess the impact of digital culture on education.*

Methodology. *This research is based on a socio-cultural analysis of modern theories of digital culture, as well as using structural and logical analysis and methods of theoretical generalization.*

Results. *The influence of digital culture on the economic sphere, education and communication is studied.*

Conclusions. *Digital culture has become an integral part of our lives. Using new technologies in various fields of activity, we are co-ordinately changing our lives and ways of communication. It is worth noting that all this entails not only new opportunities, but also negative consequences.*

Keywords*: digitalization; digital culture; digital generation; self-realization; information society.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Tishina O.A. Digital culture in the modern information society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):177–187. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-177-187

Received 14.02.2025 Accepted 10.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Современный мир стремительно меняется под влиянием технологических инноваций, и одним из ключевых аспектов этих изменений является формирование цифровой культуры. За последние десятилетия произошли существенные изменения в социальной жизни людей из-за повсеместного доминирования цифровых технологий, общество вступило в информационную стадию развития. «В новую цифровую эпоху ускоряются все процессы, и это непременно влияет на общество в целом: на политику, экономику, средства массовой информации, бизнес и общепринятые нормы поведения» [1, с. 18-19]. Проблема цифровизации очень актуальна, она привлекает к себе большое внимание, так как под ее воздействием меняется культура, происходит трансформация человека, идет перестройка восприятия окружающего нас мира, меняется мышление, язык. Человек, благодаря виртуальному миру и социальным сетям, легко может создать для себя образ, который ему больше нравится. Тем

самым он всё чаще оставляет за кадром себя настоящего, погружаясь в виртуальный мир, он уходит от реальности, в результате происходит процесс замещения «Я-реальное» на «Я-виртуальное» [2, с. 156-157].

Материалы и методы

Для решения поставленных задач автор использовал как всесторонние, так и специализированные подходы к исследованию цифровой культуры. Мы применили структурно-логический анализ для обобщения теоретических положений, а для формулирования вывода прибегли к методу теоретического обобщения.

Результаты социологических исследований в научных публикациях российских ученых позволили сделать обобщающие выводы о последствиях воздействия цифровой культуры, а также выявить ее положительные и отрицательные стороны.

Результаты и их обсуждение

Доктор философских наук Н. Л. Соколова в своей научной статье говорит о том, что цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни современного человека и невозможно игнорировать их культурную значимость. Она также обосновывает идею о том, «что исследовать цифровую культуру – значит не столько анализировать ее феномены и артефакты сами по себе, сколько изучать широкие трансформации, происходящие в связи с распространением цифровых технологий в культуре в целом» [3].

Опираясь на данный посыл, проанализируем основные моменты смены культурных парадигм в эпоху информации и рассмотрим роль человека в процессе создания цифровых технологий, а также постараемся выявить, какие серьезные вызовы и угрозы влекут за собой данные изменения.

Для начала рассмотрим процесс становления цифровой культуры, который, как известно, начинается с развитием информационных технологий во второй половине XX века, а также с расширением сферы их применения в общественной жизни.

Мы с уверенностью можем сказать, что решающим моментом в данном процессе является появление персонального компьютера и соответственно сети Интернет. Начинается активное внедрение в повседневную жизнь человека многообразных практик использования компьютерных технологий.

Д. Н. Карпова дает следующее определение: «Цифровизация – это глобальный процесс преобразования информации в цифровую форму, который радикально изменяет характер межгрупповых и межличностных взаимоотношений людей» [4].

Иными словами, опираясь на данный подход, можно сделать вывод, что ключевым фактором формирования цифровой культуры являются информационно-коммуникативные технологии. С одной стороны, можно считать это утверждение верным, но с другой – оно не полностью учитывает причины происхождения изучаемого нами явления. Стоит только задать себе вопрос: какой была духовно-идейная атмосфера и культурные ожидания у создателей компьютерных технологий, когда производились технологические средства для внедрения проекта информационного общества?

Американский ученый Ч. Гир в своей научной статье «Цифровая контркультура» выдвигает такое предположение, что цифровые технологии развиваются в результате встречи как культурных, так и технологических тенденций и факторов. Изначально цифровые технологии в США появились для того, чтобы решать конкретные военные задачи. Так как в то время электро-вычислительные машины были очень громоздкие и неудобные в использовании, пришлось прибегнуть к их миниатюризации и придать их функционированию интерактивный характер.

Однако не все приняли данное новшество, а использование кибернетики и компьютера во время вьетнамской войны было «заклеймено» силами, оппозиционными американскому милитаризму [5, с. 55].

Другим фактором развития компьютерных технологий стала теория неолиберализма, которая заявляла беззаконность вмешательства государства и его институтов в сферу экономики. В свою очередь, контркультура и неолиберализм в приоритет ставили индивидуальность над коллективным сознанием и настаивали на том, чтобы освободить индивида от насилия всякого рода со стороны бюрократических организаций. Они верили в неоспоримую силу информационных технологий.

А. В. Политов говорил о том, что «все в современном мире отсылает к компьютеру как к своему праисточнику и единственному носителю» [6, с. 55]. Это подтверждает множество публикаций со схожими позициями. Так, А. А. Саламатов и Е. В. Гнатышина рассматривали цифру как призму, которая изменяет восприятие традиционной культуры, основанную на таком явлении, как персональный компьютер и все многообразие цифровых устройств [7, с. 20].

Можно сказать, что развитие цифровой культуры связано с переплетением целого ряда факторов.

Л. В. Баева в одной из своих статей дает наиболее соответствующее определение: «Цифровая культура – это сфера деятельности человека и ее результаты, связанные с созданием цифровых объектов и феноменов, симуляций объектов “живой” культуры, виртуальных пространств, процессов и явлений, созданных с помощью информационных технологий» [8, с. 89]. Здесь главным является человек и его деятельность, а не информационно-коммуникативные технологии, которые сами являются продуктом человеческой деятельности.

Зачастую случается так, что продукты человеческой деятельности рано или поздно начинают жить своей жизнью и оказывать не только положительное влияние на самого человека и на социум, в котором они функционируют, но и отрицательное. Это касается и цифровых технологий.

Рассмотрим, как цифровизация воздействует на разные сферы общественной жизни и непосредственно на человека.

Влияние цифровизации на экономическую сферу

Цифровизация оказывает значительное влияние на экономическую сферу, создавая новые возможности для бизнеса, изменяя структуры рынков и изменяя традиционные модели работы. Этот процесс охватывает широкий спектр аспектов, включая производство, финансы, розничную торговлю и даже государственное управление. Можно выделить несколько ключевых направлений влияния цифровизации на экономику:

1. Автоматизация и повышение производительности. Одним из основных эффектов цифровизации является автоматизация процессов, что приводит к росту производительности. Современные технологии, такие как искусственный интеллект (ИИ), машинное обучение, Интернет вещей (IoT) и роботизация, позволяют существенно сократить время и затраты на выполнение множества задач. В производственном секторе автоматизация помогает оптимизировать цепочки поставок, улучшить качество продукции и снизить стоимость производства.

2. Новые бизнес-модели и предпринимательство. Цифровизация открывает новые возможности для создания инновационных бизнес-моделей. Платформенные компании, такие как Uber, Airbnb, Amazon и другие, стали символами изменений, происходящих в глобальной экономике. Эти компании предоставляют товары и услуги через цифровые платформы, что позволяет снизить транзакционные издержки и создать гибкие модели сотрудничества между участни-

ками рынка. В свою очередь, это ведет к развитию малого и среднего бизнеса, поскольку доступ к технологиям и рынкам стал более легким.

3. Цифровизация финансовых услуг (финансовые технологии). Цифровизация изменяет и финансовый сектор. Развитие финансовых технологий (финтех) приводит к появлению новых форм финансовых услуг, таких как мобильные платежи, криптовалюты, блокчейн и кредитование через платформы. Это позволяет людям и компаниям быстрее и удобнее проводить финансовые операции, а также предоставляет доступ к кредитованию для тех, кто ранее был исключен из традиционной банковской системы. В некоторых странах цифровизация финансов способствует улучшению финансовой инклюзии.

4. Снижение барьеров для входа на рынки. Цифровизация значительно снижает барьеры для входа на рынки. Малые компании и стартапы могут использовать облачные технологии, социальные сети и цифровые каналы для привлечения клиентов и продвижения товаров. Это делает предпринимательство доступным для большего числа людей, способствует повышению конкуренции и снижению цен на товары и услуги.

5. Управление данными и аналитика. Данные становятся новым ресурсом для бизнеса. С помощью цифровых технологий компании могут собирать, обрабатывать и анализировать огромные объемы информации, что позволяет принимать более обоснованные и своевременные решения. Аналитика данных помогает не только оптимизировать внутренние процессы, но и предсказывать изменения в потребительских предпочтениях, разрабатывать персонализированные предложения и улучшать клиентский опыт.

6. Рабочие места и изменение рынка труда. Цифровизация меняет рынок труда, создавая новые профессии и меняя требования к работникам. Специалисты в области ИТ, аналитики данных, разработчики программного обеспечения и кибербезопасности становятся все более востребованными. Вместе с тем автоматизация и роботизация могут привести к сокращению рабочих мест в традиционных секторах экономики, таких как производство и логистика. Это поднимает вопросы о необходимости переподготовки работников и социальной адаптации.

7. Глобализация и международная торговля. Цифровизация способствует усилению глобализации. Компании могут работать на международных рынках, не имея физических офисов в разных странах, благодаря цифровым платформам, электронным платежным системам и онлайн-коммуникациям. Это снижает издержки на выход на международные рынки и ускоряет обмен информацией и товарами по всему миру [9].

Влияние цифровой культуры на коммуникацию

Развитие Интернета, социальных сетей, мобильных технологий и различных цифровых платформ изменило характер коммуникации и ее роль в нашей повседневной жизни, приобретаются и осваиваются новые ценности и навыки общения [10, с. 246]. Рассмотрим, как цифровая культура влияет на способы общения, особенности взаимодействия и возникающие вызовы [11, с. 58].

1. Ускорение и доступность коммуникации. Одним из самых очевидных влияний цифровой культуры на коммуникацию является ускорение взаимодействия между людьми. Благодаря Интернету и мобильным технологиям, мы можем общаться в любое время и в любом месте. Электронная почта, мессенджеры, социальные сети и видеоконференции позволяют мгновенно обмениваться информацией, что значительно повышает эффективность коммуникации. Люди могут поддерживать связи даже находясь на расстоянии тысяч километров друг от друга, а важные события и новости распространяются с небывалой скоростью.

2. Развитие новых форм общения. Цифровая культура способствует появлению новых форм и каналов общения. Например, социальные сети, такие как Facebook, Instagram, Вконтакте и Twitter, предлагают платформы для общения не только с друзьями и близкими, но и с общественностью. Подкасты, блоги и видеоблоги становятся средствами самовыражения и платформами для обмена идеями и мнениями. Такие новые формы общения часто сочетают текст, изображения, видео и аудио, что делает взаимодействие более разнообразным и многогранным.

Кроме того, развитие искусственного интеллекта, чат-ботов и виртуальных ассистентов способствует появлению новых способов взаимодействия с технологиями. Система голосового ввода, чат-боты для автоматической помощи пользователям и аналитические алгоритмы начинают играть важную роль в цифровой коммуникации.

3. Демократизация коммуникации. Цифровая культура разрушает традиционные барьеры в коммуникации. Ранее для распространения информации или общения с широкой аудиторией необходимо было иметь доступ к массовым медиа, таким как телевидение, радио или газеты. Теперь благодаря интернет-платформам каждый человек может стать автором контента и донести свою точку зрения до миллионов людей. Это открыло новые возможности для различных групп и индивидов, позволяя каждому стать частью глобального разговора [12, с. 67-68].

Примером этого является рост гражданской журналистики и активизма, где обычные пользователи могут освещать события, делиться новостями и создавать общественные движения, используя доступные цифровые инструменты.

4. Изменение межличностной коммуникации. Цифровая культура также привела к значительным изменениям в межличностной коммуникации. С появлением мессенджеров и социальных сетей мы общаемся с друзьями и коллегами, не покидая наших домов или рабочих мест. Однако этот процесс не всегда является безупречным. Например, общение через текстовые сообщения или электронную почту лишает нас невербальных сигналов, таких как мимика и жесты, которые часто играют важную роль в передаче эмоций и интонации.

Кроме того, в цифровом общении часто отсутствует физический контакт, что может снижать качество связи и воспринимаемое эмоциональное вовлечение. На этом фоне возникает явление «цифровой изоляции», когда люди, несмотря на активное использование технологий, могут чувствовать себя одиночеством, так как не получают полноценной эмоциональной связи с окружающими [13, с. 109].

5. Культурные и языковые барьеры. Цифровая культура способствовала глобализации, благодаря чему люди из разных уголков мира могут общаться и обмениваться опытом. Тем не менее этот процесс также выявил важные культурные и языковые барьеры. Интернет-ресурсы и приложения зачастую ориентированы на западную аудиторию, что может ограничивать доступ к информации для людей с различными культурными традициями.

Кроме того, язык, используемый в цифровой культуре, часто отличается от традиционного. В социальных сетях и мессенджерах популярны аббревиатуры, смайлики и даже мемы, что порой затрудняет взаимопонимание между людьми из разных культур и поколений. Этот феномен приводит к формированию новых форм «цифрового языка», который сочетает в себе элементы сленга, креативности и краткости.

6. Проблемы конфиденциальности и безопасности. Цифровая культура также вносит свой вклад в возникновение новых вызовов, таких как проблемы конфиденциальности и безопасности. Личное общение и обмен информацией через Интернет создают риски утечек данных, кражи личной информации и взлома аккаунтов. Социаль-

ные сети, платформы обмена сообщениями и другие цифровые каналы становятся объектами для атак хакеров и распространения фейковой информации.

Многие пользователи не осознают в полной мере риски, связанные с обменом личной информацией в Интернете. Это приводит к необходимости разработки новых стандартов безопасности и законодательных мер по защите данных.

Влияние цифровой культуры на образование

Цифровая культура, охватывающая использование технологий, Интернета, социальных сетей и цифровых медиа в повседневной жизни, значительно преобразует образовательный процесс. Влияние цифровой культуры на образование многогранно и оказывает как положительные, так и отрицательные последствия, меняя как методы преподавания, так и восприятие учебного материала.

1. Доступ к знаниям и образовательным ресурсам. Одним из самых очевидных преимуществ цифровой культуры является улучшение доступа к знаниям. Интернет открыл безграничные возможности для самообразования и поиска информации. Платформы, такие как Coursera, Khan Academy, edX и другие, позволяют людям со всего мира получать доступ к курсам, лекциям и учебным материалам ведущих университетов и специалистов. Цифровые библиотеки и ресурсы, такие как Google Scholar, делают научные статьи и исследования доступными без необходимости посещать библиотеки или университеты.

Цифровая культура также способствует росту интерактивных форматов образования. Виртуальные классы, онлайн-курсы, обучающие видеоматериалы и подкасты, позволяют учащимся адаптировать процесс обучения под свои предпочтения и темпы.

2. Персонализация обучения. Цифровые технологии позволяют сделать образовательный процесс более персонализированным. Современные образовательные платформы используют алгоритмы для анализа успеваемости студентов и предлагают материалы, соответствующие их уровням знаний. Это позволяет учащимся работать в своем собственном темпе, а преподавателям — лучше отслеживать успехи и проблемы каждого ученика.

Кроме того, новые образовательные технологии способствуют развитию адаптивных систем, которые могут подстраиваться под различные стили обучения. Например, использование искусственного интеллекта для создания индивидуализированных планов обучения помогает устранить проблемы с усвоением материала, такие как разница в уровне знаний учеников [14, с. 12-13].

Цифровая трансформация на сегодняшний день не обходит ни один вуз страны, как правило, это связано с реализуемой государственной программой поддержки университетов Российской Федерации «Приоритет – 2030» [15, с. 191].

3. Интерактивность и геймификация. Современные образовательные технологии активно используют геймификацию и элементы игр для повышения вовлеченности учащихся. Интерактивные задания, викторины, конкурсы и обучающие игры становятся неотъемлемой частью образовательных платформ. Это позволяет сделать процесс обучения более увлекательным и мотивирующим.

Геймификация помогает не только удерживать внимание студентов, но и развивает такие навыки, как критическое мышление, командная работа и принятие решений. Виртуальные симуляторы и тренажеры могут применяться для изучения сложных дисциплин, таких как медицина, инженерия, экономика.

4. Изменение роли преподавателя. Цифровая культура также приводит к изменению роли преподавателя. В традиционном обучении учитель был главным источником информации, в то время как в цифровую эпоху преподаватели скорее становятся наставниками и кураторами.

Современные педагоги должны уметь использовать цифровые ресурсы, адаптировать их под нужды учащихся и направлять учеников в поисках информации.

Учителя становятся фасилитаторами учебного процесса, создавая условия для самостоятельного поиска знаний, критического мышления и проектной деятельности. Использование технологий позволяет проводить более интерактивные и динамичные уроки, где студенты активно участвуют в процессе.

5. Влияние на социальные и когнитивные навыки. Цифровизация имеет не только положительное, но и потенциально негативное влияние на развитие учащихся. Чрезмерное использование цифровых технологий может приводить к снижению социальных навыков, так как учащиеся начинают уделять больше времени виртуальной реальности, чем общению с окружающими [16, с.87-88].

Кроме того, есть опасения, что цифровые технологии могут влиять на концентрацию внимания, так как частые переключения между различными источниками информации могут мешать углубленному анализу и размышлениям. Это связано с многозадачностью современного поколения в условиях цифрового образа жизни [17, с. 271-272].

6. Образование для всех – инклюзивность и доступность. Цифровая культура способствует демократизации образования, предоставляя доступ к знаниям людям с ограниченными возможностями, а также жителям удаленных и бедных районов. Онлайн-образование снимает барьеры, связанные с географическим положением, социальным статусом и физическими ограничениями.

Существуют программы и приложения, которые помогают учащимся с нарушениями слуха, зрения или речи получать образование, адаптируя материалы под их потребности. Это позволяет создать более инклюзивную образовательную среду, где каждый человек имеет возможность учиться и развиваться.

7. Проблемы безопасности и этики. Цифровизация образования сопряжена с рядом проблем, связанных с безопасностью данных, этическими вопросами и рисками киберугроз. Учебные заведения сталкиваются с необходимостью защиты личной информации учащихся, а также предотвращения несанкционированного доступа к онлайн-ресурсам и платформам.

Кроме того, в условиях цифровой культуры возрастает проблема цифрового неравенства: не все учащиеся имеют доступ к современным гаджетам, Интернету и качественным образовательным ресурсам. Это может создавать дополнительные социальные и экономические барьеры [13, с.7-8].

В своих исследованиях авторы также отмечают, что зачастую удобство и быстрое распространение цифровизации приводит к «умиранию» студента как творческой личности [18, с. 3], что может привести к страшным и необратимым изменениям как всего образа жизни человека, так и его психики [19, с. 63; 20].

Выводы

Цифровая культура в информационном обществе стремительно проникает во все сферы человеческой жизни, изменяя тем самым экономику, образование, формы коммуникации, трудовую деятельность. И в этом стремительном потоке информации человеку необходимо быстро ориентироваться и приспосабливаться к новым реалиям жизни, учиться находить нестандартные решения в некоторых ситуациях.

Мы выяснили, что цифровизация оказывает глубокое влияние на экономику, стимулируя рост производительности, открывая новые возможности для бизнеса и изменяя традиционные структуры рынка. В то же время этот процесс вызывает новые вызовы, такие как необходимость адаптации рабочих мест и образования, а также управление большими объемами данных. В целом цифровизация становится основным двигателем

современных экономических изменений, и те компании и страны, которые успешно интегрируют цифровые технологии, смогут достичь значительных конкурентных преимуществ.

Также цифровая культура оказала глубокое влияние на коммуникацию, сделав ее более доступной, разнообразной и глобальной. Тем не менее она также породила новые вызовы, такие как изменение межличностных связей, сохранение конфиденциальности и преодоление культурных барьеров. Важно учитывать как позитивные, так и негативные аспекты цифровой коммуникации, чтобы эффективно использовать ее возможности и минимизировать риски.

Можно сделать вывод, что цифровая культура оказывает глубокое влияние на образование, открывая новые горизонты для учащихся и преподавателей. Она способствует доступности знаний, персонализации обучения, улучшению качества образовательного процесса и созданию инклюзивной среды. Однако важно учитывать и риски, связанные с цифровыми технологиями, такие как проблемы безопасности данных и влияние на социальные навыки. Важно, чтобы образовательные учреждения и педагоги грамотно использовали цифровые инструменты, сочетая их с традиционными методами обучения, создавая гармоничную и эффективную образовательную среду.

Список литературы

1. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 18–19.

2. Тишина О. А. Цифровизация и ее влияние на социальное здоровье молодежи // Гуманитарные проблемы современности: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Юго-Западного государственного университета, г. Курск, 17–19 мая 2024 г. / Юго-Западный гос. ун-т. Курск, 2024. С.156-160.

3. Соколова Н.Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). С. 6–10.

4. Карпова Д. Н. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. № 1. С. 97–105.

5. Гир Ч. Цифровая контркультура // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 50-71.

6. Политов А. В. Опредмечивание человеческого сознания в современной цифровой компьютерной технократической культуре // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 2. С. 54-60.

7. Гнатышина Е. В., Саламатов А. А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 19-24.

8. Баева Л. В. Развитие системы электронной культуры и дифференциации современного социогуманитарного знания // Философские науки. 2018. № 6. С. 89–99.

9. Галкин Д. В. Digital culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). С. 11–16.

10. Килимова Л. В., Черкашин М. Д. Антиномичность социализации в пространстве цифровой культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 3. С. 244-255.

11. Тишина О. А. Цифровая культура как характеристика современности // Молодёжная политика и воспитание в современных условиях: сборник научных статей Международной научно-методической конференции, г. Гродно, 24-25 октября 2024 г. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2025. С. 56-59.

12. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2018. 375 с.

13. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 6-10.

14. Сергейчик Е. М. Речь, текст и образ в перспективе цифрового образования // Педагогика. 2020. № 1. С. 5-15.

15. Цифровая научно-образовательная среда университета: от теории к практике / А. П. Абрамов, В. А. Афанасьева, А. Ю. Супрун, М. А. Смирнова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 2. С. 186–197.

16. Прокудин Д. Е., Соколов Е. «Цифровая культура» vs «Аналоговая культура» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2013. № 4. С. 83-91.

17. Старицына О. А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. № 2 (23). С. 270-274.

18. Бурганова И. Н., Фарус О. А. Проблема цифровизации высшего образования в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 7 (133). С. 1-5.

19. Крамчанинова Н. В. Процесс цифровизации образования в системе социального знания // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2023. № 5. С. 61-65.

20. Викторова Е. В., Бадаева Е. В. «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве Интернет // Коммуникология. 2019. № 1. С. 100-112.

References

1. Schmidt E., Cohen J. The New Digital World: How Technology is Changing People's Lives, Business Models and the Concept of the State. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2013. P. 18-19. (In Russ.)

2. Tishina O.A. Digitalization and its impact on the social health of young people. In: *Gumanitarnye problemy sovremennosti: sbornik statei VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, g. Kursk, 17–19 maya 2024 g. = Humanitarian problems of our time: Collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of Southwest State University, 17-19 May 2024, Kursk.* Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet; 2024. P. 156-160. (In Russ.)

3. Sokolova N.L. Digital Culture or Culture in the Digital Age. *Mezhdunarod-nyi zhurnal issledovanii kul'tury = International Journal of Cultural Studies*. 2012;(3):6-10. (In Russ.)

4. Karpova D.N. Sociotechnical turn in the study of digitalization of society. *Vlast' = Power*. 2020;(1):97-105. (In Russ.)

5. Geer C. Digital counterculture. *Gumanitarnaya informatika = Humanitarian Informatics*. 2004;(1):50-71. (In Russ.)

6. Politov A.V. Defining human consciousness in modern digital computer technocratic culture. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law*. 2017;(2):54-60. (In Russ.)

7. Gnatyshina E.V., Salamatov A.A. Digitalization and formation of digital culture: social and educational aspects. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2017;(8):19-24. (In Russ.)

8. Baeva L.V. Development of the system of electronic culture and differentiation of modern socio-humanitarian knowledge. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*. 2018;(6):83–99. (In Russ.)

9. Galkin D.V. Digital culture: methodological issues of research of cultural dynamics from digital automata to techno-bio-creatures. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul'tury = International Journal of Cultural Studies*. 2012;(3):11-16. (In Russ.)

10. Kilimova L.V., Cherkashin M.D. Antinomy of socialization in the space of digital culture. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(3):244-255. (In Russ.)

11. Tishina O.A. Digital Culture as a Characteristic of Modernity. In: *Molodezhnaya politika i vospitanie v sovremennykh usloviyakh: sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, g. Grodno, 24-25 oktyabrya 2024 g. = Youth Policy and Education in Modern Conditions: Collection of Scientific Articles of the International Scientific and Methodological Conference, 24-25 October 2024, Grodno*. Grodno: GrGU im. Yanki Kupaly; 2025. P. 56-59. (In Russ.)

12. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Digital generation of Russia: competence and security. Moscow: Smysl; 2018. 375 p. (In Russ.)

13. Sokolova N.L. Digital Culture or Culture in the Digital Age? *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovanii kul'tury = International Journal of Cultural Research*. 2012;(3):6-10. (In Russ.)

14. Sergeichik E.M. Speech, text and image in the perspective of digital education. *Pedagogika = Pedagogy*. 2020;(1):5-15. (In Russ.)

15. Abramov A.P., Afanasyeva V.A., Suprun A.Y., Smirnova M.A. Digital scientific and educational environment of the university: from theory to practice. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(2):186-197. (In Russ.)

16. Prokudin D.E., Sokolov E. «Digital Culture» vs «Analog Culture». *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology*. 2013;(4):83-91. (In Russ.)

17. Staritsyna O.A. Clip thinking vs education. Who is to blame and what to do? *Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya = Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2018;(2):270-274. (In Russ.)

18. Burganova I.N., Farus O.A. The problem of digitalization of higher education in Russia. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2023;(7):1-5. (In Russ.)

19. Kramchaninova N.V. The process of digitalization of education in the system of social knowledge. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov = Economic and Humanities Research Regions*. 2023;(5):61-65. (In Russ.)

20. Viktorova E.V., Badaeva E.V. «New» and «old» sociocultural effects of information impact on personality in the Internet space. *Kommunikologiya = Communicology*. 2019;(1):100-112. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Тишина Ольга Александровна, преподаватель кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: paho193@mail.ru,
ORCID: 0009-0004-4534-236X

Olga A. Tishina, Lecturer of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: paho193@mail.ru,
ORCID: 0009-0004-4534-236X

Оригинальная статья / Original article

УДК 100.71

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-188-198

CC BY 4.0

Видеоигра как форма моделирования социальной реальности

Л. В. Килимова[1] ✉, М. Д. Черкашин[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Резюме

Актуальность *исследования определяется возрастающим влиянием современных игровых практик и их все более широким распространением в различных областях современной культуры. Этот игровой праксис деконструирует не только индивидуальное сознание, но и саму реальность, формируя в ней новые черты и свойства, ранее не являющиеся предметом изучения.*

Цель *работы заключается в выделении основных особенностей видеоигры как формы виртуального моделирования социальных процессов.*

Задачи *исследования: охарактеризовать игровой праксис как феномен цифровой культуры; выявить возможности видеоигры для исследования социальных процессов в управляемой среде.*

Методология. *Для выполнения поставленной цели использованы следующие методы: компаративный – для определения особенностей видеоигры, отличающейся от традиционной игры; диалектический метод, позволяющий понимать моделирование не только как метод познания, но и как процесс конструирования социальной реальности, имеющий свои этапы, цель, пространственно-временные характеристики и, главное, влияющий на окружающую социальную среду.*

Результаты. *Видеоигры в современной культуре выступают одним из главных признаков виртуального моделирования общества, направленного на конструирование социальной реальности посредством метода игры. Видеоигры синтезируют лучшие черты предыдущих форм игрового и художественного опыта. Они успешно интегрируют интерактивность традиционных игр с нарративными техниками литературы, кино и театра, создавая уникальный культурно-технический конгломерат.*

Выводы. *Видеоигры представляют сложный культурный феномен, формирующий особую цифровую реальность, которая находится на метауровне по отношению к реальному миру. Они формируют новые формы социального взаимодействия, стимулируют творчество и инновации, но одновременно несут в себе и потенциальные риски. Понимание этих нюансов является ключом к конструктивному использованию этой технологии и культурного явления, которое продолжает динамично развиваться, оказывая влияние на все больше аспектов нашей жизни, от образования до политики и экономики.*

Ключевые слова: *информационное общество; видеоигра; цифровая культура; виртуальная реальность.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Килимова Л. В., Черкашин М. Д., 2025

Для цитирования: Килимова Л. В., Черкашин М. Д. Видеоигра как форма моделирования социальной реальности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 188–198. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-188-198

Поступила в редакцию 18.02.2025 Принята к публикации 16.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Video game as a form of modeling social reality

Lyudmila V. Kilimova[1] ✉, Mikhail D. Cherkashin[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Abstract

The relevance *of the study is determined by the increasing influence of modern gaming practices and their increasingly widespread use in various areas of modern culture. This gaming praxis deconstructs not only individual consciousness, but also reality itself, forming new features and properties in it that have not been studied before.*

The purpose *of the work is to highlight the main features of a video game as a form of virtual modeling of social processes.*

Objectives: *Research objectives: to characterize gaming praxis as a phenomenon of digital culture; to identify the possibilities of a video game for studying social processes in a controlled environment.*

Methodology. *To achieve this goal, the following methods were used: comparative - to determine the features of a video game that differs from a traditional game; dialectical method, which allows us to understand modeling not only as a method of cognition, but also as a process of constructing social reality, which has its own stages, purpose, spatio-temporal characteristics and, most importantly, affects the surrounding social environment.*

Results. *Video games in modern culture are one of the main features of virtual modeling of society, aimed at constructing social reality through the method of play. Video games synthesize the best features of previous forms of gaming and artistic experience. They successfully integrate the interactivity of traditional games with narrative techniques of literature, cinema and theater, creating a unique cultural and technical conglomerate.*

Conclusions. *Video games are a complex cultural phenomenon that forms a special digital reality, which is at a meta-level in relation to the real world. They form new forms of social interaction, stimulate creativity and innovation, but at the same time they carry potential risks. Understanding these nuances is the key to the constructive use of this technology and cultural phenomenon, which continues to develop dynamically, influencing more and more aspects of our lives, from education to politics and economics.*

Keywords*: information society; video game; digital culture; virtual reality.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Kilimova L.V., Cherkashin M.D. Video game as a form of modeling social reality. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):188–198. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-188-198

Received 18.02.2025 Accepted 16.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Изобретение компьютеров и их выпуск в массовое производство радикально изменили как цивилизационную, так и культурную среду человека. Визуальная коммуникация охватила значительно более широкую аудиторию из-за отсутствия языковых и культурных барьеров. В условиях становления новых цивилизационных отношений меняется характер информационно-коммуникационного взаимодействия между людьми, что тре-

бует обогащения традиционных форм, методов и подходов к изучению социальных коммуникаций и работы с массовым сознанием.

Вместе с человеком и обществом переживают трансформации культурно-исторические универсалии, приобретая новые формы и сферы применения. Игра, которая, по мнению Й. Хейзинги, старше культуры, сопровождает человечество на протяжении всей истории его развития [1]. Человек всегда тяготел к воплощению различных видов своей деятельности в формы игрового поведения. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий компьютерные и видеоигры становятся не только высоко востребованным сегментом массовой культуры, но и важным коммуникативным инструментом инновационной экономики. Способность видеоигр обеспечивать высокие показатели привлеченности аудитории для решения рекламных и PR-задач сделала их привлекательным каналом для рекламных и пиар-коммуникаций.

Исходя из этих обстоятельств Т. А. Савицкая утверждает, что на волне «всеобъемлющей компьютеризации» игровые сервисы эволюционируют в универсальную платформу информационного обмена и коммуникации. Они активно продвигаются пользователям на различных устройствах: персональных компьютерах, игровых приставках, мобильных телефонах, игровых автоматах, а также через Интернет и социальные сети [2].

Развитие широкого спектра игровых технологий привело к формированию глобальной геймерской культуры, объединяющей виртуальные и невиртуальные игровые сообщества. В этой культуре наблюдается четкое разделение на виды интерактивных игр: от казуальных до киберспортивных соревнований, охватывающих весь спектр сложности и уровня вовлеченности.

Видеоигры стали полноценным объектом исследований только в конце 90-х годов XX века. Терминология большинства исследований о видеоиграх еще до конца не устоялась и в значительной степени является заимствованной из исследований искусства: кино, театра или литературы. Подобная оптика позволяет раскрыть определенные особенности видеоигры, но в таком случае игнорируются такие важные для видеоигр особенности, как интерактивность, изменчивость и симулятивность.

Анализируя научную литературу, выделим наиболее популярные темы изучения видеоигр: влияние видеоигр на психологическое развитие детей школьного возраста, игровая зависимость, использование компьютерных игр в сфере образования и науки и непосредственно прикладной аспект их разработки. Следует акцентировать внимание на том, что феномен видеоигр малоизучен именно как формы моделирования социальных процессов.

Целью исследования является выделение основных особенностей видеоигры как формы виртуального моделирования социальных процессов.

Задачи исследования: охарактеризовать игровой праксис как феномен цифровой культуры; выявить возможности видеоигры для исследования социальных процессов в управляемой среде.

Материалы и методы

Для решения поставленных задач использовались следующие методы: компаративный – для определения особенностей видеоигры, отличающейся от традиционной игры; диалектический метод, позволяющий понимать моделирование не только как метод познания, но и как процесс конструирования социальной реальности, имеющий свои этапы, цель, пространственно-временные характеристики и, главное, влияющий на окружающую социальную среду; метод научной абстракции, позволяющий выявить сущностные характеристики виртуальной реальности как модели.

Методологической основой данного исследования можно считать идеи и концепции, изложенные в работах российских и зарубежных исследователей. Так различные аспекты игры как феномена культуры и игровой деятельности исследовали следующие ученые: Й. Хейзинга [1], Р. Кайуа [3], Я. Богост [4], Е. Циммерман [5], А. С. Ветушинский [6], Л. А. Беляева, О. Н. Новикова [7; 8], М. В. Фоминых [9] и др.

Результаты и их обсуждение

Видеоигры, как и любое другое явление культуры, имеют свою историю. Их популярность исторически обусловлена многовековой привязанностью человечества к играм. В них играли представители древних цивилизаций, таких как греки и римляне. Однако современные игры в том виде, в каком мы знаем их сегодня, появились в 1940-х годах, когда был изобретен первый электронный компьютер. Только в 1950-х годах была создана первая игра – простые крестики-нолики. Но настоящий расцвет игровой индустрии начался в 1970-х годах, когда была выпущена первая домашняя консоль Magnavox Odyssey [10].

Появление персональных компьютеров в 1990-х годах ознаменовало новую эру в мире игр. Игры на ПК позволяли создавать более сложные игры с улучшенной графикой и продвинутым геймплеем. Компьютерные игры также позволили играть в многопользовательские онлайн-игры, что произвело революцию в игровой индустрии. Теперь люди могли играть в игры с другими игроками со всего мира, и это положило начало киберспорту.

Итак, с момента своего появления игровые индустрии прошли долгий путь и оказали значительное влияние на нашу культуру. Игровые индустрии стали не просто хобби, они стали образом жизни. Они повлияли на музыку, моду и даже на то, как мы общаемся друг с другом. Игровые индустрии стали отдельным языком со своими терминами и сленгом. В начале XXI в. они «стали заметным феноменом массовой культуры» [7]. Сегодня уникальные особенности подачи и организации материала позволяют компьютерным играм служить средством формирования исторического сознания и исторической памяти [11; 12].

Если говорить о признаках, присущих компьютерным играм, то здесь следует принять во внимание специфику игр в целом, ибо, несмотря на компьютеризацию, по сути, они остаются играми.

Первым, кто отметил влияние игры на психофизиологическое состояние человека, был Платон. В его диалогах: «Протагор», «Горгий», «Кратил», «Тимей», «Политик», «Законы» – понятие «игра» упоминается много раз. В своих трудах Платон выделял разные типы игр и характеризует основные ее черты: не приносит мудрости; лучшее средство для воспитания; наиболее присуще человеку; несерьезная; является самоцелью; всегда в движении; имеет четкие границы и правила; непредсказуемая и рискованная; свободна; всегда содержит творческую составляющую; благо для человеческой души [13].

Наиболее полно признаки игрового процесса были описаны Й. Хейзингой. Так же, как и Платон, Й. Хейзинга в своем классическом труде «Человек играющий» выделяет следующие черты игры: игра свободна; выводит за рамки обыденности; имеет измерительно-временную замкнутость; структурно упорядоченная; повторяющаяся и вариативная; имеет «реальность» игровых предметов; переживание напряжения и сил; имеет четкие правила и границы (магический круг); содержит риск [1].

Если еще добавить узкоспецифические черты, которые присущи только видеоиграм, то все будет зависеть от особенностей жанра и последующей классификации (типов, видов, разновидностей). Приведем основные отличия видеоигры от обычной игры, опираясь на рассмотрение игровых стратегий популярных ви-

деоигр: Mass Effect; Lineage 2; World of Warcraft; Perfect World; Diablo 2; «Ведьмак», «Загадочный дом», и др.). Эти компьютерные игры характеризует:

– многоуровневость действий с повышением уровня сложности. Каждая компьютерная игра содержит элемент повышения сложности для того, чтобы не потерять интерес игрока;

– иерархичность системы мотивационного поощрения. Единственные реальные игры, где присутствуют вознаграждения, – спортивные, однако победитель может быть только один. Это несправедливо для компьютерных игр, где есть много победителей и много разных призов;

– эстетичность графической архитектуры. Эстетичность каждой компьютерной игры основывается на качестве графической оболочки. С каждым годом игры все больше начинают напоминать фильмы, графика становится все сложнее, а игроки требовательнее;

– использование аватара как формы сетевой идентичности.

Как специфический феномен и артефакт культуры видеоигра является культурным текстом. У каждого культурного текста есть своеобразные практики их восприятия. В этом аспекте видеоигры предлагают более разнообразные практики, чем кино, литература или классический театр, поскольку содержат элементы всех указанных выше практик, и каждый способ потребления видеоигрового продукта связан с посредниками, внедряющими опыт видеоигры. Устройства виртуальной и дополненной реальности, которая является подмножеством широкого понятия «виртуальной реальности», влияют на восприятие окружающего пространства, перерабатывая или модифицируя его на свой манер.

Можно сказать, что как привычная видеоигра, так и игра с помощью специальной дополнительной технологии проходит в виртуальной реальности (хотя сама игра делает эту реальность актуальной). Фундаментальная разница между ними проходит в рамках иммерсивности, то есть погружения в игровой процесс. Понимание имерсивности является важным в контексте медиакультуры, так как с появлением новых посредников трансформируется и опыт игрока, его способы познания окружающего мира.

В практике современной игровой индустрии, когда речь идет об обычных видеоиграх, уже редко используют словосочетание «виртуальная реальность», оставляя монополию для этого термина только для продуктов имерсивной виртуальной реальности, поскольку видеоигры являются таким явлением, которому виртуальность имманентна.

Если типичная игра доцифровой эпохи была имитацией и держалась на внешней схожести с референтом, то игра цифровой эпохи полностью полагается на симуляцию, где определенные действия или вещи убедительно моделируются, оставляя от референта только образ, симулякр. При этом компрометируется воображение игрока. Исчезает необходимость представлять палку мечом, ведь меч игрок уже имеет в виду конкретной модели – как графической репрезентации оружия, так и репрезентации его действия. Если в некоторых отвлеченных жанрах видеоигр конкретностью моделей можно пренебречь, то о большинстве видеоигр с поддержкой устройств VR такого сказать нельзя. И прежде всего, эта конкретность касается модели человеческого движения, которая должна быть убедительной, так как некорректная модель движения не только приводит к нарушению «погружения» в игру, но и вызывает физиологическое отторжение. Поэтому в ряде видеоигр движение игрового персонажа ограничено движениями головы и руки. Вместо виртуальных ног, позволяющих менять позицию игрока в игровом мире, такие проекты часто используют дискретное движение телепортационным методом. Благодаря этому компромиссу человеческое тело в виртуальной вселенной получает форму вирту-

ального духа, который может материализоваться там, где ему вздумается с виртуальными протезами вместо ног – маклюеновская теория медиа, доведенная до абсурда.

Важной составляющей иммерсивности в игровых проектах, посвященных свиданиям, является эффект присутствия. Данное свойство VR позволяет участнику почувствовать себя в виртуальном мире как в реальном. Как отмечает австралийский исследователь Д. Э. Бейли, хотя VR и дает почувствовать почти полный эффект присутствия, физические ощущения, в частности гаптические, т. е. ощущение прикосновения, почти не представлены. Сегодня существуют некоторые разработки устройств, способных передавать прикосновение, но большинство из них носят экспериментальный характер [14, с. 127]. На сегодняшний день еще не существует ни одного сервиса виртуальных знакомств, большинство с видеоигр подобного плана рассчитаны на одного игрока, но перспектива появления подобных проектов очевидна.

Технология виртуальной реальности в сегодняшнем ее состоянии является еще не до конца сформированным инструментом, подтверждающим большое количество проектов от независимых разработчиков, больше напоминающих демонстрационный продукт, в котором технология проходит «обкатку», чем полноценные игры [15]. Данные проекты направлены, прежде всего, на усовершенствование имеющихся способов взаимодействия с данной технологией. Между телом игрока и аватара в игре уже нет такой пропасти взаимодействия между компьютером и человеком, потому что тело само по себе стало интерфейсом. Это расширило возможности видеоигры, позволив реализовать разновидность традиционных игр, называемых «играми-головокружением» (illinx). В перспективе данная технология может стать революционной в отношениях между человеком и машиной, еще больше стирая границы их взаимодействия, или как минимум стать основой для образования новых сообществ, которые смогут полноценно использовать виртуальные площадки для реализации потребностей в общении и творчества.

Не менее популярна технология «дополненной реальности». Один из наиболее известных примеров в массовой культуре использования «дополненной реальности» обнаруживается в фантастическом кинофильме «Робокоп» П. Верговена. Полисмен, который был убит, а затем как эксперимент оживлен с помощью кибертела, видит мир сквозь призму дополненной реальности – привычные вещи получают измерение компьютерного интерфейса. Сегодня любому владельцу смартфона с соответствующим программным обеспечением открыто подобное видение окружающего мира, и видеоигры здесь могут стать шагом для натурализации такой точки зрения.

В общем виде явление «дополненной реальности» является подвидом более широкого класса «виртуальной реальности», отличающегося характером реальности, с которой взаимодействует пользователь и устройства, с помощью которых получается необходимый эффект. Если в «виртуальной реальности» пользователь имеет дело с вполне вымышленным миром, реализуемым с помощью компьютерных технологий, то дополненная реальность реализует взаимодействие с реальным миром, добавляя к нему виртуальный интерфейс. Если устройства «виртуальной реальности» упрощают интерфейс взаимодействия игрока с внешним миром до как можно более естественного, для чего, например, используются различные датчики движения, передающие состояние игрока в виртуальном мире, то «дополненная реальность», наоборот, вводит дополнительный интерфейс при взаимодействии и в привычных, «реальных» вещах появляются дополнительные компьютероцентрические интерфейсы.

Игры «виртуальной» и «дополненной реальности» предлагают игрокам необычный опыт большего погружения в смоделированный игровой мир, который все больше ориентируется на телесность и актуальный чувственный опыт человека, еще сильнее размывая границу между игрой и не игрой.

Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что компьютерные игры стали трендом глобальной массовой культуры и позволяют моделировать социальную реальность, формировать идентичность и управлять сознанием индивидов. Распространяется также их культуроформирующая функция, так как каждая видеоигра – это своеобразное социокультурное пространство с собственными обычаями, символами, традициями, политическими и экономическими факторами, во многом отражающими существующую реальность. С социокультурной точки зрения видеоигры являются важным репрезентативным феноменом электронной культуры, непосредственно связанной с интенсификацией технического прогресса и развитием компьютерных и интернет-технологий. Они изменили структуру общества и привели к жизни новые субкультуры сетевых игроков, создали новые традиции и ритуалы, сформировали новые поведенческие и коммуникативные стили.

Многочисленные социологические исследования демонстрируют, что стремительный рост популярности компьютерных игр в массовой культуре обусловлен их присущими характеристиками: предоставлением свободы выбора и действий, наличием творческого потенциала, эстетическим оформлением, способностью к символическому преобразованию окружающей среды, определенным временными и пространственными рамками, а также установлением правил, диктующих специфический режим игры [16].

Игра может быть интерпретирована как проект, формирующийся на подсознательном уровне у человека. Эта концепция находит яркое отражение при анализе игрового моделирования с точки зрения его новаторского потенциала [17, с. 103].

Таким образом, видеоигры – это не просто развлечение, а сложный культурный феномен, формирующий особую цифровую реальность, которая находится на метауровне по отношению к реальному миру. В отличие от традиционных игр видеоигры создают виртуальную среду, обладающую уникальной степенью отчужденности. Получается своего рода «удвоение виртуализации», позволяющее игроку пережить совершенно новые формы социального взаимодействия и самовыражения, недоступные в «первичной» реальности. Эта «вторичная» виртуальность, создаваемая информационными технологиями, оснащается собственными социальными структурами, экономическими системами, политическими идеологиями, которые могут быть как отражением реального мира, так и его сатирическим или утопическим переосмыслением [18]. Видеоигры синтезируют лучшие черты предыдущих форм игрового и художественного опыта. Они успешно интегрируют интерактивность традиционных игр (настольных, народных) с нарративными техниками литературы, кино и театра, создавая уникальный культурно-технический конгломерат. Важно подчеркнуть, что эта интерактивность не ограничивается линейными сюжетными линиями. Более того, видеоигры обладают собственной темпоральностью. Время в игре может течь со своей скоростью, быть ускоренным или замедленным, прерываться и возобновляться в зависимости от действий игрока. Это создает особую атмосферу погружения и отрыва от реального мира. В соответствии с теорией Й. Хейзинга игра представляет собой акт «исправления» реальности, позволяющий испытать новые ощущения и возможности. Джейн Макгонигал развивает эту мысль, подчеркивая положительные социальные аспекты

игр, способность видеоигр объединять людей, развивать командный дух, решать сложные задачи в коллаборации [19].

Однако нельзя не отметить и риски, связанные с чрезмерным увлечением видеоиграми. Как отмечал Ветушинский, исчерпание креативного потенциала воображения может привести к зависимости и эскапизму – попыткам убежать от реальности в виртуальный мир, избегая решения насущных проблем [6].

Доказано, что видеоигры влияют на когнитивное развитие как положительно, так и отрицательно. Исследования также показали, что видеоигры, особенно те, которые требуют стратегии, критического мышления или принятия сложных решений, могут улучшать когнитивные способности. Например, доказано, что участие в видеоиграх может улучшать исполнительные функции, такие как внимание, планирование и решение задач [20]. Такие навыки необходимы в академической среде и при социальном взаимодействии. Это связано с тем, что они помогают людям лучше организовывать задачи, концентрировать внимание и своевременно принимать решения.

Однако не все аспекты видеоигр полезны для когнитивного развития. Определенные изменения в когнитивном развитии могут негативно сказаться на таких областях развития, как решение задач, концентрация внимания и принятие решений. Видеоигры с высокой вероятностью вызывают привыкание, что дополнительно связано с некоторыми когнитивными нарушениями и отклонениями в развитии. Доказано, что у студентов, зависимых от видеоигр, часто снижается концентрация внимания и контроль над импульсами, что может привести к множеству негативных последствий в их жизни [21]. Влияние видеоигр на когнитивное развитие в конечном счете зависит от типа игр, времени, проведенного за игрой, и баланса между виртуальной и реальной деятельностью.

Таким образом, компьютерные игры получили особое развитие в социуме. Сегодня видеоигры дают право обращаться к важным вопросам, которые являются табуированными в мейнстримных медиа, в частности связанных с этическими проблемами, формированием специфической идентичности. Возможность выбора в видеоигре делает их гибким инструментом для поднятия этических вопросов, а так называемые независимые игры имеют возможность поднимать эти вопросы более акцентированно. В условиях неопределенности, социальных потрясений и кризисов люди склонны к поиску новых форм социальной реальности, в этом случае компьютерные игры предоставили возможность моделирования таких реалий.

Выводы

Несмотря на общий генезис с традиционной игрой, видеоигры представляют отдельный вид современной медиакультуры, который постоянно обновляется в соответствии с трансформациями в обществе, помогает освоению человека в современном мире. В частности, определено, что точкой различия традиционной игры и видеоигры становится ее зависимость от той технологии, которая используется для взаимодействия игрока и игры.

Вопреки тому, что видеоигры имеют своих авторов, иногда структура самой видеоигры способствует игрокам выходить за рамки того, что предлагается разработчиками благодаря нестандартным тактикам в игре или ее модификации, что позволяет использовать любые радикальные сообщения и делиться ими с сообществом игроков.

В современной культуре видеоигра функционирует не только как инструмент для эскапизма, но и для обращения к реальности. Интерактивная природа видеоигр предлагает другим способом постичь реальные события: особенность видеоигры, которая часто для этого используется, называется «процедурной риторикой».

Культурный потенциал подобного метода с учетом простоты создания таких игр трудно переоценить, так как видеоигра позволяет сделать убедительное высказывание по поводу текущих событий. Оно будет основываться не на вербальном убеждении (хотя некоторые игры по поводу текущих событий используют и их), а по убеждению опытом благодаря представлению интерактивных моделей определенных систем.

Видеоигры, ставшие в последнее время частью жизнедеятельности человека, особенно молодежи, создают модель, прототипом которой является не только реальное общество, но часто литературные произведения, кино. Компьютерные игры приобрели настолько важное значение, что в наше время даже принято говорить о компьютерном моделировании, которое часто применяется с учебно-воспитательными целями. Именно с помощью компьютерных игр у личности формируются навыки моделирования образа новой социальной реальности, выхода из кризисных ситуаций. Поэтому мы можем анализировать компьютерные игры как агента первичной социализации и разрабатывать стратегию социализации личности с помощью обучающих компьютерных игр, сосредоточенных на традиционных ценностных ориентациях.

Список литературы

1. Хейзинга Й. Homo Ludens // Человек играющий: статья по истории культуры. М.: Айрис пресс, 2003. 486 с.

2. Савицкая Т. Е. Компьютерные игры: шаг к культуре будущего? // Культура в современном мире. 2012. № 4. С. 5.

3. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. М.: О.Г.И, 2007. 302 с.

4. Богост Я. Бардак в видеоиграх // Логос. 2015. Т. 25, № 1 (103). С. 79–99.

5. Zimmerman E. Do Independent Games Exist? URL: http://www.ericzimmerman.com/s/indiegames.pdf (дата обращения: 17.01.2025).

6. Ветушинский А. С. Игродром: что нужно знать о видеоиграх и игровой культуре. М.: Эксмо, 2021. 272 с.

7. Беляева У. П. Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7, № 3. С. 91-104.

8. Беляева Л. А., Новикова О. Н. «Человек играющий» в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2, № 3. С. 82-95.

9. Фоминых М. В. Игра как социокультурный феномен. URL: https://cyberleninka.ru/.../igra-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-1 (дата обращения: 17.01.2025).

10. Maggioli R. The cultural significance of games and their evolution over the years. URL: https: //landing.jobs/blog/gaming-culture-evolution/ (дата обращения: 17.01.2025).

11. Белов С. И. Видеоигры – инструмент формирования коллективных представлений о событиях прошлого, настоящего и будущего? // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды V Международной конференции (3-4 февраля 2022 г., г. Москва). М.: ИПМ им. М. В. Келдыша, 2022. С. 223-233.

12. Килимова Л. В., Черкашин М. Д. Историческая память как ресурс консолидации общества: проблемы и перспективы исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 6. С. 237-250.

13. Платон. Диалоги: Апология Сократа. Критон. Алкивиад 1. Евтифрон. Лисид. Ион. Протагор. Кратил. Федон. Пир. Федр. Государство. М.: Эксмо, 2009. 638 с.

14. Bailey D. E. The Potential for Immersive Technology combined with Online Dating // Australian Journal of Telecommunications and the Digital Economy. 2017. N 5(4). P. 125-135.

15. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.

16. Стоп игра?! Проблемы российского онлайн-гейминга // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stop-igra-problemy-rossiiskogo-onlain-geiminga (дата обращения: 17.01.2025).

17. Дудченко В. С., Макаревич В. Н. Игровые методы в социологии // Социологические исследования. 1990. № 12. С. 103-112.

18. Бибарсов Д. А. Теоретико-методологические проблемы исследования виртуальной игрофикации социальной реальности // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2023. № 4. С. 18-25.

19. Макгонигал Д. Реальность под вопросом. Почему игры делают нас лучше и как они могут изменить мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 384 с.

20. Relations between Video Game Engagement and Social Development in Children: The Mediating Role of Executive Function and Age-Related Moderation / Ke Xu, Shuliang Geng, Donghui Dou, Xiaocen Liu // Behav. Sci. 2023. N 13(10). P. 833. https://doi.org/10.3390/bs13100833

21. Comparing the Social Skills of Students Addicted to Computer Games with Normal Students / Bibi Eshrat Zamani, Ali Kheradmand, Maliheh Cheshmi, Ahmad Abedi // Addiction and Health. 2010. N 2(3-4). P. 59-65. https://doi.org/10.1016/S0924-9338(12)74212-8

References

1. Huizinga J. Homo Ludens. In: Man playing: an article on the history of culture. Moscow: Airis press; 2003. 400 p. (In Russ.)

2. Savitskaya T.E. Computer games: a step towards the culture of the future? *Kul'tura v sovremennom mire = Culture in the Modern World*. 2012;(4):5. (In Russ.)

3. Caillois R. Games and People; Articles and Essays on the Sociology of Culture. Moscow: O.G.I; 2007. 302 p. (In Russ.)

4. Bogost J. Mess in Video Games. *Logos = Logos*. 2015;25(1):79–99. (In Russ.)

5. Zimmerman E. Do Independent Games Exist? Available at: http://www.ericzimmerman.com/s/indiegames.pdf (accessed 17.01.2025).

6. Vetushinsky A.S. Igrodrom: what you need to know about video games and gaming culture. Moscow: Eksmo; 2021. 272 p. (In Russ.)

7. Belyaeva U.P. Video games as a technocultural phenomenon: history of formation and sociocultural significance. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nyye i gumanitarnyye issledovaniya = Scientific Result. Social and Humanitarian Research*. 2021;7(3): 91-104. (In Russ.)

8. Belyaeva L.A., Novikova O.N. «Man Playing» in the Postmodern Era. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2018;2(3):82-95. (In Russ.)

9. Fominykh M.V. Game as a sociocultural phenomenon. (In Russ.) Available at: https://cyberleninka.ru/.../igra-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-1 (accessed 17.01.2025).

10. Maggioli R. The cultural significance of games and their evolution over the years. Available at: https: //landing.jobs/blog/gaming-culture-evolution/ (accessed 17.01.2025).

11. Belov S.I. Video games – a tool for forming collective ideas about events of the past, present and future? In: *Proyektirovaniye budushchego. Problemy tsifrovoy real'nosti: trudy 5-y Mezhdunarodnoy konferentsii (3-4 fevralya 2022 g., g. Moskva) = Designing the future. Problems of digital reality: Proceedings of the 5th International Conference, 3-4 February 2022, Moscow*. Moscow: IPM im. M.V. Keldysha; 2022. P. 223-233. (In Russ.)

12. Kilimova L.V., Cherkashin M.D. Historical memory as a resource for consolidation of society: problems and prospects of research. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(6):237-250. (In Russ.)

13. Platon. Dialogues: Apology of Socrates. Crito. Alcibiades 1. Euthyphro. Lysis. Ion. Protagoras. Cratylus. Phaedo. Feast. Phaedr. State. Moscow: Eksmo; 2009. 638 p. (In Russ.)

14. Bailey D.E. The Potential for Immersive Technology combined with Online Dating. *Australian Journal of Telecommunications and the Digital Economy*. 2017;(5):125-135.

15. Ivanov D.V. Virtualization of society. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye; 2000. 96 p. (In Russ.)

16. Stop the game?! Problems of Russian online gaming. VTsIOM. (In Russ.) Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stop-igra-problemy-rossiiskogo-onlain-geiminga (accessed17.01.2025).

17. Dudchenko V.S., Makarevich V.N. Game methods in sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*. 1990;(12):103-112. (In Russ.)

18. Bibarsov D.A. Theoretical and methodological problems of studying virtual gamification of social reality. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya = VSU Bulletin. Series: Philosophy*. 2023;(4):18-25. (In Russ.)

19. McGonigal D. Reality in Question. Why Games Make Us Better and How They Can Change the World. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2018. 384 p. (In Russ.)

20. Ke Xu, Shuliang Geng, Donghui Dou, Xiaocen Liu. Relations between Video Game Engagement and Social Development in Children: The Mediating Role of Executive Function and Age-Related Moderation. *Behav. Sci*. 2023;13(10):833. https://doi.org/ 10.3390/bs13100833

21. Bibi Eshrat Zamani, Ali Kheradmand, Maliheh Cheshmi, Ahmad Abedi. Comparing the Social Skills of Students Addicted to Computer Games with Normal Students. *Addiction and Health*. 2010;(2):59-65. https://doi.org/10.1016/S0924-9338(12)74212-8

Информация об авторах / Information about the Authors

Килимова Людмила Викторовна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: lyuda-klv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8764-1641

Lyudmila V. Kilimova, Candidate of Sciences (Sociology), Head of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: lyuda-klv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-8764-1641

Черкашин Михаил Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: cherkashin07@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6972-2579

Mikhail D. Cherkashin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: cherkashin07@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-6972-2579

Оригинальная статья / Original article

УДК 159.9.01

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-199-211

CC BY 4.0

Феномен буллинга и его последствия: социально-философский дискурс

В. А. Белкина[1] ✉, О. А. Гримов[1], Д. С. Пашутко[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

Резюме

Актуальность. *Проблема буллинга как преднамеренного и систематического агрессивного поведения становится все более актуальной, привлекая внимание как исследователей, так и широкой общественности. В настоящее время в связи с ростом цифровых технологий трансформируются традиционные формы буллинга, появляется кибербуллинг, что требует переосмысления классических подходов к проблеме и разработки новых стратегий вмешательства. Изучение буллинга в социально-философском контексте может стать основой для проведения социальных преобразований, направленных на борьбу с агрессией и насилием в обществе, а также позволить разработку более эффективных подходов к его предотвращению и минимизации негативных эффектов.*

Целью *настоящей работы является социально-философский анализ феномена буллинга и его последствий.*

Задачи: *раскрыть концептуальные рамки анализа феномена буллинга, его форм и последствий; проследить особенности исторического развития понятия «буллинг»; выявить уровень знаний молодёжи о феномене буллинга; разработать рекомендации для улучшения осведомленности о буллинге и его предотвращения.*

Методология. *Исследовательские процедуры построены на синтезе теоретических положений философии, социологии и психологии, с использованием общенаучных методов сравнения, анализа и синтеза. Эмпирической базой настоящей работы являются результаты авторского социологического исследования, проведённого методом онлайн-опроса (N=150).*

Результаты. *В представленных материалах приведены результаты социально-философского анализа имеющихся научных представлений о феномене буллинга, а также количественных и качественных социологических замеров, позволивших определить уровень знаний молодого населения о данном явлении, его формах и последствиях.*

Выводы. *Многие люди не осознают серьезности последствий буллинга, которые могут возникнуть как для жертв, так и для агрессоров. Это подчеркивает значимость проведения социально-философского измерения данной проблемы и на его основе разработки и внедрения программ, направленных на повышение осведомленности о буллинге, а также на формирование навыков противодействия этому явлению.*

Ключевые слова: *буллинг; насилие; молодежь; осведомленность; последствия; социально-философский дискурс.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Белкина В. А., Гримов О. А., Пашутко Д. С. Феномен буллинга и его последствия: социально-философский дискурс // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 199–211. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-199-211

Поступила в редакцию 15.02.2025 Принята к публикации 12.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Белкина В. А., Гримов О. А., Пашутко Д. С., 2025

The bullying phenomenon and its consequences: socio-philosophical discourse

Victoria A. Belkina[1] ✉, Oleg A. Grimov[1], Darya S. Pashutko[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru

Abstract

Relevance. *The problem of bullying, as deliberate and systematic aggressive behavior, is becoming increasingly relevant, attracting the attention of both researchers and the general public. Currently, due to the growth of digital technologies, traditional forms of bullying are being transformed, cyberbullying is emerging, which requires rethinking classical approaches to the problem and developing new intervention strategies. The study of bullying in a socio-philosophical context can become the basis for social transformations aimed at combating aggression and violence in society, as well as allow the development of more effective approaches to its prevention and minimization of negative effects.*

The purpose *of this work is a socio-philosophical analysis of the phenomenon of bullying and its consequences.*

Objectives: *to reveal the conceptual framework for analyzing the phenomenon of bullying, its forms and consequences; to trace the features of the historical development of the concept of "bullying"; to identify the level of knowledge of young people about the phenomenon of bullying; to develop recommendations for improving awareness of bullying and its prevention.*

Methodology. *The research procedures are based on the synthesis of theoretical principles of philosophy, sociology and psychology, using general scientific methods of comparison, analysis and synthesis. The empirical basis of this work is the results of the author's sociological research conducted by online survey (N=150).*

Results. *The presented materials present the results of a socio-philosophical analysis of the available scientific ideas about the phenomenon of bullying, as well as quantitative and qualitative sociological measurements that made it possible to determine the level of knowledge of the young population about this phenomenon, its forms and consequences.*

Conclusions. *Many people do not realize the severity of the consequences of bullying, which can occur for both victims and aggressors. This underlines the importance of carrying out a socio-philosophical dimension of this problem and, based on it, developing and implementing programs aimed at raising awareness about bullying, as well as developing skills to counter this phenomenon.*

Keywords*: bullying; violence; youth; awareness; consequences; socio-philosophical discourse.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Belkina V.A., Grimov O.A., Pashutko D.S. The bullying phenomenon and its consequences: socio-philosophical discourse*. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):199–211. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-199-211

Received 15.02.2025 Accepted 12.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Феномен буллинга, т. е. систематических издевательств и унижений, в настоящее время широко распространен в социальной среде. Это серьезная проблема, наносящая вред не только самим жертвам, но и всему обществу в целом, подрывая его стабильность и устойчивость. Осознание и понимание всей негативной сущности буллинга имеет решающее значение для его предотвращения и борьбы с ним.

Наряду с развитием цифровых технологий и динамикой социальных норм [1] традиционные подходы к решению проблемы буллинга сталкиваются с многочисленными вызовами. Значимость образовательных и воспитательных про-

грамм, направленных на повышение осведомленности о явлении буллинга, не может быть переооценена. Эти программы должны включать не только информацию о наличии самой проблемы, но и ее пагубных последствиях, которые могут варьироваться от серьезных психологических травм до негативного влияния на морально-психологический климат в коллективах различных сфер деятельности.

Несмотря на растущее внимание исследователей и общественности к этой теме, существует недостаток глубокого социально-философского анализа феномена буллинга как формы социального насилия и его воздействия на жизнь отдельных индивидов, коллективов и общества в целом. Социально-философский дискурс предоставляет уникальную перспективу для лучшего понимания феномена буллинга, его причин и последствий, а также для разработки эффективных стратегий вмешательства.

Ощущается и нехватка конкретных социологических исследований по данной проблеме. Согласно имеющимся материалам, молодежь зачастую не в полной мере осознает серьезность ситуации, факторы риска и возможные последствия, что подчеркивает необходимость разработки эффективных стратегий информирования, воспитания и образования.

Таким образом, рассмотрение феномена буллинга и его последствий сквозь призму социально-философского дискурса может внести ценный вклад в общественное понимание сущности данного явления, его последствий и этических вопросов, связанных с ним. Социологическое изучение осведомленности молодежи о феномене буллинга также представляет собой важную задачу как для самих исследователей, так и для педагогов, психологов, социальных работников. Стратегическое сотрудничество всех заинтересованных сторон может привести к созданию комфортной и безопасной социокультурной среды, где каждый сможет реализовать свой личностный потенциал без страха перед насилием и унижением.

Материалы и методы

В процессе работы над исследованием мы будем опираться на положения из области философской и культурной антропологии, педагогической социологии и психологии молодежи. Теоретико-методологической базой данной статьи являются публикации российских и зарубежных исследователей, посвящённые анализу феноменологических, этических и педагогических аспектов феномена буллинга.

Эмпирической базой исследования являются данные авторского социологического исследования, проведённого методом онлайн-опроса (N = 150) в октябре 2024 года среди молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет в крупных городах России. Опрос проводился с использованием онлайн-платформы Google Forms, а также через социальные сети, такие как «ВКонтакте» и Telegram. Это позволило привлечь широкий круг респондентов и обеспечить многообразие мнений.

Таким образом, междисциплинарный комбинированный подход, основанный на качественных исследованиях и количественных данных, представляет собой надежную основу для формулирования выводов по проблеме буллинга и его пагубных последствиях в социально-философском измерении.

Результаты и их обсуждение

Феномен буллинга представляет собой серьезную социальную проблему, которая затрагивает как индивидуальные судьбы, так и общество в целом. В настоящее время данное явление рассматривается с различных точек зрения, включая этические, психологические и этические аспекты. Буллинг – это систематическое и агрессивное поведение, направленное на то, чтобы причинить физический, эмоциональный или социальный вред другому человеку. Этот термин произо-

шел от английского слова *bully*, которое означает «хулиган». Буллинг может проявляться в различных формах, включая физическое насилие (удары, толчки), вербальное оскорбление (уничижительные комментарии, угрозы), социальную изоляцию (игнорирование, исключение из группы) и кибербуллинг (агрессия через Интернет и мобильные устройства) [2].

Необходимо отметить, что на протяжении всей истории развития человеческого общества отдельные люди и группы проявляли агрессивное поведение по отношению к тем, кого они воспринимали как более слабых или отличающихся от других. Однако концепция издевательств начала формироваться только лишь в XX веке. В 1970-х и 1980-х годах исследователи начали изучать буллинг в школах и на рабочих местах. Они обнаружили, что буллинг является широко распространенным явлением, которое имеет серьезные последствия для своих жертв, включая депрессию, тревогу и низкую самооценку. Именно в это время концепция буллинга начинает теоретически оформляться и определяться [3].

Термин «буллинг» был впервые употреблен в 1970-х годах норвежским исследователем Даном Ольвеусом, который изучал этот феномен. Ольвеус определил буллинг как «ситуация, в которой ученик неоднократно подвергается негативным действиям со стороны одного или нескольких других учеников» [4]. Термин быстро распространился и стал использоваться для описания подобных форм агрессивного поведения в разных социокультурных средах. Сегодня буллинг трактуется как паттерн агрессивного поведения, который является преднамеренным, повторяющимся и предполагает дисбаланс сил между агрессорами и жертвами. Издевательства могут принимать различные формы, включая физические, вербальные и социально-эмоциональные, а также они могут происходить в самых разных условиях, включая образовательные учреждения, рабочие места и онлайн-среду.

Исследования феномена буллинга насчитывают несколько десятилетий и могут быть условно разделены на четыре волны. Первая волна началась в конце 1960-х годов, когда шведский врач Петер-Пауль Хайнеманн в 1969 г. опубликовал статью, посвященную проблеме травли в школьной среде. В 70-х годах норвежские ученые, такие как Д. Олвеус и А. Пикас, стали проводить масштабные исследования, рассматривая буллинг с биологической точки зрения, сравнивая его с процессами естественного отбора. Этот период был характерен формированием начального понимания проблемы и выработкой первых теоретических рамок [5].

Следующая волна исследований пришлась на 1980-е годы, когда внимание к буллингу в учебных заведениях стало расти. К этому времени подключились ученые из разных стран, и проблема стала более активно обсуждаться в научных кругах. Так, работы британских исследователей, таких как В. Бесаг и Д. Лэйн, начали привлекать внимание к условиям, в которых происходит травля, а также к его последствиям для всех участников процесса. В этот период буллинг стал рассматриваться не только как индивидуальная проблема, но и как социальное явление, затрагивающее широкий круг людей – от жертв до очевидцев [6].

К началу 2000-х годов научные изыскания в области буллинга приобрели самостоятельный статус во многом благодаря работе американского исследователя Сьюзан Пойер. Она обозначила буллинг как область, требующую дальнейших глубинных исследований, поднимая важные вопросы о последствиях этого явления для жертв и персон-агрессоров. Этот этап стал важным в период первых попыток стандартизации терминологии и определения ключевых понятий, связанных с буллингом [7].

Следует отметить, что российская наука накопила определенный теоретиче-

ский арсенал по вопросам педагогического воздействия на деструктивное поведение различных возрастных групп. Причем этот опыт был распространен со второй половины XX век и в европейских странах [8; 9].

Современные подходы к исследованию буллинга акцентируют внимание на различии его форм, например, традиционного буллинга и кибербуллинга. В свете цифровизации и распространения Интернета возникла необходимость в системном анализе кибербуллинга, который может осуществляться анонимно и часто остается незамеченным. Однако одно из самых серьезных последствий буллинга – это психологические проблемы, такие как депрессия и риск самоубийства у жертв. Эти аспекты настоятельно требуют внимания со стороны исследователей и практиков, так как они напрямую влияют на здоровье и психическое состояние [10].

Перспективы будущих исследований в этой области включают более детальное изучение эффективности существующих программ профилактики буллинга и их адаптации под культурные и социальные реалии различных стран. Например, в разных государствах борьба с буллингом осуществляется по-разному: Финляндия демонстрирует высокие показатели успешности в этом направлении, тогда как США и Канада сталкиваются со значительными трудностями. Важно исследовать, какие методики и подходы являются наиболее эффективными в разных контекстах и каким образом их можно адаптировать для повышения эффективности. Особенно актуальной становится необходимость разработки новых законодательных инициатив, направленных на профилактику буллинга. Обсуждаемое законодательство в России, например, может стать основой для создания более безопасной социокультурной среды. При этом исследования должны акцентироваться на уровне осведомленности молодежи о феномене буллинга, осознанию его последствий и способах противодействия [11].

Итак, исторический контекст исследований феномена буллинга показывает, как данное явление было осознано и изучено на различных этапах. От первых работ в конце 1960-х до современных исследований каждый период создает необходимую базу для дальнейших действенных мер и практических рекомендаций по минимизации буллинга в обществе [12].

В настоящее время буллинг признается серьезной проблемой общественного здравоохранения с негативными последствиями для психического, физического и социального здоровья не только непосредственно самих жертв, но и агрессоров [13]. С точки зрения социологии буллинг представляет собой серьезную социальную проблему, имеющую существенное значение в контексте взаимодействия между индивидами в обществе. Буллинг, чаще всего ассоциируемый с учебными учреждениями, включает в себя систематическое преследование и запугивание со стороны одного или нескольких агрессоров по отношению к жертве. Данная форма агрессии может негативно сказываться на психическом состоянии жертв, приводя к глубоким эмоциональным и психологическим травмам [14]. Исследователи подчеркивают, что осознание данной проблемы всеми членами общественной системы является важнейшим условием для разработки эффективных интервенционных программ, направленных на предупреждение и борьбу с буллингом [15].

Среди факторов, способствующих возникновению буллинга, можно выделить как индивидуальные личностные характеристики, так и социальные условия. К примеру, отношение одноклассников или коллег, включая наличие поддержки или её отсутствие, может оказывать решающее влияние на возникновение данной формы агрессии [16]. Для жертв буллинга характерна высокая степень стресса, что может приводить не только к снижению самооценки, но и к

серьезным психологическим нарушениям, таким как депрессия, тревожные расстройства и даже суицидальные наклонности. Например, множественные исследования показывают, что продолжительная травля может иметь эффект «снежного кома» на психическое здоровье, приводя к хроническим проблемам, которые могут сохраняться даже у взрослых, переживших буллинг в детстве.

Современные социокультурные аспекты буллинга включают в себя не только межличностные конфликты, но и влияние социокультурного контекста на проявления насилия в образовательных учреждениях и на рабочих местах. Это подчеркивает важность понимания буллинга как социального явления, которое глубоко интегрировано в коллективные и индивидуальные психосоциальные стратегии [17]. В рамках данного подхода выделяются несколько детерминант, влияющих на возникновение буллинга, включая персональные, организационные и социетальные факторы. Исследователи отмечают, что в условиях социальной аномии, описанной Э. Дюркгеймом, наблюдается рост случаев буллинга, что может быть связано с нестабильностью социальной среды и ослаблением социальных норм. В этом контексте теории стигматизации И. Гофмана также находят применение, позволяя осмыслить, как предвзятости и негативные ярлыки могут способствовать агрессивному поведению и маргинализации индивидов [18].

В настоящее время ключевым аспектом социокультурного запроса о буллинге выступает наличие факторов, способствующих возникновению агрессивного поведения, включая молодежную агрессию и воздействие цифровых технологий. Цифровая среда предоставляет не только платформу для выражения агрессии через кибербуллинг, но и способствует распространению токсичной культуры, где такие явления, как травля, становятся нормой. Специфика кибербуллинга как одна из форм буллинга подчеркивает связанные с этим аспекты анонимности и удаленности, что создаёт новые вызовы для образовательных и профессиональных сообществ [19].

Глубокие философские размышления о природе человеческих отношений и моральных обязательствах каждого из нас перед обществом, осознание природы и последствий буллинга могут способствовать принятию адекватных мер по формированию безопасной социокультурной среды. Открытое обсуждение проблемы, воспитание и обучение граждан методам предупреждения и предотвращения буллинга – это основные пункты, которые необходимо включить в планы по улучшению социально-психологического климата в коллективах [20].

Для предотвращения и минимизации проявлений буллинга важно учитывать социокультурные контексты и факторы, такие как самооценка жертв и уровень межличностной тревожности. Такие факторы, как переживание травма или участие в социально неактивных группах, могут привести к повышению фонового уровня агрессии. Исследования показывают, что агрессивное поведение часто является следствием неуверенности в себе и межличностных проблем, что демонстрирует необходимость формирования социально-психологической поддержки в группах [21].

Ключевая роль в предотвращении буллинга отводится образовательным учреждениям и работодателям, которые должны стремиться к созданию безопасной психосоциальной среды. Профилактика буллинга и моббинга должна базироваться на комплексном подходе, который учитывает специфику целевой аудитории и контекстуальные условия, при которых происходят агрессивные взаимодействия. Это означает активное вовлечение всех участников образовательного или трудового процесса в формирование культуры взаимопомощи и поддержания здоровья психологического климата [22].

Непрерывное образование и повышение уровня осведомленности о последствиях буллинга становятся необходимыми для всех возрастных и социальных групп. Лекционные курсы, тренинги и группы поддержки могут сыграть важную роль в эволюции понимания буллинга как социального явления и в формировании социальных норм, осуждающих агрессивное поведение. Важно, чтобы как на уровне индивидуального, так и на уровне сообществ существовали стратегии, направленные на минимизацию случаев буллинга и его последствий. Объединение усилий со стороны социальных институтов в этом направлении способствует созданию более позитивной и безопасной среды для всех участников [23].

Также необходимо учитывать мнения самих молодежных групп о том, что происходит в их окружении. Понимание их опыта, а также возможности вовлечения в программы профилактики может эффективно изменить взгляд на проблему буллинга и помочь в ее решении. Важно создать поддерживающую атмосферу в образовательных и профессиональных учреждениях, что также должно стать предметом дальнейших исследований.

С целью выявления уровня знаний молодежи о феномене буллинга, его формах и последствиях в октябре 2024 г. нами было проведено социологическое исследование методом онлайн-опроса. Общая численность участников составила 150 человек в возрасте от 18 до 35 лет, так как исследование носит разведывательный характер. Были опрошены мужчины и женщины в процентном соотношении 32:68, что связано со спецификой современной социокультурной ситуации.

Респондентам было предложено выбрать определение буллинга, которое наиболее точно характеризует сущность данного явления по их личному мнению. Наиболее популярным вариантом ответа стал «агрессивное поведение, совершаемое с целью запугать» – его отметили около 42% опрошенных. Варианты ответа «преднамеренное поведение, направленное на причинение вреда» и «систематическое причинение вреда другому человеку» отметили одинаковое количество респондентов – по 15% соответственно. Около 13% респондентов в качестве описания буллинга выбрали вариант ответа «попытка заставить чувствовать человека плохо или неловко», около 9% – «повторяющиеся акты различных видов насилия и издевательств» и около 6% – «планируемое насилие, прекращение которого требует третьих лиц».

В результате опроса мы выяснили, что что лишь небольшой процент респондентов (около 10%) лично сталкивались с буллингом. Важно отметить, что подавляющее большинство участников (около 90%) не имели прямого опыта столкновения с данной проблемой. Что касается косвенного опыта, то около 19% респондентов сообщили, что они становились свидетелями буллинга или знали о нем из вторых рук. Эти результаты свидетельствуют о том, что, хотя проблема буллинга является серьезной, большинство респондентов не испытали ее последствий непосредственно или косвенно. Тем не менее тот факт, что почти каждый пятый респондент сообщил о косвенном опыте буллинга, подчеркивает распространенность этого явления и настоятельную необходимость активных мер по его искоренению.

Согласно полученным нами данным, ни один из респондентов не признался в том, что когда-либо был буллером. Это обнадеживающий показатель, указывающий на то, что подавляющее большинство опрошенных осознает пагубные последствия буллинга и не практикует такой тип поведения. Однако важно признать, что даже единичный случай буллинга может иметь разрушительные последствия для пострадавшего. Можно говорить о том, что существует острая необходимость постоянной бдительности и активных мер для предотвращения буллинга и защиты потенциальных жертв.

Около 74% опрошенных респондентов, которые лично или косвенно сталкивались с буллингом, сообщили о его возникновении в школьной среде. Этот результат подчеркивает настоятельную необходимость введения эффективных антибуллинговых стратегий в образовательных учреждениях для создания безопасной и поддерживающей среды для всех учащихся. Оставшиеся 26% респондентов сообщили о столкновениях с буллингом на различных онлайн-платформах. Это свидетельствует о том, что кибербуллинг становится все более распространенной проблемой, и меры по его предотвращению и борьбе с ним приобретают первостепенное значение [24].

Результаты опроса свидетельствуют о высоком уровне осведомленности среди молодых людей о проблеме буллинга. Подавляющее большинство респондентов (около 63% и около 16% соответственно) оценили свою осведомленность на 4 или 5 по шкале от 1 до 5, что указывает на то, что они хорошо понимают природу буллинга, его разрушительные последствия и важность создания безопасной среды, свободной от издевательств. Такой высокий уровень осведомленности обнадеживает и подтверждает плодотворность просветительских мероприятий по проблеме буллинга. Тем не менее около 18% респондентов оценили свой уровень осведомленности на 3 балла и ниже, что подчеркивает необходимость дальнейших усилий по повышению осведомленности по вопросам буллинга для того, чтобы каждый молодой человек был вооружен необходимыми знаниями и ресурсами для предотвращения и борьбы с этим пагубным явлением.

Мы также выявили, что большинство респондентов (около 75%) считают, что люди часто игнорируют буллинг, полагая, что это не их проблема. Около 16% респондентов считают, что люди не вмешиваются в ситуации проявления буллинга просто потому, что не хотят этого делать, а около 9% указывают на то, что многие просто не владеют необходимыми знаниями для того, чтобы правильно поступить. Эти данные подчеркивают необходимость более массовых просветительских акций и мероприятий по повышению осведомленности среди граждан, чтобы каждый мог стать активным участником в борьбе с этим негативным явлением.

В ходе исследования мы узнали, что, по мнению респондентов, необходимо предпринять для повышения осведомленности населения о проблеме буллинга. Наибольшую популярность получило предложение о создании онлайн-платформ, где пострадавшие могли бы получать помощь – так считают около 27% участников опроса. Около 16% опрошенных высказали мнение, что необходимо создание массовых информационных кампаний через социальные сети. Варианты ответа «создание ресурсоцентричных сайтов с информацией о буллинге» и «организация тренингов для идентификации буллинга» отметили одинаковое количество респондентов (около 15%). Также около 13% участников опроса предложили разработать образовательные программы, посвященные последствиям буллинга, а около 10% считают, что эффективным средством может стать сотрудничество с некоммерческими организациями НКО, занимающимися вопросами буллинга. Вариант ответа «привлечение публичных лиц, которые обращают внимание на проблему буллинга» оказался наименее популярным – его выбрали всего лишь около 5% респондентов. Данные результаты подчеркивают важность комплексного подхода к повышению осведомленности и активному вовлечению широкой общественности в борьбу с буллингом.

Результаты опроса также свидетельствуют о том факте, что молодые люди полны решимости и готовы принять активное участие в борьбе с буллингом. Подавляющее большинство респондентов (около 92%) выразили готовность

лично содействовать предотвращению буллинга. Лишь небольшое количество респондентов (около 3%) заявили, что не готовы помогать в предотвращении буллинга. Такое отношение может быть оправдано страхом перед возмездием со стороны обидчиков, неуверенностью в том, как эффективно вмешаться, или отсутствием необходимых знаний и ресурсов.

Таким образом, в ходе исследования нами было установлено, что большинство респондентов признают буллинг серьезной проблемой, требующей эффективного решения, и выразили готовность лично содействовать предотвращению распространения данного явления. Осведомленность о буллинге среди молодых людей находится на высоком уровне, при этом достаточно большое количество по-прежнему сталкивается с этой проблемой.

Однако в связи с тем, что некоторые молодые люди не считают буллинг актуальной проблемой, а также не знают, как с ней бороться, существует острая необходимость продолжения усилий по повышению осведомленности о буллинге и его пагубных последствиях, а также по формированию различных инструментов поддержки в молодежной среде, необходимых для эффективного противостояния буллингу.

Полученные нами результаты иллюстрируют необходимость последующих глубинных исследований в данной области для лучшего понимания факторов, способствующих появлению буллинга, и разработки эффективных стратегий его предотвращения. Необходимы дальнейший социально-философский анализ взаимосвязи между буллингом и психическим и социальным здоровьем и на его основе разработка программ по борьбе с буллингом, включающих различные направления, такие как изменение культурных норм и методы снижения уровня агрессии.

Выводы

Изучение феномена буллинга, которое началось в XX веке, продолжает оставаться актуальной темой для социально-философских и психологических исследований. Проблема буллинга носит сложный и многогранный характер, что требует комплексного анализа различных аспектов, влияющих на возникновение и последствия этого явления. Особое внимание должно уделяться не только индивидуальным факторам, но и окружающей социокультурной среде, где происходят различные проявления буллинга. Буллинг существенно отличается от обычных конфликтов: он имеет системный и долговременный характер, а также включает в себя аспект присутствия свидетелей.

В ходе данного исследования нами были проанализированы социокультурные аспекты буллинга, что позволило увидеть, как культурные и социальные факторы влияют на восприятие этих явлений. Важно отметить, что в разных культурах и обществах отношение к буллингу может значительно варьироваться, что, в свою очередь, влияет на уровень осведомленности и готовность общества противостоять этим проблемам. Это подчеркивает необходимость адаптации образовательных программ и информационных кампаний к специфике каждой культуры.

Методология исследования, включающая опрос среди молодого населения, позволила получить данные о реальном уровне знаний о буллинге. Результаты опроса показали, что многие респонденты имеют общее представление о данных явлениях, однако уровень осведомленности о их последствиях и способах борьбы с ними остается недостаточным. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего информирования и образования населения по данным вопросам.

Анализ результатов опроса выявил, что многие взрослые не осознают серьезности последствий, которые могут возникнуть как для жертв, так и для агрессо-

ров. Это подчеркивает важность разработки и внедрения программ, направленных на повышение осведомленности о буллинге, а также на формирование навыков противодействия этим явлениям. Важно, чтобы такие программы охватывали не только теоретические аспекты, но и практические рекомендации, которые помогут людям распознавать и реагировать на случаи буллинга.

В связи с вышеизложенным можно выделить несколько ключевых шагов, которые необходимо предпринять для повышения осведомленности о буллинге и моббинге. Во-первых, следует разработать и внедрить образовательные программы для взрослых, которые будут охватывать не только теоретические аспекты, но и практические навыки. Во-вторых, необходимо проводить регулярные информационные кампании, направленные на привлечение внимания к проблемам буллинга и моббинга, а также на распространение информации о том, как можно защитить себя и других. В-третьих, важно создать безопасные пространства для обсуждения этих тем, где люди смогут делиться своим опытом и получать поддержку.

Таким образом, результаты данного исследования подчеркивают необходимость комплексного подхода к проблеме буллинга, который включает в себя как исследовательские процедуры, так и образовательные и практические меры. Только через совместные усилия участников социального сообщества можно достичь значительного прогресса в борьбе с этими явлениями и создать более безопасную и комфортную среду для всех.

Список литературы

1. Гримов О. А., Белкина В. А. Индивидуальные стратегии медиаактивности интернет-пользователей // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 38-47.

2. Буллинг как особый вид конфликта в детской и подростковой среде / Ю. С. Вторушина, С. В. Митрухина, Е. Н. Власова, В. П. Антонов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 4(42). С. 90-99.

3. Капиренкова О. Н., Пискажева М. И. Современное понимание буллинг в школьной среде // Евразийский союз ученых. 2020. № 6-3 (75). С. 58-62.

4. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. Oxford: Blackwell, 1993. 135 p.

5. Ярмина А. Н. Периодизация изучения феномена буллинга // Исследователь/Researcher. 2018. № 1-2 (21-22). С. 82-87.

6. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 105. С. 159-165.

7. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. 2013. № 3. С. 149-159.

8. Ильин В. П. Психология агрессивного поведения: монография. СПб.: Питер, 2014. 368 с.

9. Abramov A. P. Cooperation pedagogy by K. N. Ventzel // European Journal of Contemporary Education. 2021. Vol. 10, N 1. P. 202-210.

10. Тарасова С. Ю. Социальные и психологические аспекты буллинга // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 844-848.

11. Кривцова С. В., Шапкина А. Н., Белевич А. А. Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия // Образовательная политика. 2016. № 3(73). С. 97-119.

12. Фомина А. В., Молчанова Л. Н. Современные представления о школьном буллинге в России и за рубежом // Коллекция гуманитарных исследований. 2020. № 2 (23). С. 6-12.

13. Данилова Е. А., Щанина Е. В. Буллинг как социальное явление в современном мире // Вестник университета. 2023. № 7. С. 214-219.

14. Ерина И. А., Бузни В. А., Корж А. А. Буллинг и пути его профилактики в образовательной практике // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 81-83.

15. Лапенко А. В. Перспективные направления совершенствование системы противодействия буллингу и кибербуллингу в образовательных организациях // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. № 29 (4). С. 101-107.

16. Башмакова Е. А., Дегтярев Е. А. Факторы и социальные причины буллинга и кибербуллинга в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-1. С. 36-38.

17. Корытова О. В. Проблема буллинга в современном обществе // Инновационная наука. 2023. № 1-2. С. 98-101.

18. Буллинг как форма девиантного поведения учащейся молодежи: социологический аспект / Е. А. Задорожная, Ю. С. Коноплин, Е. Е. Луцькая, И. Б. Пржиленская // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 8. С. 25-31.

19. Ануфриева Е. В., Набойченко Е. С., Ковтун О. П. Буллинг и кибербуллинг: проблема современного подростка // Педиатрическая фармакология. 2021. № 5. С. 423-429.

20. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. С. 15-18.

21. Дахин А. Н. Буллинг в школе и не только // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 208-214.

22. Бейлина Н. С., Чеканушкина Е. Н. Проблема профилактики буллинга в образовательной организации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2024. № 96. С. 5-11.

23. Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 260-267.

24. Конвертация опасностей социотехнической конвергенции в риски цифровизации / В. В. Зотов, И. А. Асеева, В. Г. Буданов, В. А. Белкина // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 2. С. 4-20.

References

1. Grimov O.A., Belkina V.A. Individual strategies of media activity of Internet users. *Cifrovaya sociologiya = Digital Sociology*. 2022;5(4):38-47. (In Russ.)

2. Vtorushina Yu.S., Mitrukhina S.V., Vlasova E.N., Antonov V.P. Bullying as a special type of conflict in children and adolescents. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova = Bulletin of the Khakass State University named after N.F. Katanova*. 2022;(4):90-99. (In Russ.)

3. Kapirenkova O.N., Piskazheva M.I. Modern understanding of bullying in the school environment. *Evrazijskij soyuz uchenyh = Eurasian Union of Scientists*. 2020;(6-3):58-62. (In Russ.)

4. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. Oxford: Blackwell; 1993. 135 p.

5. Yarmina A.N. Periodization of the study of the bullying phenomenon. *Issledovatel'/Реседрчер = Researcher*. 2018;(1-2):82-87. (In Russ.)

6. Glazman O.L. Psychological features of bullying participants. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2009;(105):159-165. (In Russ.)

7. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Bullying as an object of research and a cultural phenomenon. *Psihologiya = Psychology*. 2013;(3):149-159. (In Russ.)

8. Iyin V.P. Psychology of aggressive behavior. St. Petersburg: Peter; 2014. 368 p. (In Russ.)

9. Abramov A.P. Cooperation pedagogy by K.N. Ventzel. *European Journal of Contemporary Education*. 2021;10(1):202-210.

10. Tarasova S.Y. Social and psychological aspects of bullying. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2014;(2):844-848. (In Russ.)

11. Krivtsova S.V., Shapkina A.N., Belevich A.A. Bullying in schools of the world: Austria, Germany, Russia. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*. 2016;(3):97-119. (In Russ.)

12. Fomina A.V., Molchanova L.N. Modern ideas about school bullying in Russia and abroad. *Kollekciya gumanitarnyh issledovanij = Collection of Humanitarian Studies*. 2020;(2):6-12. (In Russ.)

13. Danilova E.A., Shchanina E.V. Bullying as a social phenomenon in the modern world. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2023;(7):214-219. (In Russ.)

14. Erina I.A., Buzni V.A., Korzh A.A. Bullying and ways of its prevention in educational practice. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, and Education*. 2021;(1):81-83. (In Russ.)

15. Lapenko A.V. Promising areas for improving the system of countering bullying and cyberbullying in educational institutions. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. 2023;29(4):101-107. (In Russ.)

16. Bashmakova E.A., Degtyarev E.A. Factors and social causes of bullying and cyberbullying in adolescence. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*. 2021;(71-1):36-38. (In Russ.)

17. Korytova O.V. The problem of bullying in modern society. *Innovacionnaya nauka = Innovative Science*. 2023;(1-2):98-101. (In Russ.)

18. Zadorozhnaya E.A., Konoplin Y.S., Lutskaya E.E., Przhilenskaya I.B. Bullying as a form of deviant behavior of students: a sociological aspect. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-Humanitarian Knowledge*. 2023;(8):25-31. (In Russ.)

19. Anufrieva E.V., Naboichenko E.S., Kovtun O.P. Bullying and cyberbullying: the problem of a modern teenager. *Pediatricheskaya farmakologiya = Pediatric Pharmacology*. 2021;(5):423-429. (In Russ.)

20. Cohn I.S. What is bullying and how to deal with it? *Sem'ya i shkola = Family and School*. 2006;(11):15-18. (In Russ.)

21. Dakhin A.N. Bullying at school and beyond. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*. 2015;(6):208-214. (In Russ.)

22. Beilina N.S., Chekanushkina E. N. The problem of bullying prevention in an educational organization. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social Sciences, Humanities, Medical and Biological Sciences*. 2024;(96):5-11. (In Russ.)

23. Golovanova N.A. Problems of combating bullying: a legislative solution. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;(8):260-267. (In Russ.)

24. Zotov V.V., Aseeva I.A., Budanov V.G., Belkina V.A. Converting the dangers of sociotechnical convergence into digitalization risks. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*. 2022;5(2):4-20. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Белкина Виктория Александровна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3306-6706

Victoria A. Belkina, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Lecturer of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: viktoria2206.1995@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-3306-6706

Гримов Олег Александрович, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: grimoleg@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6883-9898

Oleg A. Grimov, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University,
Kursk, Russian Federation,
e-mail: grimoleg@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6883-9898

Пашутко Дарья Сергеевна, студент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: pashutko.darya@yandex.ru,
ORCID: 0009-0006-1050-3674

Darya S. Pashutko, Student of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: pashutko.darya@yandex.ru,
ORCID: 0009-0006-1050-3674

Оригинальная статья / Original article

УДК 316.4

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-212-222

CC BY 4.0

Социокультурные, технологические и идеологические предпосылки актуализации фриланса в современном обществе

В. А. Афанасьева[1], И. А. Асеева[1]✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В статье через призму философских и социологических теорий анализируются предпосылки актуализации фриланса в современном мире, в том числе распад традиционных социальных структур, фрагментация общества, преобладание сетевых связей над классическими моделями взаимодействия. Современное общество, для которого характерны все вышеперечисленные признаки, диктует потребность в гибкости и адаптивности, и этим требованиям соответствует фриланс как новая, нестандартная форма занятости.*

Целью *статьи является концептуализация понятия фриланса, выявление его возможностей и рисков в современном обществе.*

Задачи: *раскрыть философские основания трансформации общества в постиндустриальную эпоху; показать особенности фриланса как новой формы занятости.*

Методология. *Теоретической основой статьи являются концептуальные труды философов и социологов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотара, М. Кастельса, З. Баумана, Д. Урри акторно-сетевая теория. Авторы проводят их анализ, сравнение и обобщение собственных выводов.*

Результаты. *Фриланс представляет собой преимущественно проектную форму занятости, предоставляя тем самым работникам финансовую, трудовую, географическую автономию, возможность работать в сфере интеллектуального труда и самостоятельно организовывать собственную деятельность. Однако, несмотря на все преимущества, деятельность фрилансеров сопряжена с рядом рисков. В частности, речь идет о практически полном отсутствии социальной защиты в вопросе пособий, пенсий, отпусков и т. п. для данной группы работников, рисках столкновения с мошенничеством, а также нестабильном доходе, что, в свою очередь, может послужить причиной не только финансовых, но и психологических проблем.*

Вывод. *Сегодня с точки зрения законодательства предпринимаются попытки вывести деятельность самозанятых фрилансеров из сектора теневой экономики, предоставить им часть социальных гарантий, но на данном этапе этих мер недостаточно.*

Ключевые слова: *сетевое общество; социальные структуры; традиционные институты; сетевые связи; фриланс; занятость; возможности; риски.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Афанасьева В. А., Асеева И. А. Социокультурные, технологические и идеологические предпосылки актуализации фриланса в современном обществе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 212–222. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-212-222

Поступила в редакцию 11.02.2025 Принята к публикации 09.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Афанасьева В. А., Асеева И. А., 2025

Socio-cultural, technological and ideological prerequisites for the actualization of freelancing in modern society

Valeria A. Afanasyeva[1], Irina A. Aseeva[1] ✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail:

Abstract

Relevance. *Through the prism of philosophical and sociological theories, the article analyzes the prerequisites for the actualization of freelancing in the modern world, including the disintegration of traditional social structures, fragmentation of society, and the predominance of network connections over classical models of interaction. Modern society, which is characterized by all of the above features, dictates the need for flexibility and adaptability, and freelance as a new, non-standard form of employment meets these requirements.*

The purpose *of the article is to conceptualize the concept of freelancing, to identify its opportunities and risks in modern society.*

Objectives: *to reveal the philosophical foundations of the transformation of society in the post-industrial era; show the features of freelancing as a new form of employment.*

Methodology. *The theoretical basis of the article is the conceptual works of philosophers and sociologists J. Deleuze and F. Guattari, J.-F. Lyotard, M. Castells, Z. Bauman, D. Urry actor-network theory. The authors analyze them, compare them, and summarize their own conclusions.*

Results. *Freelancing is primarily a project-based form of employment, thereby providing employees with financial, labor, and geographical autonomy, the opportunity to work in the field of intellectual labor and independently organize their own activities. However, despite all the advantages, the work of freelancers comes with a number of risks. In particular, we are talking about the almost complete absence of social protection in the matter of benefits, pensions, vacations, etc. for this group of employees, the risks of encountering fraud, as well as unstable income, which in turn can cause not only financial, but also psychological problems.*

Conclusion. *Today, from the point of view of legislation, attempts are being made to remove the activities of self-employed freelancers from the shadow economy sector and provide them with some social guarantees, but at this stage these measures are not enough.*

Keywords*: network society; social structures; traditional institutions; network connections; freelancing; employment; opportunities; risks.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Afanasyeva V.A., Aseeva I.A. Socio-cultural, technological and ideological prerequisites for the actualization of freelancing in modern society. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):212–222. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-212-222

Received 11.02.2025 Accepted 09.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Современное общество характеризуется структурным изменением моделей и конфигураций социальных практик и взаимодействий, что происходит под воздействием ряда метафакторов, в т. ч. глобализационных процессов, технологизации, информатизации и др. Такие изменения становятся заметными в 60-70-х годах XX века, когда размываются границы традиционных социальных институтов, происходит распад традиционных социальных иерархий. С этим историческим периодом принято связывать и переход общества в состояние постмодерна.

Понятие постмодерна была введено в научный оборот по меньшей мере с середины 1950-х годов, однако до сих пор

имеет множество коннотаций; по мнению А. К. Якимовича, «оно прилагалось к целой совокупности художественных, интеллектуальных, научных, социопсихологических явлений эпохи постиндустриального общества» [1, с. 6]. Постмодерн нельзя отнести к обществу в целом или к какой-либо из его сфер в частности, скорее всего, он характеризует господствующую систему символов и знаков, обладающих особой спецификой для конкретного исторического периода. Постмодерн характеризует собой радикальный сдвиг в понимании социальной сферы, отвергая традиционные представления об обществе как о едином, упорядоченном и детерминированном образовании и подчеркивая его фрагментарность и мозаичность. В. Н. Волков отмечает, что в данный период вместо единой системы общество предстает как неиерархическая, не поддающаяся унификации совокупность различных, не всегда связанных между собой элементов [2, с. 3-4].

Материалы и методы

Теоретической основой статьи являются концептуальные труды философов и социологов Ж. Делеза и Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотара, М. Кастельса, З. Баумана, Д. Урри, акторно-сетевая теория. Авторы проводят их анализ, сравнение и обобщение собственных выводов.

Одним из ключевых понятий философии постмодерна является понятие «ризома», введенное в 1976 г. Ж. Делезом и Ф. Гваттари во второй книге дилогии «Капитализм и шизофрения». Концепт ризомы – метафора, в переводе с французского означает «корневище», что отсылает к особому строению системы, у которой нет общего корня, но есть сеть разветвленных, хаотично расположенных корней. Ризома в эпоху постмодернизма становится радикальной альтернативой строгим иерархическим модернистским структурам. Ж. Делез и Ф. Гваттари выделяют несколько принципов ризомы [3, с. 12-21]:

– 1 и 2 – принципы соединения и неоднородности, означающие, что точки ризомы соединены между собой в хаотичном порядке, взятая отдельно точка может быть соединена с любой другой бессистемно (в отличие, например, от корня дерева, где наблюдаются иерархические связи);

– 3 – принцип множественности, обозначается авторами как отсутствие единства, которое «служило бы стержнем в объекте и разделялось бы в субъекте» [3, с. 14]. Несмотря на то, что в ризоме нет конечных точек или позиций, она воспринимается как целостность;

– 4 – принцип незначащего разрыва, означает, что при разрушении какой-либо линии ризома возобновится по другой линии и в конечном счете восстановится;

– 5 и 6 – принципы картографии и декалькомании: ризома есть не калька, а карта, сложная к повторному воспроизведению, а в большинстве случаев – не нуждающаяся в нем; ризома способна к самоорганизации со множеством входов и выходов, а потому не копирует сама себя множество раз (как, например, дерево копирует свои листья).

Так, ризома воплощает в себе множественность, запутанность, неоднородность и изменяемость; подразумевает неструктурированную систему и становится ценным инструментом мышлений о мире, однако по своей сути не может быть применена ко всем аспектам жизни.

Еще одним ключевым понятием философских изысканий Ж. Делеза и Ф. Гваттари является номад («кочевник»). У Ж. Делеза и Ф. Гваттари тема номада и номадизма занимает центральное место, особенно в рамках их совместного проекта «Номадология» [4]. Обозначим основные аспекты номадологии следующим образом: отказ от бинарных оппозиций (номад как собирательная метафора воплощает принципы плюральности и мобильности), детерриторизация и ретерриторизация, отказ от традиционных социальных форм, непрерывность

трансформаций, наличие «линий бегства», подразумевающих динамические траектории, по которым прокладывает путь номад [5].

Ризома и номадизм как важнейшие концепты второй половины XX в. иллюстрируют происходящие в обществе изменения, подчеркивая децентрализацию, разрушение традиционных иерархических форм и структур и растущую социальную мобильность, что особенно важно в контексте исследования социально-экономических трансформаций.

Иллюстрацию трансформации общества по мере вхождения его в постиндустриальную эпоху можно найти и в трудах известного постмодерниста Ж.-Ф. Лиотара. Одним из ключевых понятий, с которым работал Ж.-Ф. Лиотар, было понятие метанарратива, введенное им в работе «Состояние постмодерна». Метанарративы – это общее, универсальное объяснение или теория, претендующая на универсальность и истинность. В «Состоянии постмодерна» Ж.-Ф. Лиотар критикует идею метанарративов, или великих рассказов, утверждая, что они не способны объяснить сложность и многообразие современного динамичного мира. Он отвергает идею всеохватывающих рассказов о мире, утверждая, что реальность слишком сложна и непредсказуема, чтобы ее можно было охватить одним или несколькими метанарративами. Постмодернизм характеризуется «крахом» великих рассказов, призывает отказаться от иллюзии всеохватывающего знания и признать субъективность и относительность любых познаний. На смену метанарративам приходят так называемые «микронарративы», маленькие рассказы, которые, по Ж.-Ф. Лиотару, становятся «образцовой формой для творческого и, прежде всего, – научного воображения» [6, с. 144]. Микронарративы не претендуют на глобальность повествования и объединяют небольшие группы людей для достижения конкретных целей, при этом существуют ограниченное время – пока эти цели не будут достигнуты. Таким образом, микронарративы олицетворяют происходящие вследствие децентрализации и роста плюрализма структурные изменения в обществе.

Свойственное для постиндустриальной эпохи стремительное развитие технологий и, как следствие, масштабные процессы социокультурной трансформации обусловили появление ряда теорий, базисом которых становятся информационные технологии. Так, например, М. Кастельс, испанский социолог, с 80-х годов XX века исследовал изменения общества под воздействием технологической революции, систематизировав и обобщив знания в концепции сетевого общества. Сеть является ключевым понятием теории М. Кастельса и представляет собой «совокупность взаимосвязанных узлов» [7, с. 37]. Любой компонент сети есть ее узел, и его значимость определяется эффективностью, т. е. величиной вклада, вносимого в сеть для достижения ее целей. Узлы имеют значение только в контексте сети, и когда узел перестает быть значимым, сеть удаляет его, добавляет новые и перестраивается. Движение информации между узлами осуществляется по каналам связи, которые и объединяют узлы в сеть.

М. Кастельс выделяет три наиболее значимые характеристики сетей:

1) гибкость (способность сети адаптироваться к изменениям среды, сохраняя свои цели, даже если отдельные элементы меняются; она обходит препятствия в коммуникации, находя новые каналы связи);

2) масштабируемость (способность сети без значительных потерь изменяться в размерах);

3) живучесть (способность сети функционировать в различных конфигурациях, так как она не имеет централизованного управления, что делает ее устойчивой к атакам, если только не уничтожены все точки соединения, т. е. узлы) [7, с. 40].

Концепцию сетей М. Кастельс применяет к исследованию общественных институтов: к экономике (концепция «информациональной экономики»), политике (теория «сетевого государства»), культуре (концепция «культуры реальной виртуальности»). Таким образом, теория сетевого общества синтезирует трансформации социальных, экономических, политических и культурных систем под влиянием сетевой логики. Само сетевое общество М. Кастельс определяет как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [7, с. 41]. В сетевом обществе управляемость в той или иной структуре достигается путем координации усилий, и практически отсутствуют отношения подчинения, социальные нормы «плывут», сдвигаются [8]. В отличие от иерархических структур, где коммуникация служит средством поддержания легитимности связей, в сетевых структурах элементы коммуницируют для координации действий, что особенно важно в контексте исследования фриланса. Концепция иллюстрирует возможности сетевой организации социума [9], примерами которой становится появление экстерриториальных корпораций, развитие нестандартных форм занятости (например, фриланса) и шеринговой экономики (экономики совместного потребления), организованных сетевым способом, что иллюстрирует и концепция номада.

Британский социолог З. Бауман, как и М. Кастельс, утверждает, что современное общество характеризуется переходом к новому типу децентрализованных, более мобильных социальных отношений и структур и уделяет внимание участникам сетей и их индивидуальным стратегиям. По его мнению, в обществе происходит процесс индивидуализации, при котором люди становятся все более ориентированными на самореализацию и личные потребности, отказываясь от традиционных форм общности и социальной поддержки. Современное общество есть индивидуализированное общество, характерными чертами которого являются:

– «утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов» [10, с. 12-13];

– возрастание уровня неопределенности и незащищенности личности перед лицом неконтролируемых перемен;

– отказ человека от долгосрочных целей в пользу быстрых результатов.

Индивидуализация становится доминирующей ценностью, личные интересы ставятся выше общественных, а люди несут полную ответственность за собственную жизнь. В индивидуализированном обществе ослабевают социальные связи, но индивиды не изолированы друг от друга; они имеют больше свободы действий и больше возможностей, при этом должны быстро адаптироваться к новым условиям. З. Бауман считает, что тенденции индивидуализированного общества приводят к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни; происходит усложнение экономических процессов, а общество становится более фрагментированным.

Если З. Бауман указывает на атомизацию, т. е. на процесс разобщения и обособления людей, расхождения их частных интересов, ослабления и распада множества личностных и групповых связей, как на обратную сторону индивидуализации, то М. Кастельс рассматривает индивидуализм как условие и средство социального конструирования общественных связей[1]. По мнению М. Кастельса, для сетевого общества характерно нарастание индивидуализма, который

[1] Гримов О. А. Социокультурные практики личности в социальных сетях: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 2015. 26 с.

принимает принципиально новую форму, – сетевой индивидуализм, определяемый автором как «социальная структура, а не собрание изолированных индивидуумов» [11, с. 151]. Люди сами строят сети, которые основываются на их интересах, целях, ценностях (например, тематические виртуальные сообщества). Гибкость и коммуникационные возможности Интернета детерминируют широкое распространение практик онлайнового социального взаимодействия в современном мире [12].

Еще одна теория, фокусирующаяся на меняющемся характере социальных связей в современном обществе, принадлежит британскому социологу Д. Урри. В работах он систематизирует «новую парадигму мобильностей» и дает определение самому понятию: «мобильность – реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени» [13, с. 21]. Позднее автор говорит о виртуальных мобильностях, возникающих с быстрым развитием телекоммуникационных технологий и появлением Интернета и характерных для информационного общества на рубеже XX-XXI вв. Виртуальная мобильность позволяет человеку перемещаться в виртуальном пространстве, не перемещаясь физически, при этом, с одной стороны, преодолеваются географические барьеры, повышается уровень доступа к информации и образованию, а с другой – происходит социальная изоляция. Как считает А. В. Ходыкин, «преодоление сопротивления физического пространства осуществляется за счёт его замещения виртуальным аналогом, путешествовать в котором значительно проще» [14, с. 582]. Д. Урри утверждает, что в виртуальных сообществах сама идентичность человека становится мобильной, превращая его в цифрового кочевника, поскольку у пользователей появляется возможность устанавливать случайные контакты с другими акторами без последствий. Так, в условиях виртуальной мобильности человек может конструировать свою личность любым желаемым образом [15].

С конца 1970-х появляется и популяризируется акторно-сетевая теория (*англ.* Actor-network theory, ANT), разработанная совместно Б. Латуром, М. Каллоном и Д. Ло. Акторно-сетевая теория представляет собой подход в социальных исследованиях, который фокусируется на взаимосвязях между людьми, объектами и технологиями. Вместо того чтобы рассматривать людей как единственных агентов действия, акторно-сетевая теория идентифицирует как акторов все, что способно изменять сеть, вне зависимости от того, человек это или вещь. В контексте акторно-сетевой теории действие рассматривается как социальный факт, не зависящий от степени осознанности, где практически исчезают субъект-объектные отношения, и именно поэтому равноправными акторами признаются люди и «не-человеки» («non-human»).

Обращение к акторно-сетевой теории становится необходимым, так как в изменяющемся обществе, когда границы между группами становятся неопределенными, а при исследовании того или иного социального явления количество связей между акторами становится слишком большим и неустойчивым, уже нельзя систематизировать эти связи и действия, определить их форму или сочетаемость; возникает необходимость анализа явлений без стандартизации и приведения к определенному порядку. Значительный вклад Д. Ло (как еще одного основоположника акторно-сетевой теории) заключается в том, что он применил ее к исследованию социальных явлений, в частности в области медицины, экономики, образования и науки. Более того, именно Д. Ло работал над территориальным распространением акторно-сетевой теории, не допустив ее превращения «в косную идеологию» [16, с. 38].

Результаты и их обсуждение

Фриланс как новая форма занятости в современном обществе

Изменение характера взаимодействий между акторами и распад традиционных структур приводят к изменениям во всех сферах общественной жизни. Рынок труда с начала XXI в. претерпевает значительные изменения. По мнению В. С. Харченко, «в настоящее время в связи с эффектами постиндустриализма меняется само содержание труда, в котором увеличивается интеллектуальная составляющая, связанная с производством и обработкой информации» [17, с. 54]. Появляются более гибкие, нестандартные формы занятости, которые не вписываются в рамки традиционных трудовых отношений. Одной из таких форм является фриланс.

Существует множество определений понятия «фриланс» [18, с. 82; 19, с. 13; 20, с. 18], из которых в совокупности можно выделить характерные черты фриланса как формы занятости: 1) самозанятость; 2) удаленность; 3) отсутствие официального оформления; 4) применение информационно-коммуникационных технологий. Исходя из этих характеристик сформулируем следующее определение: фриланс – это нестандартная форма трудовой деятельности, характеризующаяся самозанятостью и удаленностью от офиса или другого официального места работы, при отсутствии официального оформления трудовых отношений и с применением дистанционных информационно-коммуникативных технологий.

Выделим особенности фриланса:

1) фриланс представляет собой такую модель деятельности, при которой классическая схема занятость-безработица неактуальна, поскольку образ жизни фрилансера предполагает временную, преимущественно проектную занятость, не обеспечивающую стабильность, в т. ч. в получении дохода;

2) фриланс представляется наиболее успешной формой занятости при совмещении деятельности в нескольких его сферах, а также при успешном индивидуальном тайм-менеджменте, что позволяет фрилансеру сохранять баланс между свободой и получением доходов;

3) эффективность занятости на фрилансе коррелирует с репутацией личности в практикуемой профессиональной области, что проявляется через построение и обновление портфолио фрилансера вместе с полученными рекомендациями от клиентов;

4) квалификация и профессионализм фрилансера оцениваются через портфолио, доступное для просмотра заказчику и позволяющее оценить компетенции исполнителя на примере конкретных проектов;

5) с точки зрения традиционного общественного уклада фриланс не подразумевает линейную траекторию развития карьеры, так как сама занятость – проектная, поэтому мобильность имеет горизонтальный характер, связанный с накоплением знаний и опыта. С современного ракурса можно отметить и возникновение вертикальной мобильности, не встроенной в традиционные институции;

6) для фриланса характерны особые тактики профессионализации, в частности, построение персонального бренда и развитие специализированных навыков [17, с. 54]. Дополним также, что происходит расширение сфер и компетенций деятельности фрилансеров. Так, например, в последние годы на рынке труда фрилансеров появились профессиональные сферы, связанные с искусственным интеллектом, чего ранее не существовало.

Возможности и риски фриланса как формы занятости

Сегодня фриланс становится наиболее привлекательной и, что самое главное, выгодной формой занятости. Его характерными чертами становится высокая адаптивность, снижение издержек и более высокий доход в сравнении с традиционными формами занятости, возможность реализации творческого потенциа-

ла. Ряд возможностей, которые обретаются фрилансером, можно представить следующим образом:

1) автономия, в т. ч. трудовая (выбор заказов), рыночная (выбор заказчиков), финансовая (неограниченное число источников дохода и самостоятельная оценка стоимости своего труда), социальная (без привязки к культуре конкретной организации). Это значит, что фрилансер обладает широкой свободой действий практически во всех аспектах своей занятости: он может самостоятельно выбирать работодателя, проекты, организовывать время и рабочее место, иметь несколько источников дохода, не зависеть от конкретной организации и ее внутренней культуры. Независимость отличает фрилансера от наемного работника, который подчинен правилам и приказам от руководства и подвержен социальному давлению. Однако широко распространена практика, когда недобросовестные работодатели выводят своих сотрудников из штата и нанимают их как независимых фрилансеров, сокращая тем самым расходы на налоги, что существенно ограничивает автономию;

2) индивидуальная занятость – фрилансер не состоит в штате, он трудится индивидуально и самостоятельно реализует на рынке свой продукт или услугу. Важное отличие фрилансера от предпринимателя заключается в том, что фрилансер не создает организации и не нанимает персонал;

3) интеллектуальный труд – фрилансеры заняты в программировании, дизайне, маркетинге, переводческой деятельности, менеджменте, консалтинге и ряде других сфер. В широком смысле людей, задействованных в данных областях, можно охарактеризовать как работников интеллектуального труда. Они предлагают услуги, но не производят и (или) продают товары; их работа заключается в анализе и создании информации, а результаты их труда представлены в виде нематериальных ценностей. Фрилансеры, реализуя на рынке собственные профессиональные навыки, систематически занимаются профессиональной деятельностью (стоит упомянуть о том, что на рынке фрилансеров осуществляют деятельность исполнители разной степени вовлеченности (ввиду разной мотивации), т. е. некоторые фрилансеры ведут именно эпизодическую деятельность, выполняя небольшое количество заказов.

Действительно, фриланс предоставляет работнику много преимуществ – независимость, минимальный уровень контроля, географическую, трудовую, финансовую автономию. Но необходимо отметить, что деятельность фрилансеров сопряжена с рядом рисков.

Во-первых, фрилансеры социально не защищены. Зачастую, как уже было сказано, деятельность фрилансеров не закреплена официально. Как работники без официального оформления они не могут претендовать на ежегодный оплачиваемый отпуск, на больничные, декретные, а также на пенсию, кроме минимальной социальной (при условии, что сами не будут отчислять средства в свой пенсионный фонд). Как следствие, фрилансеры в случае, например, болезни теряют часть своего дохода, которую ни государство, ни работодатель не возмещает.

Во-вторых, сам доход фрилансеров ввиду того, что их занятость в большинстве случаев носит проектный характер, нестабилен. Мы можем назвать фрилансеров финансово уязвимой категорией работников, потому как их доход в значительной степени зависит от экономической, политической обстановки в государстве и, кроме того, не обладает устойчивостью к финансовым кризисам, периодам безработицы.

В-третьих, ответственность за юридическое оформление деятельности лежит на самих фрилансерах, откуда следует и еще одна проблема – мошенничество работодателей в поле взаимодействия с фрилансером.

В-четвертых, необходимость самостоятельно организовывать рабочее место, рабочее время, планировать расходы при условии отсутствия стабильного дохода могут привести к ухудшению эмоционального состояния фрилансера, а также к выгоранию.

Выводы

Таким образом, вторая половина XX в. характеризуется возникновением теорий, основные идеи которых имеют ряд объединяющих их особенностей. Во-первых, сходство обнаруживается в идее распада традиционных иерархических структур, вследствие чего происходит фрагментация общества и модернизация традиционных форм взаимодействий, на смену которым приходят сетевые связи, где акторы могут быть не подчинены друг другу и связаны случайным образом. Во-вторых, в теориях подчеркивается гибкость, мобильность и динамичность постиндустриального общества, которые обеспечивают расширение и размывание границ традиционных социальных институтов, а также возникновение других форм взаимодействия между людьми. В-третьих, человек становится актором, «узлом» сети и приобретает новые качества – мобильность, высокую адаптивность. Таким образом, гибкость постиндустриального общества создает запрос на изменение практик взаимодействия, формирует принципиально новые паттерны поведения во всех сферах жизни индивидов и создает иную социальную инфраструктуру, включающую, в свою очередь, и децентрализацию рынка труда.

Фриланс как новая, нестандартная форма занятости полностью отвечает запросам гибкости и адаптивности, сочетая в себе трудовую, финансовую и социальную автономию работника. При этом деятельность фрилансера сопряжена с рядом рисков: отсутствие стабильного дохода и социальных гарантий, социальная, юридическая и экономическая незащищенность, недобросовестность заказчиков, сложности в официальном оформлении своей деятельности, вероятность низкой гражданской ответственности, неуверенность в завтрашнем дне.

Фриланс как относительно новая, нестандартная форма занятости еще не имеет достаточной законодательной базы, что, с одной стороны, сочетает в себе и возможности (например, с точки зрения полной автономии работника), а с другой – вполне реальные угрозы, мешающие распространению этой трудовой практики.

Список литературы

1. Якимович А. К. Постмодерн // Вестник культурологии. 2010. № 1. С. 5-18.

2. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3-8.

3. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.

4. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. Seattle, WA: Wormwood Distribution, 2010. 103 p.

5. Шляков А. В. Номадическая топология постмодерна // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 251-253.

6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. 160 с.

7. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

8. Гримов О. А., Белкина В. А. Индивидуальные стратегии медиаактивности интернет-пользователей // Цифровая социология. 2022. Т. 5, № 4. С. 38-47.

9. Аршинов В. И., Буданов В. Г. Сетевая цивилизация и природа большого антропологического перехода // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2021. Т. 11, № 1. С. 220-231.

10. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

11. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

12. Асеева И. А. Человек и общество в медиаэкосистеме: стратегии адаптации и преадаптации // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 4 (44). С. 76-88.

13. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

14. Ходыкин А. В. Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри) // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 3. С. 579-588.

15. Асеева И. А. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 25-33.

16. Руденко Н. И. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. № 6-7. С. 38-51.

17. Харченко В. С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. № 4(360). С. 54-63.

18. Гурова М. И. Феномен «Фриланс» в социально-профессиональной структуре современной России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 6. С. 79-83.

19. Чаплашкин Н. В. Социальная сущность фриланса в России и его специфика // Российский академический журнал. 2011. Т. 18, № 4. С. 13-16.

20. Сорокина А. Н. Современные подходы к определению понятия «фриланс» и его классификации // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2013. № 11. С. 16-20.

References

1. Yakimovich A.K. Postmodernity. *Vestnik kul'turologii = Bulletin of Cultural Studies*. 2010;(1):5-18. (In Russ.)

2. Volkov V.N. Postmodernity and its main characteristics. *Kul'turnoe nasledie Rossii = Cultural Heritage of Russia*. 2014;(2):3-8. (In Russ.)

3. Deleuze J., Guattari F. A Thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia. Moscow: Astrel'; 2010. 895 p. (In Russ.)

4. Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. Seattle, WA: Wormwood Distribution; 2010. 103 p.

5. Shlyakov A.V. Nomadic topology of postmodernity. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2015;(18):251-253. (In Russ.)

6. Lyotard J.-F. The state of postmodernity. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; 1998. 160 p. (In Russ.)

7. Castells M. The power of communication. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki; 2016. 564 p. (In Russ.)

8. Grimov O.A., Belkina V.A. Individual strategies of interactivity of Internet users. *Cifrovaya sociologiya = Digital Sociology*. 2022;5(4):38-47. (In Russ.)

9. Arshinov V.I., Budanov V.G. Network civilization and the nature of the great anthropological transition. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika.*

Sociologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Menedgment. 2021;11(1):220-231. (In Russ.)

10. Bauman Z. Individualized society. Moscow: Logos; 2005. 390 p. (In Russ.)

11. Castells M. The Galaxy of the Internet: Reflections on the Internet, Business and society. Yekaterinburg: U-Faktoria; 2004. 328 p. (In Russ.)

12. Aseeva I.A. Man and society in the media ecosystem: strategies of adaptation and preadaptation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2023;11(4):76-88. (In Russ.)

13. Urri D. V. Moscow: Praksis; 2012. 576 p. (In Russ.)

14. Khodykin A.V. Sociological analysis of the spread of virtual mobility as a form of virtualization of spatial movements (based on John Urry's sociology of mobility). *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right.* 2020;45(3):579-588. (In Russ.)

15. Aseeva I.A. The crooked mirror of digitalization. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2024;(2):25-33. (In Russ.)

16. Rudenko N.I. Networks, knowledge and reality: problems of social topology in the concept of John Law. *Sociologiya vlasti = Sociology of Power*. 2012;(6-7):38-51. (In Russ.)

17. Kharchenko V.S. The lifestyle of Russian freelancers: a sociological analysis. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2014;(4):54-63. (In Russ.)

18. Gurova M.I. The phenomenon of «Freelancing» in the socio-professional structure of modern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2012;(6):79-83. (In Russ.)

19. Chaplashkin N.V. The social essence of freelancing in Russia and its specifics. *Rossijskij akademicheskij zhurnal = Russian Academic Journal*. 2011;18(4):13-16. (In Russ.)

20. Sorokina A.N. Modern approaches to the definition of the concept of «freelancing» and its classification. *Problemy sovremennoj ekonomiki (Novosibirsk) = Problems of Modern Economics (Novosibirsk)*. 2013;(11):16-20. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Афанасьева Валерия Александровна, магистрант кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россиийская Федерация,
e-mail: afanasyeva.val.2002@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0713-0687

Valeria A. Afanasyeva, Undergraduate of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: afanasyeva.val.2002@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-0713-0687

Асеева Ирина Александровна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россиийская Федерация,
e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4172-7762

Irina A. Aseeva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru,
ORCID: 0000-0002-4172-7762

Оригинальная статья / Original article

УДК 379.85

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-223-232

CC BY 4.0

Формирование системы обеспечения экономической безопасности на основе разработки мер по оказанию экстренной помощи туристам

Н. Ю. Ершов[1], А. Д. Фраймович[2], М. С. Колосова[2]✉

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

[2] Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ул. Горького, д. 87, г. Владимир 6000000, Российская Федерация

✉ e-mail: m.e.k.06@yandex.ru

Резюме

Актуальность. *В современных условиях путешествия за рубеж у российских туристов пользуются большей популярностью по сравнению с внутренним туризмом. Граждане организуют путешествия как с помощью туристических агентств, так и прибегают к «самодеятельному» туризму. Отправляясь в путешествия любым из вышеописанных способов, турист может столкнуться с различного рода ограничениями и проблемами.*

Целью *исследования является формирование предложения по разработке организации для оказания экстренной помощи туристам, попавшим в сложную ситуацию.*

Задачами *данного исследования являются: определение ключевых проблем, с которыми сталкиваются туристы за рубежом; анализ системы работы ассоциации «Турпомощь»; определение основных способов получения помощи за рубежом «туристами – дикарями»; выявление основных проблем и сложностей оказания услуг ассоциацией «Турпомощь» туристам за границей; обоснование возможности создания организации «Турконсультант» и ее основных функций; проработка идеи аккумулирования «экстренного туристического кредита».*

Методология. *Основу исследования составляют данные Погранслужбы РФ, официального сайта «Аэрофлот» и «AZUR Air», а также содержание устава компании ООО «Турпомощь». Также в статье используются аналитический и сравнительный методы, моделирование ситуаций.*

Результаты. *В статье рассматривается возможность оказания помощи туристам в сложных ситуациях за рубежом, путешествующих «организованным» и «самодеятельным» туризмом на различных видах транспорта. Также рассматриваются различного рода риски, связанные с выбранным способом перемещения на место отдыха. В статье приводятся примеры таких рисков и способы их разрешения. Создание «Турпомощи» является наиболее оптимальным инструментом обеспечения экономической безопасности в туристской логистике и позволяет в максимальной мере сократить риски отдыхающих, отправляющихся путешествовать от турфирм.*

Вывод. *Для того чтобы наиболее эффективно решать вопросы безопасного пребывания туриста за рубежом в экстренных ситуациях, целесообразно рассмотреть возможность появления специализированной организации.*

Ключевые слова: *«самодеятельный» туризм; «организованный» туризм; «Турпомощь»; авиасообщение.*

© Ершов Н. Ю., Фраймович А. Д., Колосова М. С., 2025

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Ершов Н. Ю., Фраймович А. Д., Колосова М. С. Формирование системы обеспечения экономической безопасности на основе разработки мер по оказанию экстренной помощи туристам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 223–232. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-223-232

Поступила в редакцию 14.02.2025 Принята к публикации 12.03.2025 Опубликована 30.04.2025

Formation of an economic security system based on the development of measures to provide emergency assistance to tourists

Nikolay Yu. Ershov[1], Angelina D. Fraymovich[2], Maria S. Kolosova[2]✉

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

[2] Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs
87 Gorky Str., Vladimir 600000, Russian Federation

✉ e-mail: m.e.k.06@yandex.ru

Abstract

Relevance. *In modern conditions, traveling abroad is more popular among Russian tourists than domestic tourism. Citizens organize trips both with the help of travel agencies and resort to "independent" tourism. When going on trips in any of the above ways, a tourist may face various kinds of restrictions and problems.*

The purpose *of the study is to formulate a proposal for developing an organization to provide emergency assistance to tourists who find themselves in a difficult situation.*

The objectives *of this study are: identifying the key problems that tourists face abroad; analyzing the work system of the "Turpomoshch" association; determining the main ways of obtaining assistance abroad by "wild tourists"; identifying the main problems and difficulties in providing services to tourists abroad by the "Turpomoshch" association; justifying the possibility of creating the "Turkonsultant" organization and its main functions; developing the idea of accumulating an "emergency tourist loan".*

Methodology. *The study is based on data from the Border Service of the Russian Federation, the official website of Aeroflot and AZUR Air, as well as the contents of the charter of the company OOO Turpomoshch. The article also uses analytical and comparative methods, situation modeling.*

Results. *The article considers the possibility of providing assistance to tourists in difficult situations abroad, traveling on "organized" and "independent" tourism on various types of transport. It also considers various risks associated with the chosen method of travel to the vacation spot. The article provides examples of such risks and ways to resolve them. The creation of "Turpomoshch" is the most optimal tool for ensuring economic security in tourist logistics and allows to minimize the risks of vacationers traveling from travel agencies.*

Conclusion. *In order to most effectively resolve issues of a tourist's safe stay abroad in emergency situations, it is advisable to consider the possibility of creating a specialized organization.*

Keywords*: "amateur" tourism; "organized" tourism; "tourist assistance"; air service.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Ershov N.Yu., Fraimovich A.D., Kolosova M.S. Formation of a system for ensuring economic security based on the development of measures to provide emergency assistance to tourists. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):223–232. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-223-232

Received 14.02.2025 Accepted 12.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

В настоящее время туризм является одним из самых распространенных способов для отдыха у российских граждан. Только в 2023 г., по данным Погранслужбы, россияне совершили 27065110 поездок, что на 16% больше, чем в 2022 г. [1].

При этом общий рост обусловлен увеличением потока в страны дальнего зарубежья на 30%, а в страны ближнего зарубежья – на 10%. По общему количеству поездок россиян за рубеж в десятку стран-лидеров входят: Турция, Абхазия, Объединенные Арабские Эмираты, Казахстан, Египет, Таиланд, Армения, Китай, Грузия (по данным Погранслужбы ФСБ) [2].

Так, согласно наиболее точным данным, поток в Таиланд увеличился на 240,6%, ОАЭ – на 42%, Турцию – 20,7%, Египет – 50%, Шри-Ланку – 116,4% [3; 4].

Наиболее популярным видом транспорта, которым пользуются российские туристы на отдыхе во время экскурсий, круизов, перемещения между территориями за рубежом, является водный транспорт (около 55%) и некоторые местные виды транспорта (в зависимости от места пребывания).

Обращая внимание на способ пересечения границы россиянами с целью отдыха, стоит отметить, что наиболее популярным является авиатранспорт – 54%.

В то же время, по данным российских авиакомпаний «Аэрофлот» и AZUR Air, после покупки билетов за рубеж вылетело примерно 70% пассажиров, а 30% не явились на борт самолета по различным причинам.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составляют данные Погранслужбы РФ, официального сайта «Аэрофлот» и AZUR Air, а также содержание устава компании ООО «Турпомощь». Также в статье используются аналитический и сравнительный методы, моделирование возможной ситуации.

Результаты и их обсуждение

Основным вопросом, волнующим как российских, так и зарубежных туристов, становится безопасная организация путешествия, начиная с момента заключения договора с турагентством или частными лицами и заканчивая пребыванием за рубежом и возвращением на родину.

Как уже было отмечено, выездной отдых реализуется двумя способами посредством выбора «самодеятельного» («дикого») либо «организованного» туризма. Так, по статистике, около 60 % всех отдыхающих за пределами нашей родины прибегают к «организованным» путешествиям за рубеж.

Безусловно, организация своего путешествия совместно с туроператором более безопасна, но это полностью не защищает туриста от различного рода нестандартных ситуаций и проблем. Так, по словам руководителя крупнейшего туристического оператора «Библио-Глобус» Полушиной Екатерины, путешествовать через турфирмы, безусловно, намного надёжнее, чем отправляться в поездки самостоятельно. «Во-первых, мы можем предложить готовые варианты отдыха на любой вкус. Во-вторых, только у нас люди смогут получить консультации квалифицированных специалистов в экстренной ситуации. И в-третьих, мы страхуем все возможные риски. При форс-мажорных обстоятельствах у человека всегда есть, к кому обратиться за помощью», – заявила на круглом столе, организованном Ростуризмом, Е. Б. Полушина [3].

К наиболее распространенным проблемам и сложным ситуациям у туристов за рубежом можно отнести:

1) ограничения, связанные с языком (языковой барьер);

2) культурные различия и недопонимания;

3) проблемы с хранением ценных вещей и мошенничество;

4) недостаточный уровень проработанности медицинской страховки и компенсации по ней;

5) незнание законов страны, выбранной для путешествия.

Более острыми и сложными проблемами внешней среды выступают следующие:

1) отсутствие на территории страны российского посольства (Багамы, Андорра, Мальдивы, Доминиканская республика, Монако и т. д.) [5];

2) риски задержки и отмены рейсов, что влечет за собой незапланированное пребывание в стране, а также незапланированные расходы;

3) снятие брони на проживание и обратный авиаперелёт по прибытию на заранее запланированное место отдыха;

4) некорректно оформленная виза;

5) банкротство туроператора или экстренная (незапланированная) остановка деятельности туркомпании во время пребывания отдыхающих за рубежом.

Какие-то из перечисленных выше проблем решаются на месте без особых сложностей, но во многих случаях требуется обязательная поддержка туриста в решении возникших вопросов.

В России основной организацией, деятельность которой связана именно с этим, является объединение туроператоров «Турпомощь». Работа данного объединения распространяется только на туристов, чей выездной отдых является «организованным».

Так, «Турпомощь» оказывает следующие виды содействия:

1) перевозку туриста из страны временного пребывания на родину с наименьшими временными затратами и оплату услуг по перевозке;

2) размещение туристов в гостиницу до начала перевозки туриста к месту назначения;

3) оказание экстренной медицинской и правовой помощи;

4) обеспечение хранения багажа.

Обращение туриста в «Турпомощь» должно содержать следующую информацию: ФИО туриста, адрес временного места нахождения, номер договора с турагентом, контактные данные, описание обязательств, которые не были выполнены туроператором или турагентом.

Указанные меры являются эффективными и достаточными, но имеют один нюанс. Заявление на оказание услуг данным объединением рассматривается около 24 часов (сутки), что является ключевой и острой проблемой.

С момента осознания проблемы и направления заявки в «Турпомощь» до момента получения «подкрепления» турист сталкивается со следующими трудностями.

1. Факт пребывания в ночное время суток. Так, на территории арабских государств ночевка и нахождение туристов с детьми после 23:00 в общественных местах запрещены. Отсутствие денежных средств, билета на обратную дорогу (по различным причинам), близко расположенного свободного жилья формируют сложности катастрофического масштаба, особенно для туристов, находящихся за рубежом впервые.

2. Запрет в некоторых странах на ожидание авиаперелёта в зоне аэропорта без наличия билета или с аннулированным билетом, что влечет за собой появление проблем, описанных в пункте 1.

3. Небезопасное пребывание туриста на территории страны после истечения срока отдыха по договору с турагентством.

Туристы, отправляющиеся в путешествие за рубеж «диким» путем, рискуют практически каждый день своего пребывания на отдыхе.

На сегодняшний день наибольшим спросом у российских туристов пользуются круизные путешествия на морских и речных лайнерах, автобусные экскурсии.

Путевки на экскурсию, круиз, приобретаются отдельно от авиаперелёта (билета на ж/д транспорт и т. д.) и чаще всего без помощи турагента.

Таким образом, только за 2023 г. произошло немало инцидентов, связан-

ных с пересечением границы туристами на места отдыха и обратно [6; 7 с. 270].

Основная проблема заключается в следующем: при оформлении билета на транспорт пассажиры не в полном объёме знакомятся с условиями перевозчика. Наиболее распространенными ситуациями выступают:

1) обнаружение отсутствия в билете информации о наличии багажа;

2) отказ от услуги конкретизации рейса или маршрута;

3) аннулирование билета в обе стороны при неявке на регистрацию на первый рейс без предупреждения за 2 часа до отправления (условия некоторых авиакомпаний, например «Аэрофлота»);

4) приобретения «невозвратного» билета и невозможность его сдачи или обмена в экстренных ситуациях с возвратом денежных средств.

С такими проблемами только в 2023 г., по данным Ростуризма, столкнулся каждый пятый турист. При оформлении билетов при помощи турагентства турист перекладывает часть ответственности на него. Но даже этот факт не гарантирует полной безопасности [8, с. 25].

Покупка билета на круизный лайнер с помощью турагента также не освобождает от возникновения нестандартных ситуаций. Наиболее распространенной проблемой в таких путешествиях является уровень медицинской страховки. Существуют следующие виды туристических страховок, в т. ч. и медицинских: базовые и расширенные. В основном для путешествия на лайнерах среднестатистический, небогатый турист выбирает базовый вид страховки.

В данный вид страховки входит: неотложная медицинская помощь, диагностика и лечение заболевания (если оно возникло или обострилось во время отдыха), лекарства, транспортировка до места лечения в случае ЧП.

Чаще всего базовая медицинская страховка составляет 40-50 тыс. долл. (ОАЭ). Она может покрыть простые, наиболее вероятные случаи: проблемы, возникающие вследствие беременности, диарею, услуги стоматолога. Данный список зависит от того, с какой страховой кампанией сотрудничает туроператор.

Такой вид страховки не покрывает: операции (например, удаление аппендикса), последствия и оказание экстренной помощи во время обострения хронических заболеваний, травм вследствие алкогольного опьянения. Экстренная помощь будет оказана в любом случае, где по итогу будет выставлен счет, только после погашения которого гражданин может прибыть на родину.

Время пребывания зависит от сроков, разрешенных находиться туристу на территории страны. Обычно такой период составляет около 90 дней. По истечении данным вопросом в обязательном порядке должно заниматься посольство. Также есть возможность получения банковского кредита.

Именно путешествия водными видами транспорта чаще всего влекут за собой проблемы с медицинского страховкой, а точнее, с неполнотой покрытия медицинских услуг минимальным комплектом страховки [9]. Вероятно, это можно объяснить отдаленностью нахождения от сухопутных территорий, где перевозка пациента на сушу с привлечением дополнительного медицинского водного транспорта является дорогостоящей.

Так, например, если рассмотренные выше ситуации возникают на территории России, они воспринимаются менее эмоционально и спокойно, нежели когда такое происходит за рубежом [10, с. 300].

В такие моменты туристы, путешествующие «своим ходом» или частично самостоятельно, как уже было отмечено, становятся заложниками собственных принципов, основанных на экономии, недоверии к деятельности турагентств.

Известно множество случаев, когда турист, пребывая за рубежом, будучи

уверенный в грамотном планировании отдыха (заказе гостиницы, билета, достаточном объеме денежных средств), оказывается в беде.

Только за последние 2 года в Посольство России поступило около 5 тысяч обращений об оказании помощи по возврату на родину. Среднее время пребывания таких граждан за рубежом, не считая времени, отведенного на запланированный отдых, составляет 3-5 суток [11].

Также проблему формирует территориальная отдаленность посольств РФ от мест отдыха туриста. Чтобы добраться и сделать обращение, отдыхающему необходимы средства на транспорт, а также владение языком.

В целом, формируя промежуточный вывод, можно сказать о том, что для туристов, путешествующих «организованно», «Турпомощь» является лучшим способом решения всех проблем, но требует примерно суточного ожидания.

Для отдыхающего «дикаря» и смешанного туризма решением всех вышеперечисленных проблем будет являться обращение в Посольство РФ, что является наиболее длительным процессом, чем оказание услуг «Турпомощи».

Для того чтобы наиболее динамично решать вопросы безопасного пребывания туриста за рубежом в экстренных ситуациях, целесообразно рассмотреть возможность появления организации «Турконсультант» в форме представительства ассоциации «Турпомощь» за рубежом или любой другой коммерческой и некоммерческой организации по вопросам содействия в области выездного туризма.

Такое представительство должно находиться в странах, популярных среди российских туристов: Турции, ОАЭ, Египте, Таиланде, Шри-Ланке, Китае, на Кубе.

Вероятнее всего, организация должна являться коммерческим объединением, плотно взаимодействующим с «Турпомощью» и Ростуризмом. Данная организация должна ориентироваться на оказание следующих услуг [12]:

1) заказ авиа- и ж/д билетов (наиболее популярных способах пересечения границы);

2) оформление документов и поиск жилого помещения, оплата за проживание;

3) предоставление и оплату услуг трансфера;

4) помощь в организации медицинской помощи и ее оплату;

5) правовая консультация;

6) организация экстренной связи с Посольством РФ;

7) оповещение родственников о месте нахождения туриста и консультацию по вопросам возможности оказания ему помощи родственниками.

Стоит отметить, что оказание услуги должно производиться только, если ситуация, в которую попал отдыхающий, является сложной и требует экстренной и неотлаженной помощи [13, с. 47].

Так как данная организация не является благотворительным фондом и иным субъектом, оказывающим услуги бесплатно, необходимо вести активное сотрудничество с банками, находящимися на территории России.

Таким образом, при обращении туриста в «Турконсультант» за определенным видом помощи клиенту предоставляется услуга в полном объеме и взымается плата. Но клиенту предоставляется выбор: либо оплатить услугу на месте в цифровой онлайн-платформе (при наличии средств), либо оплатить услугу по прибытию на территорию страны проживания, соответственно выданную в форме рассрочки под процент [14].

Процент, взымаемый банком, с которым вероятно будет работать «Турконсультант», должен составлять 10-15% от стоимости оказания услуги.

Так, например, стоимость оказания услуги данной организации без учета сопутствующих затрат примерно может составлять около 2000 руб. (средняя стоимость оказания услуг (обращения) коммерческими организациями в России).

Если, например, обращение влечет за собой заказ на покупку и оформление билета на перелет, временное проживание и т. п., то в стоимости оказания услуги стоит заложить 10% процентов от стоимость билета.

Таким образом, если турист столкнулся с проблемой переноса, отмены или отказом на прохождение регистрации на рейс, например в ОАЭ, то дальнейшие его действия обычно сводятся к следующим вариантам: бронирование гостиницы, покупка нового билета на авиалайнер.

Вышеперечисленные действия можно осуществить только при наличии денежных средств, в свою очередь, их отсутствие порождает одну большую проблему – возврат на родину с наименьшими затратами и временем пребывания на территории иностранного государства.

Так, например, в январе 2024 г. туристы из Москвы направились на отдых в ОАЭ, забронировав через турфирму только билет на круизный лайнер, следующий маршрутом Абу-Даби – Дубай – Абу-Даби. «Перелет из Москвы в Абу-Даби и обратно клиенты заказывали самостоятельно, не прибегая к нашей помощи», – сообщает директор турфирмы «Экспресс-Тур» [3].

Данными туристами был заказан рейс, выполняющийся авиакомпанией «Аэрофлот». Билеты были приобретены в обе стороны одним пакетом. Позже, по причине сдвига времени отбытия лайнера, туристами было принято решение приобрести новый билет по направлению из Москвы в Абу-Даби [1; 2].

Основная часть путешествия прошла успешно, но на обратном пути граждане столкнулись со следующей проблемой. По прибытии в аэропорт туристы направились на регистрацию, где им сообщили о том, что билет на обратный рейс аннулирован и возмещению не подлежит (невозвратный билет). Связавшись с сотрудниками авиакомпании, туристам была разъяснена причина [15].

Оказалось, что по требованиям, прописанным авиакомпанией, неявка на рейс в Абу-Даби без предупреждения заранее сотрудников авиакомпании о желании воспользоваться данным билетом по возвращении ведет к полному аннулированию пакета без возврата денежных средств или пересчета для оформления нового билета.

Минимальная стоимость нового билета на 3-х человек составляла 546 евро (примерно 60 тыс. руб.) В итоге выяснилось, что у туристов с собой такой суммы нет, приобрести билет родственниками или знакомыми на территории России в ближайшие 24 часа тоже оказалось невозможным по ряду причин [16, с. 116].

Помимо всего, данный перелет должен был состояться через 20 ч. Таким образом, основной проблемой отдыхающих стало проживание и поиск средств на перелет.

В сумме общие затраты, включая проживание, перелет и питание, составили около 70 тыс. руб. В ОАЭ запрещается находиться на территории аэропорта без приобретенного билета на перелет, а также строго запрещена ночевка в общественных местах и на улице, за что предусматриваются штрафные санкции [17].

Подобная ситуация может сложиться у каждого туриста, не рассчитавшего резерв денежных средств во время пребывания на территории иностранного государства или не ознакомившегося внимательно с требованиями авиакомпании [18; 19 с. 888].

Как уже было сказано выше, «Турпомощь» является верным помощником туристам, отправляющимся путешествовать от турфирм. На других туристов такой вариант помощи не распространяется. Безусловно, создавшиеся за рубежом проблемы являются следствием их собственных ошибок и просчетов. Но даже эти люди имеют право на скорое и своевременно возвращение на территорию страны [20, с. 56].

Выводы

Таким образом, предложенная выше организация «Турконсультант» сможет оказать содействие таким туристам, но, безусловно, не на безвозмездной основе. Такая структура в первую очередь обеспечит безопасное пребывание туриста за рубежом при возникновении проблем в самые кратчайшее сроки и окажет помощь в приобретении билетов на обратную дорогу, оплатив медицинскую страховку. Для удобства связи с такой организацией целесообразно разработать приложение для мобильных устройств.

В целом только за последний год к «Турпомощи» обращаются сотни российских граждан с требованием и просьбой решить их проблемы, но получают отказ по причине отсутствия соответствующего договора.

Экстренный туристический кредит, на чем может быть основана деятельность предложенного для создания представительства, является залогом безопасности российских туристов. Такие процессы, безусловно, должны поддерживаться и контролироваться, и не только коммерческим сектором, но и государством.

Список литературы

1. ФСБ отчиталась о поездках россиян за границу в 2023 году. Инфографика // РБК. URL: https://www.rbc.ru/business/05/02/2024/65bcde169a79475d81d18dab?ysclid=m92ix5w7kf13609018 (дата обращения: 18.01.2025).

2. Информация о статистике поступивших в ведомство обращений за 2020 год // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://tourism.gov.ru/other/statistika/informatsiya-o-statistike-postupivshikh-v-vedomstvo-obrashcheniy-za-2020-god/?ysclid=m92j2h2v2h754225365 (дата обращения: 18.01.2025).

3. Новости. Круглый стол // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/?ysclid=m92jjf3y26543196230 (дата обращения: 18.01.2025).

4. Куда и как ездили за границу россияне в 2023 году // Ассоциация туроператоров. URL: https://www.atorus.ru/node/55687?ysclid=m92jd687wb649882256 (дата обращения: 18.01.2025).

5. В каких странах закрылись российские консульства: как это отразится на россиянах. URL: https://t-j.ru/news/closed-consulates/?ysclid=m92jmj knpl359181897 (дата обращения: 18.01.2025).

6. Путешествие в науку // Science-ID. URL: https://scienceid.net/tourism?ysclid=m92jpugfno775604979 (дата обращения: 18.01.2025).

7. Дмитриев Ю. А. Управление рисками в сфере туризма. М.: Инфра-М, 2021. 290 с.

8. Алексеев А. А. Экономическая безопасность туристической деятельности. М.: Финансы и статистика, 2019. 125 с.

9. Аналитика // Турпомощь. URL: https://www.tourpom.ru (дата обращения: 18.01.2025).

10. Коваленко В. В., Давыдова Л. А. Туристская отрасль России в период кризиса 2022 г. // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2023. Т. 15, № 2. С. 47–57.

11. Цыринова Н. С. Современные инновационные технологии в туристической отрасли // Молодой ученый. 2016. № 27 (131). С. 45-46.

12. Туристам // Турпомощь. URL: https://tourpom.ru/page/turistam?ysclid=m92k84ynr2385757365 (дата обращения: 18.01.2025).

13. Тюрина Ю. Г., Жиденко А. С. Системный подход к рассмотрению устойчивого развития туризма в современных условиях // Вестник Академии знаний. 2024. № 5(64). С. 396-400.

14. Глазунов Д. В., Глазунова А. Д. Цифровая платформа для онлайн-планирования туристического досуга // Автоматизация. Современные технологии. 2025. Т. 79, № 2. С. 82-87.

15. При задержки / отмене рейсов // Аэрофлот. URL: https://www.aeroflot.ru (дата обращения: 18.01.2025).

16. Харакоз Ю. К. Особенности финансового обеспечения направлений стратегии устойчивого развития // Экономика и предпринимательство. 2022. № 11(148). С. 887-890.

17. Правила бронирования и оплаты авиабилетов // Аэрофлот. URL: https://www .aeroflot.ru (дата обращения: 18.01.2025).

18. Отмена или задержка рейса // Авиасейлс для туристов. URL: https://b2b.avia-sales.ru/help/airlines-airtickets/otmena-ili-zaderzhka-rejsa/?ysclid=m92kqnhjrj557978018 (дата обращения: 18.01.2025).

19. Гончаров В. Д. Основы экономической безопасности туриста. М.: Финансы и статистика, 2019. 200 с.

20. Петров П. А. Безопасность в международном туризме. М.: Аспект-Пресс, 2018. 250 с.

References

1. The FSB reported on Russian trips abroad in 2023. Infographics. RBC. (In Russ.) Available at: https://www.rbc.ru/business/05/02/2024/65bcde169a79475d81d18dab?ysclid=m92 ix5w7 kf13609018 (accessed 18.01.2025).

2. Information on statistics of applications received by the department for 2020. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (In Russ.) Available at: https://tourism. gov.ru/ other/statistika/informatsiya-o-statistike-postupivshikh-v-vedomstvo-obrashcheniy-za-2020-god/?ysclid=m92j2h2v2h754225365 (accessed 18.01.2025).

3. News. Round table discussion. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (In Russ.) Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/?ysclid=m92jjf3y 26543196230 (accessed 18.01.2025).

4. Where and how did Russians travel abroad in 2023. Association of Tour Operators. (In Russ.) Available at: https://www.atorus.ru/node/55687?ysclid=m92jd687wb649882256 (accessed 18.01.2025).

5. In which countries have Russian consulates closed: how will this affect Russia? (In Russ.) Available at: https://t-j.ru/news/closed-consulates/?ysclid=m92jmj knpl359181897 (accessed 18.01.2025).

6. Journey to science. Science-ID. (In Russ.) Available at: https://scienceid.net/tourism ?ysclid=m92 jpugfno775604979 (accessed 18.01.2025).

7. Dmitriev Yu.A. Risk management in the tourism sector. Moscow: Infra-M; 2021. 290 p. (In Russ.)

8. Alekseev A.A. Economic security of tourism activities. Moscow: Finansy i statistika; 2019. 125 p. (In Russ.)

9. Analytics. Travel aid. (In Russ.) Available at: https://www.tourpom.ru (accessed 18.01.2025).

10. Kovalenko V.V., Davydova L.A. The tourism industry of Russia during the crisis of 2022. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyi zhurnal = Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2023;15(2):47-57. (In Russ.)

11. Tsyrinova N.S. Modern innovative technologies in the tourism industry. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2016;(27):45-46. (In Russ.)

12. To tourists. Turpomosh. (In Russ.) Available at: https://tourpom.ru/page/turistam? ysclid=m92k84ynr 2385757365 (accessed 18.01.2025).

13. Tyurina Yu.G., Didenko A.S. A systematic approach to the consideration of sustainable tourism development in modern conditions. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;(5):396-400. (In Russ.)

14. Glazunov D.V., Glazunova A.D. Digital platform for online planning of tourist leisure. *Avtomatizatsiya. Sovremennye tekhnologii = Automation. Modern Technologies*. 2025;79(2):82-87. (In Russ.)

15. In case of flight delays / cancellations. Aeroflot. (In Russ.) Available at: https://www. aeroflot.ru (accessed 18.01.2025).

16. Kharakoz Yu.K. Features of financial support for the directions of the sustainable development strategy. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2022;(11):887-890. (In Russ.)

17. Rules for booking and paying for air tickets. Aeroflot. (In Russ.) Available at: https:// www .aeroflot.ru (accessed 18.01.2025).

18. Flight cancellation or delay. Air Sales for tourists. (In Russ.) Available at: https://b2b. aviasales.ru/help/airlines-airtickets/otmena-ili-zaderzhka-rejsa/?ysclid=m92kqnhjrj557978018 (accessed 18.01.2025).

19. Goncharov V.D. Fundamentals of economic security of tourists. Moscow: Finansy i statistika; 2019. 200 p. (In Russ.)

20. Petrov P.A. Safety in international tourism. Moscow: Aspekt-Press; 2018. 250 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Ершов Николай Юрьевич, студент кафедры финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: kolia.04071@yandex.ru,
SPIN: 8238-2385,
ORCID: 0009-0008-5169-4213

Nikolay Yu. Ershov, Student of the Department of Finance and Credit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation.
e-mail: kolia.04071@yandex.ru,
SPIN: 8238-2385,
ORCID: 0009-0008-5169-4213

Фраймович Ангелина Денисовна, студент кафедры экономики инноваций и финансов, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: angelinafrai56@gmail.com

Angelina D. Fraymovich, Student of the Department of Economics, Innovation and Finance, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: angelinafrai56@gmail.com

Колосова Мария Сергеевна, аналитик кафедры экономики инноваций и финансов, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: m.e.k.06@ yandex.ru,
SPIN: 9601-4778,
Researcher ID: JEF-9452-2023,
ORCID: 0009-0000-7351-0333

Maria S. Kolosova, Analytical Specialist of the Department of Economics, Innovation and Finance, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: m.e.k.06@yandex.ru,
SPIN: 9601-4778,
Researcher ID: JEF-9452-2023,
ORCID: 0009-0000-7351-0333

Оригинальная статья / Original article

УДК 330.113.6

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-233-245

CC BY 4.0

Роль системы межрегионального взаимодействия в пространственном развитии национальной экономики

Г. М. Елистратов[1] ✉, И. А. Козьева[1]

[1] Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: laxlaz78@gmail.ru

Резюме

Актуальность. *Современная социально-политическая и экономическая ситуация в России требует эффективного использования потенциала пространственного развития для укрепления экономического суверенитета и национальной безопасности. Пространство страны, с одной стороны, предоставляет значительные преимущества, включая освоение новых территорий, использование природных ресурсов и создание точек экономического роста. С другой стороны, его масштабность и неоднородность создают сложности в управлении, поддержании целостности и устранении межрегиональных диспропорций.*

Цель *– обосновать роль системы межрегионального взаимодействия в пространственном развитии национальной экономики в качестве инструмента, способствующего более сбалансированному и устойчивому развитию различных территорий страны.*

Задачи: *определить роль системы межрегионального взаимодействия в пространственном развитии национальной экономики; провести анализ существующих механизмов и форм межрегионального сотрудничества; выявить факторы, влияющие на интеграцию регионов; разработать рекомендации по совершенствованию межрегиональных связей с учетом современных вызовов и стратегий устойчивого развития.*

Методология. *Методологический подход к изучению системы межрегионального взаимодействия в контексте пространственного развития национальной экономики основывается на комплексном применении теоретических, аналитических и эмпирических методов, направленных на глубокое осмысление ключевых закономерностей и факторов, определяющих межрегиональные процессы.*

Результаты *исследования подтверждают, что межрегиональное взаимодействие способствует устранению социально-экономических диспропорций и обеспечивает устойчивое развитие регионов. Развитие транспортной, цифровой и институциональной инфраструктуры укрепляет территориальную связанность и доступность. В рамках стратегического планирования предложены меры по оптимизации межрегионального сотрудничества, включая диверсификацию экономических связей, развитие кластеров и внедрение новых инструментов интеграции.*

Выводы. *Исследование подтверждает, что система межрегионального взаимодействия является важным инструментом пространственного развития национальной экономики. Она способствует устранению территориальных диспропорций, оптимальному использованию ресурсов и укреплению экономической интеграции. В рамках исследования предложены меры по совершенствованию межрегиональных связей, направленные на устойчивый рост и повышение конкурентоспособности регионов.*

Ключевые слова: *межрегиональное взаимодействие; пространственное развитие; национальная экономика; экономическое районирование; устойчивое развитие; региональная интеграция; транспортная инфраструктура; социально-экономическое пространство; инновации; территориальная кооперация.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

© Елистратов Г. М., Козьева И. А., 2025

Для цитирования: Елистратов Г. М., Козьева И. А. Роль системы межрегионального взаимодействия в пространственном развитии национальной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 233–245. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-233-245

Поступила в редакцию 12.02.2025 Принята к публикации 10.03.2025 Опубликована 30.04.2025

The role of the inter-regional cooperation system in the spatial development of the national economy

Gregory M. Elistratov[1] ✉, Irina A. Kozyeva[1]

[1] Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: laxlaz78@gmail.ru

Abstract

Relevance. *The current socio-political and economic situation in Russia requires effective use of the potential of spatial development to strengthen economic sovereignty and national security. On the one hand, the country's space offers significant advantages, including the development of new territories, the use of natural resources, and the creation of economic growth points. On the other hand, its scale and heterogeneity create difficulties in managing, maintaining integrity and eliminating inter-regional imbalances.*

The purpose *is to substantiate the role of the system of interregional cooperation in the spatial development of the national economy as an instrument contributing to a more balanced and sustainable development of various territories of the country.*

Objective: *to determine the role of the system of interregional cooperation in the spatial development of the national economy; to analyze the existing mechanisms and forms of interregional cooperation; to identify factors affecting the integration of regions; to develop recommendations for improving interregional relations, taking into account modern challenges and sustainable development strategies.*

Methodology. *The methodological approach to the study of the system of interregional interaction in the context of the spatial development of the national economy is based on the integrated application of theoretical, analytical and empirical methods aimed at a deep understanding of the key patterns and factors determining interregional processes.*

The results *of the study confirm that inter-regional cooperation helps to eliminate socio-economic disparities and ensures the sustainable development of regions. The development of transport, digital and institutional infrastructure strengthens territorial connectivity and accessibility Within the framework of strategic planning, measures have been proposed to optimize interregional cooperation, including the diversification of economic ties, the development of clusters and the introduction of new integration tools.*

Conclusions. *The study confirms that the system of interregional cooperation is an important tool for the spatial development of the national economy. It helps to eliminate territorial imbalances, optimize the use of resources and strengthen economic integration. The study suggests measures to improve inter-regional relations aimed at sustainable growth and increasing the competitiveness of regions.*

Keywords*: interregional cooperation; spatial development; national economy; economic zoning; sustainable development; regional integration; transport infrastructure; socio-economic space; innovation; territorial cooperation.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Elistratov G.M., Kozyeva I.A. The role of the inter-regional cooperation system in the spatial development of the national economy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):233–245. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-233-245

Received 12.02.2025 Accepted 10.03.2025 Published 30.04.2025

Введение

Современная социально-политическая и экономическая ситуация в России обусловливает необходимость выявления и полноценного использования потенциала устойчивого развития страны для укрепления ее экономического суверенитета и обеспечения национальной безопасности. Одним из ключевых элементов такого потенциала является социально-экономическое пространство страны, которое, несмотря на свои преимущества, обладает противоречивым характером.

С одной стороны, масштабность и разнообразие социально-экономического пространства создают значительные возможности для укрепления национальной экономики. Эти возможности выражаются в освоении новых территорий и природных ресурсов, в оптимизации территориального размещения производительных сил, а также в создании новых точек экономического роста, что играет важную роль в обеспечении территориальной устойчивости и реализации стратегических задач национальной безопасности.

С другой стороны, значительная протяженность и неоднородность пространственных параметров страны формируют объективные сложности в развитии национальной экономики и управлении ею. Эти сложности проявляются, прежде всего, в необходимости поддержания целостности экономического пространства, устранения межрегиональных диспропорций, а также создания эффективных систем многоуровневого управления. В условиях современных вызовов, связанных с глобализацией, усилением международной конкуренции и переходом к новым технологическим укладам, данные проблемы приобретают особую значимость.

Важным инструментом преодоления этих вызовов и реализации потенциала пространственного развития является система межрегионального взаимодействия. Она позволяет не только более эффективно использовать ресурсы и выравнивать уровень социально-экономического развития различных регионов, но и укреплять интеграционные процессы, способствующие формированию единого экономического пространства. При этом особое значение приобретают механизмы координации между регионами, включая развитие транспортной, информационной и институциональной инфраструктуры.

Значимость системы межрегионального взаимодействия определяется ее существенным влиянием на пространственное развитие национальной экономики. Активное сотрудничество между регионами способствует рациональному распределению и эффективному использованию природных, экономических и человеческих ресурсов, а также играет ключевую роль в стимулировании экономической активности на всей территории страны. Кроме того, оно выступает инструментом, направленным на смягчение социально-экономических дисбалансов и устранение территориальных диспропорций, что позволяет обеспечить более сбалансированное развитие регионов.

Межрегиональное взаимодействие реализуется через широкий спектр организационных форм, включая деятельность межрегиональных ассоциаций, союзов, консорциумов, а также установление прямых партнерских связей между предприятиями и учреждениями различных территориальных образований.

Таким образом, исследование роли системы межрегионального взаимодействия в пространственном развитии национальной экономики является актуальной научной и практической задачей. Оно не только позволяет выявить возможности оптимизации социально-экономического пространства, но и дает основу для формирования эффективной государственной политики, направленной на обеспечение устойчивого развития и повышение конкурентоспособности национальной экономики.

Материалы и методы

В качестве базовых принципов использованы положения пространственной экономики, сформулированные в работах отечественных и зарубежных ученых, включая теории экономического районирования, концепции полюсов роста и модели кластерного развития. Значительное внимание уделено исследованиям П. А. Минакира, А. Г. Гранберга, В. В. Кулешова, а также анализу современных подходов к институциональному развитию регионов. Теоретические основы исследования позволили обобщить существующие подходы к пространственному развитию и систематизировать основные механизмы межрегионального взаимодействия.

Результаты и их обсуждение

Пространственное развитие национальной экономики является важной задачей для достижения устойчивого и сбалансированного роста экономики страны. Оно предусматривает целенаправленное и комплексное развитие различных территорий страны, учитывая их особенности, конкурентные преимущества и потенциал.

Комплексный подход в методологии изучения пространственной экономики как составной части экономической теории представлен в работах П. А. Минакира [1; 2]. Анализ эволюции теоретических принципов и подходов к исследованию пространственной организации экономики создает теоретические предпосылки к системному представлению экономики как взаимодействию микроэкономических агентов, взаимодействий на уровне регионов и стран.

В монографии Б. Х. Краснопольского представлены теоретические воззрения автора на проблемы теории инфраструктуры и пространственной экономики. Анализируются сложившиеся представления о таком экономическом феномене, как инфраструктура, ее роли в формировании пространственной организации различного уровня иерархии региональных хозяйственных комплексов. Выдвигается и обосновывается концепция системно-организующего влияния инфраструктурных элементов на процессы всего жизненного цикла данных комплексов от их первичных до развитых форм, что является одной из важных составляющих предмета исследования в пространственной экономике как науке [3].

А. Г. Гранберг является основоположником российской школы пространственных межотраслевых исследований. Ученый внес огромный вклад в развитие методологии пространственной и региональной экономики [4]. Под его научным руководством разрабатывались программы развития Урала, Сибири, Дальнего Востока, получающие новое осмысление и продолжение в наши дни.

Свое развитие в работах В. В. Кулешова получили исследования в области региональной экономики с применением оптимизационной межотраслевой межрайонной модели [5].

Огромный вклад в изучение вопросов воспроизводственного процесса в регионе внес Р. И. Шнипер [6].

Формирование и развитие территорий поселений являются ключевыми аспектами пространственного развития национальной экономики. П. Я. Бакланов и его коллеги подчеркивают, что территория каждого поселения изначально включается в экономические, социальные и экологические связи с окружающими территориями, претерпевая многочисленные трансформации. На примере Владивостокской агломерации продемонстрирована динамика взаимодействия поселений с соседними территориями, обусловленная необходимостью выполнения специфических функций. Эти процессы подчеркивают роль территорий как базовой основы для пространственного развития, включая создание точек роста и оптимизацию функционального взаимодействия территориальных элементов страны [7, с. 18].

Экономическое районирование, которое в советский период служило основой для комплексного планирования развития народного хозяйства, также сохраняет свою актуальность в современных условиях. Как отмечает П. Я. Бакланов, радикальные преобразования 1990-х годов временно снизили его значимость. Однако в последние годы интерес к экономическому районированию возрождается под влиянием таких факторов, как восстановление стратегического планирования, изменения геополитической ситуации и необходимость достижения производственно-технологического суверенитета. Исследователь предлагает новую модель районирования, включающую семь крупных экономических районов и 22 мезорайона, ориентированных на специфические производственно-технологические цепочки и приоритетные виды деятельности. Данный подход открывает возможности для долгосрочного устойчивого развития регионов и страны в целом [8, с. 5].

Кроме того, исследования П. Я. Бакланова и А. В. Мошкова акцентируют внимание на территориальных производственных структурах как основах регионального экономического развития. В рамках этих структур отдельные предприятия интегрируются в производственно-технологические цепочки, образуя различные типы территориальных систем. Ученые выделяют производственно-технологические, территориально-отраслевые и межотраслевые структуры, а также промышленные узлы и линейно-узловые системы. В качестве примера рассмотрены системы Приморского края, где сформировались такие производственные цепочки, как углеэнергохимические, нефтеэнергохимические и горно-металлургические. Эти структуры демонстрируют, как производственные предприятия объединяются в региональные экономические комплексы, усиливая внутреннюю связанность и конкурентоспособность территорий [9, с. 4].

Таким образом, современные исследования показывают, что развитие территорий через межрегиональные связи, оптимизацию производственных структур и районирование играет важнейшую роль в пространственном развитии. Эти подходы позволяют не только интегрировать отдельные территории в национальную экономику, но и способствуют выравниванию социально-экономических диспропорций, что крайне важно для достижения устойчивого роста.

Начиная с 1990-х гг. пространственная организация экономики Российской Федерации претерпела значительную трансформацию под влиянием изменения условий международной торговли и научно-технологического развития. Кроме того, проводимая Правительством в 2000-х гг. политика сфокусированного развития опорных регионов (полюсов роста) путем внедрения различных механизмов поддержки (экономические зоны, технико-внедренческие парки, бизнес-инкубаторы, кластеры и прочие) стала причиной усиления конкуренции субъектов за привлечение субсидий. Вследствие этого современные российские условия характеризуются исключительной неоднородностью экономического и инновационного пространства страны и весьма различными экономическими и институциональными возможностями отдельных субъектов Федерации [10].

Преодоление данных негативных тенденций, повышение общей конкурентоспособности страны и достижение устойчивого экономического роста возможны на основе перехода от модели конкурентного развития территорий, реализуемой по сценарию поляризованного роста, к модели развития на основе кооперации территорий с учетом перспективной экономической специализации [9].

В рамках исследования Г. Г. Рубцова и А. Н. Литвиненко межрегиональное взаимодействие рассматривается как одно из приоритетных направлений государственной региональной политики,

направленной на обеспечение устойчивого социально-экономического развития страны. Основу этой политики составляют принципы взаимовыгодного сотрудничества и ориентации на достижение максимального социально-экономического эффекта для всех субъектов федерации. Авторы подчеркивают, что в современных условиях территориальное взаимодействие требует постоянного совершенствования механизмов интеграции регионов, улучшения экономического разделения труда между субъектами Российской Федерации и повышения эффективности функционирования ключевых отраслей, включая промышленность, торговлю и коммуникации. Значительное внимание уделяется оптимизации и диверсификации межрегиональных связей, что, по мнению авторов, способствует не только укреплению экономической безопасности, но и качественному улучшению благосостояния населения и усилению территориальной целостности страны [11].

С точки зрения Н. М. Сысоевой и А. Н. Кузнецовой, межрегиональная кооперация является важным инструментом развития внутренних рынков труда и товаров, а также способствует реализации совместных проектов в различных сферах, включая производственно-технологическую, научно-образовательную, социальную, экологическую и культурно-этнографическую. Авторы отмечают, что такая кооперация выходит за рамки исключительно экономических интересов отдельных структур, охватывая более широкий спектр общественных потребностей. В условиях активного внедрения системы стратегического планирования в Российской Федерации, включая планирование пространственного развития и проектный подход к реализации национальных инициатив, значимость межрегионального взаимодействия возрастает. Оно становится более сложным с точки зрения целей, сфер и участников реализации. Авторы подчеркивают, что в условиях усиления глобальных вызовов (таких, как технологические преобразования, экологические кризисы и эпидемиологические угрозы) необходимо развитие новых форм межрегиональной инфраструктуры, направленных на раскрытие инновационного потенциала регионов и улучшение качества жизни населения [12].

Важность интенсификации межрегионального взаимодействия как значимого фактора пространственного и экономического развития отмечается не только многими учеными-регионалистами. Необходимость реализации потенциала межрегионального взаимодействия и повышение уровня кооперации между субъектами РФ поддерживается и на высшем уровне власти страны. В декабре 2024 г. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р была утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 г. (далее по тексту – Стратегия)[1].

Стратегия призвана максимально вовлечь пространство в достижение национальных целей с учетом необходимости эффективного использования имеющихся ресурсов. В Стратегии определены пространственные приоритеты, позволяющие сконцентрировать ресурсы из бюджетных и внебюджетных источников, в т. ч. в рамках национальных проектов и государственных программ, на решении ключевых задач развития, а также механизмы для обеспечения эффективности их использования. Целью пространственного развития Российской Федерации является формирование сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики Российской Фе-

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495567/?ysclid=m6e36rb1cj485344730 (дата обращения: 17.01.2025).

дерации, которое будет способствовать достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности [13].

В целом система межрегионального взаимодействия является важным инструментом пространственного развития национальной экономики, который способствует более сбалансированному и устойчивому развитию различных территорий страны. Для эффективной реализации межрегионального сотрудничества необходима четкая государственная политика, поддержка со стороны органов власти, а также участие бизнеса и гражданского общества [14].

Система межрегионального взаимодействия включает в себя широкий спектр инструментов и механизмов сотрудничества между регионами, направленных на достижение общих целей пространственного развития национальной экономики (рис. 1).

Рис. 1. Ключевые инструменты сотрудничества между регионами, направленные на достижение общих целей пространственного развития национальной экономики

Пространственное развитие национальной экономики России предполагает не только устранение межрегионального неравенства, но и формирование новой модели территориального развития, основанной на кооперации и интеграции регионов. Учитывая сложившиеся диспропорции в социально-экономическом развитии

субъектов Федерации, ключевыми аспектами пространственного развития должны стать реализация потенциала межрегионального взаимодействия и внедрение инновационных механизмов координации.

Предложения по совершенствованию пространственного развития:

1. Разработать новые стратегии пространственного развития, которые учитывают опыт реализации предыдущих программ.

2. Увеличить финансирование на раз-витие транспортной и цифровой инфраструктуры, особенно в отдаленных регионах.

3. Развивать механизмы государственно-частного партнерства для реализации межрегиональных проектов.

4. Организовать специализированные межрегиональные институты, ответственные за координацию взаимодействия и мониторинг выполнения задач.

5. Усилить внимание к экологической составляющей межрегионального сотрудничества, включая проекты в области энергоэффективности и управления отходами.

Эти меры позволят добиться сбалансированного территориального развития, повысить эффективность использования ресурсов и обеспечить устойчивый рост экономики [15].

В таблице 1 обобщены основные направления межрегионального взаимодействия, инструменты и ожидаемые эффекты.

Данные таблицы 1 наглядно демонстрирует взаимосвязь между направлениями, инструментами и результатами межрегионального взаимодействия, что подчеркивает важность комплексного подхода в пространственном развитии национальной экономики [16; 17].

Таблица 1. Основные направления межрегионального взаимодействия, инструменты и ожидаемые эффекты

Направление взаимодействия	Инструменты реализации	Ожидаемые эффекты
Экономическое сотрудничество	Создание межрегиональных кластеров и индустриальных парков. Взаимодействие малого и среднего бизнеса. Привлечение инвестиций	Увеличение объемов производства. Развитие конкурентоспособных отраслей. Повышение экономической активности
Развитие транспортной инфраструктуры	Строительство транспортных коридоров. Совместное использование транспортной инфраструктуры. Обновление и модернизация дорожной сети	Ускорение грузо- и пассажиропотока. Снижение логистических издержек. Увеличение региональной доступности
Инновационное взаимодействие	Совместные научные проекты. Обмен кадрами и технологиями. Развитие сетей научно-исследовательских центров	Рост инновационной активности. Укрепление научного потенциала регионов. Повышение квалификации рабочей силы
Социально-культурное сотрудничество	Реализация образовательных обменов. Совместное развитие культурных проектов. Развитие туризма и рекреации	Укрепление социальной интеграции. Повышение качества жизни. Рост туристического потока
Экологическое взаимодействие	Совместные проекты в области энергосбережения. Разработка природоохранных программ. Развитие экологического туризма	Улучшение экологической ситуации. Снижение углеродного следа. Развитие зеленой экономики

С учетом глобальных вызовов и изменений, таких как трансформация международных торговых отношений, переход к зеленой экономике и развитие цифровизации, необходимо дополнить существующие направления пространственного развития мерами, обозначенными ниже (рис. 2).

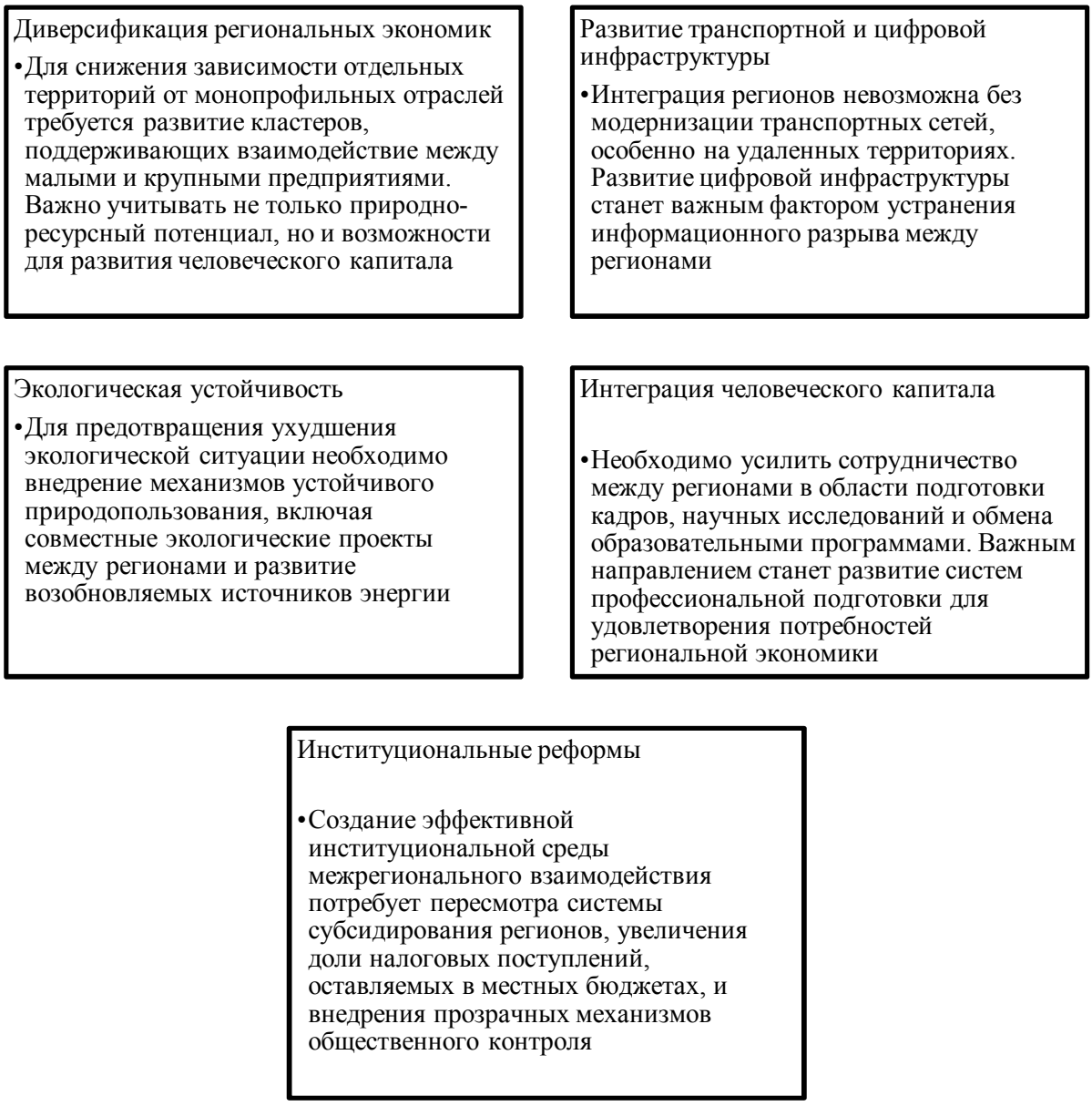

Рис. 2. Перспективные направления пространственного развития

Для эффективного пространственного развития национальной экономики требуется комплексный подход, основанный на кооперации и устойчивости. Межрегиональное взаимодействие должно стать инструментом устранения диспропорций и повышения конкурентоспособности страны в целом. Однако реализация поставленных целей невозможна без комплексной государственной политики, которая учитывает особенности каждого региона, обеспечивает поддержку малых территорий и стимулирует частную инициативу [18; 19].

Выводы

Результаты исследования подтверждают важность системы межрегионального взаимодействия как одного из ключевых факторов пространственного развития национальной экономики. Основная роль межрегионального взаимодействия заключается в обеспечении сбалансированного использования ресурсов, устранении социально-экономических диспропорций и формировании интеграционного механизма, направленного на повышение устойчивости и конкурентоспособности регионов.

Особое значение приобретает развитие транспортной и цифровой инфраструктуры, что позволяет связать территориально удаленные регионы в единую систему, обеспечивая доступность рынков и ресурсов. Важным аспектом является также реализация совместных проектов в таких областях, как инновации, экология, культура и образование, что способствует интеграции территорий и росту их экономической и социальной стабильности.

Современные вызовы, включая необходимость перехода к зеленой экономике, усиление международной конкуренции и ускорение технологической модернизации, требуют от России внедрения новых инструментов межрегионального сотрудничества. Это включает диверсификацию территориальных связей, развитие кластеров и повышение эффективности государственного управления в рамках стратегического планирования.

Для дальнейшего совершенствования пространственного развития национальной экономики необходима четко скоординированная государственная политика, включающая поддержку малых территорий, стимулирование частных инициатив и участие гражданского общества. Устойчивое развитие регионов возможно только при условии комплексного подхода, основанного на сочетании экономических, экологических и социальных факторов.

Таким образом, система межрегионального взаимодействия представляет собой не только инструмент устранения территориальных диспропорций, но и механизм формирования инновационной, интегрированной и устойчивой национальной экономики.

Список литературы

1. Минакир П. А. Российская экономика: между кризисами // Пространственная экономика. 2020. Т. 16, № 1. С. 7-23.

2. Минакир П. А. Пространственное экономическое развитие теории и политика // Экономические теории в пространстве и времени / под редакцией В. С. Автономова и А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя, 2020. С. 287-324.

3. Краснопольский Б. Х. Инфраструктура и пространственная экономика: теоретические и прикладные исследования / отв. ред. П. А. Минакир; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, 2023. 234 с.

4. Гранберг А. Г. Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // Вопросы экономики. 2021. № 9. С. 15-21.

5. Кулешов В. В., Черевикина М. Ю. Развитие исследований в области региональной экономики в СО РАН: тенденции и важнейшие результаты // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 19-35.

6. Шнипер Р. И. Регион: диагностика и прогнозирование / отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, 1996. 135 с.

7. Бакланов П. Я., Мошков А. В., Ушаков Е. А. Территории поселений в пространственном развитии // Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные и социально-

экономические факторы и структуры: сборник научных статей. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2024. С. 18-35.

8. Бакланов П. Я. Новые факторы и предпосылки экономического районирования России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2024. № 2. С. 5-18.

9. Бакланов П. Я., Мошков А. В. Территориальные производственно-экономические структуры: типы и их отношения в региональном развитии // Региональные исследования. 2023. № 3(81). С. 4-17.

10. Сысоева Н. М., Кузнецова А. Н. Межрегиональное сотрудничество в системе управления пространственным развитием // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 3. С. 413–419.

11. Глезман Л. В. Приоритеты пространственно-отраслевого развития регионов в условиях цифровизации экономики // Вопросы инновационной экономики. 2021. № 2. С. 581-596.

12. Дубровская Ю. В., Козоногова Е. В. Оценка влияния интенсивности межрегионального взаимодействия на пространственное развитие национальной экономики // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2019. № 3 (91). С. 25-39. https://doi.org/10.1872/E.12108

13. Рубцов Г. Г., Литвиненко А. Н. Роль межрегионального сотрудничества в системе современной региональной экономики России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 1. С. 97–110.

14. Бухвальд Е. М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. 2020. № 6. С. 2-14.

15. Конищев Е. С. Анализ подходов к повышению межрегиональной связанности субъектов Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 12. С. 7133-7146.

16. Плисецкий Е. Л. Структурные изменения в пространственном развитии России: новые реалии // Управленческие науки. 2023. Т. 13, № 3. С. 21-33.

17. Тополева Т. Н. Приоритеты политики пространственного развития России в условиях новых вызовов: региональный аспект // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 10. С. 2641-2654.

18. Федосеева С. С., Ионова И. Г., Баландин Д. А. Пространственное развитие моногородов региона в условиях современной экономической неопределенности // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2023. № 2. С. 23-33.

19. Филимонов А. П. Анализ современных тенденций развития стратегического планирования // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 12. С. 7095-7112.

References

1. Minakir P.A. Russian economy: between crises. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economy*. 2020;16(1):7-23. (In Russ.)

2. Minakir P.A. Spatial economic development of theory and policy. In: Avtonomov V.S., Rubinstein A.Ya. (ebs.) Economic theories in space and time. St. Petersburg: Aleteiya; 2020. P. 287-324. (In Russ.)

3. Krasnopolsky B.Kh. Infrastructure and spatial economy: theoretical and applied research. Khabarovsk: Institut ekonomicheskikh is-sledovanii DVO RAN; 2023. 234 p. (In Russ.)

4. Granberg A.G. Strategy of territorial socio-economic development of Russia: from idea to implementation. *Voprosy ekonomiki = Voprosyekonomiki*. 2021;(9):15-21. (In Russ.)

5. Kuleshov V.V., Cherevikina M.Yu. Development of research in the field of regional economics in the SB RAS: trends and key results. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2007;(2):19-35. (In Russ.)

6. Shniper R.I. Region: diagnostics and forecasting. Novosibirsk: IEOP SB RAS; 1996. 135 p. (In Russ.)

7. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V., Ushakov E.A. Settlement territories in spatial development. In: *Geosistemy Severo-Vostochnoi Azii: prirodnye i sotsial'no-ekonomicheskie faktory i struktury: sbornik nauchnykh statei = Geosystems of North-East Asia: natural and socio-economic factors and structures: Collection of scientific articles*. Vladivostok: Tikhookeanskii institut geografii DVO RAN; 2024. P. 18-35. (In Russ.)

8. Baklanov P.Ya. New factors and prerequisites for economic zoning of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya = Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*. 2024;(2):5-18. (In Russ.)

9. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V. Territorial production and economic structures: types and their relationships in regional development. *Regional'nye issledovaniya = Regional Studies*. 2023;(3):4-17. (In Russ.)

10. Sysoeva N.M., Kuznetsova A.N. Interregional cooperation in the system of spatial development management. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;(3):413–419. (In Russ.)

11. Glezman L.V. Priorities of spatial and sectoral development of regions in the context of digitalization of the economy. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of Innovative Economics*. 2021;(2):581-596. (In Russ.)

12. Dubrovskaya Yu.V., Kozonogova E.V. Assessing the influence of the intensity of interregional interaction on the spatial development of the national economy. *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie = Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2019;(3):25–39. (In Russ.)

13. Rubtsov G.G., Litvinenko A.N. The role of interregional cooperation in the system of modern regional economy of Russia. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Pedagogical University. Economic Sciences*. 2019;12(1):97–110. (In Russ.)

14. Buchwald E.M. Management of spatial development of the Russian economy: goals and tools. *Upravlenets = Manager*. 2020;(6):2-14. (In Russ.)

15. Konishchev E.S. Analysis of approaches to increasing interregional connectivity of the subjects of the Russian Federation. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(12):7133-7146. (In Russ.)

16. Plisetsky E.L. Structural changes in the spatial development of Russia: new realities. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*. 2023;13(3):21-33. (In Russ.)

17. Topoleva T.N. Priorities of Russia's spatial development policy in the context of new challenges: a regional aspect. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(10):2641-2654. (In Russ.)

18. Fedoseeva S.S., Ionova I.G., Balandin D.A. Spatial development of the region's single-industry towns in the context of modern economic uncertainty. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2023;(2):23-33. (In Russ.)

19. Filimonov A.P. Analysis of modern trends in the development of strategic planning. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law.* 2024;14(12):7095-7112. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Елистратов Григорий Максимович, аспирант, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: laxlaz78@gmail.com

Grigory M. Elistratov, Post-Graduate Student, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: laxlaz78@gmail.com

Козьева Ирина Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: i.a.kozieva@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7547-3978

Irina A. Kozyeva, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Economics, Management and Audit, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: i.a.kozieva@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-7547-3978

Оригинальная статья / Original article

УДК 614.2

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-246-256

CC BY 4.0

Подходы к оценке цифровой зрелости рынка медицинских услуг

М. А. Зубатов[1] ✉

[1] Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики
Лермонтовский пр-т, д. 44, г. Санкт-Петербург 190020, Российская Федерация

✉ e-mail: bbooookk@mail.ru

Резюме

Актуальность. *На сегодняшний день процесс цифровизации различных рынков, отраслей и сфер деятельности вступил в стадию необходимости осмысления достигнутых результатов и требуемых изменений, вызванных всеобъемлющим процессом цифровизации. Такая задача может быть решена на основе понятия «цифровая зрелость».*

Цель *– разработка инструмента оценки уровня цифровизации рынка медицинских услуг на основе понятия «цифровая зрелость».*

Задачи: *проанализировать подходы к содержанию понятия «цифровая зрелость» и уточнить понятие «цифровая зрелость рынка медицинских услуг»; разработать подход к оценке «цифровая зрелость рынка медицинских услуг»; предложить систему показателей оценки цифровой зрелости рынка медицинских услуг.*

Методология. *Методика исследования включала в себя применение субъектного, системного, процессного и функционально-средового подходов для анализа состояния и динамики развития рынка медицинских услуг.*

Результаты. *Рассмотрены основные подходы к оценке цифровой зрелости различных объектов и процессов, показано, что для такого феномена, как рынок медицинских услуг, в настоящее время отсутствует подход, позволяющий оценить его цифровую зрелость. Предложен подход к формированию системы оценки уровня цифровой трансформации рынка медицинских услуг на основе трехфокусной оценки «цифровой зрелости». На основе данного подхода предложена система показателей, позволяющих оценивать «цифровую зрелость» рынка медицинских услуг.*

Выводы. *Дальнейшая эффективная цифровизация рынка медицинских услуг может быть достигнута только на основе решения ряда принципиальных вопросов, связанных с созданием, обработкой, хранением и использованием цифровых данных рынка медицинских услуг. Уровень цифровой зрелости может рассматриваться как индикатор результативности реализации программ цифровизации рынка медицинских услуг. Предложенная в работе подход к оценке цифровой зрелости на основе трехфокусной модели позволяет отслеживать динамику цифровизации, выявлять проблемные вопросы, связанные с цифровой трансформацией рынка медицинских услуг.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровая трансформация; цифровая зрелость; рынок услуг; рынок медицинских услуг; показатели цифровой зрелости рынка медицинских услуг.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Зубатов М. А. Подходы к оценке цифровой зрелости рынка медицинских услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 246–256. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-246-256

Поступила в редакцию 11.02.2025 Принята к публикации 10.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Зубатов М. А., 2025

Approaches to assessing the digital maturity of the medical services market

Mikhail A. Zubatov[1] ✉

[1] Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics
44 Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190020, Russian Federation

✉ e-mail: bboooookk@mail.ru

Abstract

Relevance. *To date, the process of digitalization of various markets, industries and spheres of activity has entered the stage of the need to understand the results achieved and the required changes caused by the comprehensive digitalization process. Such a task can be solved on the basis of the concept of "digital maturity".*

The purpose *is development of a tool for assessing the level of digitalization of the medical services market based on the concept of "digital maturity".*

Objectives: *to analyze approaches to the content of the concept of "digital maturity" and clarify the concept of "digital maturity of the medical services market"; to develop an approach to assessing the "digital maturity of the medical services market"; to propose a system of indicators for assessing the digital maturity of the medical services market.*

Methodology. *The research methodology included the use of subjective, systemic, process and functional-environmental approaches to analyze the state and dynamics of the development of the medical services market.*

Results. *The main approaches to assessing the digital maturity of various objects and processes are considered, it is shown that for such a phenomenon as the medical services market, there is currently no approach to assessing its digital maturity. An approach to the formation of a system for assessing the level of digital transformation of the medical services market based on a three-focus assessment of "digital maturity" is proposed. Based on this approach, a system of indicators is proposed to assess the "digital maturity" of the medical services market.*

Conclusions. *Further effective digitalization of the medical services market can be achieved only by solving a number of fundamental issues related to the creation, processing, storage and use of digital data of the medical services market. The level of digital maturity can be considered as an indicator of the effectiveness of the implementation of digitalization programs for the medical services market. The proposed approach to assessing digital maturity based on a three-focus model allows us to track the dynamics of digitalization, identify problematic issues related to the digital transformation of the medical services market.*

Keywords*: digitalization; digital transformation; digital maturity; service market; medical services market; indicators of digital maturity of the medical services market.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Zubatov M.A. Approaches to assessing the digital maturity of the medical services market. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2025;15(2):246–256. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-246-256

Received 11.02.2025 Accepted 10.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Процесс цифровизации национальной экономики в настоящее время развивается высокими темпами. Правительством обозначены приоритеты цифрового развития не только экономики, но и социальной сферы [1]. Одним из новых понятий, которое включено в экономический обиход с началом цифровой трансформации и цифровизации [2], является понятие цифровой зрелости [3].

Как отмечается в работе [4], необходимость появления и введения в оборот данной категории было обусловлено самой логикой цифровой трансформации экономики и экономических субъектов с целью более качественного и глубокого анализа процессов, а также выявления

особенностей и отличий, присущих процессам цифровой трансформации экономических субъектов в различных отраслях, на различных рынках, в бизнес-среде и в госсекторе.

Анализ публикационной активности отечественных авторов в области цифровизации, цифровой трансформации и цифровой зрелости представлен ниже (рис. 1).

Рис. 1. Динамика числа публикаций в области цифровизации, цифровой трансформации и цифровой зрелости

Из рисунка 1 видно, что понятие «цифровая зрелость» вошло в научный обиход с значительным запаздыванием (5 лет) в отличие от ключевых терминов «цифровизация» и «цифровая трансформация». Это, по нашему мнению, связано с тем, что осознание глубины процессов цифровизации и необходимости их качественного осмысления и количественного оценивания не сразу было осознано специалистами, которые принимают участие в этом глобальном историко-экономическом процессе.

Достижение определенных результатов в цифровизации экономики с необходимостью определило появление новой категории, которая бы позволяла оценивать уровни и стадии цифровой трансформации экономических субъектов, сравнивать достигнутые результаты с целевыми или среднеотраслевыми и оценивать результативность всего процесса цифровой трансформации экономики.

Материалы и методы

Вопросам концептуального определения экономического содержания и методов оценки посвящено в настоящее время достаточно большое количество публикаций [4]. При этом необходимо отметить, что, как правило, «цифровая зрелость» рассматривается применительно к предприятиям различных направлений деятельности, к комплексам предприятий, отраслям народного хозяйства.

В то же время рынок услуг и его сегменты в настоящее время не в полной мере охвачены анализом с точки зрения

оценки «цифровой зрелости», хотя и рассматриваются такие вопросы, как цифровая медицина [5], применение цифровых технологий [6], развитие телемедицины [7] и др. Отсутствуют подходы, показатели и методики, позволяющие оценивать цифровую зрелость рынка. Поэтому тема статьи, направленная на изучение вопросов оценки цифровой зрелости рынка медицинских услуг, представляется актуальной.

Объектом исследования выступает рынок медицинских услуг, находящийся сегодня на стадии глубокой цифровой трансформации. Предметом исследования являются методы оценки цифровой зрелости рынка медицинских услуг.

Развитие цифровизации экономики продолжается последние 10 лет, а эффекты от ее внедрения стали проявляться и анализироваться чуть позднее, но в любом случае достигнутый уровень цифровизации не является конечным, вследствие чего и появилось понятие «цифровая зрелость»

На наших глазах используемые цифровые решения претерпевают кардинальные изменения. Интенсивность внедрения цифровых инноваций такова, что пока еще рано говорить о достижении некоторого стабильного уровня. Кроме того, впереди ждут решения вопросы экономичности использования цифровых решений, которые лежат в плоскости выбора оптимального соотношения между стоимостью используемого цифрового решения и положительным экономическим эффектом, который обеспечивает использование этого цифрового решения.

В настоящее время в литературе можно встретить несколько подходов к определению понятия «цифровая зрелость». Так, в работе [2] дается несколько определений цифровой зрелости предприятия. В основе определения лежит подход к определению цифровой зрелости предприятия как качественной характеристики, которая отражает следующие аспекты цифровой трансформации:

– уровень цифровизации и цифровой трансформации;

– уровень цифровых способностей (цифрового потенциала) как способности продолжать внедрение передовых цифровых технологий в свою деятельность и бизнес-модель на различных горизонтах планирования и прогнозирования с целью повышения эффективности его деятельности.

Большинство методов, предложенных иностранными компаниями, таких как модель Центра цифрового бизнеса MIT, модель цифровой зрелости DMM компании Deloitte, метод компании KPMG, метод компании KMDA и др., направлены на исследование и оценку цифровой зрелости предприятий (организаций). Часть исследований посвящена вопросам оценки цифровой зрелости отдельных отраслей экономики: электроэнергетики [8], металлургии [9], угледобычи [10], образования [11] и др.

Рассматриваются подходы к оценке цифровой зрелости предприятий [12] и регионов [13]. Также следует отметить подходы к оценке уровня цифровой грамотности или цифрового «вовлечения» населения [14].

С точки зрения предприятия при оценке цифровой зрелости важными являются оценки по цифровизации внутренних и внешних бизнес-процессов, переходу к управлению на основе данных, цифровой культуре, реализации принципов клиентоцентричности, а также уровень цифровых компетенций сотрудников предприятия. В любом случае при оценке цифровой зрелости предприятий в качестве субъекта оценки выступает руководство, а объектом – бизнес-модель и бизнес-процессы предприятия, на основе анализа которых оценивается, насколько использование цифровых данных позволяет получать компании добавленную стоимость.

Оценка зрелости региона или страны фокусируется либо на уровне цифровизации бизнеса [14], либо на оценке уровня цифровизации населения в интересах государственных органов или

консалтинговых компаний, занимающихся реализацией программ цифровизации экономики и социальной сферы государства. Рассмотрим анализ разработанных моделей оценки цифровой зрелости с таких позиций (табл. 1).

Таблица 1. Анализ подходов к оценке цифровой зрелости экономической системы

Название модели	Объект оценки	Субъект оценки	Аспекты оценки	Относительная или абсолютная оценки
1. Модель Центра цифрового бизнеса MIT	Предприятие	Руководство предприятия	• Технологический. • Организационный. • Маркетинговый	Абсолютная оценка
2. Модель цифровой зрелости DMM компании Deloitte	Предприятие, отрасль	Руководство предприятия	• Технологический. • Организационный. • Маркетинговый. • Коммуникационный	Относительная оценка (по отрасли)
3. Модель компании Artur D. Little	Предприятие, группа предприятий	Руководство предприятия	• Технологический. • Организационный. • Маркетинговый. • Коммуникационный	Относительная оценка/ (по группе обследованных предприятий)
4. Метод компании KPMG	Предприятие, отрасль	Руководство предприятия	• Стратегический. • Технологический. • Организационный	Абсолютная оценка по частным показателям
5. Метод компаний Cisco и IMD	Предприятие	Руководство предприятия	• Технологический. • Организационный. • Маркетинговый	Абсолютная оценка
6. Метод компании KMDA	Предприятие, отрасль	Руководство предприятия	• Стратегический. • Технологический. • Организационный. • Маркетинговый. • Коммуникационный	Абсолютная оценка по частным показателям
7. Модель динамического коэволюционного потенциала	Предприятие, отрасль	Руководство предприятия	• Цифровой форсайт. • Цифровой потенциал: – стратегический; – технологический; – организационный; – маркетинговый; – коммуникационный	Абсолютная интегральная оценка
8. Индекс зрелости Индустрии 4.0	Отрасль, предприятие	Органы государственного управления, руководство предприятия	• Стратегический. • Технологический. • Организационный. • Маркетинговый. • Коммуникационный. • Цифровые способности	Абсолютная оценка по частным показателям
9. Методика ODM3	Отрасль, предприятие	Органы государственного управления, руководство предприятия	• Технологический. • Организационный. • Маркетинговый	Относительная оценка по частным показателям
10. Матрица оценки цифровой зрелости	Государственные и муниципальные услуги	Органы государственного управления	• Коммуникационный. • Организационный	Абсолютная оценка

Окончание табл. 1

Название модели	Объект оценки	Субъект оценки	Аспекты оценки	Относительная или абсолютная оценки
11. Индекс цифровой экономики и общества DESI	Страна, регион, население	Органы государственного управления	• Телекоммуникационный. • Цифровая культура населения. • Уровень проникновения интернета. • Цифровизация бизнеса. • Цифровизация госуслуг	Относительная оценка по отдельным направлениям
12. Индекс цифрового капитала	Население	Органы государственного управления	Уровень цифрового взаимодействия населения	Абсолютная оценка
13. Индекс цифрового потребителя	Население	Органы государственного управления	Уровень цифрового взаимодействия населения	Абсолютная оценка

Как видно из таблицы 1, ни один из представленных подходов в целом не позволяет оценивать уровень цифровой зрелости рынка в качестве экономического явления. Что касается цифровой зрелости рынка услуг, и в частности его составляющей рынка медицинских услуг, то представленные в таблице 1 подходы не в полной мере годятся для оценки уровня цифровой зрелости.

Формулируя подходы к оценке цифровой зрелости рынка медицинских услуг, необходимо отметить, что, безусловно, аспекты, которые рассматриваются в вышеприведенных моделях, не должны отбрасываться, однако они должны быть творчески переосмыслены на основе анализа экономического содержания и функций рынка медицинских услуг.

Результаты и их обсуждение

Учитывая подходы к оценке цифровой зрелости различных экономических субъектов и явлений, предлагается концептуальный подход к оценке уровня цифровой зрелости рынка медицинских услуг (рис. 2).

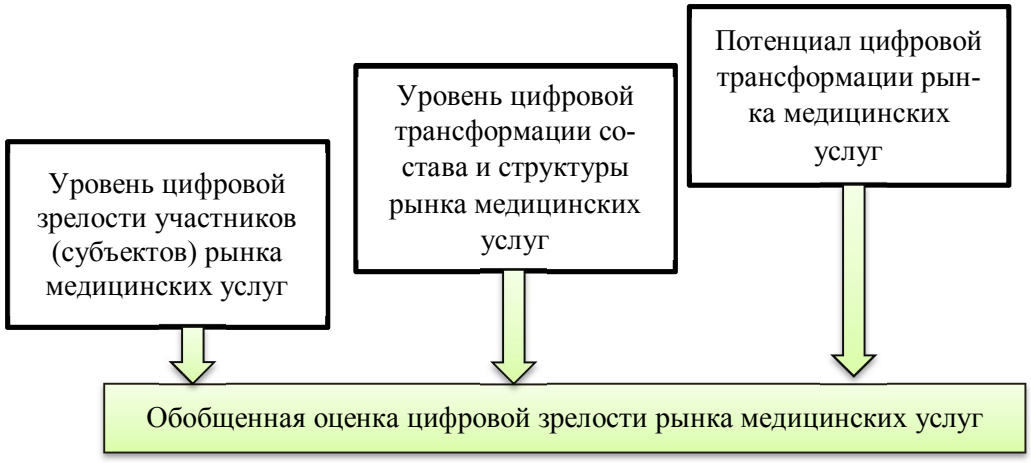

Рис. 2. Укрупненная схема концептуального подхода к оценке цифровой зрелости рынка медицинских услуг

Первый аспект – цифровая зрелость участников рынка (в данном случае рынка медицинских услуг). Как известно, в отличие от предприятия рынок представляет собой поле взаимодействия нескольких экономических субъектов. Для рынка медицинских услуг это – пациенты, которые нуждаются в оказании медицинских услуг, врачи и вспомогательный медицинский персонал, медицинские организации (государственные и коммерческие), непосредственно государственные органы, которые, с одной стороны, выполняют регулирующую функцию, обеспечивая безопасность, доступность и качество медицинских услуг, а с другой – представляют и отстаивают интересы государства на здоровье нации, а также выступают как владельцы медицинских организаций.

Этот аспект связан с тем, что рынок как экономический феномен (явление), принципиально отличается от предприятия, прежде всего, целями своего существования и развития. Если для предприятия ключевым является построение и реализация бизнес-схемы, благодаря которой оно способно конкурировать с другими предприятиями и обеспечивать обычное и расширенное воспроизводство, что приводит в итоге к росту его стоимости, то для рынка основная цель – на основе сбалансированного соотношения спроса и предложения обеспечить удовлетворение потребностей всех субъектов рынка, регулируя такие параметры, как цена, качество, конкуренция, т. е. в основе существования рынка лежат взаимоотношения продавцов (производителей) или тех, кто предоставляет услуги и потребителей. В случае реализации цифровой трансформации на рынке начинает действовать третий игрок – сторона, которая организует работу с данными.

Таким образом, если на предприятии необходимыми условиями цифровой трансформации и достижения цифровой зрелости являются включение данных в контур создания добавленной стоимости, то для рынка ситуация выглядит гораздо сложнее. Говорить о цифровой трансформации можно только в случае, если для всех основных субъектов рынка необходимым аспектом отношений на рынке будет выступать работа с данными, которые для производителей (представляющих услуги) позволят в перспективе снизить издержки, а также сократить время на принятие управленческих решений (обеспечивая тем самым конкурентные преимущества), а для потребителя услуг – выбрать наиболее эффективный вариант по соотношению «время – цена – качество». Для данного фокуса система показателей цифровой зрелости может быть представлена группами показателей, которые традиционно используются для оценки цифровой зрелости предприятий, потребителей, государственных услуг.

Второй аспект – цифровая трансформация структуры и взаимосвязей основных субъектов рынка медицинских услуг, изменение функций рынка, а также появление новых субъектов рынка. Для рынка медицинских услуг такая трансформация пока выглядит в целом отдаленной перспективой, что связано с особенностями самого понятия медицинская услуга, а также ее правовыми, социальными и другими аспектами. Еще одной особенностью является характер отечественного пути цифровизации рынка медицинских услуг.

Дело в том, что реализуемые в настоящее время программы цифровизации рынка медицинских услуг проводятся на основе реализации государственных программ. Таким образом, складывается ситуация, что работу с данными на себя

взяло государство, хотя в других сегментах рынка услуг эту функцию могут выполнять новые субъекты ранка, как, например, электронная торговля, или сами производители услуг (банковские или образовательные услуги). Это приводит к существенным ограничениям использования этих данных.

С другой стороны, если в контуре отношений «государство – медицинская организация» вопрос с использованием данных в целом решается, то в контуре отношений «пациент – врач», «пациент – страховая компания», «пациент – государство» как основополагающих взаимосвязей функционирования рынка медицинских услуг мы находимся в начальной стадии цифровизации. Исследование всех взаимосвязей, их трансформации в условиях цифровизации для современного рынка медицинских услуг представляет собой отдельную научную задачу. Здесь стоит отметить, что решение задач цифровой трансформации этих отношений позволит в перспективе решить краеугольные проблемы современного здравоохранения – повышения доступности, открытости и качества медицинских услуг (реализации концепции ЧП-медицины).

Третий аспект – потенциал цифровой трансформации рынка медицинских услуг. Оценка этой стороны развития рынка медицинских услуг наиболее сложна, так как связана с созданием будущего образа цифрового рынка медицинских услуг. В качестве подходов к оценке данного аспекта цифровой зрелости можно отнести подход к оценке цифрового форсайта предприятия, предложенного в работе [2].

Для рынка медицинских услуг возможности цифрового форсайта могут быть сосредоточены в следующих аспектах:

– создание и внедрение новых, более эффективных методов лечения на основе цифровых данных;

– создание и разработка комплексных программ лечения и реабилитации на основе цифровых подходов;

– повышение доступности медицинских услуг на основе внедрения современных цифровых технологий;

– изменение характера предоставления медицинской услуги от единичной (по факту решения медицинской проблемы в случае обращения пациента) к комплексной, продолжительной во времени, в основном профилактической системе медицинских услуг;

– повышение активности и вовлеченности пациента в процесс создания и потребления медицинской услуги на основе создания здорового образа жизни;

– повышение роли пациента в решении задачи сохранения здоровья и удовлетворенности оказанными медицинскими услугами.

Представленные выше особенности связаны не только с вопросами цифровизации, но и с будущим концептуальным видением системы здравоохранения нашего государства, в т. ч. с учетом той неравномерности, которая наблюдается в ее развитии на региональном уровне и еще более усиливается в кризисные периоды [15].

Выводы

Предложенный в работе концептуальный подход к оценке цифровой зрелости рынка требует дальнейшего развития в плане конкретизации системы показателей и формирования шкал и критериев оценки цифровой зрелости рынка. Построение такой методологической системы должно основываться на базе целевых установок развития отечественного рынка медицинских услуг и всей системы здравоохранения, а также учитывать уровни цифровизации в смежных сегментах рынка услуг, где понятие услуги гораздо проще по юридическому, экономическому и социальному аспектах.

Дальнейшая эффективная цифровизация рынка медицинских услуг может быть

достигнута только на основе решения ряда принципиальных вопросов, связанных с созданием, обработкой, хранением и использованием цифровых данных рынка медицинских услуг. Уровень цифровой зрелости может рассматриваться как индикатор результативности реализации программ цифровизации рынка медицинских услуг. Предложенная в работе подход к оценке цифровой зрелости на основе трехфокусной модели позволяет отслеживать динамику цифровизации, выявлять проблемные вопросы, связанные с цифровой трансформацией рынка медицинских услуг.

Список литературы

1. Абрамов В. И., Андреев В. Д. Анализ стратегий цифровой трансформации регионов России в контексте достижения национальных целей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 89-119. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119

2. Методика оценки цифровой зрелости промышленного предприятия и экосистемы на основе динамического коэволюционного потенциала / А. В. Бабкин, П. А. Михайлов, Е. В. Шкарупета, К. Б. Гаев // π-Economy. 2024. Т. 17, № 4. С. 153-178. https://doi.org/10.18721/JE.17410

3. Хорват Й. Д. Об оценке цифровой зрелости телекоммуникационных компаний // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2024. № 2. С. 40-49. https://doi.org/10.52928/2070-1632-2024-67-2-40-49

4. Погорельцев А. С., Салимьянова И. Г. Особенности оценки цифровой зрелости организаций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5-2 (137). С. 118-125.

5. Демкина А. Е. Эволюция цифровой медицины. Мировой и отечественный опыт // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 2. С. 3-26.

6. Вошев Д. В. Усовершенствование первичной медико-санитарной помощи с применением цифровых технологий: методология разработки инструментария оценки «цифровой зрелости» и научно обоснованные рекомендации // Менеджер здравоохранения. 2024. № 10. С. 53-62. https://doi.org/10.21045/1811-0185-2024-10-53-62

7. Шадеркин И. А. Уровни зрелости телемедицины // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2021. Т. 7, № 4. С. 63-68.

8. Хоботова Л. В., Непринцева Е. В., Шубин С. А. Стратегия цифровой трансформации: оценка цифровой зрелости электроэнергетической отрасли России // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. Т. 13, № 3. С. 234-244.

9. Сергеева К. Н., Мананникова С. С. Инфраструктурные ограничения повышения показателей цифровой зрелости металлургической отрасли России // Финансовые рынки и банки. 2024. № 7. С. 273-278. https://doi.org/10.24412/2658-3917-2024-7-273-278

10. Жданеев О. В., Власова И. М. Вызовы и приоритеты цифровой трансформации угольной отрасли // Уголь. 2023. № 1 (1163). С. 62-69.

11. Вихман В. В., Ромм М. В. Оценка цифровой зрелости образования // SCIENCE FOR EDUCATION TODAY. 2022. Т. 12, № 5. С. 40-56.

12. Методические аспекты эффективной цифровизации экономических систем: на примере предприятий оборонно-промышленного комплекса / Е. Е. Дородных,

Р. А. Князьнеделин, А. Х. Курбанов, В. А. Плотников. Курск: Университетская книга, 2022. 167 с.

13. Кузьмина Е. С., Белов А. А. Методические подходы к оценке цифровой трансформации Новосибирской области // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4, № 1. С. 744-754.

14. Мерзлов И. Ю., Шилова Е. В. Оценка уровня цифровизации организаций региона: кейс Пермского края // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2023. Т. 18, № 1. С. 107-133.

15. Vertakova Yu. V., Plotnikov V. A. Theoretical aspects of considering the dynamic characteristics of socioeconomic systems in the management of regional development // Regional Research of Russia. 2013. Vol. 3, N 1. P. 89-95.

References

1. Abramov V.I., Andreev V.D. Analysis of strategies for digital transformation of Russian regions in the context of achieving national goals. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Issues of Public and Municipal Administration*. 2023;(1):89-119. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-89-119

2. Babkin A.V., Mikhailov P.A., Shkarupeta E.V., Gaev K.B. Methodology for assessing the digital maturity of an industrial enterprise and ecosystem based on dynamic coevolutionary potential. *π-Economy*. 2024;17(4):153-178. (In Russ.) https://doi.org/10.18721/JE.17410

3. Horvat J.D. On the assessment of the digital maturity of telecommunication companies. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences*. 2024;(2):40-49. (In Russ.) https://doi.org/10.52928/2070-1632-2024-67-2-40-49

4. Pogoreltsev A.S., Salimyanova I.G. Features of assessing the digital maturity of organizations. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics*. 2022;(5-2):118-125. (In Russ.)

5. Demkina A.E. Evolution of digital medicine. World and domestic experience. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) = Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (State and Society)*. 2023;(2):3-26. (In Russ.)

6. Voshev D.V. Improving Primary Health Care with the Use of Digital Technologies: A Methodology for Developing a Toolkit for Assessing «Digital Maturity» and Evidence-Based Recommendations. *Menedzher zdravookhraneniya = Healthcare Manager*. 2024;(10):53-62. (In Russ.) https://doi.org/10.21045/1811-0185-2024-10-53-62

7. Shaderkin I.A. Telemedicine Maturity Levels. *Zhurnal telemeditsiny i elektronnogo zdravookhraneniya = Journal of Telemedicine and Electronic Healthcare*. 2021;7(4):63-68. (In Russ.)

8. Khobotova L.V., Neprintseva E.V., Shubin S.A. Digital Transformation Strategy: Assessing the Digital Maturity of the Russian Electric Power Industry. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic Decisions and Risk Management*. 2022;13(3):234-244. (In Russ.)

9. Sergeeva K.N., Manannikova S.S. Infrastructure limitations of increasing the digital maturity indicators of the Russian metallurgical industry. *Finansovye rynki i banki = Financial Markets and Banks*. 2024;(7):273-278. (In Russ.) https://doi.org/10.24412/2658-3917-2024-7-273-278

10. Zhdaneev O.V., Vlasova I.M. Challenges and priorities of the digital transformation of the coal industry. *Ugol' = Coal*. 2023;(1):62-69. (In Russ.)

11. Vikhman V.V., Romm M.V. Assessment of the digital maturity of education. *SCIENCE FOR EDUCATION TODAY*. 2022;12(5):40-56. (In Russ.)

12. Dorodnykh E.E., Knyaznedelin R.A., Kurbanov A.Kh., Plotnikov V.A. Methodological aspects of effective digitalization of economic systems: on the example of enterprises of the defense-industrial complex. Kursk: Universitetskaya kniga; 2022. 167 p. (In Russ.)

13. Kuzmina E.S., Belov A.A. Methodological approaches to assessing the digital transformation of the Novosibirsk region. *Stolypinskii vestnik = Stolypin Bulletin*. 2022;4(1):744-754. (In Russ.)

14. Merzlov I.Yu., Shilova E.V. Assessment of the level of digitalization of regional organizations: the case of Perm Krai. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Perm University. Series: Economy*. 2023;18 (1):107-133. (In Russ.)

15. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Theoretical aspects of considering the dynamic characteristics of socioeconomic systems in the management of regional development. *Regional Research of Russia*. 2013;3(1):89-95.

Информация об авторе / Information about the Author

Зубатов Михаил Александрович, аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: bbooookk@mail.ru

Mikhail A. Zubatov, Post-Graduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: bbooookk@mail.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 334.723

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-257-267

CC BY 4.0

Офсетный контракт как эффективная форма государственно-частного партнерства в медицинской промышленности

А. Л. Проскуряков[1,2] ✉

[1] Институт системного программирования им. В. П. Иванникова Российской академии наук
ул. Александра Солженицына, д. 25, г. Москва 109004, Российская Федерация

[2] Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
Стремянный пер., д. 36, г. Москва 117997, Российская Федерация

✉ e-mail: alexander.proskuryakov@inbox.ru

Резюме

Актуальность. *В настоящее время офсетные контракты становятся все более востребованным инструментом для стран, стремящихся обеспечить медицинскую независимость, расширить доступ к современным технологиям и сократить зависимость от импорта путем применения механизма государственно-частного партнерства. Помимо этого офсетные программы стимулируют создание высокотехнологичных рабочих мест, развитие местной инфраструктуры, а также трансфер знаний в таких областях, как фармацевтика, производство медицинской техники и медицинских изделий, диагностика и биотехнологии.*

Цель *– изучение механизма офсетных контрактов в медицинской промышленности, анализ их значения для развития локального производства и технологий, а также выявление ключевых примеров применения данного инструмента в различных странах.*

Задачи: *формализовать концепцию офсетных контрактов и их роль в экономике; проанализировать особенности офсетных контрактов в медицинской промышленности; рассмотреть успешные примеры использования офсетных контрактов в медицинской промышленности; выявить преимущества и проблемы применения офсетных соглашений; оценить перспективы применения офсетных контрактов для развития локальных медицинских рынков.*

Методология. *В работе применены теоретические и эмпирические методы исследования офсетных контрактов.*

Результаты. *Выявлены и формализованы проблемы и перспективы расширения применения офсетных контрактов в медицинской промышленности.*

Выводы. *Офсетные контракты являются эффективной формой государственно-частного партнерства в медицинской промышленности, обладают рядом безусловных преимуществ для всех сторон-участников, а также имеют потенциал стать важным инструментом устойчивого развития здравоохранения не только на региональном уровне, но и в рамках проектов общегосударственной и международной экономической политики Российской Федерации.*

Ключевые слова: *офсетный контракт; государственно-частное партнерство; медицинская промышленность.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Проскуряков А. Л. Офсетный контракт как эффективная форма государственно-частного партнерства в медицинской промышленности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 257–267. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-257-267

Поступила в редакцию 08.02.2025 Принята к публикации 05.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Проскуряков А. Л., 2025

Offset contract as an effective form of public-private partnership in the medical industry

Alexander L. Proskuryakov[1,2] ✉

[1] Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences
25 Alexander Solzhenitsyn Str., Moscow 109004, Russian Federation

[2] Plekhanov Russian University of Economics
36 Stremyanny side-street, Moscow 117997, Russian Federation

✉ e-mail: alexander.proskuryakov@inbox.ru

Abstract

Relevance. *Currently, offset contracts are becoming an important tool for countries seeking to ensure medical independence, expand access to modern technologies and reduce dependence on imports through the use of public-private partnership mechanisms. In addition, offset programs stimulate the creation of high-tech jobs, the development of local infrastructure, and the transfer of knowledge in areas such as pharmaceuticals, the production of medical equipment and medical products, diagnostics and biotechnology.*

The purpose *is to study the mechanism of offset contracts in the medical industry, analyze their importance for the development of local production and technologies, and identify key examples of the use of this tool in various countries.*

Objectives: *to formalize the concept of offset contracts and their role in the economy; analyze the features of offset contracts in the medical industry; consider successful examples of the use of offset contracts in the medical industry; identify the advantages and problems of applying offset agreements; assess the prospects for using offset contracts for the development of local medical markets.*

Methodology. *The work applies theoretical and empirical methods for studying offset contracts.*

Results. *Problems and prospects for expanding the use of offset contracts in the medical industry were identified and formalized.*

Conclusions. *Offset contracts are an effective form of public-private partnership in the medical industry, which has a number of unconditional advantages for all parties involved, and also has the potential to become an important tool for the sustainable development of healthcare not only at the regional level, but also within the framework of national and international economic policy projects of the Russian Federation.*

Keywords*: offset contract; public-private partnership; medical industry.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Proskuryakov A.L. Offset contract as an effective form of public-private partnership in the medical industry. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):257–267. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-257–267

Received 08.02.2025 Accepted 05.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

В сформировавшемся в настоящее время многополярном мире все большее количество государств осознают потребность в собственной технологической независимости. Данная необходимость обусловлена тем, что в условиях глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, стало ясно, что зависимость от импорта медицинской продукции может привести к дефициту критически важных препаратов и оборудования с катастрофическими последствиями для населения.

Для многих развивающихся стран активно применяющиеся офсетные контракты стали отличной возможностью модернизировать свои системы здравоохранения, а также собственную медицинскую промышленность за счет технологий и инвестиций, получаемых от глобальных компаний. Использование данного механизма позволяет повысить качество медицинских услуг, доступность инновационных препаратов и оборудования.

Применение механизма офсетных контрактов способствует интеграции

международных компаний в локальные рынки разных стран, что помогает развитию взаимовыгодных экономических связей и развитию внутреннего производства. Кроме того, офсетные программы способствуют развитию образования и науки в фармацевтике, биотехнологиях, производстве медицинского оборудования и медицинских изделий.

Таким образом, офсетные контракты становятся важным стратегическим инструментом, позволяющим странам ускорить развитие своей медицинской промышленности, укрепить технологический суверенитет и улучшить качество медицинского обслуживания населения.

Материалы и методы

Вопросам применения механизма офсетного контракта в медицине, включая медицинскую промышленность, посвящены работы следующих исследователей:

– Трэвис К. Тейлор, который в своей работе «Встречные офсеты в международных закупках: Теория и доказательства» [1] рассматривает вопросы применения офсетного механизма в международных закупках, включая медицинскую сферу;

– Центр Шеффера при Университете Южной Калифорнии, Ребекка Майерсон, Джефф МакКомбс, Ифань Сюй, Роберт Поповиан («Контракты на основе ценности в здравоохранении: что это такое и как их можно достичь?») [2], изучавших ценностные контракты в системе здравоохранения США, рассматривая такие проблемы, как распределение рисков между поставщиками и страховщиками;

– специалисты юридической фирмы БРЭЙС, проанализировавшие в статье «СПИК и офсетные контракты в здравоохранении и фармацевтике» плюсы и минусы использования специальных инвестиционных и офсетных контрактов для привлечения инвестиций в здравоохранение и фармацевтику [3];

– Константин Шарловский, сфокусировавшийся в статье «Офсетные контракты в фарминдустрии. Как сделать механизм более эффективным» [4] на возможных направлениях развития офсетных контрактов в фармацевтической составляющей медицинской промышленности;

– аналитики компании You & Partners, рассмотревшие в своем исследовании «Офсетные контракты как механизм привлечения инвестиций» преимущества офсетного контракта для публичной и частной сторон с использованием конкретных примеров их применения в медицинской отрасли [5].

Все упомянутые исследователи придерживаются мнения, что в настоящее время офсетный контракт представляется одной из наиболее многообещающих форм привлечения инвестиций в промышленность в целом и ее медицинскую составляющую в частности, позволяющим решать проблемы импортозамещения и технологической независимости, стимулирующим рост компетенций, а в долгосрочной перспективе способствующим экономическому и технологическому развитию всей страны.

Понятие офсетного контракта и особенности его применения в медицинской промышленности

В соответствии с Соглашением о государственных закупках Всемирной торговой ассоциации офсет означает любое условие или обязательство, которое поощряет местное развитие или улучшает платежный баланс Стороны: использование отечественной составляющей в процессе производства, лицензирование технологий, инвестиции, встречная торговлю и аналогичные действия или требования [6].

Позиция Минфина России заключается в том, что офсетный контракт является контрактом со встречными инвестиционными обязательствами и регулируется Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для

обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1].

Офсетные контракты в медицинской промышленности – это особый вид соглашений, при котором крупная сделка по закупке медицинских товаров или технологий сопровождается обязательствами частного поставщика компенсировать часть стоимости сделки через определенные встречные обязательства, так называемые офсетные обязательства. Чаще всего встречными обязательствами являются обязательства по локализации или созданию новых высокотехнологичных производств. Такие контракты широко используются в странах, которые стремятся не только приобрести продукцию, но и стимулировать развитие своей национальной медицинской промышленности и медицинских технологий.

Участниками офсетных контрактов в медицинской промышленности являются государственные учреждения и организации, производители медицинского оборудования, фармацевтические компании и др. (табл. 1).

Опыт применения офсетных контрактов в медицинской промышленности

Офсетные контракты в медицинской промышленности получили широкое распространение по всему миру и помогают государствам успешно решать локальные социальные и экономические проблемы. Примеры использования офсетных контрактов в медицинской сфере на международном уровне (табл. 2) наглядно иллюстрируют их возможности для модернизации здравоохранения, поддержки и стимулирования развития локальной медицинской промышленности, обеспечения доступа к современным медицинским технологиям, создания новых рабочих мест и улучшения качества здравоохранения.

На сегодняшний день суммарный объем осуществленных поставок по офсетным контрактам в России превысил 25 млрд руб.

Наиболее активным регионом, применяющим офсетные контракты в российской медицинской промышленности, является Москва. В рамках данного механизма с 2017 г. создаются новые или модернизируются устаревшие производства. За последние 7 лет столичные власти подписали 14 офсетных контрактов с общим объемом частных инвестиций более 82 млрд руб., направленных на локализацию производства лекарств в сфере онкологии, кардиологии, эндокринологии, иммунологии; медицинских изделий для стомированных больных; абсорбирующего белья. Запланировано создание 6 тыс. новых рабочих мест. За 2023 г. в московские медицинские организации было поставлено 3,8 млн единиц продукции стоимостью более 1,1 млрд руб., а только за первые полгода 2024 г. по офсетным контрактам в медицинские и социальные учреждения Москвы было поставлено 21 млн медицинских изделий [17].

Офсетные контракты на организацию производства и закупку медицинских изделий не ограничивают свое действие рамками одного региона. Так в частности, Самарская область и Правительство Москвы заключили межрегиональный офсетный контракт на совместную закупку медицинских изделий – нитриловых перчаток. При содействии Москвы на территории Самарской области частным инвестором будет создано производство с объемом инвестиций не менее 100 млн руб. Москва закроет свои потребности в данного рода продукции, а Самарская область, помимо качественной медицинской продукции, получит дополнительный доход в бюджет [18].

[1] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/?ysclid=m9bbhgm5il186874826 (дата обращения: 27.01.2025).

Таблица 1. Характеристики и механизмы реализации офсетных контрактов в медицинской промышленности

Тип офсетного контракта	Основное соглашение	Офсетные обязательства	Механизм реализации
Прямой офсет	Контракт на поставку оборудования	Поставка товаров, создание производственных мощностей, ремонт/обслуживание оборудования	Производитель обязуется на определенных условиях предоставить товары или услуги в ответ на основную закупку, например компенсацию стоимости закупаемого оборудования
Косвенный офсет	Контракт на поставку товара или услуги	Инвестиции в научные исследования, инфраструктуру	Производитель товара инвестирует в создание научного центра в стране покупателя в обмен на выгодные условия контракта
Технологический офсет	Соглашение о передаче технологий и/или лицензий	Локализация производства, обучение персонала	Включает в себя обучающие программы, доработку продукции в соответствии с потребностями рынка покупающей стороны
Смешанный офсет	Многостороннее соглашение с несколькими компонентами	Совмещение различных видов обязательств (технологических, образовательных, инвестиционных и др.)	Осуществление нескольких типов офсетных мероприятий одновременно, например, технологический и образовательный офсет в одном проекте
Совместное предприятие	Соглашение о создании совместного предприятия	Создание совместных предприятий, обмен опытом и ноу-хау	Создание производственных мощностей с местными компаниями в обмен на допуск на локальный рынок
Совместные исследования и разработки	Соглашение о совместных исследованиях и разработках	Финансирование исследований, разработка новых продуктов или технологий	Совместное проведение научных исследований и разработок, создание новых технологий или продуктов в соответствии с потребностями локального рынка

Таблица 2. Международный опыт применения офсетных контрактов в медицинской промышленности

Страна	Тип офсетного контракта	Офсетные обязательства	Результаты
Китайская Народная Республика	Локализация производства крупного медицинского оборудования в рамках программы «Сделано в Китае 2025» [7; 8]	Локализация части производственного процесса по выпуску аппаратов МРТ и КТ на территории Китая	142 млн долл. США – инвестиции международного производителя медицинского оборудования Siemens Healthineers в создание производственного объекта в Шэньчжене. Уровень локализации – 80%. Налажен выпуск новейшего МРТ 7Е для удовлетворения потребностей системы здравоохранения КНР [9]
США	Локализация производства медицинских приборов	Строительство завода в Уолполе (Массачусетс) по производству приборов для иммуноферментного анализа	Инвестиции компании Siemens составили 300 млн долл. США. Создано 400 рабочих мест с потенциалом увеличения до 1100 к 2026 г. В ответ власти Массачусетса выделили 4,2 млн долл. США в виде налоговых льгот, компенсации инфраструктурных расходов и грантов на обучение персонала [10]

Окончание табл. 2

Страна	Тип офсетного контракта	Офсетные обязательства	Результаты
	Соглашение о совместных исследованиях и разработках	Инициация исследовательских проектов с использованием данных аналитики о здоровье населения для определения перспективных методов оказания медицинской помощи с использованием цифровых технологий в области диагностической и терапевтической визуализации, а также лабораторной диагностики и молекулярной медицины	Заключено соглашение между Siemens Healthineers и Northwell Health – крупнейшим поставщиком медицинских услуг и работодателем в штате Нью-Йорк с 21 больницей и более 500 амбулаториями об использовании технологий Siemens Healthineers в области диагностической и терапевтической визуализации, а также лабораторной диагностики и молекулярной медицины для удовлетворения потребностей растущего рынка США [11]. Прогнозируемый доход на рынке медицинских приборов в США в 2024 г. – 181,00 млрд долл. США с потенциалом роста к 2029 г. до 233,50 млрд долл. США [12]
Турецкая Республика	Локализация производства фармпрепаратов	Локализация производства инновационных лекарств на территории Турции	Компания Pfizer производит более 70% фармацевтической продукции, имеющей маркировку «Сделано в Турции». Инвестиции Pfizer в объеме, значительно превышающем 8 млн турецких лир в образование, социальные проекты в области здравоохранения вносят существенный вклад в благосостояние турецкого общества [13]
Бразилия	Соглашение о передаче технологий и/или лицензий	Передача технологии по производству вакцины против COVID-19 на территории Бразилии	Компания AstraZeneca в сотрудничестве с бразильским биомедицинским институтом Fiocruz доработала технологию по производству на территории Бразилии вакцины против COVID-19. Это позволило стране не только наладить производство вакцины для внутреннего использования, но и стать одним из её крупных поставщиков для других стран [14]
Российская Федерация	Локализация производства международных непатентованных наименований лекарственных препаратов	Строительство завода полного цикла на базе ОЭЗ «Технополис Москва» для производства лекарственных препаратов для терапии онкологических, аутоиммунных, астматических и других заболеваний	ООО «Р-Опра» построен завод площадью 30 тыс. кв. м. Заключен 7-летний контракт на закупку 26 наименований лекарственных препаратов для нужд системы здравоохранения г. Москвы. Объем инвестиций в проект составил 6,99 млрд руб. На производстве задействовано 270 чел. [15]
	Локализация производства медицинских изделий	Организация производства медицинских изделий для стомированных пациентов, расходных материалов и комплектующих на территории г. Москвы	Компанией «Гемамед» запущено производство медизделий для стомированных больных. Объем инвестиций составил 1 млрд руб. Цена заключенного контракта составила 9 млрд руб. [16]

Проблемы и перспективы расширения применения офсетных контрактов в медицинской промышленности

Ключевыми проблемами при реализации офсетных контрактов в медицинской промышленности являются:

– высокая стоимость разработки технологии и создания нового производства;

– нехватка инфраструктуры и квалифицированных кадров, замедляющая реализацию проектов;

– бюрократические барьеры в виде излишнего законодательного регулирования, чрезмерно жестких требований к сертификации продукции;

– необходимость точной балансировки интересов сторон, так как частные компании обязаны создавать современное дорогостоящие высокотехнологичное производство, в то время как публичный партнер стремится развить медицинскую инфраструктуру и ускорить технологический прогресс с минимальными усилиями и затратами для себя.

Вместе с тем перспективы расширения применения офсетных контрактов в медицинской промышленности в ближайшие годы выглядят весьма многообещающе ввиду того, что:

– офсетные контракты позволяют локализовать производство медицинских изделий и лекарств, что особенно важно в условиях глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19. Кроме того, развитие локального производства способствует оптимизации логистических цепочек и упрощению доступа к жизненно важным медицинским продуктам;

– офсетные контракты все чаще будут включать элементы трансфера технологий, что позволит странам-партнерам быстрее адаптировать передовые решения в сфере медицины;

– в последние годы все больше стран рассматривают офсетные контракты как способ активизации внедрения механизма государственно-частных партнерств (ГЧП) в сферу здравоохранения;

– с помощью офсетных программ правительства могут решать задачи не только в области здравоохранения, но и в социально-экономической сфере. Офсетные контракты способствуют созданию новых рабочих мест, развитию местной промышленности и повышению квалификации кадров;

– рост глобальных проблем здравоохранения, таких как пандемии или устойчивость к антибиотикам, требует совместных усилий разных стран. Офсетный механизм может использоваться как инструмент стимулирования трансграничных проектов в сфере медицины, включающих разработку новых лекарств, вакцин и технологий борьбы с глобальными вызовами.

Результаты и их обсуждение

Офсетные контракты являются эффективной формой государственно-частного партнерства в медицинской промышленности, обладающей рядом преимуществ для всех сторон-участников.

Государство:

1. Офсетные контракты позволяют государствам привлекать частные инвестиции и технологии, что способствует развитию локальных производственных мощностей и снижению зависимости от импортной медицинской и фармацевтической продукции.

2. Офсетные контракты стимулируют трансфер знаний и технологий, создавая возможности для обучения местных специалистов и повышения их квалификации в медицинской сфере.

3. Применение офсетных механизмов является эффективным механизмом здоровьесбережения населения и обеспечения развития системы здравоохранения в целом.

4. Офсетные контракты помогают государству решать подчас остро стоящие социальные вопросы, такие как создание новых рабочих мест в депрессивных регионах.

5. Офсетные контракты могут помочь государству стать конкурентоспособным игроком на международных рынках медицинских технологий и фармацевтики. Благодаря полученным технологиям и опыту страны могут экспортировать свою продукцию, увеличивая доходы бюджета и расширяя свое влияние.

6. Офсетные контракты являются хорошо себя зарекомендовавшей формой сотрудничества, способствующей укреплению национальной безопасности, особенно в условиях глобальных кризисов, подобно пандемии COVID-19.

Частный партнер:

1. Частные компании получают возможность выходить на новые, обычно закрытые рынки, которые могут быть защищены высокими барьерами входа (например, регуляторными ограничениями).

2. Участие в офсетных соглашениях с правительствами повышает доверие к частной компании на международной арене. Это может способствовать привлечению дополнительных инвесторов, а также открывать двери для участия в других стратегических проектах с государствами или транснациональными корпорациями.

3. В рамках офсетных контрактов частные компании могут получить доступ к уникальным технологиям, патентам и исследованиям, права на которые принадлежат государственным структурам.

4. Офсетные контракты нередко предусматривают долевое финансовое участие государства или предоставление государственной поддержки, что снижает финансовые риски для частного партнера.

5. Офсетные соглашения предусматривают долгосрочное сотрудничество. Для частных компаний это означает гарантированный спрос на их продукцию или услуги в течение нескольких лет, что стабилизирует доходы и позволяет строить долгосрочные стратегические планы.

6. Офсетные контракты позволяют частным компаниям диверсифицировать свои бизнес-портфели, участвуя в различных бизнес-сегментах, которые могут быть не связаны с их основной деятельностью. Это особенно важно в медицинской промышленности, где компании развиваются за счет межотраслевого и междисциплинарного сотрудничества в сфере фармацевтики, медицинского оборудования или биотехнологий.

Выводы

Примененные нами теоретические и эмпирические методы исследования позволили установить, что в целом офсетные контракты являются инструментом устойчивого развития здравоохранения, обеспечивая модернизацию инфраструктуры, развитие кадрового потенциала и улучшение доступа к передовым медицинским технологиям.

В то же время для успешной реализации офсетных программ необходимо решить ряд проблем, таких как совершенствование нормативной базы, стандартизация процессов и повышение прозрачности сделок. Государства должны активнее работать над созданием механизмов контроля и оценки результатов офсетных программ, чтобы обеспечить долгосрочную выгоду для всех участников.

С учетом накапливаемого положительного опыта применения офсетных контрактов представляется целесообразным расширить возможности использования данного механизма государственно-частного партнерства для поддержки стратегических проектов в рамках общегосударственной экономической политики Российской Федерации. В качестве первого шага в этом направлении офсетный механизм может быть использован при реализации проектов в рамках Положения об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами – членами Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Евразийского межправительственного совета от 26.10.2023 г. № 3.

Список литературы

1. Taylor T. K. Countertrade Offsets in International Procurement: Theory and Evidence // Designing Public Procurement Policy in Developing Countries / ed. by M. Yülek, T. Taylor. New York: Springer, 2012. P. 15–34. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1442-1_2

2. Value-Based Contracting in Healthcare: What Is It and How Can It Be Achieved? / R. Myerson, J. McCombs, Y. Xu, R. Popovian. URL: https://healthpolicy.usc.edu/research/ value-based-contracting-in-healthcare-what-is-it-and-how-can-it-be-achieved/ (дата обращения: 29.01.2025).

3. СПИК и офсетные контракты в здравоохранении и фармацевтике // BRACE Law Firm. URL: https://brace-lf.com/informaciya/farmatsevticheskoe-i-meditsinskoe-pravo/1590-spik-i-ofsetnye-kontrakty-v-zdravookhranenii-i-farmatsevtike (дата обращения: 29.01.2025).

4. Шарловский К. Офсетные контракты в фарминдустрии. Как сделать механизм более эффективным // Конкуренция и право. 2023. № 1. URL: https://cljournal.ru/vybor/250/ (дата обращения: 29.01.2025).

5. Офсетные контракты как механизм привлечения инвестиций. URL: https://invest.primorsky.ru/uploads/attachments/ofsetnye-kontrakty-kak-mekhanizm-privlecheniia-investitsii.6298a8e4c4091.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

6. Agreement on Government Procurement // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/rev-gpr-94_01_e.htm (дата обращения: 29.01.2025).

7. China Further Expands the Encouraged Catalogue to Boost Foreign Investment // China Briefing. URL: https://www.china-briefing.com/news/china-2022-encouraged-catalogue-updated-implementation-from-january-1-2023/ (дата обращения: 29.01.2025).

8. 4 Key Trends And 2 Attention Areas For Medtech Success In 2024 // Med Device Online. URL: https://www.meddeviceonline.com/doc/key-trends-and-attention-areas-for-medtech-success-in-0001 (дата обращения: 29.01.2025).

9. Siemens Healthineers to invest 1b yuan in new unit // China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202305/23/WS646c1361a310b6054fad4845.html (дата обращения: 29.01.2025).

10. Siemens Invests $300M In Massachusetts Manufacturing Facility, Broadens Footprint In U.S. // Med Device Online. URL: https://www.meddeviceonline.com/doc/siemens-invests-m-in-massachusetts-manufacturing-facility-broadens-footprint-in-u-s-0001 (дата обращения: 29.01.2025).

11. Siemens Healthineers, Northwell Health Announce Research Partnership To Improve Health Outcomes, Reduce Costs // Med Device Online. URL: https://www.meddeviceonline.com/doc/siemens-healthineers-northwell-health-health-outcomes-reduce-costs-0001 (дата обращения: 29.01.2025).

12. Medical Devices – United States // Statista. URL: https://www.statista.com/outlook/hmo/medical-technology/medical-devices/united-states (дата обращения: 29.01.2025).

13. The Pharmaceutical Industry in Turkey. Investment Support and Promotion Agency of Turkey. URL: https://www.turkey-japan.com/business/category6/category6_520b.pdf (дата обращения: 29.01.2025).

14. Fiocruz signs Memorandum of Understanding to expand partnership with AstraZeneca. Fiocruz. URL: https://portal.fiocruz.br/en/news/fiocruz-signs-memorandum-understanding-expand-partnership-astrazeneca (дата обращения: 29.01.2025).

15. В ОЭЗ «Технополис Москва» две компании локализуют производство по офсетным контрактам // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/06/28/v-

oez-tehnopolis-moskva-dve-kompanii-lokalizuyut-proizvodstvo-po-ofsetnim-kontraktam (дата обращения: 29.01.2025).

16. Москва закупит медицинскую мебель на 5,1 млрд рублей по офсетному контракту // Vademecum. https://vademec.ru/news/2023/02/28/moskvy-zakupit-meditsinskuyu-mebel-na-5-1-mlrd-rubley-po-ofsetnomu-kontraktu (дата обращения: 29.01.2025).

17. В Москве пациенты получили более 21 млн медизделий благодаря офсетным контрактам // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/21848667 (дата обращения: 29.01.2025).

18. Москва и Самарская область заключили контракт на закупку медицинских изделий // Plastinfo. URL: https://plastinfo.ru/information/news/51366_03.05.2023/ (дата обращения: 29.01.2025).

References

1. Taylor T.K. Countertrade Offsets in International Procurement: Theory and Evidence. In: Yülek M., Taylor T. (eds.) Designing Public Procurement Policy in Developing Countries. New York: Springer; 2012. P. 15–34. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-1442-1_2

2. Myerson R., McCombs J., Xu Y., Popovian R. Value-Based Contracting in Healthcare: What Is It and How Can It Be Achieved? Available at: https://healthpolicy.usc.edu/ research/ value-based-contracting-in-healthcare-what-is-it-and-how-can-it-be-achieved/ (accessed 29.01.2025).

3. SPIC and offset contracts in healthcare and pharmaceuticals. BRACE Law Firm. (In Russ.) Available at: https://brace-lf.com/informaciya/farmatsevticheskoe-i-meditsinskoe-pravo/1590-spik-i-ofsetnye-kontrakty-v-zdravookhranenii-i-farmatsevtike (accessed 29.01.2025).

4. Sharlovsky K. Offset contracts in the pharmaceutical industry. How to make the mechanism more efficient. *Konkurentsiya i pravo = Competition and Law*. 2023;(1). (In Russ.) Available at: https://cljournal.ru/vybor/250/ (accessed 29.01.2025).

5. Offset contracts as a mechanism for attracting investments. (In Russ.) Available at: https://invest.primorsky.ru/uploads/attachments/ofsetnye-kontrakty-kak-mekhanizm-privlecheniia-investitsii.6298a8e4c4091.pdf (accessed 29.01.2025).

6. Agreement on Government Procurement. World Trade Organization. Available at: https:// www.wto.org/english/docs_e/legal_e/rev-gpr-94_01_e.htm (accessed 29.01.2025).

7. China Further Expands the Encouraged Catalogue to Boost Foreign Investment. China Briefing. Available at: https://www.china-briefing.com/news/china-2022-encouraged-catalogue-updated-implementation-from-january-1-2023/ (accessed 29.01.2025).

8. 4 Key Trends And 2 Attention Areas For Medtech Success In 2024. Med Device Online. Available at: https://www.meddeviceonline.com/doc/key-trends-and-attention-areas-for-medtech-success-in-0001 (accessed 29.01.2025).

9. Siemens Healthineers to invest 1b yuan in new unit. China Daily. Available at: https://www.chinadaily.com.cn/a/202305/23/WS646c1361a310b6054fad4845.html (accessed 29.01.2025).

10. Siemens Invests $300M In Massachusetts Manufacturing Facility, Broadens Footprint In U.S. Med Device Online. Available at: https://www.meddeviceonline.com/doc/siemens-invests-m-in-massachusetts-manufacturing-facility-broadens-footprint-in-u-s-0001 (accessed 29.01.2025).

11. Siemens Healthineers, Northwell Health Announce Research Partnership To Improve Health Outcomes, Reduce Costs. Med Device Online. Available at: https://www. meddeviceonline.com/doc/siemens-healthineers-northwell-health-health-outcomes-reduce-costs-0001 (accessed 29.01.2025).

12. Medical Devices – United States. Statista. Available at: https://www.statista.com/ outlook/hmo/medical-technology/medical-devices/united-states (accessed 29.01.2025).

13. The Pharmaceutical Industry in Turkey. Investment Support and Promotion Agency of Turkey. Available at: https://www.turkey-japan.com/business/category6/category6_520b.pdf (accessed 29.01.2025).

14. Fiocruz signs Memorandum of Understanding to expand partnership with AstraZeneca. Fiocruz. Available at: https://portal.fiocruz.br/en/news/fiocruz-signs-memorandum-understanding-expand-partnership-astrazeneca (accessed 29.01.2025).

15. In the Technopolis Moscow SEZ, two companies are localizing production under offset contracts. Vedomosti. (In Russ.) Available at: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/06/28/v-oez-tehnopolis-moskva-dve-kompanii-lokalizuyut-proizvodstvo-po-ofsetnim-kontraktam (accessed 29.01.2025).

16. Moscow will purchase medical furniture worth 5.1 billion rubles under an offset contract. Vademecum. (In Russ.) Available at: https://vademec.ru/news/2023/02/28/moskvy-zakupit-meditsinskuyu-mebel-na-5-1-mlrd-rubley-po-ofsetnomu-kontraktu/ (accessed 29.01.2025).

17. In Moscow, patients received more than 21 million medical devices thanks to offset contracts. TASS. (In Russ.) Available at: https://tass.ru/obschestvo/21848667 (accessed 29.01.2025).

18. Moscow and Samara region have signed a contract for the purchase of medical products. Plastinfo. (In Russ.) Available at: https://plastinfo.ru/information/news/51366_03.05.2023/ (accessed 29.01.2025).

Информация об авторе / Information about the Author

Проскуряков Александр Леонидович, заместитель директора, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова Российской академии наук; соискатель, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: alexander.proskuryakov@inbox.ru

Alexander L. Proskuryakov, Deputy Director, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences; Applicant, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation,
e-mail: alexander.proskuryakov@inbox.ru

Оригинальная статья / Original article

УДК 338.12; 338.22.021.4

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-268-275

CC BY 4.0

Совершенствование управления устойчивостью бизнеса в контексте цифровой трансформации

А. С. Сметанин[1] ✉

[1] Волгоградский государственный технический университет
пр-т им. В. И. Ленина, д. 28, г. Волгоград 400005, Российская Федерация

✉ e-mail: smetanin_a_s@mail.ru

Резюме

Актуальность *исследования практики управления устойчивостью современного бизнеса объясняется повышенными рисками для данной устойчивости в контексте цифровой трансформации. Критическое значение для устойчивости бизнеса имеют интеллектуальные ресурсы, но причинно-следственные связи управления данными ресурсами в контексте цифровой трансформации неизвестны и потому нуждаются в прояснении.*

Целью *статьи является определение перспективы совершенствования управления устойчивостью бизнеса в контексте цифровой трансформации через оптимизацию структуры интеллектуальных ресурсов.*

Задачи: *установить вклад каждого вида интеллектуальных ресурсов в устойчивость бизнеса в контексте цифровой трансформации; определить потенциал повышения устойчивости бизнеса в контексте цифровой трансформации на базе максимизации использования больших данных и искусственного интеллекта.*

Методология *исследования предполагает проведение факторного анализа устойчивости бизнеса в контексте цифровой трансформации методом регрессионного анализа, а также прогнозирование перспективы повышения данной устойчивости при расширении применения в менеджменте больших данных и искусственного интеллекта.*

Результаты. *Смоделирован вклад интеллектуальных ресурсов в устойчивость бизнеса. Выявлен недостаток модели управления устойчивостью российского бизнеса, связанный с опорой на интеллектуальные ресурсы человеческой природы. В качестве альтернативной модели предложена автоматизация менеджмента с помощью больших данных и искусственного интеллекта, вносящих наибольший вклад в устойчивость бизнеса.*

Выводы. *В условиях цифровой трансформации решающее значение для устойчивости бизнеса имеют интеллектуальные ресурсы технологической природы – большие данные и искусственный интеллект. Перспектива совершенствования модели управления устойчивостью российского бизнеса связана с расширением использования средств автоматизации в менеджменте.*

Ключевые слова: *устойчивость бизнеса; управление устойчивостью; менеджмент бизнеса; цифровая трансформация.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Сметанин А. С. Совершенствование управления устойчивостью бизнеса в контексте цифровой трансформации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 268–275. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-268-275

Поступила в редакцию 11.02.2025 Принята к публикации 10.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Сметанин А. С., 2025

Improvement of business sustainability management during digital transformation

Anton S. Smetanin[1] ✉

[1] Volgograd State Technical University
28 Lenin Ave., Volgograd 400005, Russian Federation

✉ e-mail: smetanin_a_s@mail.ru

Abstract

The relevance *of the study of the practice of sustainability management of modern business is explained by the increased risks for this sustainability in the context of digital transformation. Intellectual resources are critical for business sustainability, but the cause-and-effect relationships of managing these resources in the context of digital transformation are unknown and therefore need to be clarified.*

The purpose *of the article is to determine the prospects for improving business sustainability management in the context of digital transformation through the optimization of the structure of intellectual resources.*

Objectives: *to establish the contribution of each type of intellectual resources to business sustainability in the context of digital transformation; to determine the potential for increasing business sustainability in the context of digital transformation based on maximizing the use of big data and artificial intelligence.*

Methodology *involves conducting a factor analysis of business sustainability in the context of digital transformation using regression analysis, as well as forecasting the prospects for increasing this sustainability with the expanded use of big data and artificial intelligence in management.*

Results. *The contribution of intellectual resources to business sustainability is modeled. The disadvantage of the Russian business sustainability management model associated with reliance on the intellectual resources of human nature is revealed. As an alternative model, automation of management using big data and artificial intelligence, which make the greatest contribution to business sustainability, is proposed.*

Conclusions. *In the context of digital transformation, intellectual resources of a technological nature - big data and artificial intelligence - are of decisive importance for business sustainability. The prospect of improving the sustainability management model of Russian business is associated with the expanded use of automation tools in management.*

Keywords*: business sustainability; sustainability management; business management; digital transformation.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Smetanin A.S. Improvement of business sustainability management during digital transformation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2025;15(2):268–275. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-268-275

Received 11.02.2025 Accepted 11.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Современный бизнес функционирует в рыночной среде «экономики знаний». В условиях этой среды центральное место в системе ресурсного обеспечения бизнеса занимают интеллектуальные ресурсы, доступность и степень раскрытия потенциала которых является определяющим фактором эффективности и конкурентоспособности бизнеса [1]. Проблема заключается в неясности того, какие именно интеллектуальные ресурсы представляют наибольшую ценность для бизнеса, поскольку за все эти ресурсы в деловой сфере ведется ожесточенная борьба, в связи с чем их привлечение и удержание в качестве активов бизнеса являются сложными задачами, в то время как окупаемость инвестиций в эти активы не гарантирована.

Существующие знания о приложении интеллектуальных ресурсов в ме-

неджменте в условиях цифровой трансформации бизнеса бессистемны. Эта статья стремится внести вклад в решение описанной проблемы посредством укрепления научно-методической поддержки применения интеллектуальных ресурсов в менеджменте в условиях цифровой трансформации бизнеса. Цель статьи заключается в определении перспективы совершенствования управления устойчивостью бизнеса в контексте цифровой трансформации на основе больших данных и искусственного интеллекта.

Материалы и методы

В качестве теоретической базы этого исследования выступает концепция устойчивости бизнеса [2]. В соответствии с данной концепцией устойчивость бизнеса в контексте его цифровой трансформации трактуется в этой статье как успешность адаптации бизнеса к изменению рыночной конъюнктуры, осуществляемой с опорой на интеллектуальные ресурсы и выраженной в эффективности и цифровой конкурентоспособности бизнеса [3].

В результате контент-анализа существующей литературы и систематизации накопленных в ней научных знаний сформирована система факторов устойчивости бизнеса в контексте его цифровой трансформации и подобраны статистические показатели (из материалов IMD за 2023 г.[1], включая business efficiency (BSdt) как отражение устойчивости бизнеса в контексте его цифровой трансформации через призму эффективности и цифровой конкурентоспособности) для всех этих факторов:

– фактор финансового вознаграждения (материального стимулирования труда) менеджеров (обоснован такими авторами, как Ж. Ю. Коптева, И. А. Томакова, Р. А. Садиков [4]), показателем которого является remuneration of management (Hir_1);

– фактор компетентности (опытности и уровня квалификации) менеджеров (обоснован такими учеными, как О. С. Алейникова [5] и И. Е. Сарафанова [6]), показателем которого является competent senior managers (Hir_2);

– фактор уровня образования менеджеров (обоснован такими исследователями, как Е. А. Бабешко [7] и М. Г. Глухова [8]), показателем которого является management education (Hir_3);

– фактор цифровых компетенций менеджеров (обоснован такими авторами, как Т. Ю. Кротенко, [9], Д. А. Ермилина, С. Ю. Симонов [10] и А. А. Парфенов [11]), показателем которого является digital/technological skills (Hir_4);

– фактор использования больших данных и искусственного интеллекта в менеджменте (обоснован такими учеными, как В. А. Дзедик [12], Л. Ф. Никулин, В. В. Великороссов, С. А. Филин, А. Б. Ланчаков [13], С. В. Окладникова, А. С. Панкрашов [14], Е. В. Попова [15], Н. В. Пьянова, Е. А. Столярова, Р. Р. Пьянов, О. А. Крыжановская [16], Н. А. Тартышева и Б. М. Балов [17]), показателем которого является use of big data and analytics (Tir).

Выборка исследования (62 страны) находится в открытом доступе[2]. С опорой

[1] World Competitiveness Booklet 2023. URL: https://imd.cld.bz/IMD-World-Competitiveness-Booklet-2023/58/ (дата обращения: 28.01.2025); World Talent Ranking. URL: https://imd.cld.bz/IMD-World-Talent-Report-20232/40/#zoom=true (дата обращения: 28.01.2025).

[2] Smetanin A. S. Management of business sustainability during digital transformation on the basis of big data and artificial intelligence // Mendeley Data. 2023. Vol. 1. URL: https://data.mende-ley.com/datasets/8p7x4xmc2s/1 (accessed 11.01.2025). https://doi.org/10.17632/8p7x4xmc2s.1

на имеющиеся труды таких исследователей, как Ф. А. Бедненко [18], А. Гулати, Р. Бирнат [19], Д. М. Шамаев, В. В. Заяц и С. Б. Орлов [20], выдвигается гипотеза о том, что в условиях цифровой трансформации бизнеса решающее (первостепенное) значение для его устойчивости имеют интеллектуальные ресурсы технологической природы – большие данные и искусственный интеллект. Чтобы определить вклад каждого вида интеллектуальных ресурсов в устойчивость бизнеса в контексте цифровой трансформации, с помощью метода регрессионного анализа определяется регрессионная зависимость устойчивости бизнеса в рассматриваемом контексте от совокупности ее выделенных факторов.

Чтобы определить потенциал повышения устойчивости бизнеса в контексте цифровой трансформации на базе максимизации использования больших данных и искусственного интеллекта, в модель (1) подставляется максимально возможное значение показателя Tir (10 баллов). Методом трендового анализа оценивается изменение (темп прироста) данного показателя и результирующей переменной по сравнению с их текущими значениями в России.

Результаты и их обсуждение

В результате регрессионного анализа собранной статистики получена следующая модель множественной линейной регрессии:

$$BSdt = -81{,}1774 + 0{,}0559 \cdot Hir_1 + 0{,}0627 \cdot Hir_2 + 9{,}1609 \cdot Hir_3 + 2{,}2944 \cdot Hir_4 + 9{,}7427 \cdot Tir. \quad (1)$$

Модель (1) свидетельствует о том, что при увеличении финансового вознаграждения менеджеров на 1 тыс. долл. устойчивость бизнеса в контексте его цифровой трансформации возрастает на 0,0559 балла. При повышении уровня компетентности менеджеров на 1 балл устойчивость бизнеса в контексте его цифровой трансформации возрастает на 0,0627 балла. При росте уровня образования менеджеров на 1 балл устойчивость бизнеса в контексте его цифровой трансформации возрастает на 9,1609 балла.

При повышении уровня развития цифровых компетенций менеджеров на 1 балл устойчивость бизнеса в контексте его цифровой трансформации возрастает на 2,2944 балла. При росте активности использования больших данных и искусственного интеллекта в менеджменте на 1 балл устойчивость бизнеса в контексте его цифровой трансформации возрастает на 9,7427 балла.

Модель (1) доказывает выдвинутую гипотезу и подтверждает, что в условиях цифровой трансформации бизнеса решающее (первостепенное) значение для его устойчивости имеют интеллектуальные ресурсы технологической природы – большие данные и искусственный интеллект. Потенциал повышения устойчивости бизнеса в контексте цифровой трансформации на базе максимизации использования больших данных и искусственного интеллекта отражен ниже (рис. 1).

Отраженная на рисунке 1 перспектива свидетельствует о том, что повышение активности использования больших данных и искусственного интеллекта в менеджменте на 89,03% (с 5,17 балла в 2023 г. до 9,77 балла) позволит повысить устойчивость российского бизнеса в контексте его цифровой трансформации на 86,12% (с 53,28 балла в 2023 г. до 99,17 балла). Это указывает на большой потенциал повышения устойчивости бизнеса в контексте цифровой трансформации на базе максимизации использования больших данных и искусственного интеллекта.

Рис. 1. Перспектива совершенствования управления устойчивостью бизнеса в контексте цифровой трансформации на основе больших данных и искусственного интеллекта

Выводы

По итогам проведенного исследования сделаны следующие выводы. Недостатком существующей модели управления устойчивостью российского бизнеса в контексте цифровой трансформации является опора на интеллектуальные ресурсы человеческой природы. В условиях цифровой трансформации бизнеса решающее (первостепенное) значение для его устойчивости имеют интеллектуальные ресурсы технологической природы – большие данные и искусственный интеллект.

В связи с этим перспектива совершенствования модели управления устойчивостью российского бизнеса в контексте цифровой трансформации связана с ростом активности использования больших данных и искусственного интеллекта. При этом рекомендуется гибкое сочетание интеллектуальных ресурсов человеческой и технологической природы при центральной роли больших данных и искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Емельянов С. Г., Радзиевская Т. В. Модернизация российской экономики: особенности современного этапа и точки роста // Известия Юго-Западного государственного университета. 2018. № 1 (76). С. 133-141. https://doi.org/10.21869/2223-1560-2018-22-1-133-141

2. A theory of digital technology advancement to address the grand challenges of sustainable development / E. G. Popkova, Y. G. Tyurina, P. De Bernardi, B. S. Sergi // Technology in Society. 2022. Vol. 68. P. 101831.

3. Морозова И. А., Сметанина А. И., Сметанин А. С. Программно-целевой подход к управлению устойчивым развитием агробизнеса в контексте цифровой трансформации // Экономика сельского хозяйства России. 2024. № 1. С. 24-30. https://doi.org/10.32651/241-24

4. Коптева Ж. Ю., Томакова И. А., Садиков Р. А. Современные информационные технологии изучения затрат рабочего времени как важный инструмент для эффективного управления бизнес-процессами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 4. С. 202-217. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-4-202-217

5. Алейникова О. С. Лингвистическая культура и деловая коммуникация как фактор формирования профессиональной компетентности менеджера // Парадигма. 2022. № 2-2. С. 50-54.

6. Сарафанова И. Е. Концепция отбора игровых технологий для формирования организационно-управленческой компетентности менеджера // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 43-51.

7. Бабешко Е. А. Формирование управленческих компетенций будущего менеджера в условиях контекстного обучения // Экономика и предпринимательство. 2022. № 4 (141). С. 937-939.

8. Глухова М. Г. Инновационные технологии обучения менеджеров // Научно-исследовательский центр «Вектор развития». 2022. № 9. С. 142-149.

9. Krotenko T. Yu. Manager in the age of digital transformation // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2022. № 3 (61). С. 4-9.

10. Кротенко Т. Ю., Ермилина Д. А., Симонов С. Ю. Цифровые компетенции современного менеджера: анализ потребности и направления развития // Russian Journal of Management. 2022. Т. 10, № 2. С. 26-30.

11. Парфенов А. А. Проблема развития современной цифровой экономики России: дефицит менеджеров с цифровыми компетенциями // Kant. 2023. № 1 (46). С. 67-76.

12. Дзедик В. А. Важный вектор развития систем менеджмента – применение информационных технологий и искусственного интеллекта // Методы менеджмента качества. 2022. № 3. С. 14-19.

13. Искусственный интеллект и трансформация менеджмента / Л. Ф. Никулин, В. В. Великороссов, С. А. Филин, А. Б. Ланчаков // Экономический анализ: теория и практика. 2023. Т. 22, № 3 (534). С. 556-573.

14. Окладникова С. В., Панкрашов А. С. Применение технологий искусственного интеллекта в hr-менеджменте // Вестник Дагестанского государственного технического университета. Технические науки. 2023. Т. 50, № 2. С. 117-125.

15. Попова Е. В. Российский опыт внедрения искусственного интеллекта в менеджмент предприятия // Инновации и инвестиции. 2023. № 6. С. 79-82.

16. Роль искусственного интеллекта в обеспечении эффективного функционирования бизнес-процессов: современное состояние и перспективы / Н. В. Пьянова, Е. А. Столярова, Р. Р. Пьянов, О. А. Крыжановская // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 3. С. 62-72. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-3-62-72

17. Тартышева Н. А., Балов Б. М. Риск-менеджмент клиентской политики коммерческих банков ставропольского края в условиях развития технологии работы с большими данными // Научный вестник Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт». 2022. № 4. С. 44-49.

18. Бедненко Ф. А. Использование искусственного интеллекта в финансовом менеджменте организации для улучшения управления финансами // Экономика строительства. 2023. № 8. С. 43-46.

19. Гулати А., Бирнат Р. Искусственный интеллект: революция в менеджменте качества? // Методы менеджмента качества. 2023. № 8. С. 46-50.

20. Шамаев Д. М., Заяц В. В., Орлов С. Б. Менеджмент качества продуктов искусственного интеллекта и сбора больших данных в здравоохранении // Менеджмент качества в медицине. 2022. № 3. С. 81-87.

References

1. Emelianov S.G., Radzievskaya T.V. Modernization of the Russian Economy: Features of the Current Stage and Growth Points. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2018;(1):133-141. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1560-2018-22-1-133-141

2. Popkova E.G., Tyurina Y.G., De Bernardi P., Sergi B.S. A theory of digital technology advancement to address the grand challenges of sustainable development. *Technology in Society*. 2022;68:101831.

3. Morozova I.A., Smetanina A.I., Smetanin A.S. Program-targeted approach to managing sustainable development of agribusiness in the context of digital transformation. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii = Economics of Agriculture of Russia*. 2024;(1):24-30. (In Russ.) https://doi.org/10.32651/241-24

4. Kopteva Zh.Yu., Tomakova I.A., Sadikov R.A. Modern information technologies for studying working time costs as an important tool for effective business process management. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(4):202-217. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-4-202-217

5. Aleinikova O.S. Linguistic culture and business communication as a factor in the formation of professional competence of a manager. *Paradigma = Paradigm*. 2022;(2):50-54. (In Russ.)

6. Sarafanova I.E. The Concept of Selecting Gaming Technologies for the Formation of Organizational and Managerial Competence of a Manager. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2022;(3):43-51. (In Russ.)

7. Babeshko E.A. Formation of managerial competencies of a future manager in the context of contextual learning. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economy and Entrepreneurship*. 2022;(4):937-939. (In Russ.)

8. Glukhova M.G. Innovative technologies for training managers. *Nauchno-issledovatel'skiy tsentr «Vektor razvitiya» = Research Center «Vector of Development»*. 2022;(9):142-149. (In Russ.)

9. Krotenko T.Yu. Manager in the age of digital transformation. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. 2022;(3):4-9. (In Russ.)

10. Krotenko T.Yu., Ermilina D.A., Simonov S.Yu. Digital competencies of a modern manager: analysis of needs and directions of development. *Russian Journal of Management*. 2022;10(2):26-30. (In Russ.)

11. Parfenov A.A. The problem of development of the modern digital economy of Russia: shortage of managers with digital competencies. *Kant*. 2023;(1):67-76. (In Russ.)

12. Dzedik V.A. An important vector of management systems development – the application of information technologies and artificial intelligence. *Metody menedzhmenta kachestva = Quality Management Methods*. 2022;(3):14-19. (In Russ.)

13. Nikulin L.F., Velikorossov V.V., Filin S.A., Lanchakov A.B. Artificial intelligence and management transformation. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2023;22(3):556-573. (In Russ.)

14. Okladnikova S.V., Pankrashov A.S. Application of artificial intelligence technologies in hr-management. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Tekhnicheskiye nauki = Bulletin of Dagestan State Technical University. Technical Sciences*. 2023;50(2):117-125. (In Russ.)

15. Popova E.V. Russian experience of introducing artificial intelligence into enterprise management. *Innovatsii i investitsii = Innovations and Investments*. 2023;(6):79-82. (In Russ.)

16. Pyanova N.V., Stolyarova E.A., Pyanov R.R., Kryzhanovskaya O.A. The Role of Artificial Intelligence in Ensuring the Effective Functioning of Business Processes: Current Status and Prospects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(3):62-72. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-3-62-72

17. Tartysheva N.A., Balov B.M. Risk management of client policy of commercial banks of the Stavropol Territory in the context of the development of technology for working with big data. *Nauchnyy vestnik Gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Nevinnomysskiy gosudarstvennyy gumanitarno-tekhnicheskiy institute» = Scientific Bulletin of the State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Nevinnomyssk State Humanitarian and Technical Institute»*. 2022;(4):44-49. (In Russ.)

18. Bednenko F.A. Using artificial intelligence in the financial management of an organization to improve financial management. *Ekonomika stroitel'stva = Construction Economics*. 2023;(8):43-46. (In Russ.)

19. Gulati A., Birnat R. Artificial Intelligence: A Revolution in Quality Management? *Metody menedzhmenta kachestva = Quality Management Methods*. 2023;(8):46-50. (In Russ.)

20. Shamaev D.M., Zayats V.V., Orlov S.B. Quality management of artificial intelligence products and big data collection in healthcare. *Menedzhment kachestva v meditsine = Quality Management in Medicine*. 2022;(3):81-87. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Сметанин Антон Сергеевич, аспирант кафедры экономики и предпринимательства, Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация,
e-mail: smetanin_a_s@mail.ru,
Researcher ID: HII-4562-2022,
ORCID: 0000-0003-1185-7002

Anton S. Smetanin, Post-Graduate Student of the Department of Economics and Entrepreneurship, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation,
e-mail: smetanin_a_s@mail.ru,
Researcher ID: HII-4562-2022,
ORCID: 0000-0003-1185-7002

Оригинальная статья / Original article

УДК 332.14

https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-276-287

CC BY 4.0

Неоднородность региональной инфляции и ее значение для денежно-кредитной политики

С. М. Худобородов[1] ✉

[1] Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
ул. Интернациональная, д. 33, г. Тамбов 392036, Российская Федерация

✉ e-mail: s.m.khudoborodov@gmail.com

Резюме

Актуальность. *Для Банка России с 2015 г. приоритетной целью является уровень инфляции вблизи 4%. Для этого проводится единая государственная денежно-кредитная политика, которая посредством монетарных рычагов влияет на величину совокупного спроса во всей экономике. Регулятором не устанавливается сближение индекса потребительских цен с целью во всех регионах. Риск подхода без учета пространственной специфики в том, что в тех регионах, где инфляция устойчиво ниже цели, денежно-кредитная политика является более жесткой, и наоборот. Это обосновывает важность анализа неоднородности региональной инфляции и поиска возможностей устранения различий.*

Цель *– оценить и выявить причины неоднородности инфляции в регионах РФ, а также проанализировать ее значение для целей денежно-кредитной политики.*

Задачи: *рассмотреть значимость региональной неоднородности цен и ее искажающий эффект на денежно-кредитную политику; выявить и систематизировать причины; провести анализ динамики и структуры инфляции в регионах РФ; выявить причины отклонений от общестрановой динамики.*

Методология. *Были использованы: статистические методы, метод анализа источников, сравнительный метод.*

Результаты. *Региональная неоднородность инфляции связана в первую очередь с начальными различиями цен на товары и услуги, при это наблюдается устойчивая межрегиональная конвергенция цен по всем товарным группам. В различные периоды наблюдалось существенное отклонение темпов роста и уровня цен, что связано с факторами немонетарной природы, представленными как разовыми шоками, так и региональными отличиями.*

Выводы. *Степень отклонения региональной инфляции от общероссийского уровня постепенно снижалась начиная с 2000-х годов по настоящее время как в совокупности, так и в разбивке по товарным группам, что говорит о сокращении вклада региональных факторов в пользу федеральных, что обосновывает эффективность установления единой цели по денежно-кредитной политике. Обоснована необходимость дальнейшего устранения (компенсации) факторов немонетарной природы в отдельных регионах.*

Ключевые слова: *инфляция; региональная инфляция; немонетарные факторы инфляции; индекс потребительских цен; ценовая стабильность; региональная неоднородность; денежно-кредитная политика.*

Конфликт интересов: *В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных автором публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.*

Для цитирования: Худобородов С. М. Неоднородность региональной инфляции и ее значение для денежно-кредитной политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2025. Т. 15, № 2. С. 276–287. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2025-15-2-276-287

Поступила в редакцию 14.02.2025 Принята к публикации 11.03.2025 Опубликована 30.04.2025

© Худобородов С. М., 2025

Heterogeneity of regional inflation and its importance for monetary policy

Stanislav M. Khudoborodov[1] ✉

[1] Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya Str., Tambov 392036, Russian Federation

✉ e-mail: s.m.khudoborodov@gmail.com

Abstract

Relevance. *Since 2015, the Bank of Russia's priority target has been an inflation rate of around 4%. For this purpose, a unified state monetary policy is being implemented, which, through monetary levers, affects the amount of aggregate demand in the entire economy. The regulator does not establish convergence of the consumer price index with the target in all regions. The risk of an approach without taking into account spatial specifics is that in those regions where inflation is persistently below target, monetary policy is more stringent, and vice versa. This justifies the importance of analyzing the heterogeneity of regional inflation and finding ways to eliminate differences.*

The purpose *is to assess and identify the causes of the heterogeneity of inflation in the regions of the Russian Federation, as well as to analyze its significance for monetary policy purposes.*

Objectives: *to consider the significance of regional price heterogeneity and its distorting effect on monetary policy; to identify and systematize the causes; to analyze the dynamics and structure of inflation in the regions of the Russian Federation; to identify the causes of deviations from the national dynamics.*

Methodology. *The following were used: statistical methods, the method of source analysis, the comparative method.*

Results. *Regional heterogeneity of inflation is primarily associated with initial differences in prices for goods and services, while there is a stable interregional convergence of prices for all commodity groups. In different periods, there was a significant deviation in growth rates and price levels, which is associated with non-monetary factors, represented by both one-time shocks and regional differences.*

Conclusions. *The degree of deviation of regional inflation from the all-Russian level has gradually decreased since the 2000s to the present, both in aggregate and broken down by commodity groups, which indicates a reduction in the contribution of regional factors in favor of federal ones, which justifies the effectiveness of establishing a single goal for monetary policy. The need for further elimination (compensation) of non-monetary factors in individual regions is substantiated.*

Keywords*: inflation; regional inflation; non-monetary factors of inflation; consumer price index; price stability; regional heterogeneity; monetary policy.*

Conflict of interest*: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the author of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The author declares no conflict of interest related to the publication of this article.*

For citation: Khudoborodov S.M. Heterogeneity of regional inflation and its importance for monetary policy. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management.* 2025;15(2):276–287. (In Russ.) https://doi.org/10.21869/ 2223-1552-2025-15-2-276-287

Received 14.02.2025 Accepted 11.03.2025 Published 30.04.2025

***

Введение

Количественная и качественная характеристики инфляции выступают важными макроэкономическими параметрами социально-экономических систем, определяют уровень жизни общества и учитываются при проведении экономической политики.

Существуют разные подходы к определению понятия «инфляция», связанные с ее природой и причинами возникновения. Так, в работе П. С. Куклиновой, Е. Б. Дворянкиной [1], приводится несколько подходов к определению инфляции:

– с точки зрения цен инфляция – это устойчивое повышение с течением времени общего уровня цен на товары и услуги в экономике;

– с точки зрения денег можно трактовать инфляцию как обесценение денежной единицы;

– совокупное определение, включающее в себя обе предыдущие концепции: «инфляция – снижение покупательной способности денег, а формой ее проявления выступает повышение общего уровня цен» [1].

Определив понятие «инфляции», необходимо высказаться о ее оптимальном количественном уровне. Большинство исследователей сходятся во мнении, что высокая положительная инфляция отрицательно сказывается на благосостоянии общества. Так, наиболее полно причины этого аккумулированы в исследовании В. Н. Боробова, согласно которому высокие темпы роста цен приводят к подрыву покупательной способности населения и бизнеса, усугубляют экономическое неравенство между различными слоями населения, сокращают предпринимательскую и инвестиционную активность, создают риск роста безработицы и перетока трудовых ресурсов в теневой сектор, а также подрывают доверие к национальной валюте [2].

С другой стороны, неизменность цен или противоположный процесс их снижения (дефляция) также влекут за собой неблагоприятные экономические последствия. Опыт таких стран, как Япония в начале XXI в. [3] и США в период Великой депрессии [4], свидетельствует о том, что нулевая или даже отрицательная динамика цен дестимулируют инвестиционные процессы и сокращают потребительскую и деловую активность, что может сильно отклонить экономику вниз от траектории долгосрочного сбалансированного роста.

Таким образом, большинство мировых центральных банков, принявших в качестве режима денежно-кредитной политики таргетирование инфляции, отдают предпочтение поддержанию невысокого контролируемого роста общего уровня цен (1-3% для развитых стран и 2-6% в выборке развивающихся стран [5]).

Материалы и методы

Региональная неоднородность инфляции является актуальным явлением не только для крупных экономик с федеративным политическим устройством и высокой степенью различий экономик входящих субъектов (таких как Россия или США), но и для наднациональных образований, объединенных единой валютной системой (Еврозона). Устойчиво различные темпы роста цен снижают эффективность проведения единой денежно-кредитной политики. Например, в исследовании D. Quint [6], отмечается, что «стресс денежно-кредитной политики», т. е. отклонение фактических ставок Европейского ЦБ от оцениваемых с помощью правила Тейлора в странах Европы, значительно вырос после кризиса 2009 г., хотя и снижался в дальнейшем [6].

Значимость данного вопроса связана с тем, что региональная неоднородность инфляции порождает определенные проблемы для проведения экономической политики. В первую очередь различные темпы роста цен формируют разброс реальных ставок и, как результат, приводят к разной эффективности единой денежно-кредитной политики (ДКП), которая по причинам отсутствия барьеров для движения капитала внутри страны не может быть дифференцирована. Далее, неоднородность реальной стоимости денег может влиять на затраты по обслуживанию регионального долга, поскольку в субъектах с относительно низкой инфляцией при одинаковом уровне риска привлекать и обслуживать долг будет дороже [7].

Кроме того, при сильном отклонении региональной инфляции вниз от общего уровня экономика данной территории может столкнуться с эффектом «дефляционной спирали»: снижение цен в условиях жесткости издержек (в первую очередь заработных плат) приводит к сокращению прибыли, выпуска и росту безработицы, что сокращает спрос еще сильнее, загоняя экономику в ловушку. Еще

один фактор нашел отражение в исследовании G. W. Beck et al. и связан с эффектами для бизнеса: так, производители товаров в торгуемых секторах экономики в регионах с относительно низкой инфляцией выигрывают за счет меньшего роста издержек в сравнении с конкурентами в регионах с высокой инфляцией [8].

В последние годы опубликовано несколько исследований, пытающихся объяснить региональную неоднородность роста цен в условиях российской экономики.

В работе Ю. Перевышина, Д. Егорова на данных по инфляции в регионах России в 2002-2015 гг. сделан вывод о том, что пространственные различия темпов роста цен связаны с различной реакцией региональных экономик на общестрановые шоки. Неоднородная реакция инфляции в регионах вызвана наличием специфических (региональных) факторов, которые необходимо устранять мерами экономической политики для синхронизации темпов роста цен. Вместе с тем сделано предположение о том, что часть региональных факторов связана с объективными причинами (например, географическим расположением) и полностью устранить их может быть невозможно [9].

В докладе коллектива авторов Банка России (Е. Дерюгина и др.) специфический фактор разделяется на собственно региональную и идиосинкразическую компоненты. Под региональным фактором понимается общее отклонение всех цен в регионе и им объясняется только 4% дисперсии инфляции по регионам на данных 2003-2016 гг. Вместе с тем на идиосинкразический фактор, т. е. свойственный только конкретному товару в конкретном регионе, приходится 38%, что примерно равно вкладу от общероссийской компоненты. Наибольший вклад данного фактора отмечается в регионах Дальнего Востока и Северного Кавказа, а также отдельных регионах без конкретной территориальной привязки (Белгородская обл., Саратовская обл., Мурманска обл.) [10].

В исследовании М. И. Жемкова в качестве основной причины региональной неоднородности инфляции проверяется и подтверждается гипотеза различий роста производительности в торгуемых и неторгуемых секторах (эффект Балассы-Самуэльсона). Второстепенными, но значимыми причинами также признаны эффективный валютный курс, уровень запасов и денежных доходов населения [11]. Вместе с тем существуют работы, опирающиеся на модельный аппарат, в которых отвергается влияние эффекта Балассы-Самуэльсона на уровне отдельных регионов, например [12].

В разбивке по компонентам потребительской корзины А. М. Кириллов в своем исследовании построил модель с пространственными лагами (SAR) на панельных данных по инфляции в сегменте продовольственных товаров и получил значимые оценки пространственной корреляции между регионами, снижающейся по мере роста расстояния между столицами субъектов. Кроме того, получена статистически значимая положительная связь между темпами роста цен на продовольственные товары и с индексом реального ВРП и тарифами на грузоперевозки [13].

Отдельный вопрос в сегменте торгуемых товаров связан с наличием или отсутствием эффекта переноса валютного курса и связанных с ним возможных пространственных неоднородностей. Единого мнения в научном сообществе на этот счет пока не сложилось. В исследовании В. И. Жураковского и др. в модели векторной авторегрессии (VAR) авторами не обнаружено наличия значимой региональной неоднородности эффекта переноса валютного курса в цены импортных товаров. Сделан вывод о том, что величина эффекта переноса определяется федеральными факторами, а цены потребительских товаров обладают незеркальной эластичностью по курсу: так, цены реагируют сильнее на снижение курса, чем на его рост [14]. Однако в работе

Е. Н. Корнейченко и др. выдвинута аналогичная гипотеза наличия региональной неоднородности эффекта переноса, и в модели импульсного отклика на панельных данных 2003-2021 гг. она подтверждается. Более того, в сегменте продовольственных товаров в краткосрочном периоде подтверждается пространственная взаимосвязь указанного эффекта. При этом в сегментах непродовольственных товаров и услуг эффект переноса признан однородным [15]. Величина эффекта переноса в регионе зависит в краткосрочной перспективе – от доли импортных товаров в потреблении, а в среднесрочном – от доли экономики субъекта в общестрановом ВВП [16].

Важный второстепенный фактор – демографические различия регионов. В исследовании Е. С. Шевченко с использованием глобальных индексов пространственной автокорреляции анализируется влияние демографических процессов на уровень инфляции. Получены значимые результаты о том, что население младше трудоспособного возраста оказывает дефляционное воздействие из-за низкой занятости, а доли трудоспособного и старше трудоспособного возрастов – проинфляционное воздействие, что объясняется низким уровнем формируемых сбережений [17].

В исследовании О. Лепехина проведен анализ региональной конвергенции темпов роста цен на продовольствие за 2013-2022 гг. На основе эконометрических оценок автором получены результаты, сходные с теми, что отражены в настоящем исследовании. Ключевыми барьерами в дальнейшем сближении темпов инфляции в субъектах РФ автором называются различия в структуре потребления, транспортно-логистической доступности и высокая доля теневого сектора в отдельных регионах [18].

Таким образом, выдвинем следующие гипотезы о региональных различиях инфляционных процессов:

– регионы имеют различную структуру потребления, что связано с различиями в уровне жизни, а также объективными факторами (культурные особенности, географическое положение, климат и др.);

– уровень цен в регионе прямо зависит от его транспортной доступности;

– из-за неоднородности отраслевой структуры экономики регионов они могут находиться на разных этапах экономического цикла, что определяет величину потребительского спроса, а также предложения отдельных товаров как в нем самом, так и в смежных регионах.

Далее, произведем расчеты динамики общестрановых показателей инфляции на данных 2000-2023 гг., а также региональных отклонений. В расчет не включены данные по Чеченской Республике, Республике Крым и г. Севастополю, однако последние будут рассмотрены отдельно. Кроме того, из-за отсутствия валидных данных из рассмотрения исключена группа новых регионов. Данные по автономным округам включены в расчеты регионов, к которым они относятся (Архангельская область, Тюменская область). В качестве количественной оценки отклонения мы возьмем интерквартильный размах (IQR) как разность между I и III квартилями выборки по каждому исследуемому году. Динамика данного показателя позволит увидеть, насколько изменчива неоднородность выборки вокруг среднего значения.

Результаты и их обсуждение

По данным рисунка 1 мы видим сокращение IQR в периоды стабильного сокращения инфляции и его расширение в периоды ускорения темпов роста цен, совпадающие с основными кризисами последнего двадцатилетия в российской экономике (2008 г., 2015 г., 2022 г.). В рассматриваемый период наибольший IQR наблюдался в 2000 г., когда он составлял 3,55 п.п., постепенно сокращаясь до 2006 г., когда он достиг 1,47 п.п. Во втором десятилетии XXI в. (за исключением периода 2014-2015 гг.) IQR находился вблизи 1 п.п., а в период 2017-

2020 гг. находился в диапазоне 0,81-0,95 п.п. В 2023 г. IQR снова снизился до 0,94 п.п.

С 2000 по 2023 гг. общий уровень цен по РФ вырос в 8,9 раза, максимально – в Республике Ингушетия (в 11,6 раза), Ульяновской области (в 11,4 раза) и Калужской области (в 11,1 раза), а минимально – в Тюменской области (в 7,4 раза), Якутии (в 7,5 раза), Оренбургской (в 7,6 раза) и Саратовской областях (в 7,6 раза). Аналогичные расчеты мы провели на последнем десятилетии (2014-2023 гг.) уже с полной выборкой регионов. За это период цены по РФ выросли ровно в 2 раза, более всего – в Республике Крым (в 3 раза) и г. Севастополе (в 2,8 раза), а наименьший рост зафиксирован в Чукотском АО (на 63,5%) и Тюменской области (на 74,7%).

На рисунке 2 приведем значение базового индекса потребительских цен (БИПЦ, данные с 2004 г.).

Для инфляции по устойчивым компонентам выводы аналогичные (сокращение IQR при снижении инфляции и рост в кризисные периоды). Единственное отличие – в данных за 2023 г.: в терминах базовой инфляции произошло снижение IQR (1,4 п.п.) относительно уровня 2021-2022 гг. (1,8-1,9 п.п.), но он еще значительно выше уровня 2017-2020 гг. (0,8 п.п. в среднем за указанный период), что свидетельствует о том, что экономика неоднородно перестраивается под новые условия.

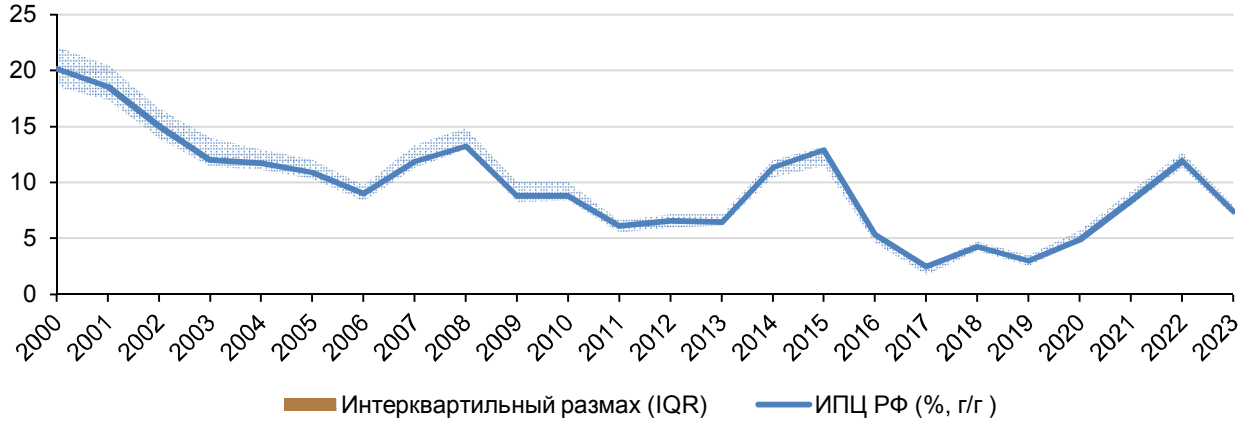

Рис. 1. Индекс потребительских цен в России в 2000-2023 гг., %[1]

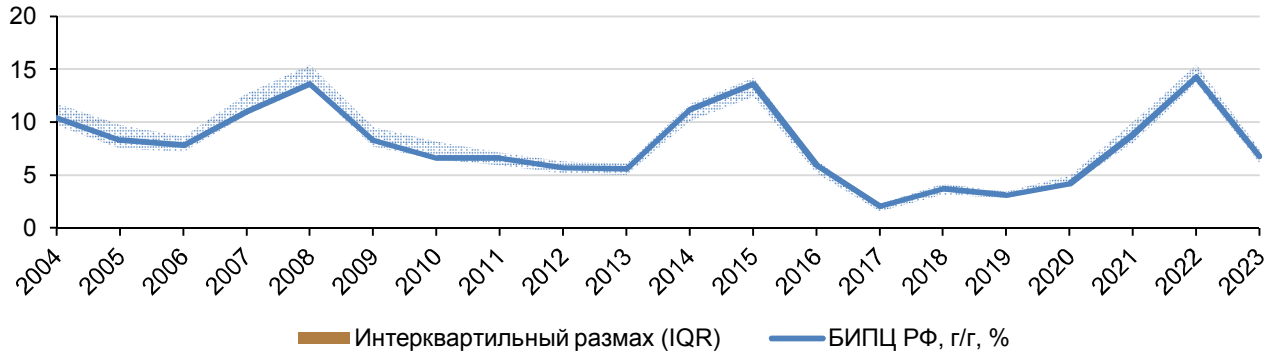

Рис. 2. Базовый индекс потребительских цен в России в 2004-2023 гг.[1]

[1] Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 10.01.2025).

Далее, мы проверим гипотезу о наличии устойчивых отклонений темпов роста ИПЦ от общероссийских значений. Так, в Калужской области годовые темпы роста ИПЦ в декабре к декабрю предшествующего года превышали аналогичное значение по РФ 21 раз (за 24 периода наблюдений), в Брянской и Ивановской областях – по 20 раз. Менее всего это происходило в Саратовской области (3 раза), Оренбургской области (4 раза), а также Новосибирской области и Республике Татарстан (по 5 раз).

Частично неоднородность темпов прироста цен можно объяснить различной структурой потребления в разных регионах, использующейся Росстатом для расчета ИПЦ[1]. Например, в структуре потребительских расходов населения для расчета ИПЦ на 2024 г. по сгруппированным компонентам доля продовольственных товаров колеблется от 30,9% в Республике Адыгея до 59,6% в Республике Дагестан, по непродовольственным товарам – от 24,5% в Дагестане до 44% в Республике Алтай, а по услугам – от 15,9% в Дагестане до 34,9% в Москве. По микрокомпонентам из 566 позиций 149 не представлены хотя бы в одном регионе, более всего: проезд в метро (рассчитывается только в 9 регионах), обращение с ТКО (15 регионов), проезд в сидячих вагонах (21 регион), газ сжиженный (26 регионов) и др. Но даже по компонентам, которые представлены во всех субъектах, разрыв потребления составляет минимум 3,1-3,2 раза (носки мужские, макаронные изделия), а максимально – 1216 раз (полет в салоне экономического класса в Республике Адыгея и Сахалинской области).

Далее выдвинем и рассмотрим гипотезу о том, что отклонения динамики ИПЦ от среднероссийского уровня также могут быть связаны с эффектом базы, который постепенно сокращается, т. е. мы наблюдаем постепенную конвергенцию к выполнению закона единой цены.

Для этого используем для анализа также другой показатель, характеризующий изменение цен, – стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Данный метод также не лишен своих недостатков, поскольку, как мы подробно рассмотрели выше, в реальности потребительские корзины по регионам сильно отличаются. Однако таким образом мы постараемся исключить влияние региональной неоднородности потребления. Ряд данных по стоимости фиксированного набора начинается с 2002 г. В наблюдаемый период существенно сократился разброс значений стоимости фиксированного набора в регионах: если в 2002 г. разрыв между стоимостью самого дорого и самого дешевого набора в регионах РФ составлял 2,7 раза (от 2 568,1 руб. во Владимирской области до 7 016,8 руб. в Чукотском АО), то к 2023 г. отношение сократилось до 1,9 раза (от 18 361,9 руб. в Астраханской области до 35 520,3 в Чукотском АО).

Кроме того, мы проверили динамику стоимости фиксированного набора в регионах относительно его средней стоимости по РФ и получили три региональные группы: в 41 регионе стоимость фиксированного набора всегда была ниже РФ, в 18 регионах в 20-22 наблюдениях была строго выше в течение всего рассматриваемого временного отрезка, а в оставшихся 20 регионах превышала значение по РФ от 1 года до 16 лет (всего 22 наблюдения по каждому региону). К первой группе относятся регионы Центра (кроме Московской агломерации), большая часть регионов Юга и Поволжья. Во второй группе оказались Москва, Санкт-Петербург, Московская область, а также регионы Севера и Дальнего Востока.

[1] Об утверждении Официальной статистической методологии наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен: Приказ Росстата от 15.12.2021 г. № 915: [ред. от 22.07.2022 г.]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404082/ (дата обращения: 17.01.2025).

Далее мы выделили регионы, которые наиболее значимо изменили свою позицию в рейтинге стоимости фиксированного набора относительно средней по РФ. Мы рассчитали квадратичное отклонение по каждому региону на данных за 2002 г. и 2023 г. В 14 случаях из 79 регионов динамика стоимости фиксированного набора привела к увеличению квадратичного отклонения его цены от общероссийского значения. В 37 случаях отклонение снизилось. В 28 случаях значимого изменения не отмечается. Причем наиболее значимые изменения приводили именно к конвергенции региона с общестрановым показателем. Так, в Чукотском АО в 2002 г. отклонение цены фиксированного набора от РФ составляло 2,2 раза, а в 2023 г. – 1,7 раза. С обратной стороны – во Владимирской области в 2002 г. стоимость фиксированного набора была на 20% ниже средней по РФ, а в 2023 г. – осталась ниже, но всего на 2%.

Аналогично ситуацию с ускоренными темпами роста цен можно объяснить и в Крымском регионе: в 2015 г. средняя стоимость фиксированного набора в Крыму была ниже, чем в РФ на 12%, а в Севастополе – на 16%. В 2023 г. разница составила всего 4% и 1% соответственно.

В работе С. Г. Синельникова-Мурылева [7] приводится обзор ряда исследований, посвященных неоднородности цен в странах Европейского союза, и сделан следующий вывод: «В первые несколько лет после присоединения (к ЕС. – *Авт.*) выделяют такой факт, как конвергенция цен на торгуемые товары. Если в определенном регионе по каким-то причинам уровень цен оказался ниже, чем в других регионах, то в этом регионе будет наблюдаться более высокая инфляция, позволяющая ценам в этом регионе “догнать” цены в остальных регионах» [3]. Мы подтвердили этот тезис на данных по Крымскому региону и РФ.

Для углубления анализа рассмотрим динамику отдельных компонентов ИПЦ. На рисунке 3 мы приведем динамику инфляции по РФ и величину IQR по товарным группам: продовольственные, непродовольственные товары и услуги.

Ряды по укрупненным компонентам ИПЦ отличаются неоднородностью, но прослеживаются и общие тенденции: так на рядах по продовольственным и непродовольственным товарам прослеживаются три значимых скачка, соответствующие кризисам 2008, 2015 и 2022 гг.

В сегменте продовольственных товаров кризисные скачки более продолжительные (как правило, по 2 года против годовых всплесков в непродовольственном сегменте), а также начинаются значительно раньше. В кризисные периоды непродовольственные товары дорожают вслед за девальвацией рубля, но с некоторым лагом после исчерпания запасов готовой продукции. В сегменте продовольственных товаров не выявлено субъектов, где темпы роста ИПЦ устойчиво отклоняются от общероссийских значений. Минимальные 3 раза инфляция была выше в Саратовской области, а максимальные 16 раз – в Краснодарском крае. В сегменте непродовольственных товаров минимальные 4 раза – в Татарстане, Саратовской и Новосибирской областях. Выделяется единственный регион, где инфляция была выше средних по РФ все 20 лет наблюдений (2004-2023 гг.) – это Калужская область. В литературе не удалось найти исчерпывающее объяснение полученным результатам, но на основе данных по структуре ВРП (преобладание обрабатывающих секторов, в частности машиностроения и тяжелой промышленности) можно сделать вывод о возможном действии эффекта Балассы-Самуэльсона на неторгуемые отрасли и высокой доли завозной, в частности иногородней, продукции. Кроме того, произведенные нами расчеты динамики стоимости фиксированного набора в регионах показывают конвергенцию цен в Калужской области со средними ценами по РФ.

В ряду услуг мы наблюдаем заметное сокращение как годовых темпов роста цен, так и IQR в рассматриваемом пе-

риоде. Доля услуг в потребительской корзине по РФ с начала нулевых до 2018 г. выросла приблизительно в 2 раза. На динамике ИПЦ сферы услуг не так сильно отражаются кризисные эффекты (значимый всплеск можно наблюдать только в 2022 г., но он больше связан с переносом индексации тарифов ЖКУ с 2023 г. на декабрь предшествующего года). Связано это с тем, что большая часть корзины услуг связано с регулируемыми тарифами: ЖКУ, транспорт, образование и др. Также в сегменте услуг не выявлено регионов с постоянным отклонением динамики ИПЦ от среднероссийского уровня: максимальные 15 раз зафиксированы в Нижегородской области, минимальные 2 раза – в Тюменской области.

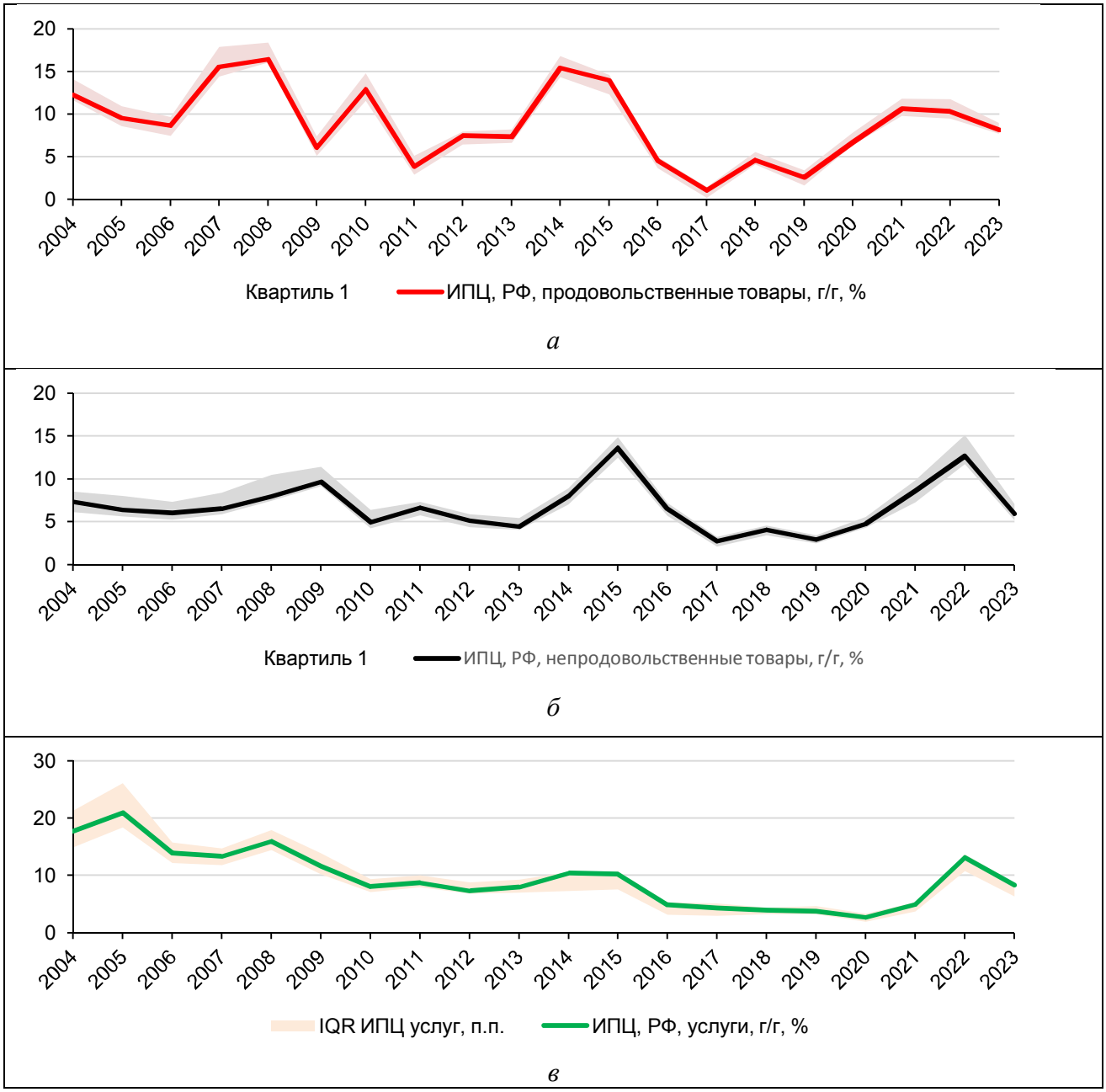

Рис. 3. Индекс потребительских цен в России и величина интерквартильного размаха в 2004-2023 гг., %: *а* – продовольственные товары; *б* – непродовольственные товары; *в* – услуги[1]

[1] Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 10.01.2025).

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют о том, что региональная неоднородность инфляции связана в первую очередь с начальными различиями цен на товары и услуги и их постепенным сокращением с течением времени (эффект конвергенции). Схожие выводы содержатся в ряде исследований других авторов. Помимо этого, на различную динамику инфляции в субъектах РФ влияют объективные факторы немонетарной природы (географическое положение, разница в уровне жизни, структура потребительской корзины), полностью устранить которые невозможно, но можно снизить их влияние путем проведения экономической и социальной политики, направленной на сокращение неравенства, а также повышение транспортно-логистической доступности отдаленных регионов.

Проведенные расчеты показывают, что степень отклонения региональной инфляции от общероссийского уровня постепенно снижалась в последние годы как в совокупности, так и в разбивке по товарным группам, что говорит о сокращении вклада региональных факторов в пользу федеральных и подтверждает эффективность выбора Банком России формата цели по инфляции на общестрановом уровне для достижения общей ценовой стабильности.

Список литературы

1. Куклинова П. С., Дворядкина Е. Б. Инфляция в системе факторов регионального экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 240, № 2. С. 348–368.

2. Боробов В. Н. Взаимосвязь безработицы и инфляции как факторов макроэкономической нестабильности // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 8 (73). С. 57-60.

3. Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «Японской болезни» // Век глобализации. 2014. № 2. С. 14-31.

4. Великая депрессия 1929-1933 гг.: становление подходов к макроэкономическому регулированию в условиях кризиса / Э. М. Сандоян, А. Б. Егиазарян, М. А. Восканян, А. Г. Галстян, Г. А. Григорян // Вопросы управления. 2021. № 3 (70). С. 49-60.

5. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов. М.: Банк России, 2024. С. 152.

6. Quint D. Is it really more dispersed? Measuring and comparing the stress from the common monetary policy in the euro area // International Economics and Economic Policy. 2016. Vol. 13. P. 593–621.

7. Синельников-Мурылев С. Г., Перевышин Ю. Н., Трунин П. В. Различия темпов роста потребительских цен в российских регионах: эмпирический анализ // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 4. С. 479–493.

8. Beck Guenter W., Hubrich Kirstin, Marcellino Massimiliano. Regional inflation dynamics within and across euro area countries and a comparison with the United States // Economic Policy. 2009. Vol. 24. P. 141-184.

9. Перевышин Ю., Егоров Д. Влияние общероссийских факторов на региональную инфляцию // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23, № 10. С. 44–50.

10. Отраслевые и региональные факторы инфляции в России / Е. Дерюгина, Н. Карлова, А. Пономаренко, А. Цветкова // Серия докладов об экономических исследованиях. 2018. № 36. С. 1-33.

11. Жемков М. И. Региональные эффекты таргетирования инфляции в России: факторы неоднородности и структурные уровни инфляции // Вопросы экономики. 2019. № 9. С. 70-89.

12. Серков Л. А. Межрегиональный инфляционный дифференциал как следствие неоднородности российского экономического пространства // Экономика региона. 2020. № 1. С. 325-339.

13. Кириллов А. М. Инфляция цен на продовольственные товары в регионах России: пространственный анализ // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 41–58.

14. Жураковский В. П., Новопашина А. Н., Тарантаев А. Д. Региональная разнородность эффекта переноса валютного курса на инфляцию: серия докладов об экономических исследованиях / Центральный банк Российской Федерации. М., 2021. 78 с.

15. Корнейченко Е. Н., Новопашина А. Н., Пыхтеев Ю. Н. Эффект переноса валютного курса в потребительские цены в регионах России: поиск пространственных взаимосвязей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, № 4. С. 398-409.

16. Тогузова И. З., Киргуев А. Т. Влияние монетарной политики на дифференциацию социально-экономического пространства регионов России // Фундаментальные исследования. 2021. № 10. С. 66-70.

17. Шевченко Е. С. Влияние демографических процессов на уровень инфляции в регионах России // Пространственная экономика. 2021. № 1. С. 123-143.

18. Лепехин О. Конвергенция темпов роста цен на продовольственные товары в регионах России // Деньги и кредит. 2024. № 3 (83). С. 3–22.

References

1. Kuklinova P.S., Dvoryadkina E.B. Inflation in the system of factors of regional economic development. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2023;240(2):348–368. (In Russ.)

2. Borobov V.N. The relationship between unemployment and inflation as factors of macroeconomic instability. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the Development of Science and Education*. 2021;(8):57-60. (In Russ.)

3. Grinin L.E., Korotaev A.V. Inflationary and deflationary trends in the global economy, or the spread of the «Japanese disease». *Vek globalizatsii = The Age of Globalization*. 2014;(2):14-31. (In Russ.)

4. Sandoyan E.M., Egiazaryan A.B., Voskanyan M.A., Galstyan A.G., Grigoryan G.A. The Great Depression of 1929-1933: the formation of approaches to macroeconomic regulation in the context of crisis. *Voprosy upravleniya = Issues of Management*. 2021;(3):49-60 (In Russ.)

5. Main directions of the unified state monetary policy for 2025 and the period of 2026 and 2027. Moscow: Bank of Russia; 2024. P. 152 (In Russ.)

6. Quint D. Is it really more dispersed? Measuring and comparing the stress from the common monetary policy in the euro area. *International Economics and Economic Policy*. 2016;13:593–621.

7. Sinelnikov-Murylev S.G., Perevyshin Yu.N., Trunin P.V. Differences in consumer price growth rates in Russian regions: an empirical analysis. *Ekonomika regiona = Regional Economy*. 2020;16(4):479–493. (In Russ.)

8. Beck Guenter W., Hubrich Kirstin, Marcellino Massimiliano. Regional inflation dynamics within and across euro area countries and a comparison with the United States. *Economic Policy*. 2009;24:141-184.

9. Perevyshin Yu., Egorov D. The Impact of All-Russian Factors on Regional Inflation. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic Development of Russia*. 2016;23(10):44–50. (In Russ.)

10. Deryugina E., Karlova N., Ponomarenko A., Tsvetkova A. Sectoral and Regional Factors of Inflation in Russia. *Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniyakh = Series of Reports on Economic Research*. 2018;(36):1-33 (In Russ.)

11. Zhemkov M.I. Regional effects of inflation targeting in russia: heterogeneity factors and structural levels of inflation. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2019;(9):70-89. (In Russ.)

12. Serkov L.A. Interregional inflation differential as a consequence of the heterogeneity of the Russian economic space. *Ekonomika regiona = Economy of the Region*. 2020;(1):325-339. (In Russ.)

13. Kirillov A.M. Food price inflation in the regions of russia: spatial analysis. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2017;(4):41–58. (In Russ.)

14. Zhurakovsky V.P., Novopashina A.N., Tarantaev A.D. Regional heterogeneity of the exchange rate pass-through effect to inflation: series of reports on economic research. Moscow: Tsentral'nyi bank Rossiiskoi Federatsii; 2021 78 p. (In Russ.)

15. Korneichenko E.N., Novopashina A.N., Pykhteev Yu.N. The effect of exchange rate pass-through to consumer prices in the regions of Russia: the search for spatial relationships. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Bulletin of the Saratov University. A New Series. Series: Economy. Management. Right*. 2021;21(4):398-409. (In Russ.)

16. Toguzova I.Z., Kirguev A.T. The influence of monetary policy on the differentiation of the socio-economic space of Russian regions. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2021;(10):66-70 (In Russ.)

17. Shevchenko E.S. The influence of demographic processes on the level of inflation in the regions of Russia. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economy*. 2021;(1):123-143 (In Russ.)

18. Lepekhin O. Convergence of growth rates of food prices in the regions of Russia. *Den'gi i kredit = Money and Credit*. 2024;(3):3–22. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Худобородов Станислав Михайлович, старший преподаватель кафедры стратегического развития экономики, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация,
e-mail: s.m.khudoborodov@gmail.com,
Researcher ID: KHV-0475-2024,
ORCID: 0009-0003-3876-1243

Stanislav M. Khudoborodov, Senior Lecturer of the Department of Strategic Economic Development, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation,
e-mail: s.m.khudoborodov@gmail.com,
Researcher ID: KHV-0475-2024,
ORCID: 0009-0003-3876-1243

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2 Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;
- разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа.
- сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);
- лицензионный договор.

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Публикация бесплатная.**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны-2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов), места работы (полностью), почтового адреса места работы, электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, список литературы. Авторы, название, аннотация и ключевые слова, список литературы приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается аннотация (200-250 слов), отражающая краткое содержание статьи. Аннотация должна быть рубрицирована (актуальность, цель, задачи, методология, результаты, выводы). Текст статьи должен иметь следующую структуру: введение, материалы и методы, результаты и их обсуждение, выводы (рекомендации).

Например:

> УДК 004.9:519.8
>
> **Построение модели прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия**
>
> **А.Л. Иванов**[1] ✉
>
> [1] Юго-Западный государственный университет
> ул. 50 лет Октября 94, г. Курск, 305040, Российская Федерация
>
> ✉ e-mail: ivanov@gmail.com
>
> **Актуальность**. В статье рассматривается агентная модель прогнозирования обеспеченности кадрами градообразующего предприятия, основанная на структуризации поведения агента и определения влияния его внутреннего представления об окружающем мире на его деятельность.
> ...
>
> **Ключевые слова:** агентное моделирование; градообразующее предприятие; событие.

В конце статьи приводятся сведения об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя, отчество полностью, ученое звание, ученая степень, должность, организация, город, страна, e-mail, ORCID, Researshed и т.д.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

12. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г.Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: **https://swsu.ru/izvestiya/serieseconom/.**